

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 19. № 1

2020

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Речевой конфликт и вопросы судебной лингвистики»
“Speech Conflict and Issues of Forensic Linguistics”

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 19. No. 1

2020

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index**; **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **EBSCO** (USA), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **EBSCO** (США), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020

Том 19. № 1

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2020

Volume 19. No. 1

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
LINGUISTICS

2020. Vol. 19. No. 1

Academic Periodical

First published in 1996

Since 2020 the journal has been published 6 times a year

Mainstream issue:

“Speech Conflict and Issues of Forensic Linguistics”

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikeev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *S. Vogeler* (Brussels, Belgium);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Assoc. Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, Ukraine);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *M.V. Rassakhatskaya, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, Yu.V. Chemeteva*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing Jan. 27, 2020.

Date of publication Mar. 20, 2020. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 18.4. Published pages 19.8.

Number of copies 500 (1st duplicate 1–52).

Order 55. «C» 2.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St. 32, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2020. Т. 19. № 1

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

С 2020 года журнал выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Речевой конфликт и вопросы судебной лингвистики»

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);

д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *М.В. Рассахатская,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов:
О.С. Волкова, Ю.В. Чеметева

Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 27.01 2020 г.

Дата выхода в свет 20.03 2020 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 18,4.
Уч.-изд. л. 19,8. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–52).

Заказ 55. «С» 2.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>
Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА:

«РЕЧЕВОЙ КОНФЛИКТ И ВОПРОСЫ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИКИ»

- Ратмайр Р.* Стратегии снятия или смягчения конфликта: потенциал речевого акта извинения в аспекте межкультурной прагматики 6
- Кара-Мурза Е.С.* Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) 18
- Баласникова О.В., Уфимцева Н.В.* «Конфликтотенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии 28
- Иссерс О.С.* Коммуникативно-прагматические эффекты негативного прогноза в аспекте установления неприличной формы высказывания 41
- Дускаева Л.Р.* Дискурсивный анализ текстов националистической направленности в практике проведения лингвистической экспертизы 52
- Баранов А.Н.* Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике «закрытых» дискурсов 64
- Литвинова Т.А., Громова А.В.* Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования 77
- Попов Д.Д., Попова В.А.* Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы 89
- Горбачева А.В., Нестерова Т.В., Осадчий М.А.* Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов 102
- Ионова С.В., Огорелков И.В.* Речевая диагностика личности по гендерному признаку в автороведении: квантитативный подход 115

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Дубовский Ю.А., Заграевская Т.Б.* Русскоязычные композитные образования с заимствованным компонентом в бизнес-коммуникации 128
- Радбиль Т.Б., Помазов А.И.* Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета 140

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Герон Ж.* Синтаксис и семантика структуры перфекта: сравнительный анализ [На англ. яз.] 154

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Соколова Н.В.* Перевод маркетинговых текстов сферы информационных технологий: лингвопрагматические факторы [На англ. яз.] 167

ДИСКУССИИ

- Ерофеева И.В., Соловьев В.Д., Байрашева В.Р.* Психосемантический эксперимент как инструмент объективации данных о синонимии (на материале русского языка) 178

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE: “SPEECH CONFLICT AND ISSUES OF FORENSIC LINGUISTICS”

- Rathmayr R.* Strategies of Conflict Resolution and Mitigation: The Potential of the Speech Act of Apologizing in the Perspective of Intercultural Pragmatics 6
- Kara-Murza E.S.* Linguoconflictology and Conflicts in Russian Media (Analysis of Double Case) 18
- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V.* “Conflictogenic Zones” of Language Consciousness in Intercultural Communication 28
- Issers O.S.* Communicative and Pragmatic Effects of a Negative Forecast in Terms of Determining an Indecent Utterance 41
- Duskaeva L.R.* Discourse Analysis in Linguistic Expertise of Media Texts with Nationalistic Content 52
- Baranov A.N.* Speech and Gesture in Forensic Linguistics in Bribery Case: Towards Semantics and Pragmatics of “Closed” Discourses 64
- Litvinova T.A., Gromova A.V.* Current Problems of Forensic Authorship Analysis and the Possibility of Their Solution with the Use of Computer Methods: Problems and Prospects 77
- Popov D.D., Popova V.A.* Linguistic Personology – Potential in Phonoscopic Expertise 89
- Gorbacheva A.V., Nesterova T.N., Osadchiy M.A.* On Forensic Linguists and Non-Experts Interpretation of Multimodal Texts 102
- Ionova S.V., Ogorelkov I.V.* Personality Speech Diagnostics in Author Identification Based on Gender Parameter: Quantitative Approach 115

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Dubovsky Yu.A., Zagrayevskaya T.B.* Russian Composite Words with a Borrowed Component in Business-Communication 128
- Radbil T.B., Pomazov A.I.* Precedent Phenomena as Means of Establishing Attractiveness in Polycode Internet Text 140

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES**

Guéron J. The Syntax and Semantics
of the Perfect Structure: A Comparative Approach 154

MATERIALS AND REPORTS

Sokolova N.V. Translation of IT Marketing Texts:
Linguistic and Pragmatic Factors 167

DISCUSSIONS

Erofeeva I.V., Solovyev V.D., Bajrasheva V.R.
Psychosemantic Experiment
as a Tool for Objectification of the Data
for the Ways of Representing Synonymy
in a Modern Russian Language 178

www.volsu.ru

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.1>

UDC 81'42:316.485.6
LBC 81.006

Submitted: 09.11.2019
Accepted: 27.12.2019

STRATEGIES OF CONFLICT RESOLUTION AND MITIGATION: THE POTENTIAL OF THE SPEECH ACT OF APOLOGIZING IN THE PERSPECTIVE OF INTERCULTURAL PRAGMATICS

Renate Rathmayr

Vienna University of Economics and Business, Vienna, Austria

Abstract. The article considers the linguistic and communicative nature of an apology (a request for forgiveness) as a corrective action that is aimed at preventing or mitigating conflict. By analyzing speech situations from Russian and Austrian culture and their illustrations in literary sources, it is established that apology occupies an intermediate position between performative and non-performative utterance. There have been recorded the situations, where even serious damage can be removed by an apology or an apology in combination with compensation. There are three categories of apologies: metacommunicative, conventional and substantive apologies. The latter two are described in the article. The hypothesis of the study is substantiated by the thesis that the apology depends not only on the severity of the damage, but also on the traditions of culture and peculiarities of the communicative situation. This issue is one of the insufficiently studied questions of linguistics. The article allocates the cultural universals of apologetic speech actions and culturally specific features of apology situations in Russian and Austrian cultures. It is shown that in the sphere of politics, even decades after the infliction of serious harm, a sincere apology for an insult or violation of the norms of behavior, uttered by the responsible person or his descendant, can be the basis for improving inter-state relations.

Key words: speech act of apology, conflict, aggression, conflict prevention, conflict mitigation, Russian culture, Austrian culture, comparative pragmatics.

Citation. Rathmayr R. Strategies of Conflict Resolution and Mitigation: The Potential of the Speech Act of Apologizing in the Perspective of Intercultural Pragmatics. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 6-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.1>

УДК 81'42:316.485.6
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 09.11.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

СТРАТЕГИИ СНЯТИЯ ИЛИ СМЯГЧЕНИЯ КОНФЛИКТА: ПОТЕНЦИАЛ РЕЧЕВОГО АКТА ИЗВИНЕНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ПРАГМАТИКИ

Ренате Ратмайр

Венский экономический университет, г. Вена, Австрия

Аннотация. В статье рассматривается лингвистическая и коммуникативная специфика извинения (просьбы о прощении) как корректирующего действия, направленного на предотвращение или смягчение конфликта. Анализ речевых ситуаций извинения в русской и австрийской культурах позволил сделать вывод

о том, что в некоторых ситуациях извинение занимает промежуточное положение между перформативным и неперформативным высказыванием. Отмечены случаи, когда даже тяжелый ущерб можно снять извинением или извинением в сочетании с возмещением ущерба и другими компенсационными мерами. Из трех категорий извинений, выделенных автором ранее (метакоммуникативные, конвенциональные и извинения по существу), в статье охарактеризованы конвенциональные и извинения по существу. В результате анализа коммуникативных ситуаций, проведенного с использованием методов контрастивной, сопоставительной и межкультурной прагматики, подтверждена авторская гипотеза о том, что извинение зависит не только от тяжести нанесенного ущерба, но и от традиций культуры и особенностей коммуникативной ситуации. В статье выделены культурные универсалии извинительных речевых действий и культурно-специфические признаки ситуаций извинения в русской и австрийской культурах. Показано, что в сфере политики даже спустя несколько десятилетий после нанесения тяжелого ущерба искреннее извинение за оскорбление или нарушение норм поведения, произнесенное ответственным лицом или его потомком, может быть основой для улучшения межгосударственных отношений.

Ключевые слова: речевой акт извинения, конфликт, агрессия, предотвращение конфликта, смягчение конфликта, русская культура, австрийская культура, сопоставительная прагматика.

Цитирование. Ратмайр Р. Стратегии снятия или смягчения конфликта: потенциал речевого акта извинения в аспекте межкультурной прагматики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.1>

Введение

Согласно теории интеракции извинение – это корректирующее действие, направленное на то, чтобы, как указывает У. Фреверт, изменить значение, которое могло бы быть приписано некоторому поступку [Frevert, 1991, S. 156]. Извинения произносятся с целью превратить нечто, что можно принять за агрессию, в нечто, чему можно подобрать приемлемое истолкование. Формулы извинения – это корректирующие ритуальные идиомы. Тот, кто извиняется, входит в данное сообщество; он показывает, что признает действующие в нем правила и нормы. Поэтому извинения – это показатель социальной принадлежности [Manes, Wolfson, 1981, p. 129], так и основанием для межкультурного сравнения. Нарушение социальной нормы, не сопровождающееся извинением, означает, что виновник либо находится в сознательной оппозиции к господствующим нормам, либо не относится к данному обществу, является для него чужим. В связи с этим в социологии извинения также рассматриваются с точки зрения принадлежности извиняющегося к определенному коллективу [Tavuchis, 1991, p. 146].

В русском языке самые частотные формулы извинения – это *извини/те, прости/те*; в немецком – *entschuldige / entschuldigen Sie* и *verzeih / verzeihen Sie*. Сожаление о случившемся – предпосылка успешного извинения. Однако его выражение в русском языке *мне*

(очень) *жаль*, в отличие от немецкого *tut mir leid* и английского *sorry*, не является принятой формулой извинения. Русское *жаль* выступает только в контексте более развернутого извинения, например: *Извини, пожалуйста, мне очень жаль, что так случилось* [Rathmayr, 1995, S. 313]. Объектом извинения могут быть как нечаянные мелочи, так и серьезные оскорбления, как действия на личном, так и на государственном уровне. Извинения за серьезные нарушения нормы формулируются более развернуто. Какие конфликты можно снять извинением, а по поводу каких обязательно требуется возмещение ущерба или даже обращение в суд, зависит не только от тяжести нанесенного ущерба, но и от культуры, в которой ситуация происходит. В данной статье акцент делается на следующем вопросе: при каких условиях и каким образом слова – совсем не пустые – могут изменить ситуацию в реальном мире.

Материал и методы исследования

В статье анализируются примеры из русской и австрийской культур, иллюстрирующие ситуации конвенциональных извинений и извинений по существу; используются исследовательские методы контрастивной, сопоставительной и межкультурной прагматики [Developing Contrastive Pragmatics..., 2008; Kecskes, 2014; Mulo Farenkia, 2004; Verschueren, 2016; Wierzbicka, 1991]. В лингвистической

прагматике учитывается, что сказанное (в его лексическом, грамматическом и синтаксическом значении) далеко не всегда соответствует тому, что говорящий имеет в виду, хочет сказать. Нужны знания о языковом и ситуативном контексте и знания о правилах использования языка, таких как нормы употребления прямых или косвенных высказываний в определенных ситуациях, максимы или постулаты коммуникации [Grice, 1980]. Кроме того, необходимы знания, например, о том, сколько информации уместно приводить, в каких ситуациях это нужно делать и какие именно стратегии вежливости надо использовать и т. п. Если такие прагматические правила более или менее универсальны, то их реализация в разных коммуникативных ситуациях имеют специфический отпечаток определенной культуры, определенного стиля общения. В.И. Карасик, изучая речевую реакцию на извинение (просьбу о прощении), указывает на то, что «общие и специфические характеристики прощения как ценностно маркированного действия в разных культурах еще недостаточно освещены в лингвистической литературе» [Карасик, 2018, с. 77].

В контексте рассматриваемой проблематики интерес представляет контрастивное исследование речи судей, проведенное Т.В. Дубровской [Дубровская, 2014] на эмпирической базе русских, английских и австралийских судебных заседаний. В фокусе ее интересов находится вербальная активность судей, выражение оценок и эмоций, а также вежливость. Различия объясняются как историей и развитием жанра судебной речи в той или иной культуре, так и особенностями стиля речи. Значимы, например, нечеткость границ между личной и профессиональной сферами в русской культуре и, наоборот, противоположное четкое разграничение этих сфер в англосаксонских культурах.

Как это принято в лингвистической прагматике, анализ охватывает не только собственно лингвистические параметры высказывания (лексику, грамматику, синтаксис и стиль) [Норман, 2018], но и экстралингвистические параметры (коммуникативные цели, статус интерактантов, непосредственный и более широкий социальный и исторический контекст), что позволяет сделать выводы об

особенностях мышления в тех или иных культурах [Дубровская, 2014, с. 76].

Примеры речевых актов извинения для настоящей статьи были взяты из лингвистической и художественной литературы, публицистики, а также из материалов проведенного мною анкетирования носителей русского языка и интервью с ними [Ратмайр, 2003]. Анкетирование носителей немецкого языка специально не проводилось, но учитывались сведения из лингвистической литературы о функционировании немецкого языка [Cross-Cultural Pragmatics..., 1989; House, Vollmer, 1988; Rehbein, 1972; Vollmer, Olshtain, 1989].

Прагматическое исследование извинений в русском языке в сопоставлении с извинениями в немецком языке [Ратмайр, 2003] показало, что в русской культуре извинения являются в меньшей степени ритуализированными и, как правило, употребляются лишь в таких случаях, когда говорящий испытывает хотя бы минимальное чувство вины. Так, за опоздание на работу из-за болезни ребенка русские скорее не извиняются, они только указывают причину. А в австрийской культуре в такой ситуации обычно произносят формулу извинения. Более того, можно извиниться даже за плохую погоду перед гостями, несмотря на то, что и австрийцы не чувствуют ответственности за погоду и, как и другие, не могут влиять на нее, но в гостеприимство как бы входит и хорошая погода для гостей.

Кроме культурного фактора, естественно, играет роль и индивидуальный фактор, что, например, отражено в рассказе А. Чехова «Смерть чиновника», где показан человек, который умер оттого, что ему не удалось извиниться как следует.

Однако, безусловно, имеются тенденции, характерные для определенной культуры. Все более широкое использование английского языка в качестве *lingua franca* приводит к распространению английского *sorry* даже в таких ситуациях, где *извините* не употреблялось бы.

В исследовании 2003 г. [Ратмайр, 2003] были рассмотрены три категории извинений: метакоммуникативные, конвенциональные и извинения по существу. В рамках настоящей статьи метакоммуникативные извинения мы не приводим, но заимствуем некоторые результаты анализа конвенциональных извине-

ний и извинений по существу в связи с их потенциалом снятия или смягчения конфликтов.

Результаты и обсуждение

Конвенциональные извинения

Конвенциональные извинения произносятся в связи с незначительными нарушениями этикета. Они могут состоять из одной минимальной формулы извинения: *извини/те, прости/те, виноват* и т. д., но в их состав могут быть включены и расширения. Идеальная ответная реплика, следующая за таким извинением, – это принятие извинения или минимизация ущерба (*ну конечно, ничего, не за что, нет проблем*). Расширение в составе конвенционального извинения является факультативным. Оно типично для случаев, когда причинен материальный ущерб, который можно исправить, и в такой ситуации действительно нужно восстановить порядок: *Извини, ради Бога, я сейчас вытру*. В основе конвенциональных извинений нет сильных эмоций, и эти извинения не связаны с самоуничижением говорящего. Они служат для сохранения социальной гармонии в определенном обществе и, вопреки сложившемуся впечатлению, характеризуют говорящего как адаптированного члена социума, соблюдающего его правила. Конвенциональность требует от адресата стереотипной реакции, то есть согласия принять извинение или минимизации ущерба. Молчание обычно расценивается как согласие, хотя вербальная реакция является более вежливой. Различия между вариантами эксплицитных формулировок извинения нейтрализуются и обуславливаются индивидуальными, возрастными или социальными факторами, но не имеют семантической основы. С помощью этих извинений говорящий подтверждает соблюдение норм в смысле «я знаю, что принято». Таким образом, эту категорию извинений можно считать извинениями за нарушения социальных норм и этикета, другими словами, извинениями за «плохое поведение» [Ратмайр, 2003, с. 158].

Извинения за незначительные нарушения этикета связаны с вежливостью в данной культуре. Принято придерживать дверь, поэтому говорят *извините*, когда этого не де-

лают. И в Австрии, и в России принято не толкаться, не опаздывать больше чем на 15 минут, приносить подарки, приходя в гости, и т. д. Если по какой-либо причине толкаются, опаздывают больше чем на 15 минут или не приносят подарка, то извиняются. Считается, что допустимое время, на которое можно опаздывать без предупредительного звонка и извинения, в России больше, чем в Австрии. В деловой сфере в обеих странах принята пунктуальность, а в результате небольшого опроса было выяснено, что на встречу по личному приглашению можно опаздывать без извинения или предупреждения в России на 20 минут, в Австрии – на 15 минут [Ратмайр, 2003, с. 162–163].

Конфликты, вызванные такими нарушениями, небольшие, иногда на них даже не обращают внимания. Извинения за более серьезные поступки предполагают большее количество различий в реакциях на конфликт существенно больше. Извинения по существу мы рассмотрим в зависимости от характера участников общения на личностном и общественном уровнях [Goffmann, 1974]. Отдельно будут описаны извинения в контексте внесудебной компенсации, которые заменяют судебное дело.

Извинения за тяжкие оскорбления и действия на личностном уровне

Чуть более ста лет назад в определенных ситуациях единственной возможностью защитить свою честь после оскорбления была дуэль [Frevort, 1991], а сейчас во многих европейских обществах конфликт, вызванный тяжким оскорблением, можно снять искренним извинением. Для этого, однако, недостаточно простых ритуальных формул типа *извините, простите, entschuldigen Sie, verzeihen Sie*, а нужны более развернутые формулировки, включающие объяснения и доказывающие искреннее чувство вины и желание снять конфликт. Реакция на извинение в этикетных случаях необязательна, но обычно бывает эксплицитована: *не за что, нет проблем, nichts passiert, keine Ursache* и т. п. В случае же серьезного оскорбления чести адресата не только формулировка извинения должна быть адекватной, но должна быть выражена и реакция – желательно, конечно,

одобрение адресатом. Однако одобрение далеко не всегда следует за извинением по существу, особенно если оно сформулировано с оговоркой. Это скорее способствует возобновлению конфликта, чем примирению. В качестве примера приведу описанный судьей в Инсбруке случай, где не было принято извинение: *Если я сказал, что Вы – дурак, то я извиняюсь за это* [Ратмайр, 2003, с. 39]. Такие оговорки обесценивают извинение, что приводит к подтверждению оскорбления и развитию конфликта.

В тех случаях, когда извинением нельзя обойтись, а следует обратиться в суд, русская и австрийская культуры также различаются. Если, допустим, в Австрии человек на улице дает пощечину чужому ребенку, то нормальным, обычным следствием этого будет (хотя бы в городе) подача заявления в суд на этого человека. В результате обсуждения аналогичной ситуации в России выяснилось, что в суд обращаться не будут: либо вообще не прореагируют, либо скажут, что «ничего». Обсуждение этой ситуации с информантами показало, что в России скорее принято урегулировать такого типа конфликты без посторонней, тем более судебной, помощи, то есть самостоятельно. Одна женщина-информант, ребенка которой не один раз била соседка, сказала, что смотрит на нее осуждающе и ничего не говорит, чтобы избежать дальнейшей грубости, но ни в коем случае в суд не подаст [Ратмайр, 2003, с. 41]. При воспитании детей такие меры, как пощечина, в России считаются более обычными, чем в Австрии, где давать пощечину нельзя даже своему ребенку: по закону учителя с 1974 г. не имеют права бить учеников, в рамках других профессий это запрещено с 1982 г., а с 1989 г. по австрийской конституции действует абсолютный запрет на использование насилия в воспитании.

Запрет на практике, к сожалению, не означает, что насилие над детьми полностью исчезло (об этом свидетельствует, например, публикация «„G'sunde Watsch'n“ trotz 30 Jahre Gewaltverbot» в газете «Tiroler Tageszeitung» от 8 ноября 2019 г.).

В России несколько другое отношение к воспитательным мерам, связанным с физическим насилием: россияне, очевидно, пред-

почитают урегулировать такого типа «мелочи» без административной помощи.

Отметим, что в основе тяжкого оскорбления необязательно лежат злые намерения. Иногда поступок, вызванный лучшими чувствами, в определенных обстоятельствах может оказаться тяжким оскорблением. Такую ситуацию описывает М. Зоценко в рассказе «Мелкий случай из личной жизни». Герой-рассказчик стоит перед входом в кинотеатр и ждет даму. В это время он замечает старушку, которая, не прося вслух милостыню, стоит «скромно и даже как-то стыдливо». Объятый гуманными чувствами, герой дает женщине рубль (что было тогда немалой суммой!), но, вместо того чтобы выразить благодарность, старушка приходит в настоящую ярость, ведь она всего лишь ждет здесь свою дочь:

– Странно, – говорит, – я, кажется, не прошу. Чего вы мне рубль пихаете... Может быть, я дочку жду – собираюсь с ней в кино пойти. Очень, – говорит, – обидно подобные факты видеть.

Я говорю:

– Извиняюсь... Как же так... Я прямо сам не понимаю... Пардон, говорю. Прямо спутался. Не поймешь, кому чего надо. И кто зачем стоит. Шутка ли, столько народу. Пойди, разбирайся.

Но старуха поднимает голос до полного визга.

– Это что ж, – говорит, – в кино не пойти – оскорбляют личность! Как, говорит, у вас руки не отсохнут производить такие жесты. Да я лучше подожду дочку и в другое кино пойду, чем я буду с вами сидеть рядом и дышать зараженным воздухом.

Я хватаю ее за руку, извиняюсь и прошу прощения (URL: <http://www.zoschenko.info/cat/224/76.html> (дата обращения: 08.07.2019)).

Этот пример недвусмысленно иллюстрирует идею, которую однажды приходится осознать каждому: даже хорошие намерения могут привести к серьезному оскорблению, которое невозможно загладить ничем, кроме искреннего извинения. Однако, как это часто бывает в рассказах М. Зоценко, ситуация изменяется парадоксальным образом: через некоторое время старушка сама извиняется перед героем-рассказчиком и просит его все-таки дать ей рубль, потому что иначе она не сможет позволить себе такое место в кинотеатре, с которого она хоть что-нибудь увидит, ведь у нее такое плохое зрение (подробно анализ этого рассказа дан в: [Ратмайр, 2003, с. 189–190]).

У (австро-)венгерского автора Ференца Мольнара находим написанную в начале XX в. пьесу «Лилиом», герой которой платит своей жизнью за неспособность извиниться:

Просить прощения... это нет. ...Я не могу... я не извиняюсь (Molnar F. Liliom // Burgtheater Programm Nr. 113. Wien, 1993. S. 66).

Определение того, что считается оскорблением, чего нельзя говорить, является достаточно сложной задачей, хотя в законах такие определения есть. Существует противоречие между правом на свободу убеждений и свободное их выражение и пределом, за которым находятся *hate speech*, *Shitstorm* и *Cybermobbing*. В Венском экономическом университете 29 мая 2019 г. под руководством юриста, специалиста по гражданскому праву профессора Мартиа Шпитцера проводилась публичная дискуссия на тему «WUtalks – Darf man das sagen?» (Что можно сказать?). Сложная проблематика обсуждалась на примере дела присутствующей на трибуне женщины, которая получила весьма неприличные посты с аккаунта владельца пивного ресторана. Она в Сети отреагировала на оскорбления, на что владелец аккаунта обвинил ее в клевете. Судом первой инстанции женщина была признана виновной в клевете, и только вторая инстанция отменила обвинение. Процесс продолжится в сентябре 2019 года.

Удивительное судебное решение было принято в случае с фанатом австрийской футбольной команды «Рапид»: он в апреле 2017 г. на стадионе «Аллианц» размахивал транспарантом с надписью «A.C.A.B.» (All Cops are Bastards. – Все полицейские – идиоты / ублюдки). Судом первой инстанции он был признан виновным, а сейчас Конституционный суд принял решение, что фанат использовал свое право на свободу убеждений и свободное их выражение. Размахивание транспарантом не является оскорблением конкретного полицейского, и поэтому с этим действием нужно смириться (Der Standard. 05.07.2019. S. 23). Штраф был отменен, и Вена как федеральная земля должна вернуть фанату «Рапида» 2 900,00 евро за судебные издержки (статья «Keine Strafe für “All Cops Are Bastards” in vollem Stadion» в газете «Kurier» от 4 июля 2019 г. и статья «Rapid-Fans gegen Wiener

Polizei: Fortsetzung vor Gericht» в «Der Standard» от 12 июля 2019 г.).

Извинения за тяжкие оскорбления и причинение тяжкого вреда на общественном уровне

Практика показывает, что в некоторых случаях за очень тяжкие проступки и нарушения норм поведения можно всего лишь извиниться. Примером такой ситуации на межгосударственном уровне является извинение австрийского федерального канцлера Франца Враницкого за преступления Холокоста во время Второй мировой войны. Эксплицитное признание вины и извинение состоялись спустя довольно длительное время и были очень тщательно продуманы: федеральный канцлер Ф. Враницкий в июле 1991 г. сказал по этому поводу в Национальном совете, то есть в австрийском парламенте:

Многие граждане Австрии были причастны к угнетению и преследованию, организованным Третьим рейхом, а некоторые были их видными участниками, и сегодня мы не можем не считаться с участием в ответственности за деяния наших сограждан. <...> Мы признаем себя причастными ко всем важным датам нашей истории и всем поступкам, совершенным нашим народом, – как хорошим, так и плохим; и подобно тому, как мы можем гордиться хорошими поступками, за плохие мы должны принести свои извинения – перед теми, кто выжил, и перед потомками мертвых (заявление федеральной пресс-службы в «Wiener Journal» (1991. № 9); перевод мой. – P. P.).

Такие же весомые извинения были и в истории других государств. В договоре о дружбе между Россией и Чехией осуждается ввод войск Советского Союза и других стран Варшавского договора в Прагу в 1968 году. Подпись Б. Ельцина под этим документом, безусловно, не является официальным извинением, которого открыто требовала радикально-демократическая группа депутатов в России и некоторые официальные лица в Чехии, но практически ее можно приравнять к извинению. То же можно сказать и о возложении венка к памятнику 15 тысячам жертв кровавой расправы в Катыни и выражении Б. Ельциным соболезнований родным и близким погибших (Независимая газета. 27.08.1993;

Известия. 26.08.1993; Известия. 27.08.1993). Во всех этих случаях извинения принесены спустя много лет после совершения несправедливых действий (подробнее см.: [Ратмайр, 2003, с. 206–211]).

За другие действия во время Второй мировой войны – бомбардировки Хиросимы и Нагасаки – извинения не прозвучало и 71 год спустя, во время первого визита американского президента в Японию. РИА «Новости» 27 мая 2016 г. в статье «Визит Обамы в Хиросиму: исторический момент и никаких извинений» сообщает о визите Б. Обамы и об ожиданиях и требованиях извинения со стороны японских демонстрантов. Профессор Бостонского университета Томас Бергер отмечает важное значение визита Обамы для укрепления связей США и Японии. В частности, он считает, что поездка в Хиросиму может быть своеобразным ответом тем консервативным силам в Японии, которые выступают за пересмотр традиционной критической точки зрения на «имперское прошлое» страны (статья «Политологи оценили риски, которые ждут Обаму во время визита в Хиросиму» в РИА «Новости» от 27 мая 2016 г.). Профессор сказал о том, что, хотя президент Обама не принесет извинений, само посещение Хиросимы и выражение сочувствия пострадавшим укрепит позиции тех японцев, которые хотят более позитивного, нацеленного на будущее подхода к тому, как Япония воспринимает сложную проблему своего имперского прошлого. Решение о визите еще не было принято, а официальные лица уже начали высказываться о том, стоит ли ждать извинений за причиненные японским городам несчастья. США недвусмысленно дали понять, что извинений не будет. Эта позиция осталась неизменной: в интервью японскому телеканалу «NHK» Б. Обама заявил, что не намерен просить прощения. Американский президент сказал:

Моя цель – не просто обратиться к прошлому, а подтвердить, что в войнах со всех сторон умирают невинные люди, и мы должны сделать все возможное, чтобы постараться обеспечить мир и диалог во всем мире. Что мы должны продолжать бороться за мир без ядерного оружия. Это то, над чем я работал с того момента, как я впервые вступил в должность (РИА «Новости». 27.05.2016; Die Presse. 28.05.2016).

Иногда извинение или выражение раскаяния может привести к смягчению наказания. Например, в России обвиняемый в покушении на царя брат Ленина Александр отказался покаяться и был казнен, хотя его мать вымолила помилование для сына с условием его раскаяния. Поскольку тот отказался раскаяться, смертная казнь состоялась (Васильева Л. Н. Кремлевские жены : Факты, воспоминания, документы, слухи, легенды и взгляд автора. М. : Вагриус, 1993. С. 34).

В более близкой к нам истории прозвучало извинения Б. Ельцина за гибель трех молодых людей во время путча в августе 1991 г.: на похоронах жертв августовского путча Б. Ельцин открыто извинился перед их родителями:

Простите меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей (Известия. 24.08.1993. С. 1).

Это первое в России извинение политика в присутствии общественности в высшей степени примечательно: Б. Ельцин не может привести в свое оправдание никаких аргументов, и как президент Российской Федерации он несет ответственность за то, что произошло в стране, именно поэтому он употребляет слово *простите* (и в этом случае его нельзя заменить словом *извините*, ср.: **Извините меня, что не смог защитить, уберечь ваших сыновей*). Поскольку во время путча Б. Ельцин боролся на той же стороне, что и жертвы, и сам путч был, собственно, направлен против ГКЧП, он лишь косвенным образом повинен в смерти этих молодых людей, и поэтому его извинение было благородным жестом (подробнее об этом см.: [Ратмайр, 2003, с. 203–204]).

31 января 2018 г. В.В. Путин попросил прощения у российских спортсменов за то, что руководство Российской Федерации не смогло защитить их от последствий допингового скандала в 2014 г. в Сочи, приведшего к исключению многих спортсменов из числа участников Олимпийских игр в Пхенчхане. Как известно, в Олимпийских играх в Южной Корее из России могли участвовать только 169 спортсменов под нейтральным олимпийским флагом. На встрече со спортсменами В.В. Путин попросил у них прощения за ситуацию с Олимпиадой-2018:

Простите нас за то, что мы не смогли вас от этого [нападок] оградить (URL: <http://mosday.ru/news/item.php?1328482&view=full> (дата обращения: 01.07.2019)).

Заметим, что для смягчения серьезного общественного конфликта существует возможность извинения за нанесенный ущерб не самого виновного, а его начальника, то есть лица, ответственного за виновника. Это произошло, например, в случае извинения архиепископа Австрии кардинала Кристофа Шенборна за действия предыдущего венского архиепископа Ганса Германа Гроера, который объяснил свои поступки (сексуальное насилие, в том числе и по отношению к детям) слишком мягко и двусмысленно. К. Шенборн в рамках публичного выступления попросил прощения за все, чем его предшественник и другие церковные деятели нанесли ущерб тем людям, которые им доверяли. Дополнительно он обещал помощь всем потерпевшим и подтвердил, что Г.Г. Гроер покинет Австрию (статья «Chronologie der Causa Groer» в газете «Der Standard» от 17 апреля 1989 г.). В мае 2010 г. К. Шенборн сказал австрийскому информационному агентству католической прессы «Kathpress», что дни сокрытия и утаивания правды закончены. Долгое время церковный принцип прощения ложно интерпретировался и защищал виновных, а не жертв, хваля Папу Римского Бенедикта XVI за его стремление разоблачить священников, совершавших сексуальное насилие. Ганс Герман Гроер покинул кафедру в 1995 г. и сложил с себя все духовные обязанности и привилегии как архиепископ и кардинал 14 апреля 1998 г. (URL: <http://ru.knowledgr.com/00887520/КристофШенборн> (дата обращения: 02.07.2019)).

Нередки случаи общественного призыва к извинениям. Например, венский городской советник по транспорту Мария Вассилакоу начала кампанию под названием «Tschuldigen sie nie kehrt» («Извиниться никогда не мешает»), сформулированным на венском диалекте (Der Standard. 01.06.2012. S. 10). В ходе кампании она призывала к большей приветливости и взаимной предупредительности всех участников уличного движения, включая бесцеремонных велосипедистов. Так она отреагировала на растущее количество конфликтов на улицах, которое стало темой обсуж-

дения в Вене. Целью кампании было повысить ответственность всех участников уличного движения и обеспечить их безопасность, независимо от того, пешеход это, велосипедист или автомобилист. Был показан видеоролик с диалогом между байкером, который едва успел остановиться перед пешеходным переходом, и находящейся на «зебре» женщиной: «*Tschuldigen* (извините)», – говорит байкер. «*Passt schon* (ладно)», – отвечает женщина (*Tschuldigen* – сокращенная диалектная форма от *entschuldigen Sie*). Применялись и плакаты, и флайеры, и стикеры, на «Ютубе» показывали видеофильм. Осенью кампания продолжилась в школах. По цели она напоминает призыв «Уважаемые пассажиры, будьте взаимно вежливы, уступайте места инвалидам, пожилым людям, пассажирам с детьми», который часто можно услышать в московском метро (правда, речь не об извинениях, а шире – о вежливом поведении в транспорте).

Извинения в контексте внесудебной компенсации

В 1990-е гг. в Австрии была законодательно закреплена возможность внесудебной компенсации в определенных – не слишком серьезных – случаях, даже когда дело уже было подано в суд. Кроме материальной компенсации частью этого способа урегулирования конфликта является извинение.

Так называемый «Außergerichtlicher Tausgleich (= Diversion)» – внесудебная компенсация – заключается в том, что уголовное дело заканчивается вне суда, без заведения судебного дела и штрафа, а, например, условным сроком, общественными работами, уплатой возмещения материального или морального ущерба и извинением. Внесудебная компенсация возможна только при определенных условиях: нетяжкое преступление, нетяжкая вина преступника, если обвиняемый признает свою вину, если он сожалеет о случившемся, если у него нет прежней судимости такого типа (URL: <https://www.kija.at/a-z/gesetzesuebertretungen/265-straft-wiedergutmachung> (дата обращения: 02.07.2019)).

В статье «Извинения достаточно – штраф не нужен» («*Entschuldigung reicht als Strafe*») сообщается о 16-летнем подростке из австрий-

ской земли Форарльберг (Vorarlberg), который сломал два ребра 58-летнему гражданину Хохенемса (Hohenems) и вместо штрафа обошелся внесудебной компенсацией. Он извинился, и участники конфликта разошлись, обменявшись рукопожатиями и ограничившись пожеланием пострадавшего в адрес виновника: «Держись» (URL: <https://www.vol.at/vorarlberg-entschuldigung-reicht-als-strafe/5960312> (дата обращения: 02.07.2019)).

Приведем еще один пример. В статье «Smiley statt Strafzettel, Parksheriff zeigt Gnade» («Смайл вместо штрафной квитанции. Контролер проявил милость») сообщается, что 20 декабря 2017 г., то есть за несколько дней до Рождества, австрийский студент, который в свободное время работал таксистом, вместо квитанции за оплату стоянки оставил на лобовом стекле автомобиля извинение:

Hatte leider keine Zeit 2h Parkticketzukaufen. Mussteins Training, Student. Bitte um Verständnis!☺ (К сожалению, у меня не было времени купить талон на 2 часа. Спешил на тренировку, студент. Прошу Вашего понимания!).

Добродушный контролер оставил записку: «Verziehen☺» (Простил/а☺).

Студент прокомментировал: «Sehr sympathisch, das nächste Mal habe ich wieder einen Parkschein!» (Очень приятно, в следующий раз у меня будет опять талон на парковку) (URL: <https://www.heute.at/community/leser/story/Smiley-statt-Strafzettel—Parksheriff-zeigt-Gnade-59567374> (дата обращения: 02.07.2019)).

В России возможность внесудебного урегулирования конфликта тоже существует. Приведем два примера. На канале «Ютуб» под заголовком «Извинения вместо штрафа» 1 августа 2013 г. была размещена информация о том, что в Кирове кондуктор якобы вытолкнула из автобуса ученика третьего класса, так как он отказался платить за школьный рюкзак. По суду кондуктору автобуса грозил штраф 40 000 рублей. Родители мальчика согласились на примирение:

Мы с женой оба сказали, что если будут принесены извинения, если она признает вину, то у нас больше претензий нет. Больше комментировать не буду (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8dgsG-W7WE8> (дата обращения: 02.07.2019)).

2 июля 2019 г. на портале «Лента.ру» общалось об извинении губернатора Красно-

ярского края Александра Усса, который ранее угрожал жительнице затопленного Канска «тоже качнуть права». Депутат Госдумы Евгений Ревенко заявил, что губернатор Красноярского края Александр Усс должен извиниться за свои грубые слова в адрес местной жительницы. Губернатор действительно извинился перед женщиной за резкие высказывания. Об этом 2 июля сообщило РИА «Новости» со ссылкой на участницу разговора. По словам Натальи, глава региона в ходе телефонного разговора пообещал, что вопрос с дорогой в подтопленной зоне будет решен:

Конкретно по вопросу, который я задала, он мне ответил. Уже сегодня там работы ведутся, оснований ему не верить нет (URL: <https://lenta.ru/news/2019/07/02/pardon/> (дата обращения: 02.07.2019)).

Таким образом, мы видим, что и в Австрии, и в России искренние слова извинения могут влиять на неязыковую ситуацию, могут уберечь человека, поступившего неправильно, от штрафа, от признания его преступником. Условием успешности таких извинений является искренность, чувство вины у нарушителя и согласие пострадавшего принять извинения. Эти «мягкие» межчеловеческие параметры обладают большей силой, чем ожидается.

Заключение

Речь нельзя рассматривать наравне с неязыковыми действиями, поскольку она всегда является действием символическим. С помощью слов можно подготовить внеязыковое действие и даже сделать возможным то, что было невозможно раньше. Только в исключительных случаях, например в перформативных речевых актах, язык может непосредственно влиять на внеязыковую действительность. Когда директор говорит *Вы уволены*, адресат этого высказывания на самом деле остается без работы, а после слов работника ЗАГС *Поздравляю вас и объявляю мужем и женой* мужчина и женщина становятся мужем и женой со всеми вытекающими из этого правами и обязанностями.

Речевой акт извинения, то есть просьба о прощении (об извинении), занимает некоторое промежуточное положение: после его произнесения можно считать досадное языковое

или неязыковое действие (или упущение) неслучившимся, несказанным: *Забудем об этом; Я уже забыла*. Извинение устранило неудачу, как будто ее и не было. Следовательно, хотя извинение, конечно, не может повернуть реальное время вспять и помешать случиться тому, что уже случилось, успешное извинение влияет на ситуацию и на партнеров коммуникации таким образом, что на внеязыковом уровне они действуют так, как будто ничего отрицательного не произошло.

В данной статье были рассмотрены конвенциональные, или этикетные, извинения, нормальные для вежливого поведения носителей русской и австрийской культур. Далее были представлены случаи извинений по существу, то есть извинений за тяжкие оскорбления и нанесение тяжкого материального или морального ущерба. Проанализированы примеры как из личностной сферы общения, так и из общественной. Показано, что в сфере политики даже спустя несколько десятилетий после нанесения тяжкого оскорбления или нарушения норм поведения искреннее извинение, произнесенное ответственным лицом или его потомком, может быть основой для улучшения межгосударственных отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дубровская Т. В., 2014. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 76–88.
- Карасик В. И., 2018. Аксиология прощения в русской и английской лингвокультурах // *Лингвокультурные ценности в сопоставительном аспекте: коллектив. моногр. / науч. ред. В. И. Карасик, Н. А. Красавский*. Волгоград: ПринТерра-Дизайн. С. 76–94.
- Норман Б. Ю., 2018. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики. М.: Кабинетный ученый. 464 с.
- Ратмайр Р., 2003. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры. М.: Яз. слав. культуры. 272 с. (Studiophilologica. Series minor).
- Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies, 1989 / ed. by S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. Norwood, New Jersey: Ablex Publ. Corporation. 300p.
- Developing Contrastive Pragmatics. Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives, 2008 / ed. by M. Pütz, J. Neff-van Aertselaer. Berlin; N. Y.: Mouton de Gruyter. 437 p.
- Frevert U., 1991. Ehrenmänner. Das Duell in der bürgerlichen Gemeinschaft. München: Beck. 376 S.
- Goffmann E., 1974. Das Individuum im öffentlichen Austausch. Mikrostudien zur öffentlichen Ordnung. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verl. 512 S.
- Grice H. P., 1980. Logik und Gesprächsanalyse // *Sprechakttheorie* / hrsg. von P. Kußmaul. Wiesbaden: Athenaion. S. 109–126.
- House J., Kasper G., 1981. Politeness Markers in English and German // *Conversational Routine. Explorations in standardized Communication Situations and Prepatterned Speech* / ed. by F. Coulmas. N. Y.: Mouton Publishers. P. 157–185.
- House J., Vollmer H. J., 1988. Sprechaktperformanz im Deutschen: Zur Realisierung der Sprechhandlungen „Bitten/ Auffordern“ und „Sich entschuldigen“ // *Linguistische Berichte*, Nr. 114. S. 114–133.
- Keckes I., 2014. Intercultural Pragmatics. Oxford: Oxford University Press. 277 p.
- Manes J., Wolfson N., 1981. The Compliment Formula // *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech* / ed. by F. Coulmas. The Hague, the Netherlands: Mouton Publishers. P. 116–132.
- Mulo Farenkia B., 2004. Kontrastive Pragmatik der Komplimente und Komplimenterwiderungen: Kamerunisch – Deutsch. Aachen: Shaker. 144 S.
- Rathmayr R., 1995. Sprechakte, Gesprächszüge und kulturspezifische Gebrauchskonventionen. Am Beispiel des Russischen // *Slavistische Linguistik 1994* / hrsg. von D. Weiss. München: O. Sagner. S. 311–332. (Münchener Slavistische Beiträge; Bd. 332)
- Rehbein J., 1972. Entschuldigungen und Rechtfertigungen // *Linguistische Pragmatik* / hrsg. von D. Wunderlich. Frankfurt am Main: Athenaum. S. 288–317.
- Tavuchis N., 1991. Mea Culpa. A Sociology of Apology and Reconciliation. Stanford: Stanford University Press. 165 p.
- Verschuereen J., 2016. Contrastive Pragmatics // *Handbook of Pragmatics 20* / ed. by J.-O. Östman, J. Verschuereen. Amsterdam: John Benjamins. P. 1–34.
- Vollmer H. J., Olshtain E., 1989. The Language of Apologies in German // *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies* / ed. by S. Blum-Kulka, J. House, G. Kasper. Norwood,

- New Jersey : Ablex Publishing Corporation. P. 197–218
- Wierzbicka A., 1991. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter. 502 p.
- REFERENCES**
- Dubrovskaya T.V., 2014. Sudebnyy diskurs kak kulturnyy fenomen: natsionalno-kulturnye osobennosti rechi sudey (na materiale russkikh, angliyskikh i avstraliyskikh sudebnykh zasedaniy) [The Discourse of Court as a Cultural Phenomenon: National Cultural Features in the Speech of Judges (Case Studies of Court Sessions in Russia, England, and Australia)]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 76-88.
- Karasik V.I., 2018. Aksiologiya proshcheniya v russkoy i angliyskoy lingvokulturakh [Axiology of Forgiveness in Russian and English Linguocultures]. Karasik V.I., Krasavskiy N.A., eds. *Lingvokulturnye tsennosti v sopostavitel'nom aspekte: kollektiv. monogr.* [Linguistic and Cultural Values in a Comparative Aspect. Collective Monograph]. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., pp. 76-94.
- Norman B. Yu., 2018. *Pragmaticheskiy potentsial russkoy leksiki i grammatiki* [Pragmatic Potential of Russian Vocabulary and Grammar]. Moscow, Kabinetnyy uchenyy Publ. 464 p.
- Ratmayr R., 2003. *Pragmatika izvineniya: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoy kultury* [Pragmatics of Apologizing. Comparative Research Based on the Russian Language and Russian Culture]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 272 p. (Studiaphilologica. Series minor).
- Blum-Kulka S., House J., Kasper G., eds., 1989. *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, New Jersey, Ablex Publ. Corporation. 300 p.
- Pütz M., Neff-van Aertselaer J., eds., 2008. *Developing Contrastive Pragmatics. Interlanguage and Cross-Cultural Perspectives*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter. 437 p.
- Frevort U., 1991. *Ehrenmänner. Das Duell in der bürgerlichen Gemeinschaft*. München, Beck. 376 S.
- Goffmann E., 1974. *Das Individuum im öffentlichen Austausch. Mikrostudien zur öffentlichen Ordnung*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verl. 512 S.
- Grice H.P., 1980. Logik und Gesprächsanalyse. Kußmaul P., Hrsg. *Sprechakttheorie*. Wiesbaden, Athenaion, S. 109-126.
- House J., Kasper G., 1981. Politeness Markers in English and German. Coulmas F., ed. *Conversational Routine. Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. New York, Mouton Publishers, pp. 157-185.
- House J., Vollmer H.J., 1988. Sprechaktperformanz im Deutschen: Zur Realisierung der Sprechhandlungen „Bitten/ Auffordern“ und „Sich entschuldigen“. *Linguistische Berichte*, Nr. 114, S. 114-133.
- Kecskes I., 2014. *Intercultural Pragmatics*. Oxford, Oxford University Press. 277 p.
- Manes J., Wolfson N., 1981. The Compliment Formula. Coulmas F., ed. *Conversational Routine: Explorations in Standardized Communication Situations and Prepatterned Speech*. The Hague, the Netherlands, Mouton Publishers, pp. 116-132.
- Mulo Farenkia B., 2004. *Kontrastive Pragmatik der Komplimente und Komplimentenwiderungen: Kamerunisch - Deutsch*. Aachen, Shaker. 144 S.
- Rathmayr R., 1995. Sprechakte, Gesprächszüge und kulturspezifische Gebrauchskonventionen. Am Beispiel des Russischen. Weiss D., Hrsg. *Slavistische Linguistik 1994*. München, O. Sagner, S. 311-332. (Münchener Slavistische Beiträge, Bd. 332).
- Rehbein J., 1972. Entschuldigungen und Rechtfertigungen. Wunderlich D., Hrsg. *Linguistische Pragmatik*. Frankfurt am Main, Athenaum, S. 288-317.
- Tavuchis N., 1991. *Mea Culpa. A Sociology of Apology and Reconciliation*. Stanford, Stanford University Press. 165 p.
- Verschueren J., 2016. Contrastive Pragmatics. Östman J.O., Verschueren J., eds. *Handbook of Pragmatics 20*. Amsterdam, John Benjamins, pp. 1-34.
- Vollmer H.J., Olshtain E., 1989. The Language of Apologies in German. Blum-Kulka S., House J., Kasper G., eds. *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*. Norwood, New Jersey, Ablex Publishing Corporation, pp. 197-218.
- Wierzbicka A., 1991. *Cross-Cultural Pragmatics. The Semantics of Human Interaction*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter 502 p.

Information About the Author

Renate Rathmayr, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Language Business Communication, Institute of Slavic Languages, Vienna University of Economics and Business, Welthandelsplatz, 1, D2.3.202, A-1020 Vienna, Austria, renate.rathmayr@wu.ac.at, <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

Информация об авторе

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор кафедры делового общения на иностранных языках, Институт славянских языков, Венский экономический университет, Welthandelsplatz, 1, D2.3.202, A-1020 г. Вена, Австрия, renate.rathmayr@wu.ac.at, <https://orcid.org/0000-0003-3038-2276>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2>

UDC 81'42:316.285
LBC 81.055.1

Submitted: 02.10.2019
Accepted: 27.12.2019

LINGUOCONFLICTOLOGY AND CONFLICTS IN RUSSIAN MEDIA (ANALYSIS OF DOUBLE CASE)

Elena S. Kara-Murza

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to linguoconflictology – a branch of Russian linguistics, which reveals the causes and consequences of confrontational interaction. The article describes the history of its formation in the framework of legal linguistics as one of the linguo-philosophical foundations of judicial linguistic expertise. Linguoconflictology is addressed, first of all, to future and current linguists-experts and is intended to make them aware of the regularities of conflict communication, which is subject to judicial linguistic examination, and the conflict nature of the expert activity itself; and secondly, future and current employees of mass media – for the prevention of speech torts in them. The author's version of this science is described. The author reveals its basic concepts and shows the gradation from communicative failure to communicative conflict, which is characterized as normative-axiological and occurs when the norms of communication (naive-ethical, professional-ethical and legal) are violated. According to the author, it should be distinguished from speech conflict as a form of activity. Specific to this variant of linguoconflictology is the linguo-legal conflict. Its occurrence is caused by violation of legal requirements and prohibitions. The analysis algorithm developed by the author is demonstrated by the example of a double case – a conflict that began in the sports sphere as an injury in a stage football match, and continued in the media space of sports journalism as a communicative conflict and it almost escalated into a conflict linguolegal.

Key words: linguoconflictology, judicial linguistics, classification of conflicts, conflictogenes, linguolegal conflict, linguistic expertise.

Citation. Kara-Murza E.S. Linguoconflictology and Conflicts in Russian Media (Analysis of Double Case). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 18-27. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2>

УДК 81'42:316.285
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 02.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

ЛИНГВОКОНФЛИКТОЛОГИЯ И КОНФЛИКТЫ В РУССКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ (АНАЛИЗ ДВОЙНОГО КЕЙСА)

Елена Станиславовна Кара-Мурза

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена лингвоконфликтологии – направлению российской лингвистики, изучающему причины и последствия конфронтационного общения. Охарактеризовано ее становление в рамках юрислингвистики как одной из лингвофилософских основ судебной лингвистической экспертизы. Описано авторское понимание объекта этого направления науки, раскрыты его основные понятия, представлена градация разновидностей конфликтного поведения от коммуникативной неудачи до коммуникативного конфликта, который возникает при нарушении наивно-этических, профессионально-этических и юридических норм коммуникации и поэтому является нормативно-аксиологическим. Автором доказано, что этот вид конфликта отличается от речевого конфликта как формы деятельностного конфликта. Установлен специфический для лингвоконфликтологии конфликт – лингвоправовой, который возникает в результате нарушения законодательных требований и запретов. Проанализирован двойной кейс: конфликт, который начался в спортивной сфере, продолжился в медиапространстве спортивной журналистики и едва не перерос в конфликт

лингвоправовой. Продемонстрировано, что знания в области лингвоконфликтологии необходимы, во-первых, практикующим лингвистам-экспертам и будущим специалистам в этой области, поскольку позволяют им осознать закономерности конфликтного общения, которое подлежит судебной лингвистической экспертизе, и конфликтность самой экспертной деятельности; во-вторых, работникам массмедиа для профилактики речевых деликтов.

Ключевые слова: лингвоконфликтология, юрислингвистика, классификация конфликтов, конфликто-гены, лингвоправовой конфликт, лингвистическая экспертиза.

Цитирование. Кара-Мурза Е. С. Лингвоконфликтология и конфликты в русском медиапространстве (анализ двойного кейса) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 18–27. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.2>

Введение

В настоящее время в российской лингвистике сформировалось несколько направлений, которые связаны с изучением фронтационного общения. Некоторые из них развиваются в когнитивно-коммуникативной парадигме, а некоторые имеют междисциплинарный характер: эколлингвистика, юрислингвистика, речевая конфликтология, лингвоконфликтология. В центре внимания в данной публикации находится последняя из упомянутых наук – лингвоконфликтология (далее – ЛКЛ), ее основные понятия, проблематика, цели и задачи.

С начала 90-х г. XX в. в отечественной гуманитаристике, и прежде всего в философии и социологии, началось исследование конфликта как важного социального феномена. В это время в науке осваивались зарубежные концепции, разрабатывались собственные представления как в области общей конфликтологии, так и в сфере ее частных отраслей (педагогической, политической, юридической). В коммуникативной лингвистике еще с середины 80-х гг. прошлого века активизировалось изучение разных форм речевой агрессии, манипуляции, коммуникативных неудач и сбоев, и опора на достижения конфликтологии привели к осознанию конфликта как особого типа общения: он «подразумевает столкновение сторон, состояние противоборства партнеров в процессе коммуникации по поводу несовпадающих интересов, мнений, коммуникативных намерений, которые выявляются в ситуации общения. Речевой конфликт имеет место тогда, когда одна из сторон в ущерб другой сознательно и активно совершает речевые действия, которые могут выражаться соответствующими – негативными – средствами язы-

ка и речи. <...> Эта противонаправленная интеракция и есть речевой конфликт» [Третьякова, 2010, с. 141].

Понятийный аппарат конфликтологии был адаптирован для нескольких речеведческих вариантов с разными названиями. Существует универсалистский, общий подход к речевым проблемам на материале повседневной речи и художественной литературы. Его название, предлагаемое и В.С. Третьяковой, отражено в вузовском учебнике Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена [Речевая конфликтология, 2008]. Применяется также частный подход, сформированный в работах профессора Н.Д. Голева в рамках его концепции юрислингвистики как лингвофилософской основы производства судебных лингвистических экспертиз [Голев, 2003] и получивший название «лингвистическая конфликтология / лингвоконфликтология». Считается, что данный подход наиболее близок юридической конфликтологии [Ворошилова, 2013].

Согласно дефиниции из словаря «Эффективное общение (базовые компетенции)», лингвистическая конфликтология – это «направление коммуникативной лингвистики, изучающее проблемы некооперативного, конфликтного общения». Ее понятийная система и инструментарий анализа «находятся в стадии формирования» [Голев, Обелюнас, 2014, с. 279]. Определено, что в центре данной дисциплины находится понятие речевого (в различной терминологии – языкового, коммуникативного) конфликта – «явления, маркирующего отрицательное поле коммуникативного взаимодействия» [Голев, Обелюнас, 2014, с. 279]. С середины 2000-х гг. лингвоконфликтология была разделом юрислингвистики как дисциплины специализации на филологическом факульте-

те Алтайского государственного университета (г. Барнаул). С 2013 г. она преподается филологам-практикам как самостоятельный авторский курс. В аннотации к учебному пособию «Основы лингвоконфликтологии» сказано, что это «новая лингвистическая дисциплина прикладного цикла, возникающая на стыке языка и права. Ее формирование обусловлено рядом актуальных задач современной языковедческой и юрислингвистической теории и практики, призванных, с одной стороны, описать разнообразные речевые конфликты, возникающие в разных сферах деятельности человека говорящего и воспринимающего, а с другой – способствовать выработке приемлемых с позиций лингвистики и права норм и правил, направленных на решение вопросов юридизации речевых конфликтов» [Чернышова, 2017, с. 3]. С 2007 г. ее вариант читается в Институте судебных экспертиз Московской государственной юридической академии как пропедевтический курс [Кара-Мурза, 2010а].

Будущие лингвокриминалисты, изучая лингвоконфликтологию, постигают глубинные причины социальных конфликтов, квалифицируемых сторонами как речевые деликты, которые можно доказать или опровергнуть при помощи судебных экспертиз [Галяшина, 2017]. Они осознают позитивную социальную роль СМИ – «сторожевого пса демократии», в то время как руководители бизнеса и политики пытаются пресечь критические журналистские публикации через необоснованные иски о защите чести, достоинства и деловой репутации [Понятия чести..., 2004]. В компетенцию лингвокриминалистов должно входить также понимание того, что само правоприменение, включая производство лингвистических экспертиз, конфликтогенно и что в своей деятельности они обязаны противостоять возможному административному давлению, придерживаясь законодательного принципа независимости эксперта.

В настоящее время лингвоконфликтология как учебная дисциплина преподается во многих российских вузах (например, в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете) [Декатова], преимущественно в магистратуре по профилю «лингвистическая экспертиза». Она институционализована: в 2016 г. в Высшей школе эко-

номики создана научно-учебная лаборатория лингвоконфликтологии, которой руководит специалист по языку Интернета профессор М.А. Кронгауз.

Материал и методы исследования

В общей конфликтологии применяется универсальная система описания конфликта, включающая 11 групп / пунктов: *сущность конфликта, типология, структура, функции, эволюция, генезис, динамика, информация в конфликте, предупреждение, завершение конфликта, исследование и диагностика* [Анцупов, Шипилов, 2000, с. 148]. М.А. Кронгауз в интервью «Российской газете» назвал эту систему архитектурой конфликта (Новоселова Е. Холивар не выдержит двоих // Российская газета. 2016. 1 сент. URL: <https://rg.ru/2016/09/01/maksim-krongauz-mezhgosudarstvennye-lingvisticheskie-bitvy-deloobychnoe.html>). Исследовательские схемы модифицируются для разных коммуникативных ситуаций, см.: *конфликт, предмет конфликта, объект конфликта, конфликтная ситуация, стороны конфликта, границы конфликта, этапы конфликта, фазы конфликта, инцидент, конфликтогены, функции конфликта* [Чернышова, 2017, с. 14]. На основе предложенных учеными систем описания коммуникативного конфликта мы разработали собственную, которую продемонстрируем при анализе двойного кейса.

Отметим, что обычно термины «конфликт языковой / речевой / коммуникативный» используются недифференцированно. Мы предлагаем различать эти объекты, исходя из того, что общение является неотъемлемым компонентом практически всех взаимодействий, от бытовых до рабочих и досуговых, а речевая составляющая присутствует в любом типе конфликта как его форма или орудие. Так, конфликтные проявления можно считать конфликтами коммуникативными (а не речевыми), если: 1) технологические либо креативные аспекты коммуникации воспринимаются как ресурс, за который идет борьба интересов (как за федеральный эфир для политиков во время избирательной кампании); 2) в ходе общения были нарушены этические нормы профессиональной коммуникации (например,

в пропагандистских ток-шоу); 3) были нарушены законодательные требования к медиакоммуникациям (см., например, законы «О СМИ», «О рекламе» и др.). Эти конфликты демонстрируют те же причины и те же типы, что и деятельностные, а именно: конфликты ресурсов, интересов, ценностей и норм.

Функционирование и/или восприятие языка в качестве ресурса относится прежде всего к коду и каналу коммуникации: это владение государственным или иностранным языком, распоряжение вещательными технологиями, их временем и пространством. Например, ограничения на распространение предвыборной агитации оппозиционных партий и политиков – это конфликт и политический (речевой в политической сфере), и коммуникативный (нарушение конвенций политической коммуникации или избирательного законодательства). Содержание информации тоже может восприниматься как конкурентный ресурс. Так, в СССР существовала цензура, был ограничен доступ к «неблагонадежной» литературе, для которой были устроены спецхраны; а в современной России минимизированы независимые массмедиа. Информация обладает идейной или духовной ценностью, которая оспаривается сторонами конфликта, и спор в диапазоне от научной полемики до религиозной дискуссии может «возгоняться» до конфликта. Ценность речевых произведений (от романов до товарных знаков) может описываться в терминах интеллектуальной собственности, по ч. IV ГК РФ они могут стать объектом плагиата.

Что касается медиаконфликтов, то формально они являются речевыми, сущностно – коммуникативными, а содержательно – конфликтами интересов, ценностей и норм. Так, журналистика призвана формировать общественное мнение массовой аудитории, а не служить частным интересам политиков, чиновников или бизнесменов посредством «белого» или «черного» пиара либо интересам фирм-производителей посредством «серой» рекламы. При этом она регулируется и общим российским законодательством, и отраслевым законом. Поэтому журналистские выступления становятся постоянным источником конфликтов по ст. 4 ФЗ «О СМИ» о злоупотреблении свободой массовой информации или по

ст. 282 УК РФ о разжигании межнациональной или социальной розни.

Объект лингвистической конфликтологии формируют коммуникативные конфликты, обладающие всеми характеристиками, которые обнаружены применительно к деятельностным: такой же причинностью, мотивировкой и субъектной структурой, такими же сюжетными поворотами и возможностями разрешения. Лингвоправовой конфликт (далее – ЛПК) является специфическим объектом ЛКЛ. Он определяется на основании содержательного критерия как аксиологический – конфликт ценностей и норм – при нарушении (настоящем или мнимом) некоторой правовой нормы как речеповеденческой. В этой же типологической нише расположены такие конфликты, как наивно-этический и профессионально-этический. По нашему мнению, лингвоправовой конфликт и языковое / речевое преступление – это один и тот же феномен, рассматриваемый под разными названиями в разных дисциплинах: как лингвоправовой конфликт – в лингвоконфликтологии и в юрислингвистике; как языковое / речевое преступление – в лингвоэкспертологии. Кроме того, в нашей концепции делается акцент на градации некооперативного взаимодействия разных видов: от коммуникативной неудачи до коммуникативного / лингвоправового конфликта и речевого деликта, то есть к правонарушению и преступлению.

Поскольку лингвоправовой конфликт обладает двойственной природой, постольку основная схема его анализа взята нами из юридической конфликтологии и основана на различении его объективной и субъективной сторон. Конкретизируется она через структуру коммуникативной ситуации (в понимании Р.О. Якобсона), где все компоненты (адресант, адресат, сообщение, код, контакт, контекст) рассматриваются как конфликтогены. Вне зависимости от природы конфликтогена существенную роль в развитии любого конфликта играют когнитивные / интерпретативные механизмы [Кара-Мурза, 2010б].

Предмет лингвоконфликтологии составляют речеповеденческие и текстовые показатели разной знаковой природы (словесные, визуальные). Для лингвоправового конфликта это выявленные в лингвоэкспертологии параметры, которые коррелируют с признаками со-

става правонарушения или преступления, зафиксированными в диспозициях статей и в комментариях юристов. Материал ЛКЛ – конфликты, отображенные в таких источниках, как медиатексты, исковые заявления и «экстракты» лингвистических экспертиз.

Материалы для нашего исследования взяты из сетевых изданий; обстоятельства дела и должности фигурантов актуальны для описанной ситуации; тексты приведены в авторской редакции (см. развернутый вариант: [Кара-Мурза, 2011]).

Результаты и обсуждение

Анализ кейса многоэтапного конфликта с медийной составляющей описывается через следующие взаимодополнительные параметры: *институциональность, профессионализм, нормативность, модус, материя, субъектность, хронотоп, масштаб, ресурсы, интересы участников, ценности, нормы, информационное воплощение*. Рассмотрим их подробнее.

1. Институциональность (рече)деятельностной сферы анализируемой ситуации – спорт, конкретнее – футбол.

29 августа 2011 г. на футбольном матче «Спартак» – «ЦСКА» (это был отборочный этап внутрироссийского цикла) нападающий «Спартака» бразильский легионер Веллитон, имеющий репутацию «жесткого» игрока, налетел на И. Акинфеева, голкипера одновременно «ЦСКА» и сборной России, в результате чего тот получил травму, которая вывела его на много месяцев из строя незадолго до международных игр. Спартаковец был наказан – дисквалифицирован на несколько матчей, но ситуация оставалась острой.

Деятельностная фаза данного конфликта на этом фактически закончилась, а началась спортивно-коммуникативная: в спортивных изданиях и на сетевых ресурсах руководители «Спартака» и «ЦСКА» (традиционно соперничающих) и их болельщики продолжали обсуждать этот инцидент; спектр мнений демонстрировал стилистическую рефлексию и конфликт интерпретаций.

2. Профессиональные проблемы (неэффективность управленческих решений, неоптимальное выступление спортсменов, недо-

стижение результата) стали поводом для высказываний.

3. Нормативность игрового взаимодействия футболистов стала центром внимания участников ситуации и фокусом обсуждения.

4. Модус социальных интеракций – «игровой». В конфликтологии различаются такие понятия, как «сражение», «игра» и «дебаты». Спорт по своей сути – это игра и сублимация инстинктов, спортивные конфликты имеют характер игровых, которые, однако, могут обостриться до степени «военных действий», сопровождаться травмами и драками, что и имело место в рассматриваемом примере.

5. Конфликты бывают разной материальной природы: телесные и орудийные (драки, войны, спортивные соревнования, особенно командные, в том числе игры с мячом) – и могут иметь физические последствия (спортивные травмы).

6. Субъектный параметр связан непосредственно с участниками спортивного конфликта – нападающим и вратарем. Соучастниками конфликта здесь становятся игроки команд. В коммуникативном конфликте субъекты инициальной и ответной реплики – функционеры и спортсмены; в фазе медиаконфликта появляется медиааудитория, в том числе болельщики-блогеры. В подобных ситуациях важна субъектная роль эксперта – знатока, и в этом конфликте таких экспертов было много среди спортсменов.

29 августа 2011 г. на портале www.evro-football.ru публикатор под никнеймом feodorff814966 собрал мнения по поводу обсуждаемой ситуации, авторы которых разошлись в оценке причин и характера столкновения футболистов. Генеральный директор «Спартака» и его главный тренер В. Карпин защищали своего игрока с психологической стороны:

Со стороны Веллитона однозначно злого умысла не было. То, что вратарь сборной выбыл на полгода, – это его проблемы. Что, медаль ему повесить? Не трогать теперь игроков сборной?

Известный арбитр С. Хусаинов (в тот момент уже пенсионер) в интервью «Советскому спорту» сказал:

Возможно, ЦСКА рисковал, выпуская на игру, как мне кажется, не совсем здорового Акин-

феева. Армейцы должны были знать, в какой манере играет Веллитон. Он всегда идет до конца и не боится столкновений, которые могут привести к травме. Мне показалось, что он пошел на контакт, заведомо зная, что может нанести травму. Судьям нужно быть готовым к такому поведению бразильца и пресекать его действия на корню.

Бывший вратарь «Спартака» и «ЦСКА» Р. Нигматуллин не винил в случившемся только нападающего:

Бразилец в данном моменте смотрел на мяч, и, на мой взгляд, не хотел травмировать Акинфеева. Просто после столкновения Игорь неудачно приземлился, и колено не выдержало. Конечно, многие, наверное, скажут, что вратарь упал из-за контакта с нападающим, но форвард ведь тоже упал.

Что касается роли арбитра – институционального участника, который уполномочен квалифицировать проступок и назначать наказание, то она проявилась и на спортивном этапе данного кейса (отстранение игрока Веллитона), и на коммуникативном этапе (отстранение журналиста Д. Губерниева от комментирования футбольных матчей). Однако в данной публикации эти роли не рассматриваются.

Как показывает анализ материалов, конфликтогенными являются личностные свойства конфликтантов: их психофизические качества, включая командную или персональную несовместимость, и профессиональные навыки. Обозреватель газеты «Советский спорт» Е. Ловчев в одном из сетевых изданий на вопрос о том, почему тяжелая травма вратаря «ЦСКА» и сборной России И. Акинфеева и вся эта история обсуждается больше, чем новости сборной, ответил:

Значит, у нас сборная такая. <...> Прочитал газеты, отклики футболистов-сборников и снова убедился, что там собрана компашка, которая оторвалась от жизни, считает себя исключительными. <...> А здесь все сошлось: дерби, вратарь сборной, накануне сборной... История раздута. Вопрос ставится уже так: вы за ЦСКА или за «Спартак»? Мне отвратительна такая постановка вопроса.

7. Хронотоп события задается конфликтогеном – невозможность для травмированного вратаря участвовать в приближающемся европейском футбольном чемпионате по-

ставила под вопрос результативность игры российской сборной без опытного игрока.

8. Масштаб определяется как важность спортивного события, а именно крупное соревнование – чемпионат Европы по футболу. Достаточно большой масштаб события придал драматизма восприятию травмы И. Акинфеева на внутрirosсийском соревновании.

9. Ресурсы понимаются как обеспечение потребностей и достижение необходимого результата. Конфликт возникает тогда, когда борьба ведется за реализацию витальных, статусных или творческих потребностей, за восполнение недостатка дефицитного ресурса, на который претендуют обе стороны. В игровых видах спорта ресурс материальный, в футболе – это мяч; но настоящая борьба идет за получение соответствующего качеству игры финансирования. Другие ресурсы нематериальны, но тоже добываются в борьбе: радость индивидуального достижения (гола), счастье командной победы, международный престиж страны, которую представляет команда-победительница.

10. Интересы участников, распоряжающихся ресурсом или желающих им завладеть, связаны со стремлением к личному успеху и победе команды, что заставляет игроков идти напролом, как это представлено в рассматриваемом игровом эпизоде.

11. Ценности – это идеальные конструкты: идеологические, патриотические, эстетические и др. Их фундаментальное членение на «свои» и «чужие» обусловлено социальным инстинктом. Конфликт ценностей – это оборотная сторона конфликта ресурсов. Непримируемость ценностных позиций – сильнейший конфликтоген, поэтому в лингвоконфликтологии он, как правило, находится в центре внимания.

В мире спорта пристрастность и склонность к культивированию отдельных ценностей наиболее ярко проявляется в феномене фанатства: не только болельщики разных команд, но и игроки и даже функционеры демонизируют соперников, всячески умаляют их. См., например, высказывание главного тренера «Спартака» о травме вратаря соперничающей команды «ЦСКА», поражающее отсутствием сочувствия:

То, что вратарь сборной выбыл на полгода, – это его проблемы. Что, медаль ему повесить? Не трогать теперь игроков сборной?

12. Нормы как деятельностные корреляты ценностей, регуляторы ценностно мотивированного поведения в спортивном конфликте имеют два измерения – техническое и содержательное (этическое): *футболист Х правильно провел передачу* – сработал технично; *футболист Х правильно сделал, что извинился после инцидента* – повел себя этично.

Нормативное измерение конфликта включает в себя минимум три слоя: наивно-этический, профессионально-этический и юридический (правовой).

13. Информационное воплощение, языковая материя текстов, код (стиль, дискурс, жанр) – это традиционные объекты лингвистики и, соответственно, лингвоконфликтологии.

Конфликт «Веллитон – Акинфеев» обсуждался спортивными руководителями, наблюдателями (в том числе бывшими спортсменами) и журналистами «на высоком градусе накала», эмоционально, с использованием бранной лексики. При этом оппонентам адресовались этические оценки – вплоть до намеков в речевом преступлении (в экстремизме); конфликт разворачивался на грани лингвоправового. Так, в газете «Спорт-Экспресс» защитник «ЦСКА» В. Березуцкий (из команды потерпевшего) заявил:

Совершенно очевидно, что Веллитон сыграл очень некрасиво и грубо.

Тренер армейских вратарей, в прошлом знаменитый голкипер сборной СССР В. Чанов сформулировал свою оценку ситуации в онлайн-издании «Спорт сегодня»:

Веллитон совершил очередной хамский поступок. Подобное отношение к вратарям у этого футболиста проявляется регулярно, и все сходит с рук.

В интервью «Спорт-Экспрессу» генеральный директор «ЦСКА» Р. Бабаев высказался очень резко:

Веллитон – настоящий подонок. Он в который раз уже атакует исподтишка. Мы посмотрели повтор эпизода: Акинфеев был первый на мяче, так что любая борьба была бессмысленной. Но Вел-

литон умышленно его ударил. Некоторые болельщики уже обещают устроить возмездие. Мы не сторонники таких акций, но, тем не менее, пусть теперь осторожнее по улицам ходит.

Отметим в этих высказываниях парадокс: негативная оценка поведения спортсмена как неэтичного воплощена в форме грубой (Чанов: *очередной хамский поступок*) и даже оскорбительной (Бабаев: *Веллитон – настоящий подонок*). Эти конфликтогены провоцируют эскалацию конфликта и его трансформацию из спортивного в коммуникативный, то есть такой, где нарушены речеведческие нормы.

В интервью изданию «Советский спорт» гендиректор «Спартак» и его главный тренер В. Карпин отреагировал так:

Роман Бабаев – официальное лицо клуба. После подобного заявления занимать такие должности, как гендиректор клуба, в футболе он не может. Это призыв к насилию. Будем подавать заявление в прокуратуру. Мы что, хотим вторую Манежную площадь получить?

Здесь один высокопоставленный спортивный функционер обвиняет другого в призыве к экстремистскому насилию, напоминая о Манежной площади в Москве, где 12 декабря 2010 г. произошел митинг памяти болельщика «Спартак» Е. Свиридова, убитого приехжими кавказцами.

Однако обвинение в экстремизме (ст. 282 УК РФ) было надуманным; нет также оснований для обвинения в угрозе жизни и здоровью (ст. 119 УК РФ). В таком случае говорят о ложном характере конфликта. С точки зрения лингвоконфликтологии имеются признаки, нарушающие этику коммуникации, и разрешать данный конфликт необходимо не на уровне права, а на уровне морали.

В ответ на уголовные обвинения на официальном сайте «ЦСКА» прозвучали ответные обвинения этического характера, они воспроизведены на портале «Вести.ру»:

ЦСКА крайне удивлен заявлением Валерия Карпина относительно высказывания генерального директора ЦСКА Романа Бабаева, касающегося грязного поступка игрока «Спартак» Веллитона против вратаря армейцев и сборной России Игоря Акинфеева. Узнав о реакции некоторых болельщи-

ков на данный эпизод, Роман Юрьевич отметил, что «мы не сторонники таких акций». И Валерию Карпину, прежде чем делать подобные заявления, которые вполне можно расценить как провокацию, следовало бы более внимательно читать высказывания своих коллег.

Этот «обмен любезностями» рефлексивен и демонстрирует, как на базе деятельностных конфликтов в результате нарушения универсальных правил или локальных конвенций общения возникают коммуникативные конфликты.

Выводы

Лингвоконфликтология представляет собой прикладную (вузовскую) речеведческую дисциплину, направление коммуникативной лингвистики и раздел юрислингвистики. А потенциально – органичную часть конфликтологии, хотя на сегодняшний момент специалисты по лингвоконфликтологии не входят в Российскую ассоциацию конфликтологов и не участвуют в их мероприятиях [Конфликтология..., 2019].

Специфика конфликтов формулируется в ЛКЛ в нескольких ключевых терминах. Термин *речевой конфликт* обозначает форму протекания деятельностного конфликта, а термин *коммуникативный конфликт* – противоборство по поводу конвенций самой информации / коммуникации. Это различие принципиально: оно позволяет понять конфликтогенный потенциал любого параметра коммуникации и осознать его ценностно-нормативный характер, социокультурную значимость. В ряде ситуаций, прежде всего в массмедиа, эти два конфликта могут совмещаться.

Термин *лингвоправовой конфликт* как специфический объект ЛКЛ указывает на рассмотрение коммуникативного противоречия через правовую / юридическую призму субъектом-истцом (персонажем критического текста) или заявителем из надзорной инстанции (прокуратуры, ФАС, ЦИК, Роскомнадзора). С одной стороны, ЛПК – это самая острая форма словесного конфликта, то есть явление коммуникативной природы, с другой – правонарушение, то есть феномен правовой природы. В преподавании будущим экспертам и в лингвоэкспертной практике ЛПК может быть назван рабочим термином *речевое (язы-*

ковое) преступление. Это деликт, где нарушаются: 1) права личности на честь, достоинство, деловую репутацию, жизнь; 2) право социума на эффективное и законосообразное функционирование институтов, в том числе СМИ; 3) права государства на безопасность населения, соблюдение законности, конституционного строя.

Если задача курсов стилистики и риторики в школе и в вузе – сформировать у обучающихся осознание нормативности общения и словесного творчества, научить воспринимать языковые и жанрово-дискурсивные нормы как возможность эффективного выбора и как необходимость творческого («вкусового») самоограничения, то задача лингвоконфликтологии, на наш взгляд, отразить нормы высшего уровня, нормы этико-правовые. С одной стороны, литература, журналистика, сфера рекламы регулируются стихийно сложившимися «цеховыми» нормами, незнание которых или пренебрежение которыми не позволяет создать качественный текст. Наказанием здесь служит неполучение прагматического или эстетического результата, интереса, одобрения читателей, отклонение текста редактором или издателем. С другой стороны, они подчиняются требованиям государственных законов, нарушение которых (от правонарушения по ГК РФ до преступления по УК РФ) наказывается в диапазоне от штрафов до тюремного заключения. Лингвоконфликтология как прикладная наука помогает осознать комплексные регуляторы и критерии креатива – от стилистических до юридических, выявляет механизмы коммуникативных конфликтов, обнаруживает конфликтогенность самой лингвистической экспертизы и способствует профилактике речевых деликтов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анцупов А. Я., Шипилов А. И., 2000. Конфликтология. СПб. : Питер. 551 с.
- Ворошилова М. Б., 2013. Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика // Политическая лингвистика. № 1 (43). С. 211–212.
- Галяшина Е. И., 2017. Проблемы повышения эффективности и качества судебной лингвисти-

- ческой экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. № 2. С. 34–36.
- Голев Н. Д., 2003. Юрислингвистика: программа курса для студентов филологического факультета, обучающихся по дополнительной специализации «Лингвокриминалистика» // Юрислингвистика-4: юридико-лингвистические дисциплины на юридических, филологических и журналистских факультетах российских вузов : межвуз. сб. науч. ст. Барнаул : АГУ. С. 62–72.
- Голев Н. Д., Обелюнас Н. В., 2014. Лингвоконфликтология // Эффективное общение (базовые компетенции) : слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Красноярск : Сиб. федер. ун-т. С. 279–280. Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I ; 128 MB RAM ; Windows 98/XP/7 ; Adobe Reader 8.0 и выше.
- Декатова К. Лингвоконфликтология: правовые и педагогические аспекты. URL: <http://lms.vspu.ru/courses/lingvokonfliktologiya-pravovyye-i-pedagogicheskie-aspektyi> (дата обращения: 23.01.18).
- Кара-Мурза Е. С., 2010а. Лингвоконфликтология как пропедевтический курс для лингвистов-экспертов // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы IV Международ. конгр. исследователей рус. яз. (Москва, 20–23 марта 2010 г.). М. : МГУ. С. 755–756.
- Кара-Мурза Е. С., 2010б. Лингвоправовой конфликт как объект исследования в лингвоконфликтологии // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. ст. Барнаул ; Кемерово : Изд-во Алт. ун-та. С. 114–123.
- Кара-Мурза Е. С., 2011. Лингвоконфликтология: основные понятия и вузовские варианты // Журналистика и культура русской речи. № 2 (58) ; № 3 (59) ; № 4 (60).
- Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира, 2019 : материалы III Санкт-Петербург. междунар. конгр. конфликтологов (Санкт-Петербург, 15–16 нояб. 2019 г.). СПб. : Фонд развития конфликтологии. 438 с.
- Понятия чести, достоинства и деловой репутации. Спорные тексты СМИ и проблемы их анализа и оценки юристами и лингвистами, 2004 / под ред. А. К. Симонова, М. В. Горбаневского. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Медея. 328 с.
- Речевая конфликтология, 2008 : учеб. пособие / отв. ред. М. Я. Дымарский. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. 215 с.
- Третьякова В. С., 2010. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика-10: лингвоконфликтология и юриспруденция : межвуз. сб. науч. ст. Барнаул ; Кемерово : Изд-во Алт. ун-та. С. 141–149.
- Чернышова Т. В., 2017. Основы лингвоконфликтологии : учеб. пособие. Барнаул : Алт. гос. ун-т. 190 с. 1 электрон. опт. диск (DVD). Систем. требования: PC, Intel 1 ГГц ; 512 Мб оператив. памяти ; 30 Мб свобод. дискового пространства ; DVD-привод ; ОС Windows 7 и выше, ПО для чтения pdf-файлов.

REFERENCES

- Antsupov A. Ya., Shipilov A. I., 2000. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Saint Petersburg, Piter Publ. 551 p.
- Voroshilova M. B., 2013. *Yurislingvistika: sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza, lingvokonfliktologiya, yuridiko-lingvisticheskaya germeneytika* [Juridical Linguistics: Forensic Linguistic Expertise, Linguo-Conflictology, Juridical-Linguistic Hermeneutics]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (43), pp. 211-212.
- Galyashina E. I., 2017. *Problemy povysheniya effektivnosti i kachestva sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy* [On the Problems of Efficiency and Quality Enchantment of Forensic Linguistic Expertise]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 2, pp. 34-36.
- Golev N. D., 2003. *Yurislingvistika: programma kursa dlya studentov filologicheskogo fakulteta, obuchayushchikhsya po dopolnitelnoy spetsializatsii «Lingvokriminalistika»* [Juridical Linguistics: Program of the Course for Students of the Philological Faculty Studying on the Additional Specialisation “Forensic Linguistics”]. *Yurislingvistika-4: yuridiko-lingvisticheskie distsipliny na yuridicheskikh, filologicheskikh i zhurnalistskikh fakultetakh Rossiyskikh vuzov: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Juridical Linguistics-4: Legal and Linguistic Disciplines on Legal, Philological and Journalistic Faculties of Russian Universities. Interuniversity Collection of Scientific Articles]. Barnaul, AGU, pp. 62-72.
- Golev N. D., Obelyunas N. V., 2014. *Lingvokonfliktologiya* [Linguoconflictology]. Skovorodnikov A. P., ed. *Effektivnoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slov.-sprav.* [Effective Communication (Basic Competencies). Reference Dictionary]. Krasnoyarsk, Sibirskiy federalnyy universitet, pp. 279-280. System requirements: PC Pentium I or higher; 128 MB RAM; Windows 98/XP/7; Adobe Reader V. 8.0 or higher.

- Dekatova K. *Lingvokonfliktologiya: pravovye i pedagogicheskie aspekty* [Linguoconflictology: Legal and Pedagogical Aspects]. URL: <http://lms.vspu.ru/courses/lingvokonfliktologiya-pravovyye-i-pedagogicheskie-aspekty/> (accessed 23 January 2018).
- Kara-Murza E.S., 2010 a. *Lingvokonfliktologiya kak propedevticheskiy kurs dlya lingvistov-ekspertov* [Linguoconflictology as an Introductory Course for Linguists-Experts]. *Russkiy yazyk: istoricheskie sudby i sovremennost: tr. i materialy IV Mezhdunar. kongr. issledovateley rus. yaz. (Moskva, 20–23 marta 2010 g.)* [Russian Language: Historical Destinies and Modernity. 4th International Congress of Russian Language Researchers. Works and Proceedings. Moscow, March 20–23, 2010]. Moscow, MGU, pp. 755-756.
- Kara-Murza E.S., 2010 b. *Lingvopravovoy konflikt kak obyekt issledovaniya v lingvokonfliktologii* [Linguolegal Conflict as an Object of Study in Linguoculturology]. *Yurislingvistika-10: lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Juridical Linguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence. Interuniversity Collection of Scientific Articles]. Barnaul, Kemerovo, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 114-123.
- Kara-Murza E.S., 2011. *Lingvokonfliktologiya: osnovnye ponyatiya i vuzovskie varianty* [Linguoconflictology: Basic Concepts and Institutional Options]. *Zhurnalistika i kultura russkoy rechi*, no. 2 (58), no. 3 (59), no. 4 (60). *Konfliktologiya XXI veka. Puti i sredstva ukrepleniya mira: materialy III Sankt-Peterburg. mezhdunar. kongr. konfliktologov (Sankt-Peterburg, 15–16 noyab. 2019 g.)*, 2019 [Conflictology of the 21st Century. Ways and Means of Strengthening Peace: Proceedings of the 3rd Saint Petersburg International Congress of Conflict Scientists (Saint Petersburg, November 15–16, 2019)]. Saint Petersburg, Fond razvitiya konfliktologii. 438 p.
- Simonov A.K., Gorbanevskiy M.V., eds., 2004. *Ponyatiya chesti, dostoinstva i delovoy reputatsii. Spornye teksty SMI i problemy ikh analiza i otsenki yuristami i lingvistami* [Concepts of Honor, Dignity and Business Reputation. Controversial Media Texts and Problems of Their Analysis and Evaluation by Lawyers and Linguists]. Moscow, Medeya Publ. 328 p.
- Dymarskiy M.Ya., ed., 2008. *Rechevaya konfliktologiya: ucheb. posobie* [Speech Conflictology. Study Guide]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena. 215 p.
- Tretyakova V.S., 2010. *Konflikt v lingvisticheskikh kategoriakh* [Conflict in Linguistic Categories]. *Yurislingvistika-10: lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya: mezhvuz. sb. nauch. st.* [Juridical Linguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence. Interuniversity Collection of Scientific Articles]. Barnaul, Kemerovo, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 141-149.
- Chernyshova T.V., 2017. *Osnovy lingvokonfliktologii: ucheb. posobie* [Fundamentals of Linguoconflictology. Study Guide]. Barnaul, Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 190 p. 1 electronic optical disk (DVD). System requirements: PC, Intel 1 GHz; 512 MB RAM; 30 MB free disk space; DVD-drive; Windows 7 or higher, software for reading pdf files.

Information About the Author

Elena S. Kara-Murza, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Stylistics of the Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Mokhovaya St., 9, Bld. 1, 125009 Moscow, Russia, kara-murza-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2628-0218>

Информация об авторе

Елена Станиславовна Кара-Мурза, кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, ул. Моховая, 9, стр. 1, 125009 г. Москва, Россия, kara-murza-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2628-0218>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

UDC 81'1:156.12
LBC 81.003

Submitted: 28.09.2019
Accepted: 27.12.2019

“CONFLICTOGENIC ZONES” OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

Olga V. Balyasnikova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
Sechenov First Moscow State Medical University, Moscow, Russia

Natalya V. Ufimtseva

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The term “conflictogenic zone” of language consciousness is associated with a complex of concepts denoting values of a particular culture expressed by means of the national language. When comparing the associative meanings of quasi-equivalent lexemes of the languages under study, there can be revealed a mismatch of the knowledge behind them, the latter leading to the conflicts of misunderstanding / incomplete understanding in the situation of intercultural communication. Thus, the spheres of national traditions, family and confessional relations and, in general, the sphere of ideas about oneself and about one’s ethnic neighbours, are undoubtedly conflictogenic (i.e. dissimilar in content or completely lacunar). The results of an associative experiment conducted with native speakers of Russian and national languages in two regions of the Russian Federation (i.e. the Republic of Tatarstan and Sakha (Yakutia)) demonstrate the differences in the above-mentioned ideas depending on the region of living and national identification of the informants. The study was conducted in the native language of the informants, the latter being asked to write down a spontaneous word-reaction to ethnonymic stimuli. Then the semantic gestalt of each stimulus was simulated for each group of the informants, with the semantic zones “subject”, “object”, “characteristic”, etc. being identified and statistically analysed. The analysis revealed certain differences; the results of the research can be used to optimize intercultural communication and prevent communicative and other conflicts.

Key words: conflictogenic zone, associative experiment, semantic gestalt, language consciousness, Russians, Tatars, Yakuts.

Citation. Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V. “Conflictogenic Zones” of Language Consciousness in Intercultural Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 28-40. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

УДК 81'1:156.12
ББК 81.003

Дата поступления статьи: 28.09.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

«КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЗОНЫ» ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Ольга Вениаминовна Балясникова

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия;
Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, г. Москва, Россия

Наталья Владимировна Уфимцева

Институт языкознания РАН, г. Москва, Россия

Аннотация. Исследование языкового сознания проведено с применением термина «конфликтотенная зона», который связан с комплексом представлений о ценностях определенной культуры, выражаемых сред-

ствами национального языка. В статье описаны результаты ассоциативного эксперимента с носителями русского и национальных языков, осуществленного в регионах Российской Федерации – Республиках Татарстан и Саха (Якутия). Эксперимент проведен на родном языке информантов, которым было предложено записать спонтанное слово-реакцию на стимулы-этнонимы. Авторами смоделирован семантический гештальт каждого стимула для каждой группы испытуемых и выделены ассоциаты, составляющие семантические зоны «субъект», «эго», «объект», «характеристика», «действия», «локус», «прочие». По результатам анализа полученных данных определены имеющиеся различия представлений о национальных традициях, семейно-родственных и конфессиональных отношениях, себе и этнических соседях. Установлена зависимость этих представлений от региона проживания и национальной самоидентификации информантов. Показано, что в процессе анализа ассоциативных значений квазиэквивалентных лексем сопоставляемых языков / культур может быть выявлено несовпадение стоящих за ними знаний, которое при межкультурном взаимодействии приводит к конфликтам непонимания (неполного понимания). Результаты исследования могут быть использованы для оптимизации межкультурного общения и предотвращения коммуникативных и иных конфликтов.

Ключевые слова: конфликтогенная зона, ассоциативный эксперимент, семантический гештальт, языковое сознание, русские, татары, якуты.

Цитирование. Балясникова О. В., Уфимцева Н. В. «Конфликтогенные зоны» языкового сознания в межкультурном взаимодействии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 28–40. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.3>

Введение

Национальный язык – важнейший критерий этноидентификации и культурной интеграции. Эта функция дает его носителям понимание принадлежности к национальной культуре, ее традициям и общему опыту. Оптимальная общность знаний коммуникантов о предмете речи, который обозначается определенным языковым знаком, является условием бесконфликтного взаимодействия. В межкультурном общении язык может становиться инструментом конфликта, применяемым вполне осознанно. Однако даже при отсутствии такой установки несходство знаний, стоящее за используемыми в общении словами, может спровоцировать как минимум конфликт непонимания (неполного понимания). Знания, которые связаны с культурными предметами, обозначаемыми словами-эквивалентами разных языков (или, точнее, квазиэквивалентами), оказываются различными и могут в ситуации межкультурных контактов противоречить друг другу. Такие конфликты непонимания (неполного понимания) в условиях межкультурного общения – не исключение, а, скорее, норма. Будучи одной из форм взаимодействия индивидов и групп внутри их собственной культуры и в межкультурном общении, конфликт затрагивает не только и не столько собственно языковые аспекты своего проявления, поскольку его причины заключены в специфике социокультурного опыта

человека. Решение актуальных в настоящее время задач установления причин и природы конфликтов разного рода предполагает прежде всего интердисциплинарность и глубину их изучения.

Если сосредоточиться на исследовании различий культурного опыта носителей разных языков, то речь может идти о квазиэквивалентной лексике (и сопоставлении значений таких лексем с привлечением, например, материала словарей типа Славянского ассоциативного словаря [2004]) и словах, которые таких эквивалентов не имеют, то есть о культурологических либо собственно языковых лакунах. В интеръязыковой лакунарности изначально заложена потенциальная конфликтность непонимания (неполного понимания).

Данный тип конфликтов апеллирует к «широкому контексту» взаимодействия коммуникантов, поскольку связан с константами национального сознания и различается от культуры к культуре. Эти константы лежат:

- в сфере родственных отношений;
- сфере ценностных ориентаций носителей языка / культуры;
- конфессиональной сфере;
- сфере этнокультурных традиций и шире – деятельности, особенности которой мыслятся неодинаково в зависимости и от культуры, и от региона проживания;
- сфере представлений народа об этнических соседях и самом себе.

Все они, несомненно, взаимосвязаны. Сфера представления народа об этнических соседях и самом себе, исследованию которой посвящена данная статья, имеет длительную историю междисциплинарного изучения и соотносится с комплексом представлений, известных как авто- и гетеростереотипы.

Материал и методы исследования

В лингвистических работах стереотипам уделялось много внимания в их отношении к культурным традициям разных народов, проблемам взаимной адаптации в условиях инокультурного соседства, применимости различных, прежде всего психологических, методов анализа содержания стереотипов [Маслова, 2019; Никаева, 2013; Никаева, Соловьева, 2016; Разумкова, 2017; Семашко, 2014; Согомоян, 2018; Bhatia, 2017; Maguire, Wozniak, 1987; Size Is in the Eye of the Beholder..., 2018; Tarasova, 2017]. В настоящее время остаются актуальными вопросы формирования интолерантных установок в отношении носителей других языков и культур в рамках территориального или институционального соседства, в том числе в студенческих группах [Arens, Visser, 2020; Glock, Kleen, 2019; Racial and Ethnic Differences in Bullying..., 2020; Stanciu, Vauclair, Rodda, 2019; Weber, Appel, Kronberger, 2015].

В 2015–2017 гг. при участии коллег из Республик Татарстан, Коми, Бурятия и Саха (Якутия) нами было проведено масштабное исследование «регионального языкового сознания» молодых представителей автохтонного населения, а также языкового сознания русских, проживающих в этих республиках. С помощью экспериментального метода были получены и описаны ассоциативные значения 116 слов в каждой из 10 групп испытуемых. В процессе анализа данных выявлены потенциально конфликтные зоны языкового сознания, обусловленные несовпадением содержания образов сознания, связанных с ключевыми понятиями национальных культур (подробно об этом см.: [Региональное языковое сознание..., 2017]). В статье представлены некоторые результаты исследования, отражающие взаимодействие русской, татарской, якутской культур (и языков).

Отметим, что изучение стереотипов татар и якутов проводилось и проводится с применением как психолингвистических, так и других методов. По мнению исследователей, современным татарам свойственно осознание себя как единой нации на единой этнической основе [Ибрагим, Султанов, Юзеев, 2002], сильная привязанность к национальным традициям и культуре. Ведущими качествами в их автостереотипах считаются трудолюбие, гостеприимство, хитрость, общинность и национализм [Додина, 2008], а первичной характеристикой в самоидентификации (реакции на стимул *я* в ассоциативном эксперименте) является указание на свою конфессиональную принадлежность – *мусульманин* (35), затем следуют *человек* (20), *мужик* (13), *отец* (4) [Гайсина, 2014].

Якуты, по данным В.Г. Крысько [Крысько, 2008], позиционируют себя как людей выносливых, терпеливых, добрых, находчивых, гостеприимных и как знатоков природы. Им свойственна «высокая работоспособность, образованность, доброжелательность», «сдержанность и замкнутость» [Крысько, 2008, с. 132–133], а также «сакрализация природы, родной земли, сакральность жизни, поддерживающих жизнь света и тепла» [Григорьева, 2019]. Особую ценность в образе мира якутов имеют человеческая общность, род, семья, мастерство. Идеалом для них является человек трудолюбивый, любящий Родину, отзывчивый, искренний, добрый и жизнерадостный [Григорьева, 2019]. Многие ученые отмечают такие качества характера якутов, как неприхотливость, выносливость, организованность, сдержанность, терпение и смирение.

В условиях высокой конфликтности коммуникационной среды, в которой пребывает современный носитель языка, продолжает оставаться актуальным исследование национально-культурной специфики языкового сознания носителей контактирующих культур, проводимое с целью выявления потенциальных конфликтных зон, а также описание комплекса языковых средств как потенциальных носителей конфликтной информации, связанных с данными зонами.

Такая задача может быть решена с помощью сравнительно-сопоставительного анализа ассоциативного (психологического) значения слов-эквивалентов в изучаемых языках / культурах и последующего установления несовпа-

дений компонентов значений (в критериях количества и качества) и уточнения лингвистических и экстралингвистических параметров конфликтотенных речевых ситуаций применительно к условиям конкретных межъязыковых контактов. Полученные данные могут быть интерпретированы с использованием достижений социолингвистики, в которой языковые конфликты имеют давнюю историю изучения [Балясникова, 2015; Балясникова, Уфимцева, 2019].

Общей теоретической основой нашего исследования является теория языкового сознания, разработанная в Московской психолингвистической школе и предполагающая органическую взаимосвязь понятий «деятельность», «сознание» и «культура». Языковое сознание понимается как отражение деятельности в ее обусловленности психическими (когнитивными) процессами, с одной стороны, и актуализация этих отношений в коммуникации через языковой знак – с другой. Такой подход предполагает обращение к психологическому значению (А.А. Леонтьев), содержащему знания, сформированные в рамках конкретного языка / культуры и способные «овнешнаться» с помощью языковых средств разного уровня: слов, словосочетаний, фразеологических единиц, текстов и т. д.

Ассоциативные значения слов национального языка в рамках методологического подхода Московской психолингвистической школы трактуются как образы языкового сознания, отражающие знания, определяемые культурой носителя языка, для которого этот язык является родным. Сопоставление содержания ассоциативных полей слов-эквивалентов в нескольких языках – метод фиксации и измерения национально-культурной специфики образов сознания, ассоциированных с этими словами.

В данном случае в фокус внимания помещены культуры, носители которых проживают на территории современной России: татарская, якутская и контактирующая с ними русская. Нас интересовали ассоциативные значения слов, используемых русскими, татарами и якутами для национально-культурной идентификации (на национальных языках), и ассоциативные значения слов, которыми носители этих языков называют своих этнических соседей.

В Якутии на родном языке были опрошены русские и якуты, в Татарстане – русские и

татары. В опросе участвовали респонденты, постоянно проживающие в этих республиках. Объем каждой выборки составлял 200–300 человек в возрасте от 17 до 26 лет, причем было соблюдено равное соотношение респондентов мужского и женского пола. Эксперимент проводился в студенческих группах; предварительно была собрана следующая информация об испытуемых: пол, возраст, национальность, родной язык, город, вуз.

Обработке подвергались ответы с частотой два и более. По результатам эксперимента проводился анализ структуры и содержания ассоциативного значения исследуемых этнонимов в каждом языке и фиксировались количественные и качественные несовпадения в содержании ассоциативного значения слов-эквивалентов по названным языкам.

Результаты и обсуждение

По данным ассоциативного эксперимента были построены семантические гештальты (по методу Ю.Н. Караулова) для каждого слова-стимула, содержащие несколько семантических зон, количество и содержание которых определялись характером полученных результатов. В семантическую зону «субъект» включены обобщенные номинации (*люди, человек*), номинации по социальным, половым, возрастным, оценочным характеристикам, названия общностей, животных и мифических существ. В зону «эго» отнесены местоимения и другие дейктические слова. Семантическую зону «объект» составили названия неодушевленных объектов, конкретных и абстрактных. В семантическую зону «характеристика» вошли слова, значение которых связано с характеристикой объекта, обозначенного словом-стимулом. Зона «действия и состояния» содержала слова-названия действий или состояний объекта, обозначенного стимульным словом, или действий по отношению к объекту и связанных с ним состояний. В семантическую зону «локус» включены названия территориальных объектов с актуализацией местонахождения или границы. Прочие слова, представляющие собой, как правило, случаи реагирования не на содержание, а на форму стимула, составили отдельную зону. Каждая семантическая зона ассоциативного гештальта

разделена на субзоны, например, конкретных и абстрактных объектов, положительных и отрицательных характеристик и т. д.

Результаты представлены в таблице 1 и 2. Цифры, указанные после слов-реакций, обознача-

ют их частоту. Десятичные дроби обозначают процентное отношение конкретных ассоциатов или групп ассоциатов к общему количеству реакций на стимул (исключая единичные).

Таблица 1. Ассоциативная структура автостереотипов русских, татар и якутов

Table 1. Associative structure of Russian, Tatar and Yakut self-stereotype

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>русские</i>		<i>татарлар</i>	<i>сахалар</i>
Субъект	<i>люди 68, народ 25, татары 18, национальность 16, нация 15, братья 5, немцы 3, народность 3, друзья 3, девушки 2, народы 2, россияне 2, русичи 2, семья 2</i>	<i>люди 46, якуты 12, нация 8, друзья 5, национальность 4, народ 3, славяне 3, девушки 2, солдаты 2</i>	<i>милләт (нация, национальность) 64, урыслар (русские) 29, халык (народ) 15, кешеләр милләте (нация) 6, дуслар (друзья) 6, руслар (русские) 5, туганнар (родственники, родня) 5, кеше (человек) 4, милләттәшләр (соплеменники, сородичи (одной нации)) 2, рус (русский) 2, халкым (мой народ) 2</i>	<i>норуот (народ) 27, омук (народ, нация, национальность) 14, нууччалар (русские) 12, ураанхайдар (урянахай, урянахайцы (устаревшее самоназвание якутов)) 10, дьоннор (люди) 8, ураанхай (устаревшее самоназвание якутов)) 7, омуктар (народы, нация, национальность) 5, дьон (люди) 3</i>
	47,7	63,9	41,5	55,1
Эго	<i>мы 5, свои 4</i>	<i>мы 6</i>	<i>без (мы) 20, мин (я) 7, безнекеләр (наши) 2</i>	<i>бийиги (мы) 15</i>
	2,8	4,5	8,6	9,6
Объект	<i>традиции 8, книги 3, сказки 3, алкоголь 2, блюда 2, менталитет 2, песни 2, слова 2, традиция 2</i>	<i>водка 4, слова 4</i>	<i>тел (язык) 4, горурлык (гордость) 3, бердәмлек (единство) 2, түбэтэй (тюбетейка) 2, чэй (чай) 2</i>	<i>Бһыах (ысыах, национальный якутский праздник) 4</i>
	8,1	6,0	3,9	2,6
Характеристика	<i>сила 14, сильные 6, мощь 4, молодцы 4, хорошие 4, сильны 3, лучшие 5, самые лучшие 2, много 3, душевные 2, жадные 2, красавчики 2, наглые 2, разгильдяи 2, националисты 2</i>	<i>сильные 5, добрые 3, крутые 3, сила 3, везде 2, хорошие 2</i>	<i>көчлө (сильный) 23, көч (сила) 13, бердәм (единый, дружный) 11, күп (много) 11, бергә (вместе) 5, көчлө халык (сильный народ) 4, бөөк (великий) 4, хэйлэкэр (хитрый) 4, кунакчыл (гостеприимный, хлебосольный) 3, эз (мало) 2, яхшы кешеләр (хорошие люди) 2, эйбэтләр (хорошие) 2, горур (гордый) 2, тырыш (старательный, упорный, настойчивый) 2, мөселманнар (мусульмане) 2, багырлар (герои) 3</i>	<i>бииргэ (вместе) 11, бары бииргэ (вместе) 10, элбэхтэр (много) 6, куустээхтэр (сильные) 3, күүс (сила, мощь; энергия) 3, аһыйахтар (мало) 2, куустээх нуруот (сильный народ) 2, өрүү үөһээ (всегда на высоте) 2</i>
	17,8	13,5	27,6	25,0

Окончание таблицы 1

End of table 1

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
Действие	Слово-стимул			
	<i>русские</i>	<i>русские</i>	<i>татарлар</i>	<i>сахалар</i>
	не сдаются 47, идут 5	не сдаются 11	тапшыру (передать) 7, булдыралар (создают, делают, могут) 6, булдыра (создает, делает) 4, килэ (придет, приедет) 3, яши (живет) 3, таркау (разбросать) 2	бааллар (есть) 7, баарбыт (есть) 3
	16,2	8,3	7,7	6,4
Локус	Россия 6, держава 2, вперед 3	Россия 3	Татарстан 7, иле (страна) 3, авылы (деревня (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 2, бөтен эҗирдэ (во всем мире) 2, Казан (Казань) 2, алга (вперед) 4, алга! (вперед!) 2	–
	3,4	2,3	6,5	0
Прочие	0	0	1,5	1,3

Таблица 2. Ассоциативная структура гетеростереотипов русских, татар и якутов

Table 2. Associative structure of Russian, Tatar and Yakut geterostereotype

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>татары</i>	<i>якуты</i>	<i>руслар</i>	<i>нуччалар</i>
Субъект	народ 42, русские 31, люди 30, национальность 26, нация 20, друзья 19, монголы 14, соседи 12, братья 3, русский 3, русские 2	люди 25, народ 18, национальность 12, нация 10, русские 10, друзья 5, Саха 5, якуты 2, звери 2	татарлар (татары) 83, милләт (нация, национальность) 57, дуслар (друзья) 51, кешеләр (люди) 24, күриеләр (соседи) 12, халык (народ) 11, курие (сосед) 8, дуҗ (друг) 4, кеше (человек) 4, марҗа (русская женщина) 4, иттәшиләр (товарищи) 3, милләте (нация (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 3, һәм татарлар (и татары) 3, башка милләт (другая нация) 2, марҗалар (русские женщины) 2, Иван 2, Нация 2, рус кешесе (русский, русская) 2, урыслар (русские) 2, аю (медведь) 2	сахалар (якуты, саха) 31, омуктар (народы, нация, национальность) 23, норуот (народ) 12, дьоннор (люди) 11, омук (народ, нация, национальность) 11, дьон (люди) 2, табаарыстар (товарищи) 2
	61,0	67,0	76,4	74,8

Окончание таблицы 2

End of table 2

Семантическая зона	Респонденты			
	Русские (Татарстан)	Русские (Якутия)	Татары (Татарстан)	Якуты (Якутия)
	Слово-стимул			
	<i>татары</i>	<i>якуты</i>	<i>руслар</i>	<i>нууччалар</i>
Эго	<i>мы</i> 2 0,6	– 0	<i>алар</i> (они) 2 0,5	– 0
Объект	<i>чак-чак</i> 10, <i>тобетейка</i> 4, <i>непонятный язык</i> 2, <i>Сабантуй</i> 2	–	<i>чиркэу</i> (церковь) 8, <i>теле</i> (язык (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 7, <i>тәре</i> (крест) 4, <i>Матрешка</i> 2, <i>сугыш</i> (война) 2, <i>христиан дине</i> (христианская религия) 2	–
	5,4	0	6,8	0
Характеристика	<i>хитрые</i> 25, <i>злые</i> 7, <i>хорошие</i> 4, <i>молодцы</i> 3, <i>умные</i> 3, <i>сила</i> 3, <i>мусульмане</i> 3, <i>веселые</i> 2, <i>добрые</i> 2, <i>темные</i> 2, <i>толерантность</i> 2, <i>хитрость</i> 2, <i>красавцы</i> 2	<i>хорошие</i> 6, <i>красивые</i> 4, <i>нормальные</i> 4, <i>сила</i> 4, <i>азиаты</i> 3, <i>мамбеты</i> 3, <i>узкоглазые</i> 3, <i>умные</i> 3, <i>дружные</i> 2, <i>злой</i> 2, <i>маленькие</i> 2, <i>сильные</i> 2	<i>куп</i> (много) 14, <i>эйбэт</i> (хорошо, хороший) 5, <i>яхшы</i> (хороший, прекрасный, добрый) 5, <i>көч</i> (сила) 3, <i>христианнар</i> (христиане) 2, <i>чукынган</i> (крещенный) 2, <i>бергэ</i> (вместе) 2, <i>көчлө</i> (сильный) 2, <i>тату</i> (дружный, мирный) 2	<i>элбэктэр</i> (много) 7, <i>атыттар</i> (другие, иные, чужие) 3, <i>кэлиллэр</i> (приезжие) 2, <i>маваннар</i> (белые) 2, <i>сырдык</i> (1) свет светлый светло; 2) перен. светлый; благородный) 2
	19,0	26,3	10,1	11,4
Действие	– 0	<i>нет</i> 2 1,5	<i>бар</i> (есть) 2, <i>белэн арасуу</i> (общаться с) 2 1,1	<i>бааллар</i> (есть) 12 9,8
Локус	<i>Татарстан</i> 15, <i>Казань</i> 7, <i>в Татарстане</i> 3, <i>общага</i> 3, <i>Родина</i> 3, <i>в Казани</i> 2, <i>езде</i> 8, <i>вокруг</i> 2	<i>Север</i> 2, <i>Якутия</i> 2	<i>Россия</i> (Россия) 8, <i>авылы</i> (деревня (с аффиксом принадлежности 3-го лица)) 2, <i>артка</i> (назад) 2, <i>Мәскәу</i> (Москва) 2, <i>Рәсәй</i> (Россия) 2	<i>Россия</i> 3
	13,0	3,0	4,4	2,4
Прочие	10,0	1,5	4,4	2,4

Основными зонами семантического гештальта являются «субъект» и «характеристика», которые отличаются в параллельных выборках как по содержанию, так и статистически.

На зону «субъект» оправданно приходится около половины всех ассоциатов на стимул-самоназвание. Очевидным является идентификация себя как *национальности / нации / народа*: у русских Якутии она наименее выражена (11,3), а у татар и особенно якутов – значительно больше (25,8 и 40,4 соответственно). У русских встречаются нечастотные ре-

акции *россияне, русичи* (в Татарстане – 1,2) и *славяне* (в Якутии – 2,3), а у якутов значительно чаще фиксируется бывшее самоназвание *ураанхайдар / ураанхай* (10,9). Упоминание исторических названий и обращение к историческому прошлому в процессе национально-культурной самоидентификации типично. Все русские и татарские респонденты дают сходные реакции на самоназвания: *друзья* (0,9 и 3,8) / *дуслар* (1,8), а русские, проживающие в Татарстане, и татары – *семья* (0,6) и *туганнар* (родственники) (1,5), что может

быть обусловлено особенностями взаимовлияния культур. В целом, судя по содержанию зоны «субъект», имеют место, во-первых, стратегия идентификации себя / своих: (просто) люди, национальность / нация; во-вторых, стратегия оппозиции, определяемая иноэтническим окружением: *русские – татары* (5,6), *русские – якуты* (9,0), *татарлар – урыслар / руслар / рус* (10,7) и *сахалар – нууччалар* (7,7). Подобные стратегии типичны для автостереотипизации, поскольку образ «мы» формируется в противопоставлении себя / своих другим. Показательно, что и количественно, и содержательно в выборке татар более всех выражено сопоставление с этническими соседями.

Зона «характеристика» более эксплицирована у татар и якутов, чем у русских, независимо от региона проживания. При этом все респонденты представляют собственный народ как *сильный*: особенно – татары (11,9) и русские Татарстана (8,4), менее – русские Якутии (6,0), якуты (5,1). Показательно, что русские ни в одном регионе не дали реакций со значением единства или общности, характерных и для испытуемых-татар, ср.: *бердәм* (единый, дружный) 11, *бергә* (вместе) 5 (4,7), и для испытуемых-якутов, ср.: *бииргэ* (вместе) 11, *бары бииргэ* (вместе) 10 (13,5). У русских такие реакции единичны. Об ослаблении коллективистского начала у современных русских существуют и другие свидетельства, ср. показатели частотности реакции *много / күп / элбэхтэр* у русских Татарстана (0,9), русских Якутии (1,5), татар (3,3) и якутов (3,8).

Положительные, отрицательные и нейтральные характеристики в рассматриваемой зоне также различны в разных выборках. Помимо отмеченных выше характеристик положительная оценочность выше всего оказывается в выборках русских Татарстана и Якутии – 5,9 и 6,9 соответственно (татар – 5,3, якутов – 1,3). Видимо, русские дают просто положительную оценку (*молодцы, крутые, хорошие, (самые) лучшие*), в то время как татары и якуты оценивают себя прежде всего как единый, дружный народ, что, безусловно, является положительной характеристикой. Нечастотные реакции представляют автохарактеристику русских как *душевного* (русские Татарстана – 0,6) и *доброго* (русские

Якутии – 2,3) народа. В свою очередь у татар эта характеристика более разнообразна: *кунакчыл* (гостеприимный, хлебосольный), *батырлар* (герои), *горур* (гордый), *тырыш* (старательный, упорный, настойчивый) (5,3). Только они упоминают принадлежность к конфессии: *мөселманнар* (мусульмане) (0,6). Отрицательные ассоциации с самоназванием встречаются у русских Татарстана (2,5), условно-отрицательные – у татар (1,2).

Семантическая зона «действие» содержит указание на действие или состояние, связанное со стимульным словом; как правило, в нее попадают ассоциаты-глаголы. В каждой выборке зона отличается и количественно, и качественно. Количественно она преобладает у русских респондентов Татарстана и Якутии, но представлена фактически одной или двумя реакциями, входящими в устойчивое сочетание: *не сдаются* (14,6 и 8,3 соответственно), а также *идут* у русских Татарстана (1,6). Следовательно, ассоциаты данной зоны у русских просто апеллируют к прецеденту. В татарской выборке данная семантическая зона наполнена разнообразными ассоциатами, большинство которых обозначает активные действия: *булдыралар / булдыра* (создают, делают, могут / создает, делает) (3,0), *тапшыру* (передавать) (2,1), *килэ* (придет, придет) (0,9), *яши* (живет) (0,9). В якутской выборке содержатся наименования состояния: *бааллар* (есть) (4,5), *баарбыт* (есть) (1,9).

Ассоциаты, составившие зону «эго», почти все относятся к 1-му лицу, то есть объект, называемый словом-стимулом, мыслится по отношению к себе. Несмотря на качественное однообразие, количественные различия показательны: «эго» активизируется более у испытуемых-татар (8,6) и испытуемых-якутов (9,6).

Зона «локус», включающая территориальные объекты, наиболее разнообразна и значима, согласно результатам эксперимента с испытуемыми-татарами.

Анализ зоны «субъект» возможен по нескольким направлениям. Принимая во внимание частотные реакции, можно отметить, что у русских наиболее частой является общая идентификация (*люди, народ*), затем – указание на свою национальность (эгоцентрические реакции), а у татар и якутов – наоборот. У русских респондентов, проживающих в Яку-

тии, обе стратегии равнозначны (30,1), а у татар слова, называющие национальность (23,6), встречаются чаще, чем слова с общим значением (17,5). Русские Татарстана упоминают также монголов (4,2), а русские Якутии – самоназвание якутов (3,8). В целом ассоциативное поле, составленное по реакциям русских, живущих в Татарстане, оказывается более разнообразным: *друзья* (5,7); та же реакция присутствует и в других выборках: у русских Татарстана она составляет 3,8, татар – 15,9, включая реакцию *иптәшләр* (товарищи) (0,8), а у якутов зафиксирован только ассоциат *табаарыстар* (товарищи) (1,6). Сходными у русских Татарстана и татар являются ассоциаты *соседи / күрше, күршеләр* (сосед, соседи) (3,6 и 5,5). Уникальными можно считать реакции *маржа(лар)* (русская женщина (русские женщины)) 1,6 и *Иван* 0,5 в татарской выборке.

В составе зоны «характеристика» наблюдаются существенные различия в разных выборках. Русские, проживающие в Татарстане, оценивают своих этнических соседей как людей *хитрых* (8,2). В числе других реакций, которые можно интерпретировать как отрицательные, – *злые* (2,1) и *темные* (0,6). Положительные реакции-характеристики татар русскими составляют 5,7. В ряде случаев (0,6) указывается конфессия – *мусульмане*. У русских Якутии положительная характеристика своих этнических соседей (18,8) встречается чаще, чем отрицательная (6,8).

Самой частотной характеристикой русских со стороны татар и якутов является их количество – *күп* (много) (3,8), *элбэхтэр* (много) (5,7). Укажем две особенности реакций в татарской выборке: все они положительные (5,2) и представляют русских по их основной религии: *христианнар* (христиане), *чүкынган* (крещенный) (1,1). Эта особенность русских является, очевидно, важной для татарских респондентов – она присутствует и в составе зоны «объект»: *чиркәү* (церковь), *христиан дине* (христианская религия) (3,8). Испытуемые-якуты в свою очередь дают общие характеристики: *атыттар* (другие, иные, чужие), *кэлиилэр* (приезжие) (4,1), *маңаннар* (белые) (1,6). Данный факт, а также то, что русские Якутии обращают больше внимания на внешность, русские Татарстана – на ха-

рактер, свидетельствует о большей дистанции между русскими и якутами, в отличие от русских и татар. Это подтверждает и содержание зоны «локус»: русские и якуты указывают только общие названия страны / республики, в которой проживает титульное население, в то время как реакции русских Татарстана и татар включают названия разнообразных, больших и малых локусов.

Проанализированные здесь примеры представляют малую часть исследования конфликтногенных зон языкового сознания. В действительности такие зоны выявляются на целой группе стимулов, соотнесенных с ключевыми понятиями русской, татарской и якутской культур [Региональное языковое сознание..., 2017].

По результатам общего комплексного анализа могут быть зафиксированы конфликтногенные тенденции. Так, стимулы, называющие ценности, в ряде случаев обнаруживают существенные несовпадения в содержании и структуре ассоциативных значений. К таковым относятся стимулы *Бог, вера и душа*. Хотя здесь имеют место особенности содержания гештальтов, обусловленные стратегиями ассоциирования на русском и национальном языках (см. об этом: [Уфимцева, 2019]), конфессиональная принадлежность является значимой. В некоторых случаях наблюдались различия регионального характера у испытуемых европейской и азиатской части России.

Еще одна конфликтногенная сфера связана с отношениями родства. В языках тюркской группы существует разветвленная сеть наименований степеней родства, в которой различаются не только родственники со стороны отца / матери (мужа / жены), но и родные братья и сестры по возрасту и полу. Соответствующая лексическая единица актуализирует разные знания, обусловленные особенностями внутрисемейных отношений. Причем у татар семейно-родовые отношения оказываются актуализированными и в тех случаях, когда речь идет о неродственниках (стимулы *друг, гость*) [Региональное языковое сознание..., 2017, с. 92–95].

Из-за несовпадения грамматических систем русского и тюркских языков (а также татарского и якутского между собой) возможен конфликт непонимания. Обнаружена боль-

шая зависимость ассоциативных гештальтов стимулов зоны «эго» от языкового фактора [Балясникова, Уфимцева, 2018]. Зафиксированы несовпадения в ассоциативных гештальтах стимула *наши* (большее количество реакций, указывающих на национальность, представлено у респондентов-татар). По наличию конфликтогенных ассоциаций, хотя и немногочисленных, выделяется группа русских Татарстана и русских Якутии (стимул *он*). В выборках отмечены частотные типовые оценочные конфликтогены [Региональное языковое сознание..., 2017, с. 132–133].

Выводы

Выявленные в результате анализа тенденции показывают, что конфликтогенность может быть следствием различной оценки своего и другого народа. Конфликты концептуального характера возможны из-за различного понимания структуры деятельности в разных культурах и разного отношения к собственной деятельности.

Русские оценивают себя пассивно-положительно, но не осознают единым народом, поэтому среди ассоциатов много оценочных реакций-прецедентов. Татары и якуты, наоборот, осознают свое единство, у этих информантов, судя по данным эксперимента, значительно более, чем у русских, проявляется эгоцентризм и этноцентризм. С образом себя у татар ассоциируется активность и деятельность, якутов – существование, бытие. Фактор религиозной принадлежности более выражен у татар – по отношению прежде всего к контактирующей русской культуре, иначе говоря, татары более, чем другие респонденты, обращают внимание на религиозную принадлежность русских, тогда как последние – на внешние атрибуты принадлежности человека к татарской культуре. Несмотря на это, образ этнических соседей у татар является в целом положительным, в то время как русские, проживающие в Татарстане, дают им и отрицательные характеристики. Ранее было установлено, что образ *я* у респондентов в большинстве случаев положительный, следовательно, конфликтогенные тенденции могут проявляться в разных стратегиях самопрезентации, а также в большей выраженности национально-

го начала у татар и якутов (см. также: [Балясникова, Уфимцева, 2018]).

Таким образом, на материале исследования обнаруживаются предпосылки для потенциальных конфликтов, которые не выражаются в языке однозначно. Эти типы конфликтов связаны с так называемым «широким контекстом» общения, социокультурным фоном, на котором оно разворачивается.

Описание конфликтогенных языковых единиц с применением психолингвистических экспериментальных методов и привлечением большого числа испытуемых в разных регионах позволяет получить данные о «конфликтном» языковом сознании носителей национального языка. Результаты могут быть интерпретированы в сравнительно-сопоставительном аспекте в широком контексте этнопсихологических и лингвистических работ (отражающих экспертное знание о культурно-языковых конфликтах), а также социологических опросов (отражающих рефлексию наивного метасознания).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балясникова О. В., 2015. Возможности и перспективы этнопсихолингвистического исследования конфликта // Вопросы психолингвистики. № 4 (26). С. 12–20.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., 2018. Стратегии актуализации категории ЭГО в языковом сознании русских (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. № 4 (38). С. 14–33.
- Балясникова О. В., Уфимцева Н. В., 2019. Типология конфликтогенных зон по материалам ассоциативного эксперимента // Когнитивные исследования. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование : сб. науч. тр. в честь 70-летия В.З. Демьянкова / отв. ред. вып. М. Л. Ковшова. Тамбов : Державинский. С. 284–291.
- Гайсина А. Р., 2014. «Свой» и «чужой» в языковом сознании носителей татарской культуры // Международный научно-исследовательский журнал. № 4 (23), ч. 2. С. 99.
- Григорьева Е. М., 2019. Культурно-этнические особенности переживания в экстремальных ситуациях у якутов // Дневник науки. № 6 (30). С. 18.
- Додина Р. Р., 2008. Взаимные этнические образы русских, татар и чувашей Татарстана. URL: <http://kitap.net.ru/psi/etno-tat-rus.php> (дата обращения: 17.12.2019).

- Ибрагим Т. К., Султанов Ф. М., Юзеев А. Н., 2002. Татарская религиозно-философская мысль в общемусульманском контексте. Казань : Тат. книж. изд-во. 236 с.
- Крысько В. Г., 2008. Этническая психология. М. : Академия. 420 с.
- Маслова В. А., 2019. Стереотип и сравнение как репрезентанты лингвокультурного пространства // Тюркское языкознание XXI века: лексикология и лексикография : материалы междунар. науч. конф., посвященной 80-летию создания Института яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Казань : Изд-во Ин-та яз., лит. и искусства им. Г. Ибрагимова. С. 122–126.
- Никаева Т. М., 2013. Этнические стереотипы в образе мира русских, якутов, эвенков и эвенов // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Т. 10, № 3. С. 75–81.
- Никаева Т. М., Соловьева Е. В., 2016. Республика Саха (Якутия) в языковом сознании современной молодежи // Вестник научных конференций. № 9–6 (13). С. 47–60.
- Разумкова А. В., 2017. Стереотип в языковом сознании: психолингвистический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. Т. 14, № 2. С. 260–266.
- Региональное языковое сознание коми, русских и татар: проблемы взаимовлияния : коллектив. моногр., 2017 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, О. В. Балясникова, А. В. Разумкова, А. А. Степанова ; под ред. Н. В. Уфимцевой. М. ; Ярославль : Канцлер. 240 с.
- Семашко Т. Ф., 2014. Стереотип как фрагмент языковой картины мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 2 (32), ч. II. С. 176–179.
- Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский, 2004 / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М. : Изд-во РАН ИЯ. 800 с.
- Согомонян А. С., 2018. Роль этнических стереотипов и установок в формировании толерантности // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. № 4 (812). С. 210–219.
- Уфимцева Н. В., 2019. Ассоциативный эксперимент и когнитивные стратегии респондентов // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVII. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике : материалы Междунар. конгр. по когнитив. лингвистике (16–18 мая 2019 г.) / гл. ред. сер. Н. Н. Болдырев. М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина ; Н. Новгород : ДЕКОМ. С. 920–925.
- Arens A. K., Visser L., 2020. Personal Peer Victimization and Ethnic Peer Victimization: Findings on Their Co-occurrence, Predictors, and Outcomes from a Latent Profile Analysis // Child Abuse and Neglect. Vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.104250>.
- Bhatia S., 2017. The Semantic Representation of Prejudice and Stereotypes // Cognition. July (vol. 164). P. 46–60.
- Glock S., Kleen H., 2019. Attitudes Toward Students from Ethnic Minority Groups: The Roles of Preservice Teachers' Own Ethnic Backgrounds and Teacher Efficacy Activation // Studies in Educational Evaluation. Sept. (vol. 62). P. 82–91.
- Racial and Ethnic Differences in Bullying: Review and Implications for Intervention, 2020 / M. Xu, N. Macrynikova, M. Waseem, R. Miranda // Aggression and Violent Behavior. Vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101340>.
- Size is in the Eye of the Beholder: How Differences Between Neighbourhoods and Individuals Explain Variation in Estimations of the Ethnic Out-Group Size in the Neighbourhood, 2018 / J. Laméris, G. Kraaykamp, S. Ruiter, J. Tolsmaa // International Journal of Intercultural Relations. Mar. (vol. 63). P. 80–94.
- Maguire B., Wozniak J. F., 1987. Racial and Ethnic Stereotypes in Professional Wrestling // The Social Science Journal. Vol. 24, iss. 3. P. 261–273.
- Stanciu A., Vauclair Ch.-M., Rodda N., 2019. Evidence for Stereotype Accommodation as an Expression of Immigrants' Socio-Cognitive Adaptation // International Journal of Intercultural Relations. Sept. (vol. 72). P. 76–86.
- Tarasova A. N., 2017. Acculturation and Psychological Adjustment of Foreign Students (The Experience of Elabuga Institute of Kazan Federal University) // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 21 Febr. (vol. 237). P. 1173–1178.
- Weber S., Appel M., Kronberger N., 2015. Stereotype Threat and the Cognitive Performance of Adolescent Immigrants: The Role of Cultural Identity Strength // Contemporary Educational Psychology. July (vol. 42). P. 71–81.

REFERENCES

- Balyasnikova O.V., 2015. Vozmozhnosti i perspektivy etnopsikholingvisticheskogo issledovaniya konflikta [Opportunities and Prospects of Etnopsycholinguistic Research into Conflict]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (26), pp. 12-20.

- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., 2018. Strategii aktualizatsii kategorii *EGO* v yazykovom soznanii russkikh (po dannym assotsiativnogo eksperimenta) [The Strategy of Actualization of Ego-Category in the Russian Language Consciousness (An Associative Experiment Data Analysis)]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (38), pp.14-33.
- Balyasnikova O.V., Ufimtseva N.V., 2019. Tipologiya konfliktogennykh zon po materialam assotsiativnogo eksperimenta [Typology of Conflict Zones Based on Materials from an Associative Experiment]. Kovshova M.L., ed. *Kognitivnye issledovaniya. Vyp. XXXVI: Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie: sb. nauch. tr. v chest 70-letiya V.Z. Demyankova* [Cognitive Research. Iss. XXXVI: Understanding. Interpretation. Cognitive Modeling. Collection of Scientific Works in Honor of the 70th Anniversary of V.Z. Demyankov]. Tambov, Derzhavinskiy, pp. 284-291.
- Gaysina A.R., 2014. «Svoy» i «chuzhoy» v yazykovom soznanii nositeley tatarskoy kultury [“Yours and Others in the Linguistic Consciousness of the Tatar Culture’s Representatives]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 4 (23), part 2, p. 99.
- Grigoreva E.M., 2019. Kulturno-etnicheskie osobennosti perezhivaniya v ekstremal'nykh situatsiyakh u yakutov [The Yakuts’ Cultural-Ethnic Discrepancies of Emotional Distress in Emergency Situations]. *Dnevnik nauki*, no. 6. (30), p. 18.
- Dodina R.R., 2008. *Vzaimnye etnicheskie obrazy russkikh, tatar i chuvashy Tatarstana* [Mutual Ethnic Images of Russians, Tatars and Chuvashes of Tatarstan]. URL: <http://kitap.net.ru/psi/etnotat-rus.php> (accessed 17 December 2019).
- Ibragim T.K., Sultanov F.M., Yuzeev A.N., 2002. *Tatarskaya religiozno-filosofskaya mysl v obshchemusul'manskom kontekste* [Tatar Religious-Philosophical Thought in the General Muslim Context]. Kazan, Tatarskoe knizhnoe izd-vo. 236 p.
- Krysko V.G., 2008. *Etnicheskaya psikhologiya* [Ethnic Psychology]. Moscow, Akademiya Publ. 420 p.
- Maslova V.A., 2019. Stereotip i sravnenie kak reprezentanty lingvokulturnogo prostranstva [Stereotype and Comparison as Representatives of the Linguistic and Cultural Space]. *Tyurkskoe yazykoznanie XXI veka: leksikologiya i leksikografiya: materialy mezhdunar. nauch. konf., posvyashchennoy 80-letiyu sozdaniya Inta yaz., lit. i iskusstva im. G. Ibragimova Akademii nauk Respubliki Tatarstan* [Turkic Linguistics of the 21st Century: Lexicology and Lexicography. Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Creating G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan]. Kazan, Izd-vo Instituta yazyka, literatury i iskusstva im. G. Ibragimova, pp.122-126.
- Nikaeva T.M., 2013. Etnicheskie stereotipy v obraze mira russkikh, yakutov, evenkov i evenov [Ethnic Stereotypes in the Worldview of Russians, Yakuts, Evenks and Evens]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, vol. 10, no. 3, pp.75-81.
- Nikaeva T.M., Solovyeva E.V., 2016. Respublika Sakha (Yakutiya) v yazykovom soznanii sovremennoy molodezhi [The Republic of Sakha (Yakutia) in the Linguistic Consciousness of Modern Young People]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy* [Bulletin of Scientific Conferences], no. 9-6 (13), pp. 47-60.
- Razumkova A.V., 2017. Stereotip v yazykovom soznanii: psiholingvisticheskiy aspekt [Stereotype in Language Consciousness: Pshycholinguistic Aspect]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsialnost* [RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices], vol.14, no. 2, pp. 260-266.
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Balyasnikova O.V., Razumkova A.V., Stepanova A.A., 2017. *Regionalnoe yazykovoie soznanie komi, russkikh i tatar: problemy vzaimovliyaniya: kollektiv. monogr.* [Regional Linguistic Consciousness of the Komi, Russians and Tatars: Problems of Mutual Influence. Collective Monograph]. Moscow, Yaroslavl, Kantsler Publ. 240 p.
- Semashko T.F., 2014. Stereotip kak fragment yazykovoy kartiny mira [Stereotype as Fragment of Linguistic World-Image]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 2 (32), part 2, pp. 176-179.
- Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov Yu.N., Tarasov E.F., 2004. *Slavyanskiy assotsiativnyy slovar: russkiy, belorusskiy, bolgarskiy, ukrainskiy* [Slavic Associative Dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Moscow, Izd-vo RAN IYa. 800 p.
- Sogomonyan A.S., 2018. *Rol etnicheskikh stereotipov i ustanovok v formirovanii tolerantnosti* [Role of Ethnic Stereotypes and Installations in Formation of Tolerance]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki* [Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities], no. 4 (812), pp. 210-219.

- Ufimtseva N.V., 2019. Assotsiativnyy eksperiment i kognitivnye strategii respondentov [Associative Experiment and Respondents Cognitive Strategies]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVII: Integrativnye protsessy v kognitivnoy lingvistike: materialy Mezhdunar. kongr. po kognitiv. lingvistike (16–18 maya 2019 g.)* [Cognitive Studies of Language. Iss. XXXVII. Integrative Processes in Cognitive Linguistics. Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics (May 16–18, 2019)]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, Tambov, Izd. dom TGU im. G.R. Derzhavina, Nizhny Novgorod, DEKOM Publ., pp. 920-925.
- Arens A.K., Visser L., 2020. Personal Peer Victimization and Ethnic Peer Victimization: Findings on Their Co-Occurrence, Predictors, and Outcomes From a Latent Profile Analysis. *Child Abuse and Neglect*, vol. 99. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2019.104250>.
- Bhatia S., 2017. The Semantic Representation of Prejudice and Stereotypes. *Cognition*, July (vol. 164), pp. 46-60.
- Glock S., Kleen H., 2019. Attitudes Toward Students from Ethnic Minority Groups: The Roles of Preservice Teachers' Own Ethnic Backgrounds and Teacher Efficacy Activation. *Studies in Educational Evaluation*, September (vol. 62), pp. 82-91.
- Xu M., Macrynikova N., Waseem M., Miranda R., 2020. Racial and Ethnic Differences in Bullying: Review and Implications for Intervention. *Aggression and Violent Behavior*, vol. 50. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.101340>.
- Laméris J., Kraaykamp G., Ruiter S., Tolsmaa J., 2018. Size is in the Eye of the Beholder: How Differences Between Neighbourhoods and Individuals Explain Variation in Estimations of the Ethnic Out-Group Size in the Neighbourhood. *International Journal of Intercultural Relations*, March (vol. 63), pp. 80-94.
- Maguire B., Wozniak J.F., 1987. Racial and Ethnic Stereotypes in Professional Wrestling. *The Social Science Journal*, vol. 24, iss. 3, pp. 261-273.
- Stanciu A., Vauclair Ch.-M., Rodda N., 2019. Evidence for Stereotype Accommodation as an Expression of Immigrants' Socio-Cognitive Adaptation. *International Journal of Intercultural Relations*, September (vol. 72), pp. 76-86.
- Tarasova A.N., 2017. Acculturation and Psychological Adjustment of Foreign Students (The Experience of Elabuga Institute of Kazan Federal University). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, February 21 (vol. 237), pp. 1173-1178.
- Weber S., Appel M., Kronberger N., 2015. Stereotype Threat and the Cognitive Performance of Adolescent Immigrants: The Role of Cultural Identity Strength. *Contemporary Educational Psychology*, July (vol. 42), pp. 71-81.

Information About the Authors

Olga V. Balyasnikova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Researcher, Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia; Associate Professor, Institute of Linguistics and Intercultural Communication, Sechenov First Moscow State Medical University, Trubetskaya St., 8-2, 119991 Moscow, Russia, o.balyasnikova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>

Natalya V. Ufimtseva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Ethnopsycholinguistics Sector, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Bolshoy Kislovskiy Lane, 1, 125009 Moscow, Russia, nufimtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>

Информация об авторах

Ольга Вениаминовна Балясникова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1, 125009 г. Москва, Россия; доцент, Институт лингвистики и межкультурной коммуникации, Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова, ул. Трубецкая, 8-2, 119991 г. Москва, Россия, o.balyasnikova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5501-5264>

Наталья Владимировна Уфимцева, доктор филологических наук, профессор, заведующая сектором этнопсихолингвистики, Институт языкознания РАН, пер. Большой Кисловский, 1, 125009 г. Москва, Россия, nufimtseva@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7476-8421>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.4>

UDC 81'271.16
LBC 81.006

Submitted: 03.10.2019
Accepted: 27.12.2019

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC EFFECTS OF A NEGATIVE FORECAST IN TERMS OF DETERMINING AN INDECENT UTTERANCE¹

Oksana S. Issers

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Abstract. The article discusses the use of speech act of a negative forecast affecting the personal sphere of the addressee in order to insult him. The indecent semantics of an utterance that violates ethical norms and communication conventions is considered as one of the indecent forms (methods) of expression. Pragmatics presents the study of the ethical aspect of communication in the conversational postulates, the principles of politeness. However, these principles can hardly be used for linguistic examination to detect the infliction of psychological damage. The affecting negative forecast is of undoubted interest for the theory and practice of linguistic examination, since the influence of a forecasting text may cause psychological harm to the addressee in the form of humiliation of his honor and dignity. Since the negative forecast often represents a mixture of fact and predictive version it becomes an effective tool of influence. Critical publications in Omsk media are analyzed to consider the problem of detection of indecent form as a way of transference of indecent content in the speech act of a negative forecast. The author concludes that a speech act of negative forecast with taboo or ethically questionable semantics can be considered as a marker of indecent form. The emotional nature of the forecasting text makes it an effective tool for influencing the personality and its psychological sphere. This provides an added incentive for an in-depth study of these issues in the aspect of the legal assessment of verbal aggression and cases of offence in particular.

Key words: forecast, speech act, indecent form, linguistic expertise, insult, communicative norms.

Citation. Issers O.S. Communicative and Pragmatic Effects of a Negative Forecast in Terms of Determining an Indecent Utterance. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 41-51. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.4>

УДК 81'271.16
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 03.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ НЕГАТИВНОГО ПРОГНОЗА В АСПЕКТЕ УСТАНОВЛЕНИЯ НЕПРИЛИЧНОЙ ФОРМЫ ВЫСКАЗЫВАНИЯ¹

Оксана Сергеевна Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Аннотация. В статье обсуждается использование речевого акта негативного прогноза, затрагивающего личную сферу адресата, в целях оскорбления. Неприличная семантика высказывания, нарушающая этические нормы и коммуникативные конвенции, рассматривается как одно из проявлений неприличной формы (способа) высказывания. Этический аспект коммуникации отражен в постулатах речевого общения, принципах вежливости, однако сформулированы они недостаточно конкретно, в связи с чем трудно применимы в лингвистической экспертизе для установления факта оскорбления. Для теории и практики экспертизы воздействующий потенциал негативного прогноза представляет интерес, поскольку результатом влияния прогностического текста может быть нанесение психологического вреда адресату в виде унижения его чести и достоинства. Выявлено, что негативный прогноз нередко строится на основе смещения факта и прогностической версии. Это делает его эффективным инструментом воздействия. Проблема установления неприлич-

ной формы как способа передачи непристойного содержания в речевом акте негативного прогноза рассмотрена на материале публикаций в СМИ. Автор приходит к выводу о правомерности выделения речевого акта негативного прогноза с табуированной или этически сомнительной семантикой в качестве маркера неприличной формы. Это предоставляет дополнительную возможность для аргументированной экспертизы конфликтных текстов.

Ключевые слова: прогноз, речевой акт, неприличная форма, лингвистическая экспертиза, оскорбление, коммуникативные нормы.

Цитирование. Иссерс О. С. Коммуникативно-прагматические эффекты негативного прогноза в аспекте установления неприличной формы высказывания // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 41–51. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.4>

Введение

Установление неприличной формы высказывания является основанием для квалификации административного правонарушения по ст. 5.61 КоАП «Оскорбление» и относится к одной из традиционных задач лингвистической экспертизы. В диспозиции данной статьи оскорбление рассматривается как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме» (КоАП). Соответственно, в задачи лингвистической экспертизы по делам об оскорблении входят: 1) установление перлокутивного эффекта речевого воздействия, оказанного на адресата (он испытывает унижение собственной чести и достоинства); 2) установление неприличной формы высказывания. Каждая из этих задач в теории и практике экспертной деятельности имеет свои дискуссионные аспекты. Остановимся на каждом из них.

Унижение чести и достоинства отличается от опорочения тем, что устанавливается на основании нанесения вреда (психологической травмы) не репутации личности, а самой личности [Иссерс, 1999, с. 107]. В отличие от ст. 152 ГК РФ о защите чести, достоинства и деловой репутации, где порочащий характер распространенных сведений устанавливается на основе ущерба для репутации истца, унижение как событие возможно в сфере как публичной, так и межличностной коммуникации: нанесение психологической травмы предполагает в первую очередь коммуникативную установку субъекта речи на то, чтобы заставить адресата испытать унижение. В связи с этим перед экспертом стоит задача реконструировать намерение (интенцию) нанести оскорбление.

Одним из очевидных решений в подобных случаях является установление страте-

гии дискредитации – именно это понятие стало ключевым для судебно-лингвистического моделирования события оскорбления [Баранов, 2007, с. 537–552; Бринев, 2009, с. 86–94; Немирова, 2015]. Однако психологический вред для личности могут наносить не только сведения, порочащие его публичное «лицо». Как отмечает М.А. Осадчий, оскорбительным может стать высказывание, имеющее или не имеющее модус субъективного мнения, содержащее или не содержащее пропозицию «S совершает P», где P – действие порочащего характера [Осадчий, 2012, с. 71].

Поскольку проблема установления факта нанесения психологического вреда (и в его результате – психической травмы) выходит за рамки лингвистической экспертизы, задача лингвиста – установить нарушение этических норм коммуникации, которое привело к унижению чести и достоинства адресата. В какой форме и где они эксплицированы?

В явном виде эти нормы закреплены в различных профессиональных и корпоративных кодексах. Однако очевидно, что такого рода кодексы редко включают коммуникативные аспекты речевого поведения. Исключением может быть «Кодекс профессиональной этики российского журналиста»: «Журналист распространяет и комментирует только ту информацию, в достоверности которой он убежден и источник которой ему хорошо известен. Он прилагает все силы к тому, чтобы избежать нанесения ущерба кому бы то ни было ее неполнотой или неточностью, намеренным сокрытием общественно значимой информации или распространением заведомо ложных сведений» (Кодекс, 1994).

Этическим аспектам коммуникации посвящены в значительной своей части прагматические постулаты речевого общения

(Г.П. Грайса, Дж. Лича и др.). Однако сформулированы они достаточно общо, а их нарушение далеко не всегда свидетельствует о конфликтогенной стратегии говорящего (на нарушении некоторых постулатов регулярно строятся импликатуры). Таким образом, указанные нормы трудно применимы для установления факта нанесения психологического вреда.

Вербальная агрессия как проявление неэтичного поведения и законодательно наказуемое действие имеет длительную традицию изучения и в России, и за рубежом. В соответствии с определением американских юристов, к случаям вербального оскорбления следует относить высказывания, цель которых заключается в провоцировании у слушающего немедленной отрицательной реакции [Nowak, Rotunda, Young, 1986].

В отечественной теории культуры речи следование коммуникативной этике входит в число основных компонентов речевой культуры. Коммуникативная, или речевая, этика определяется как «правила должного речевого поведения, основанные на нормах морали, национально-культурных традициях» [Культура русской речи, 2007, с. 287].

На фоне недостаточно четко эксплицированных критериев для определения этических норм коммуникации в качестве более надежного параметра для установления унижения чести и достоинства личности может быть рассмотрено нарушение приличий, связанных с употреблением языка.

В практике лингвистической экспертизы установление неприличной формы высказывания обычно строится на основании его ортологической оценки, в частности на выявлении стилистических словарных помет, маркирующих «жесткие» инвективы [Бельчиков, 2002; Бринев, 2009, с. 104–106; Коряковцев, Головачева, 2004; Кусов, 2013; Осадчий, 2012, с. 85; и др.]. Употребление обсценных слов и выражений, а также форм, содержащих непристойность, в русской речевой культуре рассматривается как «абсолютная норма неприличия» по отношению к использованию языковых средств [Бринев, 2009, с. 107]. Несмотря на ряд дискуссионных проблем, касающихся несовершенства лексикографических принципов словарных помет [Голев, 2002, с. 123],

процедура ортологической характеристики представляется вполне отработанной в практике лингвистической экспертизы. Однако установление «неприличной формы» не исчерпывается словарным подходом. На наш взгляд, понятие «неприличная форма» (в широком смысле) должно рассматриваться в контексте содержания высказывания, то есть через оценку избранного адресантом способа выражения конфликтогенной интенции.

Характеристика неприличного содержания применительно к русской культуре основывается, как правило, на описании того, что «может быть неприличным» в социальном поведении. В.И. Жельвис относит к инвективе (в узком смысле) любые речевые акты словесной агрессии, воспринимаемые в данной социальной группе как резкие или табуированные: «инвективой можно назвать нарушение этического табу, осуществленное некодифицированными (запрещенными) средствами» [Жельвис, 2000, с. 225]. Однако в отсутствие списка конкретных речевых актов, которые с большой вероятностью соответствовали бы указанным выше характеристикам, сфера «неприличного» речевого поведения за границами конкретного словоупотребления оказывается также недостаточно определенной. Этот вопрос приобретает особую актуальность в юридической плоскости: в диспозиции ст. 5.61 КоАП зафиксирован термин «неприличная форма», в то время как неприличным может быть и содержание [Осадчий, 2012, с. 87]. Этой же позиции придерживается В.Ю. Меликян, считающий ничем не оправданной трактовку термина «неприличная форма» исключительно в лингвистическом аспекте – как «неприличная форма языковой единицы». По его мнению, юридический термин «неприличная форма» является неудачным в силу своей оценочности и размытости границ толкования [Меликян, 2019] (см. об этом также: [Балова, Будаева, Щербань, 2014]).

Одним из критериев соблюдения приличий служит учет табуированных смыслов и тем. По мнению И.А. Стернина, неприличие (непристойность) содержания – это нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе считаются недопустимыми в публичном обсуждении (секс, телесный низ и т. п.) [Стер-

нин, 2008, с. 226]. Однако запреты, связанные с понятием «неприличного», могут касаться не только тематического репертуара, но и некоторых коммуникативных (речевых) актов, которые затрагивают личную сферу адресата. К их числу относится негативный прогноз.

Материал и методы исследования

Речевой акт прогноза соотносится с описанием будущего события или ситуации, которые, по мнению говорящего, должны произойти. В соответствии с указанной особенностью он реализуется в модальности предположения (версии, отнесенной к будущему). Как отмечают исследователи, прогностический текст всегда нацелен не только на передачу образа моделируемого будущего, но и на передачу актуального для автора эмотивного содержания. «Прогностический текст эмотивен по своей сути, так как будущее никогда не воспринимается человеком нейтрально» [Солопова, Ворошилова, 2018, с. 142]. Для любой проекции в будущее стимулом является интенция отправителя сообщения – желание воздействовать на адресата, на его мотивы, желания, страхи. Это ярко демонстрирует политический и массмедийный дискурсы [Немирова, 2015; Солопова, 2017; Шейгал, 2000; Chudinov, Solopova, 2015], но воздействующий потенциал прогностического текста этими сферами отнюдь не ограничивается.

Так, в межличностной коммуникации используется прогностический сценарий «во благо», где настоящее адресата интерпретируется как позитивное на фоне худшего будущего, которого удалось избежать (примеры подобного рода рассматриваются в статье: [Азнабаева, Анищенко, 2017]).

Для практики лингвистической экспертизы воздействующий потенциал негативного прогноза представляет несомненный интерес, поскольку его результатом может быть нанесение психологического вреда адресату в виде унижения его чести и достоинства.

По классификации Дж. Серля, *прогноз* относится к речевым актам, которые автор определил как репрезентативы: их иллокутивная цель – описывать определенное положение дел; исполняя их, говорящий возлагает на себя ответственность за истинность сообще-

ния [Серль, 1999, с. 240]. При этом Дж. Серль замечает, что степень убеждения и ответственности говорящего за высказанные суждения о настоящем или будущем положении дел «может приближаться к нулю или даже быть ему равной» [Серль, 1999, с. 240]. В связи с этим можно выделить такие вариации прогноза, как предположение, версия, опасение и др.

Отнесенность прогноза к сфере предполагаемых событий, как правило, маркируется соответствующими показателями. Ядерными средствами выражения будущего в прогностическом тексте являются видо-временные формы футурума, ближнюю периферию составляют формы презенса, а дальнюю – видо-временные формы прошедшего времени, модальные глаголы и другие разноуровневые средства [Солопова, Ворошилова, 2018, с. 152].

Лингвисты-эксперты отмечают, что «опасность» негативного прогноза в аспекте стратегии дискредитации и оказания отрицательного психологического воздействия на того, кто является действующим лицом прогностического сценария, связана со смешением показателей модальности предположения и модальности факта. Отсутствие маркеров модальности предположения в отдельных фрагментах текста воспринимается как результат логического вывода о фактическом положении дел. Это создает основания для смешения факта и прогностической версии, в результате чего происходит дезориентация адресата (см. об этом: [Баранов, 2007, с. 226–228]).

Проблема установления неприличной формы как способа передачи непристойного содержания в речевом акте негативного прогноза будет рассмотрена на материале кейса «Журналист Власов против журналистки Яковлевой».

Результаты и обсуждение

В 2017 г. в статье Виктора Власова ««Учительская газета» не любит учителей?», опубликованной на нескольких интернет-платформах, была размещена негативная информация о журналистке Н. Яковлевой, ставшая основанием для предъявления судебного иска к автору статьи.

В. Власов обсуждает публикацию своей коллеги Н. Яковлевой по поводу конфликта

между школьным учителем и ее дочерью, который стал предметом дискуссии в СМИ. Несмотря на то что объектом критических оценок В. Власова является мать ребенка, в статье содержатся развернутые рассуждения по поводу тринадцатилетней дочери журналистки Н. Яковлевой – Ангелины и, в частности, ее рисунка, размещенного на портале омского журнала «Бизнес-курс». Эти рассуждения носят характер версий, связанных с возможным психическим нездоровьем Ангелины, обусловленным невниманием к состоянию дочери со стороны матери:

В статье товарища А. Гошкодера размещен рисунок Ангелины. Обратите внимание на цвета, на манеру рисования и настроение. Рассмотрите девочку, у которой зашит рот. Картинка добротная, правда, но смотришь на нее, и плакать хочется. **Вдруг ребенок склонен к суициду? А мама-то не видит, не чувствует?** (Выделено нами. – О. И.) Сколько закрадывается мрачных мыслей. Автор этого рисунка – словно чудак из страны глумливых чудес, душевно большой иллюстратор, имеет «Синдром звездного шрама» – «Геостигму», болезнь, придуманную в японском мультфильме «Последняя фантазия 7: Дети пришествия» – по нашумевшей и популярной видеоигре «FF7» на консоли «PlayStation». Продолжать анализировать можно хоть сколько, выдумывая и доводя контуры, так сказать. Не хочется и самому попасть в корпус для нездоровых душевно или нарваться на беседу с работником соответствующей службы...

Что получается, ребенок практически «обречен» на психологические проблемы! Испытывая дефицит воспитательного влияния и родительского общения, он восполнит пустоту, как сможет, например, уйдет от реальности в виртуальный мир или в разгульный образ жизни, где его понимают, принимают. А отсутствие поддержки, когда ребенок не справляется с психологической нагрузкой, грозит погружением в депрессию, и как следствие – прием спиртного и наркотиков, и даже самоубийство² (Власов).

Вероятно, не требуется специальных психологических знаний, чтобы выразить мнение: любому родителю подобный прогноз нанесет психологический вред. Тем не менее, в соответствии с диспозицией ст. 5.61 КоАП, высказывание может характеризоваться как оскорбление в случае, если оно не только потенциально унижает честь и достоинство, но и неприлично по своей форме. Обоснован-

ным представляется вопрос, поставленный М.А. Осадчим: «Может ли неприличная семантика высказывания стать неприличной формой унижения чести и достоинства?» [Осадчий, 2012, с. 87]. Мы склонны согласиться с автором в том, что с номинативной точки зрения в контексте статьи КоАП слово *форма* использовано не в значении «внешняя оболочка», а в значении «способ» (унижение чести и достоинства другого лица неприличным способом), поскольку неприличная семантика может быть выражена и невербальным способом.

В связи с этим вопрос эксперту был сформулирован так: «В какой форме – приличной или неприличной – выражена оценка личности Н. Яковлевой? В частности, имеются ли в тексте статьи фрагменты, которые можно рассматривать как нарушения коммуникативных табу? Можно ли считать семантику, связанную со сделанным автором статьи прогнозом заболевания (в том числе психического), табуированной в русской лингвокультуре?»

Лексическое значение слова *неприличный* ‘не соответствующий, противоречащий правилам приличия, хорошего тона, непристойный’ (Большой толковый словарь) отражает корреляцию коммуникативно-этических и языковых категорий – приличия и нормы. Однако далеко не для всех фактов использования языка вопрос о нормативности решается одинаково. Кодифицированные и некодифицированные нормы существенно различаются по их эксплицитности и обязательности выполнения членами социума. Для некодифицированных норм определение по шкале «прилично / неприлично» основано на оценке высказывания как конкретного дискурсивного акта в контексте ситуации общения и современных дискурсивных практик. При анализе высказывания в аспекте коммуникативной ситуации нельзя обойтись без учета коммуникативных табу и ограничений.

Табу и более мягкие принятые в обществе тематические ограничения относятся к некодифицированным нормам, поэтому коммуникативный риск их нарушения может различаться. В частности, в современной русской лингвокультуре, как типично европейской и христианской, табуированными являются образы телесного низа, экскрементов, полового акта и

акта дефекации и т. д. [Осадчий, 2012, с. 132]. Однако табуированные темы и образы этим списком отнюдь не исчерпываются. Так, к коммуникативным табу, на наш взгляд, относятся разного рода предсказания и прогнозы болезней, сделанные не врачами и относящиеся как к адресату, так и к третьим лицам, в том числе их близким (*Жить тебе осталось недолго! Твой ребенок умрет от страшной болезни!*).

По своей коммуникативной интенции приведенный фрагмент статьи В. Власова следует рассматривать как мрачный прогноз (*сколько закрадывается мрачных мыслей*). В рамках общечеловеческих ценностей семья и дети входят в сферу человеческой личности и составляют ее неотъемлемую часть. Таким образом, сами по себе прогнозы, связанные с возможным психическим либо физическим нездоровьем членов семьи, особенно детей, наносят личности психологическую травму. Предположения и прогнозы медицинского характера, сделанные не профессиональным психологом, а дилетантом, являются нарушением как врачебных норм, так и коммуникативно-этических табу. Выбранная автором форма рассуждений претендует на анализ (*продолжать анализировать можно сколько угодно*), что еще более усиливает воздействие на читателя статьи и повышает суггестивный эффект прогноза.

В качестве дополнительного воздействующего эффекта при введении в сознание адресата актуальной для отправителя информации традиционно используется экспертное мнение. Журналист В. Власов включает в текст статьи мнение анонимного психолога из АН ПОО «Многопрофильная Академия непрерывного образования»:

Человеку свойственно в той или иной мере желание стать более знаменитым, значимым для общества или определенного круга людей, – комментирует сотрудник академии. – Кто-то создает проекты, реализует идеи, а кто-то начинает играть на публику, по сути, реализуется за счет других. К сожалению, у *публичных людей, особенно если они «пиарятся» антисоциальными способами, как правило, страдают дети* (выделено нами. – О. И.) (Власов).

Мнение построено по модели «общих рассуждений» и вроде бы оставляет читате-

лю возможность самому сделать заключение о референте данного мнения (то есть к кому относятся выводы психолога). Однако логика построения статьи, где большая часть оценок была дана личности и профессиональным качествам журналистки Н. Яковлевой, а предшествующая экспертному мнению часть – прогнозам В. Власова о будущем или настоящем психическом нездоровье ее дочери Ангелины, не позволяет установить иной объект референции, кроме Натальи Яковлевой. Именно она и есть публичный человек, который «пиарится» антисоциальными способами, и именно у нее «страдают дети».

Приведенные после экспертного мнения выводы автора статьи построены путем навязывания логического вывода, что является традиционным приемом скрытого (имплицитного) введения знаний в модель мира адресата:

Что получается, ребенок практически «обречен» на психологические проблемы! *Испытывая дефицит воспитательного влияния и родительского общения*, он восполнит пустоту, как сможет, например, уйдет от реальности в виртуальный мир или в *разгульный образ жизни*, где его понимают, принимают. А отсутствие поддержки, когда ребенок не справляется с психологической нагрузкой, *грозит погружением в депрессию, и как следствие – прием спиртного и наркотиков, и даже самоубийство* (выделено нами. – О. И.) (Власов).

Гипотеза автора относительно ребенка, по поводу здоровья которого запрашивалось экспертное мнение, имеет непосредственное отношение к характеристике его родителей (в данном случае матери – Н. Яковлевой) и независимо от степени ее отношения к реальному положению дел нарушает принятые в русской лингвокультуре социальные нормы.

Таким образом, мнение автора статьи В. Власова о личностных качествах журналистки Н. Яковлевой выражается следующими пропозициями: она пиарится антисоциальными способами; ее дочь испытывает дефицит воспитательного влияния (= она плохой родитель); эти качества матери могут повлиять на будущее ребенка и довести его до самоубийства. Все указанные умозаключения, высказанные публично, при оценке их нормативности и социальной приемлемости должны рассматриваться как содержащие табуирован-

ную в русской лингвокультуре семантику и нарушающие этику общения.

Дискредитирующая сила негативного прогноза, как указано выше, нередко бывает обусловлена смешением показателей модальности предположения и модальности факта. Это наглядно иллюстрирует фрагмент рассматриваемой статьи:

Автор этого рисунка – словно чудак из страны глумливых чудес, душевно больной иллюстратор, имеет «Синдром звездного шрама» – «Геостигму», болезнь, придуманную в японском мультфильме «Последняя фантазия 7: Дети пришествия»... Продолжать анализировать можно хоть сколько, выдумывая и доводя контуры, так сказать. Не хочется и самому попасть в корпус для нездоровых душевно или нарваться на беседу с работником соответствующей службы. *Художник-иллюстратор и автор рисунка в статье А. Гошкодера увлекается просмотром анимэ жанра «Тентакли», лучше не ищите определение этого слова, пожалуйста* (выделено нами. – О. И.) (Власов).

Последнее высказывание по своей грамматической форме и лексическому наполнению является утверждением о фактах, поскольку не содержит речевых средств, указывающих на предположение, сомнение, мнение говорящего. Предшествующие фразы: *Продолжать анализировать можно хоть сколько, выдумывая и доводя контуры, так сказать. Не хочется и самому попасть в корпус для нездоровых душевно или нарваться на беседу с работником соответствующей службы* – можно рассматривать как намерение автора прекратить свои действия, обозначенные как *выдумывать*, из чего следует, что последнее высказывание претендует на фиксацию реальных фактов.

Специфика синтаксического построения высказываний данного фрагмента такова, что читатель не всегда может отличить сравнительные и гипотетические конструкции от утверждений о реальном положении дел. Так, во фрагменте: *Автор этого рисунка – словно чудак из страны глумливых чудес, душевно больной иллюстратор, имеет «Синдром звездного шрама» – «Геостигму»* – границы сравнительной конструкции могут определяться двояко:

(а) *автор этого рисунка – / словно чудак из страны глумливых чудес, душевно*

больной иллюстратор, / имеет «Синдром звездного шрама»;

(б) *автор этого рисунка – / словно чудак из страны глумливых чудес, / душевно больной иллюстратор, имеет «Синдром звездного шрама».*

В случае интерпретации (а) утверждается, что автор рисунка (Ангелина Яковлева) имеет «Синдром звездного шрама».

В случае интерпретации (б) утверждается, что автор рисунка – душевно больной иллюстратор и имеет «Синдром звездного шрама».

Учитывая повторное использование номинации автора рисунка *иллюстратор* (*Художник-иллюстратор и автор рисунка в статье А. Гошкодера увлекается просмотром анимэ жанра «Тентакли»*), можно сделать логический вывод о том, что интерпретация (б) наиболее вероятна и, следовательно, данный субъект (автор рисунка, Ангелина, дочь журналистки Яковлевой) душевно болен. Последнее, по сути, имеет форму психиатрического диагноза, поставленного журналистом, и нарушает нормы профессиональной и общечеловеческой этики.

Это позволяет на вопрос, заданный эксперти, дать следующий ответ: «Оценка личности Н. Яковлевой выражена в неприличной форме негативного прогноза, связанного с нарушениями коммуникативно-этических табу. Семантику данного прогноза, сделанного журналистом В. Власовым по поводу психического заболевания ребенка Н. Яковлевой, следует рассматривать как табуированную, причем как в русской, так и в европейской лингвокультуре».

Заключение

На основании представленного выше кейса можно сделать вывод о правомерности выделения речевого акта негативного прогноза с табуированной или этически сомнительной семантикой, затрагивающей личную сферу адресата, в качестве маркера неприличной формы. При этом задача установления лингвокультурологического фона, на котором оценивается этическая корректность прогноза, ложится на плечи эксперта. Так, можно обсуждать допустимость «эсхатологических» прогнозов в публицистике экологической на-

правленности, когда неблагоприятный исход событий, описанный в гиперболизированной форме, потенциально ущемляет честь и достоинство якобы «виновника», как, например, в следующем фрагменте статьи о владельце крупного международного холдинга, выпускающего технический углерод:

Получается, нам нужно ждать массового мора жителей прилегающего к сажевому заводу поселка, чтобы заставить того же Каплуна... тратить хотя бы малую часть этих денег на новые экостандарты? (Как Путин..., с. 21).

Обозначение руководителя компании в качестве потенциального виновника «массового мора» негативно воздействует не только на читателей издания, но и на самого «фигуранта». Этическая составляющая подобных прогнозов требует экспертной оценки.

Вероятно, к дискуссионным вопросам, возникающим в связи с квалификацией унижения чести и достоинства в неприличной форме, следует отнести разного рода негативные прогнозы в отношении здоровья, благополучия, перспектив в профессиональной и личной сферах человека.

Свойство прогноза навязывать излишне доверчивым наблюдателям (читателям) свои допущения, а также эмотивный характер прогностического текста делают его эффективным инструментом воздействия на личность и ее психологическую сферу, что является дополнительным стимулом для углубленного изучения данных вопросов в аспекте правовой квалификации события «оскорбление».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001.

The reported study was funded by RFBR and the Government of Omsk Region in the framework of research project no. 18-412-550001.

² Здесь и далее в приведенных примерах орфография и пунктуация автора сохранены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азнабаева Л. А., Анищенко А. А., 2017. Аргументативный эмпатийный речевой акт негатив-

ного прогноза «во благо» // Вестник Башкирского университета. Т. 22. № 1. С. 265–269.

Балова И. М., Будаева Л. А., Щербань Г. Е., 2014. Условность определения приличности / неприличности формы выражения оскорбления // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия. Вып. 4 : материалы IV Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 15–30 ноября 2014 г.) / отв. ред. В. Ю. Меликян. Ростов н/Д : Дониздат. С. 226–234.

Баранов А. Н., 2007. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта. 592 с.

Бельчиков Ю. А., 2002. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филологические науки. № 4. С. 66–74.

Бринев К. И., 2009. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза : монография / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : АлГПА. 252 с.

Голев Н. Д., 2002. Об объективности и легитимности источников лингвистической экспертизы // Юрислингвистика-3 : Проблемы юрислингвистической экспертизы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во АГУ. С. 110–123.

Жельвис В. И., 2000. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2 : Русский язык в его естественном и юридическом бытии : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та. С. 223–235.

Иссерс О. С., 1999. Свобода слова: две стороны медали (оскорбление в зеркале юриспруденции и лингвистики) // Юрислингвистика-1 : Проблемы и перспективы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 106–121.

Коряковцев А. В., Головачева О. В., 2004. К проблеме инвективного функционирования языка и лексикографического описания русской инвективной лексики // Юрислингвистика: юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та. С. 216–225.

Культура русской речи, 2007 : энцикл. слов.-справ. / под ред. Л. Ю. Иванова [и др.]. 2-е изд, испр. М. : Флинта : Наука. 840 с.

Кусов Г. В., 2013. Диагностика квалифицирующего признака «неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе // Культура и текст. № 1 (14). С. 93–114.

Меликян В. Ю., 2019. Методология и практика юрислингвистики инвективной лексики // IX Всероссийская научно-практическая конференция «Язык и право : Актуальные проблемы взаи-

- модействия» (15 ноября 2019 г.). URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw9/melikyan-2019.html> (дата обращения: 12.10.2019).
- Немирова Н. В., 2015. Прецедентность политического прогнозирования в газетном дискурсе // Политическая лингвистика. № 3 (53). С. 148–155.
- Осадчий М. А., 2012. Русский язык на грани права : Функционирование русского языка в условиях правовой регламентации речи. М. : ЛИБРОКОМ. 254 с.
- Серль Дж. Р., 1999. Классификация иллокутивных актов // Зарубежная лингвистика. Вып. II / общ. ред. В. А. Звягинцева, Б. А. Успенского, Б. Ю. Городецкого. М. : Прогресс. С. 229–253.
- Солопова О. А., 2017. Метафора в моделировании будущего: «светлый» сценарий (на материале прогностических текстов о России отечественного, американского и британского политических дискурсов XXI века) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 46. С. 55–70. DOI: 10.17223/19986645/46/5.
- Солопова О. А., Ворошилова М. Б., 2018. Эмотивный потенциал прогностического текста (на материале британского политического дискурса XIX века) // Коммуникативные исследования. № 4 (18). С. 141–156. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156.
- Стернин И. А., 2008. Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания / науч. ред. З. Д. Попова. Воронеж : Истоки. 596 с.
- Шейгал Е. И., 2000. Категория прогностичности в политическом дискурсе // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : МАКС-Пресс. Вып. 14. С. 77–83.
- Chudinov A. P., Solopova O. A., 2015. Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future // Procedia – Social and Behavioral Sciences. Vol. 200. P. 412–417.
- Nowak J., Rotunda R., Young J., 1986. Constitutional Law. 3rd ed. St. Paul, MN : West. 1191 p.
- lyubit-uchiteley.html (дата обращения: 12.07.2019).
- ГК РФ – Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (дата обращения: 12.07.2019).
- Как Путин... – Как Путин посягал на честь сажевого олигарха. И чем это кончилось // Бизнес Курс. 2018. № 21. С. 20–21.
- КоАП – Кодекс РФ об административных правонарушениях. URL: <http://koapkodeksrf.ru/> (дата обращения: 12.07.2019).
- Кодекс – Кодекс профессиональной этики российского журналиста Союза журналистов России. 1994. URL: <https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (дата обращения: 12.06.2019).

REFERENCES

- Aznabaeva L.A., Anischenko A.A., 2017. Argumentativnyy empatiynnyy rechevoy akt negativnogo prognoza «vo blago» [Argumentative Empathic Speech Act of Negative Prognosis “For the Benefit”]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], vol. 22, no. 1, pp. 265–269.
- Balova I.M., Budaeva L.A., Scherban G.E., 2014. Uslovnost opredeleniya prilichnosti / neprilichnosti formy vyrazheniya oskorbleniya [Conventionality of Determining Decent / Indecent Forms of Expression of Insult]. Melikyan V.Yu., ed. *Yazyk i pravo: aktualnye problemy vzaimodeystviya. Vyp. 4: materialy IV Vseros. nauch.-prakt. konf. (Rostov-na-Donu, 15–30 noyabrya 2014 g.)* [Language and Law: Actual Problems of Interaction. Iss. 4. Proceedings of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 15–30, 2014)]. Rostov-on-Don, Donizdat, pp. 226–234.
- Baranov A.N., 2007. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta: teoriya i praktika* [Linguistic Examination of the Text: Theory and Practice]. Moscow, Flinta Publ. 592 p.
- Belchikov Yu.A., 2002. Invektivnaya leksika v kontekste nekotorykh tendentsiy v sovremennoy russkoy rechevoy komunikatsii [Invective Vocabulary in the Context of Some Trends in Modern Russian Speech Communication]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 66–74.
- Brinev K.I., 2009. *Teoreticheskaya lingvistika i sudebnaya lingvisticheskaya ekspertiza: monografiya* [Theoretical Linguistics and

- Forensic Linguistic Examination. Monograph]. Barnaul, AltGPA. 252 p.
- Golev N.D., 2002. Ob obyektivnosti i legitimnosti istochnikov lingvisticheskoy ekspertizy [On the Objectivity and Legitimacy of the Sources of Linguistic Examination]. Golev N.D., ed. *Yurilingvistika-3: Problemy yurilingvisticheskoy ekspertizy: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-3: Problems of Legal Linguistic Examination. Interuniversity Collection of Scientific Works]. Barnaul, Izd-vo AGU, pp. 110-123.
- Zhelvis V.I., 2000. Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernosloviya [The Word and the Action: The Legal Aspect of Dirty Language]. Golev N.D., ed. *Yurilingvistika-2: Russkiy yazyk v ego estestvennom i yuridicheskom bytii: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics-2: Russian Language in Its Natural and Legal Existence]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo gosudarstvennogo universiteta, pp. 223-235.
- Issers O.S., 1999. Svoboda slova: dve storony medali (oskorblenie v zerkale yurisprudentsii i lingvistiki) [Freedom of Expression: Two Sides of the Coin (Insult in Jurisprudence and Linguistics)]. Golev N.D., ed. *Yurilingvistika-1: Problemy i perspektivy: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [Legal Linguistics 1: Problems and Prospects. Interuniversity. Collection of Scientific Works]. Barnaul. Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 106-121.
- Koryakovtsev A.V., Golovacheva O.V., 2004. K probleme invektivnogo funktsionirovaniya yazyka i leksikograficheskogo opisaniya russkoy invektivnoy leksiki [On the Problem of the Injective Functioning of the Language and the Lexicographic Description of Russian Injunctive Vocabulary]. Golev N.D., ed. *Yurilingvistika: yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Legal Linguistics: Legal Aspects of the Language and Linguistic Aspects of Law]. Barnaul, Izd-vo Altayskogo universiteta, pp. 216-225.
- Ivanov L.Yu., Skovorodnikov A.P., Shiryaev T.N., eds., 2007. *Kultura russkoy rechi: entsikl. slov.-sprav.* [Culture of Russian Speech. Encyclopedic Reference Dictionary]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 840 p.
- Kusov G.V., 2013. Diagnostika kvalifitsiruyushchego priznaka «neprilichnaya forma» v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize [Diagnosing the Indicators of Indecency in Linguistic Expressions in Forensic Examination]. *Kultura i tekst*, no. 1 (14), pp. 93-114.
- Melikyan V.Yu., 2019. Metodologiya i praktika yuridizatsii invektivnoy leksiki [Methodology and Practice of Legalization of Injunctive Vocabulary]. *IX Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Yazyk i pravo: Aktualnye problemy vzaimodeystviya» (15 noyabrya 2019 g.)* [9th All-Russian Scientific and Practical Conference “Language and Law: Actual Problems of Interaction” (November 15, 2019)]. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw9/melikyan-2019.html> (accessed 12 October 2019).
- Nemirova N.V., 2015. Precedentnost politicheskogo prognozirovaniya v gazetnom diskurse [Precedential Character of Political Prediction in Newspaper Discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 3 (53), pp. 148-155.
- Osadchiy M.A., 2012. *Russkiy yazyk na grani prava: Funktsionirovanie russkogo yazyka v usloviyakh pravovoy reglamentatsii rechi* [Russian Language on the Verge of Law: Functioning of the Russian Language Under Legal Regulation of Speech]. Moscow, LIBROKOM Publ. 254 p.
- Searle J.R., 1999. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of Illocutionary Acts]. Zvyagintsev V.A., Uspenskiy B.A., Gorodetskiy B.Yu., ed. *Zarubezhnaya lingvistika. Vyp. II* [Foreign Linguistics. Iss. II]. Moscow, Progress Publ., pp. 229-253.
- Solopova O.A., 2017. Metafora v modelirovani budushchego: «svetlyy» stsenariy (na materiale prognosticheskikh tekstov o Rossii otechestvennogo, amerikanskogo i britanskogo politicheskikh diskursov XXI veka) [Metaphor in Modeling the Future: The Best-Case Scenario (Based on Political Discourses of Russia, the Usa and Great Britain, the 21st Century)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Tomsk State University Journal of Philology], no. 46, pp. 55-70. DOI: 10.17223/19986645/46/5.
- Solopova O.A., Voroshilova M.B., 2018. Emotivnyy potentsial prognosticheskogo teksta (na materiale britanskogo politicheskogo diskursa XIX veka) [The Emotional Potential of a Prognostic Text (Based on British Political Discourse of the 19th Century)]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 4 (18), pp. 141-156. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.4.141-156.
- Sternin I.A., 2008. *Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaneya* [Selected Works. Theoretical and Applied Problems of Linguistics]. Voronezh, Istoki Publ. 596 p.
- Sheygal E.I., 2000. Kategoriya prognostichnosti v politicheskom diskurse [The Category of Predictability in Political Discourse]. Krasnyh V.V., Izotov A.I., eds. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: sb. st.* [Language, Consciousness, Communication.

- Collected Articles]. Moscow, MAKS-Press Publ., iss. 14, pp. 77-83.
- Chudinov A.P., Solopova O.A., 2015. Linguistic Political Prognostics: Models and Scenarios of Future. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, vol. 200, pp. 412-417.
- Nowak J., Rotunda R., Young J., 1986. *Constitutional Law*. Saint Paul, West. 1191 p.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p. URL: <http://gramota.ru/slovary/dic> (accessed 12 July 2019).
- Vlasov V. «Uchitelskaya gazeta» ne lyubit uchiteley? [Does “The Newspaper for Teachers” Not Like Teachers?]. URL: <http://nasha-molodezh.ru/blogs/viktor-vlasov/uchitelskaya-gazeta-ne-lyubit-uchiteley.html> (accessed 12 July 2019).
- Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii* [Civil Code of the Russian Federation]. URL: <https://base.garant.ru/10164072/> (accessed 12 July 2019).
- Kak Putin posyagal na chest sazhevogo oligarkha. I chem eto konchilos [How Putin Encroached Upon the Honor of the Black Carbon Magnate and How It Ended]. *Biznes Kurs*, 2018, no. 21, pp. 20-21.
- Kodeks RF ob administrativnykh pravonarusheniyakh* [Code of Administrative Offences of the Russian Federation]. URL: <http://koapkodeksrf.ru> (accessed 12 July 2019).
- Kodeks professionalnoy etiki rossiyskogo zhurnalista Soyuza zhurnalistov Rossii* [Code of Professional Ethics of the Russian Journalist of the Union of Journalists of Russia], 1994. URL: <https://www.presscouncil.ru/teoriya-i-praktika/dokumenty/633-kodeks-professionalnoj-etiki-rossijskogo-zhurnalista> (accessed 12 June 2019).

Information About the Author

Oksana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Dean of the Faculty of Philology and Media, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Информация об авторе

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникаций, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.5>

UDC 81'42:329.17
LBC 81.055.5

Submitted: 07.10.2019
Accepted: 27.12.2019

DISCOURSE ANALYSIS IN LINGUISTIC EXPERTISE OF MEDIA TEXTS WITH NATIONALISTIC CONTENT ¹

Liliia R. Duskaeva

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The purpose of the study was to determine the peculiarities of the discursive method when it is applied in linguistic expertise practice. The method is considered a special type of the text interpretation as it allows to diagnose the nationalist-and-extremist orientation of the text. Discourse analysis includes a number of procedures which are consistently carried out, the most important among mentioned procedures are: 1) selection of the most important semantic components of the text; 2) identification among them of those charged with the modus of rejection and hostility; 3) assessment of language structures for the delict content in them; 4) justification of delict presence in statements, which is based on the analysis of the structure of the speech situation in case of delict detection. Thus, the expertise discourse analysis is the determination of those peculiarities in the selection and combination of language means that form the conflictogenicity of the text modus. Such a modus is formed with expression of dislike and hatred to another nation, affirming the idea of the exclusivity of one's own nation, and encouraging aggressive actions, which are expressed by the impelling compositional forms of appeal, proclamation, instruction, advice, warning, demand, threat. Each of the forms is characterized by its own configuration of ways and means. The author of the article analyzed two cases with conflictogenic texts. In the first case, discourse analysis confirmed the presence of delict, in the second case its absence was demonstrated.

Key words: discourse, discourse analysis, legal text interpretation, linguistic expertise, discursive-and-stylistic analysis, delict.

Citation. Duskaeva L.R. Discourse Analysis in Linguistic Expertise of Media Texts with Nationalistic Content. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 52-63. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.5>

УДК 81'42:329.17
ББК 81.055.5

Дата поступления статьи: 07.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ПРАКТИКЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ¹

Лилия Рашидовна Дускаева

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Цель проведенного исследования – установление особенностей использования дискурсивного метода в лингвоэкспертной практике. Будучи особым способом интерпретации текста, данный метод позволяет диагностировать националистически-экстремистскую направленность текстов. Дискурс-анализ включает ряд последовательно осуществляемых процедур, важнейшими среди которых являются: 1) установление смысловой структуры текста через вычленение важнейших смыслов текста; 2) определение в этой структуре мыслительных структур, заряженных модусом неприятия и вражды; 3) оценка языковых структур на предмет содержания в них деликтности; 4) в случае обнаружения последней обоснование ее присутствия в высказываниях с опорой на анализ структуры речевой ситуации. Тем самым экспертный дискурс-анализ представляет установление тех особенностей в отборе и сочетании языковых средств, которые формируют конфликтогенность модуса текста. Такой модус создается выражением неприязни и нена-

висти к другой нации, утверждением идеи исключительности своей нации, побуждением к агрессивным действиям, которые выражаются побудительными композиционными формами призыва, воззвания, поучения, совета, предостережения, требования, угрозы. Каждая из форм характеризуется своей конфигурацией способов и средств. Возможности метода показаны на примере анализа двух кейсов: в одном случае наличие деликта в текстах подтверждено, в другом – опровергнуто.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивный анализ, интерпретация правового текста, лингвистическая экспертиза, дискурсно-стилистический анализ, деликт.

Цитирование. Дускаева Л. Р. Дискурсивный анализ текстов националистической направленности в практике проведения лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 52–63. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.5>

Введение

Как показывает опыт проведения экспертизы, дискурсивный метод является основным при диагностировании целого ряда речевых преступлений [Мишланов, Голованова, Салимовский, 2011; Чернышова, 2016]. Однако чтобы разобраться в том, как он может быть использован в ходе экспертного анализа, необходимо хотя бы контурно дать определение дискурса в силу того, что в современной отечественной науке это понятие – одно из наиболее релятивных.

Лингводискурсологические исследования с момента зарождения были направлены на установление структурной системности дискурса. М. Фуко, один из создателей французской школы дискурса, рассматривал дискурс как «сложную и дифференцируемую практику, подчиняющуюся доступным правилам и трансформациям, управляющую поведением тех, кто в него включен, создавая таким образом неразрывную связь с социальной реальностью» [Фуко, 1996, с. 8], выражающуюся в «своих собственных формах сцепления и последовательностей» [Фуко, 1996, с. 8]. В лингвистических трактовках сторонников М. Фуко различаются векторы анализа **структуры дискурсивной формации** (системности), а потому и процедура ее описания в различных концепциях неодинакова. Поскольку именно эти векторы определяют методы дискурсивного анализа языкового материала, назовем три наиболее широко распространенных из них, важных для разработки дискурсивной методики лингвистической экспертизы.

В отечественной лингвистике едва ли не одно из первых определений дискурса дал В.З. Демьянков. Он связал его проявления с образующимися вокруг общего концепта пос-

ледовательностями пропозиций и открыл элементы его смысловой структуры – события и «не-события»: «Discours – дискурс... часто... концентрируется вокруг некоторого опорного концепта; создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса. Исходная структура дискурса имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т. п. Элементы дискурса: излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, то есть: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, проясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [Демьянков, 1982, с. 75]. В определении принципиальна идея о том, что дискурсивную формацию создает речевая практика – общность контекста, который составляют последовательности элементарных пропозиций, объединенные опорным концептом и фрагментом внеязыковой действительности.

В появившемся позже определении Н.Д. Аругюновой, ставшем хрестоматийным, дискурс уже связан с текстом, а между понятиями «текст» и «речь» более четко установлены синонимичные отношения: «Дискурс – связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их со-

знания (когнитивных процессах). <...> Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь” [Арутюнова, 1990, с. 136–137].

Связь текста и дискурса была уточнена Ю.С. Степановым: «Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир. В мире всякого дискурса действуют свои правила синонимичных замен, свои правила истинности, свой этикет. Это – “возможный (альтернативный) мир” в полном смысле этого логико-философского термина. Каждый дискурс – это один из “возможных миров”» [Степанов, 1995, с. 44–45]. Дискурс, отражая в текстах один из «возможных миров», формирует в нем правила социального взаимодействия, несет на себе печать этих правил в «особых» отборе и употреблении языковых средств и способов выражения. Задача лингвиста – в ходе интерпретации текстов, раскрывающих «мир» дискурса, понять его формацию, специфику отбора и употребления используемых для этого языковых средств.

Тот дискурсивный мир, с которым имеет дело лингвист-эксперт, заряжен модусом вражды, задача эксперта – понять, совершается ли в результате создания мира дискурса речевое преступление. С этой целью анализируются средства воссоздания элементов дискурса – излагаемых событий, их участников, перформативной информации и «не-событий», а именно: а) обстоятельств, сопровождающих события; б) фона, проясняющего события; в) оценки участников события; г) информации, соотносящей дискурс с событиями. Экспертный анализ дискурсивного мира – это установление тех особенностей в отборе и сочетании языковых средств, которые создают конфликтогенный эффект.

Материал и методы исследования

Как показывает практика выполнения экспертиз, дискурсивный метод эффективен при диагностировании у медиатекстов националистически-экстремистской направленности. При проведении лингвистической экспертизы текстов их дискурсивный анализ пред-

стает как особый способ интерпретации, цель которого – установить наличие / отсутствие в текстах лингвистических признаков конфликтности, что, по мнению Т.В. Чернышовой, составляет первый этап лингвистической экспертизы [Чернышова, 2016, с. 336]. Однако дискурсивный анализ используется шире. Поскольку «одной своей стороной дискурс обращен к прагматической ситуации, которая привлекается... для его интерпретации» [Арутюнова, 1990, с. 137], а «другой своей стороной обращен к ментальным процессам участников коммуникации: к... правилам и стратегиям порождения и понимания речи в тех или иных условиях» [Арутюнова, 1990, с. 137], вполне логичен подход к анализу дискурса, базирующемуся на рассмотрении взаимодействия и пересечения четырех структур: 1) структуры идей, выражаемых в тексте; 2) структуры мыслительных процессов говорящего; 3) языковых структур, используемых говорящим; 4) структуры речевой ситуации (отношение между говорящим и слушающим) [Кибрик, Плунгян, 1997]. Далее смоделируем этот подход применительно к лингвоэкспертной практике.

При лингвоэкспертном диагностировании у медиатекстов националистически-экстремистской направленности эти процедуры принимают следующий вид: 1) установление смысловой структуры текста, вычлняющее важнейшие смыслы текста; 2) выявление в этой структуре мыслительных структур, заряженных модусом неприятия и вражды; 3) оценка языковых структур на предмет содержания в них деликтности; 4) в случае обнаружения последней обоснование ее присутствия в высказываниях с опорой на анализ структуры речевой ситуации. Таким образом, как научный метод дискурс-анализ включает ряд последовательно осуществляемых процедур.

Установление «структуры идей» в этом дискурсе возможно через реконструкцию иерархии типовых интенций (дискурсивных правил), организующих дискурс [Ушакова, Павлова, 2000]. Для этого у каждого текста выявляется содержательная макроструктура и представляющие ее микроструктуры. В ходе выделения структур, заряженных модусом неприятия – экстремизма и национализма, раскрываются конфликтогенные социальные

смыслы (контекстуальные, ситуативные), лежащие в основе создания текста. Онтологическое свойство медиатекстов, направленных на открытое утверждение социальной позиции, – заряженность полемичностью, часто остроконфликтной. Задача эксперта – выявить в конфликтности деликтность, то есть, в соответствии с Уголовным кодексом РФ, возбуждение национальной, расовой, религиозной вражды, которая приводит к унижению национального достоинства; к утверждению исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии или расовой принадлежности; к оправданию призывов к преступным действиям.

Каждая из указанных характеристик уточняется в методических рекомендациях Генеральной прокуратуры Российской Федерации «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды» [Методические рекомендации...]. Например, «возбуждающей в смысле ст. 282 УК РФ» в этих рекомендациях рассматривается информация, «которая содержит отрицательную эмоциональную оценку и формирует негативную установку в отношении определенной этнической (национальной), расовой (антропологической), конфессиональной (религиозной) группы или отдельных лиц как членов этой группы, подстрекает к ограничению их прав или к насильственным действиям против них» [Методические рекомендации...]. Следовательно, возбуждение вражды усматривается в модусах отрицательной эмоциональной оценки и подстрекательства. Модус отрицательной оценочности проявляется в дискурсе в отрицательной ценностной ориентации пишущего к предмету речи. Подстрекательство дефинируется в словарях как «побуждение к недозволенным поступкам, преступным действиям» (БТСРЯ). В случае обнаружения в дискурсе модальности вражды далее проверяется, соотносятся ли эти интенции с указанным в ст. 282 УК РФ референтом – нацией в целом или отдельным ее представителем. Выявление референта, на которого направлены иллокутивные смыслы, способствует восстановлению «структуры мыслительных процессов говорящего».

В лингвоэкспертной практике руководствуются «дискурсивным» разъяснением содержания термина «пропаганда» в отношении к разжиганию национальной розни, которое дал еще Пленум Верховного суда СССР в Постановлении № 17 от 23 декабря 1988 г. «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия». В документе уточняются каналы и способы распространения пропаганды: публичные выступления и призывы, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, изготовление и распространение листовок, плакатов, лозунгов и т. п., а также организация «собраний, митингов, демонстраций» и «активное в них участие в вышеуказанных целях». В тексте закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» обнаруживаем уточнения признаков пропагандистского националистического дискурса. С точки зрения законодателя, такой дискурс формируется в ходе «распространения злонамеренных слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение к другой национальности, вызывающих чувство неприязни к ней», а также в ходе «распространения среди широкого круга лиц идей, взглядов, представлений или побуждений к действиям, направленных на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды», а формами презентации такого дискурса выступают «призывы, воззвания, поучения, советы, предостережения, требования, угрозы и т. п.» [Методические рекомендации...]. Опираясь на текст закона, приходим к выводу, что дискурс пропаганды национализма осуществляет открытое речевое воздействие с целью формирования общественного мнения через каналы средств массовой коммуникации модусом враждебности – неприязни и ненависти к другой нации, утверждения идеи исключительности своей нации, побуждения к агрессивным действиям, которые выражаются композиционными формами призыва, воззвания, поучения, совета, предостережения, требования, угрозы.

Обращаясь к анализу языковых структур, выступающих носителями характерной для дискурсивной формации иллокуций враждеб-

ности, эксперт особенное внимание уделяет средствам, с помощью которых устанавливается связь отношений между враждебно настроенным автором и объектом, на который враждебность направлена. Выделение в дискурсивной формации компонентов, несущих информацию о враждебном «отношении между говорящим и предметом речи», способствует уточнению конфликтогенных компонентов не только содержательно-смысловой, но и языковой структуры дискурса. В случае, если устанавливается присутствие деликтов в дискурсе, приступают к анализу значений используемых языковых средств.

Языковые средства, заряженные направленным на какую-либо нацию модусом неприятия: резко отрицательной оценки, враждебной эмотивности («издевки», грубости, «отвращения или презрения»), агрессивной побудительности (в призыве, воззвании, поучении, совете, предостережении, требовании, угрозе), оправдании призывов к преступным действиям, – диагностируют речевое преступление. Следовательно, дискурс-анализ, связанный с поиском средств выражения характерных для дискурса признаков, важен не только на первом этапе лингвистической экспертизы. Дискурсивный подход позволяет обнаружить источник деликтности в пропагандистской речевой деятельности – в организации нарративов, в динамике модусов изложения, в семантико-речевой организации призывов.

Результаты и обсуждение

Возможности дискурсивного метода продемонстрируем в ходе анализа конкретных конфликтогенных текстов. В первом случае рассмотрим пример анализа текстов, содержащих националистически-экстремистский заряд, во втором случае – пример анализа текста, в котором конфликтогенность не обнаружена.

Пример первый

Эксперту был предложен для анализа дискурс форума, включавший семь публикаций, размещенных в сети Интернет на специально организованной площадке. Во всех семи публикациях выражено враждебное от-

ношение к России и русским. Осмотр и предварительное исследование материалов показывают, что все они представляют собой паблики, предназначенные для распространения в социальной сети. Первый озаглавлен «Казламордый достаток, или как русофобы с жиру бесятся!», второй и третий тексты без названий представляют собой комментарии сообщений российской прессы, четвертый текст имеет название «Дно победобесия», пятый – «ЖИВОТНЫЕ ВАИВАЛЕ!», название шестого – «Всем “ярузке оккупантам” на заметку», седьмого – «Крымские спортсмены, или цена предательства». В приводимых примерах орфография и пунктуация источников сохранены. Материалы были размещены в сети: <http://botsman-katsman.com/face-of-katsapi/454-krymskie-sportsmenY-ili-cenapredatelstva>; <http://botsman-katsman.com/video/453-vsem-varuzke-okkupantam-na-zametku.html>; <http://botsman-katsman.com/katsapi-now/409-dno-pobedobesiya.html>; <http://botsman-katsman.com/katsapi-now/390-kazlamordv-dostatok-ili-kakmsoboby-s-zhirubesyatsya.html>.

Вопросы, на которые должен был дать ответы эксперт:

1. Имеются ли в представленных текстах признаки возбуждения розни (вражды, ненависти) в отношении группы лиц по признаку пола, расы, национальности, отношения к религии, принадлежности к социальной группе?

2. Содержатся ли в представленных на исследование информационных материалах признаки пропаганды превосходства, исключительности либо неполноценности какой-либо расовой, национальной, религиозной или социальной группы?

Экспертный анализ содержания дискурса для ответа на первый вопрос. Все семь текстов представляют собой медиатексты – паблики, которые распространяются в социальной сети и доступны широким массам читателей. В диалоге эти тексты занимают позицию реплики-стимула и предназначены для получения последующих откликов на них. Провокативность содержания пабликов очевидна и вычитывается уже из заголовков.

В первом тексте под названием «Казламордый достаток, или как русофобы с жиру

бесятся!» основной модус – издевка, направленная на высказывания российских чиновников об экономической мощи России. Ключевая идея текста: утверждение русских о богатстве своей страны – бахвальство. Она выражена прежде всего в высказывании: *Россия – самый крупный мыльный пузырь нашей с вами современности, за помпезно-имперской оболочкой которого, по сути, нет ничего, кроме трухлявой пустоты*. В этом предложении лексема *Россия* употреблена в позиции субъекта, а в позиции предиката, указывающего на важнейшее свойство субъекта, использована уничижительно-оценочная метафора. Ее отрицательный заряд усилен суперлативом *самый крупный*, саркастичной антитезой, организованной антонимичными метафорическими именами (*оболочка – пустота*) и определениями (*помпезно-имперская – трухлявая*).

Второй текст направлен на высмеивание утверждения о богатствах России. Среди материалов приведен скриншот газетной публикации под заголовком «В Волгограде 24-летняя многодетная мать повесилась из-за нищеты». Модус издевки в авторском комментарии новости создается утверждениями о том, что такие трагедии среди нищих россиян часты, они свидетельствуют о крайне бедственном положении российской экономики.

В третьем тексте разговор о России продолжается в тоне издевки. Его основная модальность – высмеивание заявления депутата Макарова о том, что Россия «купаются в деньгах». В четвертом и пятом текстах («Дно победобесия», «ЖИВОТНЫЕ ВАИВАЛЕ!») автор эксплицирует саркастическое отношение к традиции празднования россиянами Дня Победы. В тексте «Всем “ярузке оккупантам” на заметку» блогер полемизирует с существующим в русском массовом сознании мифом о том, что русские вели только освободительные войны, в то время как, по его мнению, всегда были агрессорами и вели лишь захватнические войны. Автор считает справедливым отрицательное отношение ко всем русским со стороны всех народов-соседей России. В седьмом тексте «Крымские спортсмены, или цена предательства» со злорадством выражено удовлетворение тем,

что крымские спортсмены, как и все российские, не допущены к участию в Олимпиаде 2018 года.

Содержательно и формально все проанализированные тексты направлены на пропаганду, с помощью которой в массовом сознании формируется и подкрепляется отрицательный образ русских. Это намерение прочитывается уже в саркастических и бранных заголовках. Коммуникативный замысел автора дискурса – передать презрительное отношение к России и русским. Реконструкция интенций предложенных семи текстов форума показывает, что всех их отличает экспрессивная, крайне агрессивная форма выражения враждебности к русским и к России: русским приписываются пустое хвастовство, стремление гиперболизировать достоинства своей страны, враждебные для всех соседей бравата и патриотизм, недружелюбные действия по отношению к народам всех соседних стран; все сегодняшние несчастья народов соседних стран объясняются агрессивностью русских в прошлом, настоящем, будущем. В ходе содержательного анализа приходим к выводу, что тексты конфликтогенны, поскольку они не только выражают вражду, но и имеют экстремистски-националистическую заряженность.

Последнее проявилось в такой дискурсивной организации нарративов об исторических событиях, чтобы иметь возможность обвинить русских во враждебности к соседям России. Например, русским приписывается презрительное именование соседей: *они искренне верят в то, что все их соседи, и в первую очередь ненавистные укры-грузины-прибалты, а также прочие пшеки, спят и регулярно видят сны о том, как бы им поскорее приобщиться к этому благополучию*; русских с помощью пейоративной, бранной, нецензурной лексики обвиняют в нравственной неполноценности: *русскомирский п...ц, мельдониевую п...добранию, предательство; ...вожди Русского Мира, уже достаточно давно нащупав слабые струны примитивных казламордых душ, мастерски разыгрывают на них целые симфонии воспевающие дутое величие страны-бензоколонки; кацапня не испытывает дефицита в грази*

и *гОвнах*; русским указывается на умственную неполноценность через бранные отрицательно-оценочные определения, в том числе окказиональные: *дебиловатая, лаптеносная, полупустые черепушки, грязная (кацапня), примитивные казламордые души; примитивны; ...это нечистоплотное племя пожирателей репы настолько обнаглело в своем слабоумии, что не только верит в откровенно пропагандонские сказки в духе "орды русских оккупантов врывались в стойбища, аулы и кишлаки, оставляя после себя больницы, фабрики и музеи" (с), но и на полном серьезе требует к себе уважения и даже почитания со стороны тех, по чьей земле им удалось потоптаться!*

Дискурс содержит брань, направленную против русских: *...главное, чтоб моча была с привкусом имперства и достаточно горячей для того, чтоб в ней можно было заварить пачку заплесневелого «доширака»! Нет среди них людей – все они не более чем унтерменши, выродки и казламордая нечисть, которую ни в коем случае нельзя подпускать к себе ближе, чем на пушечный выстрел!*; презрительные номинации русских: президент России – *главный рассадник русского мира*, Россия – *Казламордая Зашкварашка*, русские – *кацапня, среднестатистические кацапы*; оценки русских зоосемантическими метафорами: *современная Зашкварашка выглядит как вечно обосанная страна-петух, вечно опущенный народ-пидорас; ЖИВОТНЫЕВАИВАЛЕ!* Русский ребенок называется *личинкой ватника*, а русские – *жалким племенем казламордых недоумков*; приписываемая русским ущербность поддерживается их внешними характеристиками: *с внешностью, образом мыслей, а также традициями и повадками мало чем похожи на людей и в глазах современного цивилизованного человечества выглядят не более чем непредсказуемыми и дурно пахнущими двуногими животными, которых кто-то шутики ради нарядил в чело-веческую одежду.*

Все перечисленные средства и приемы признаются инвективными [Понятие чести..., 1997]. В совокупности они формируют дискурсную формацию, которую отличает виль-

гарное выражение модуса вражды, для чего мобилизовано большое число сниженных языковых ресурсов: арготическая и обценная лексика, резко отрицательно-оценочная метафоричность, сниженный, разговорный синтаксис, грубые окказионализмы. Отрицательное отношение к русским выражается не только оценками, но и эмотивными компонентами модусного значения: дискурс насыщен эмоциями ненависти, презрительного гнева, злорадства.

Экспертный анализ дискурса для ответа на второй вопрос. Несмотря на крайне невежественную, отталкивающую форму речевого воздействия, осуществляемого этими текстами, оно имеет признаки пропаганды, поскольку тексты размещены в сети Интернет на специально отведенной площадке в социальных сетях, к которым открыт доступ всем желающим.

Признаки пропаганды в рассматриваемых нами текстах следующие: 1) устремленность влиять на адресата внушением неприязни и ненависти к русским через нарративы, демонстрирующие отрицательные качества всех русских; 2) усиливает пропагандистское воздействие материалов прямая адресованность к аудитории, выраженная, например, в повторах местоименных форм 2-го лица: *Каждый из Вас может внести свой вклад в развитие Науки на странице «ПОМОЩЬ ПРОЕКТУ».* Также предлагаем **вам** посетить филиал Лаборатории Боимана Каймана в Живом Журнале! *И конечно не забывайте о том, что у нас теперь есть СВОЙ ФОРУМ!*; 3) привлекает большое число читателей крайне грубая, примитивная оценка фактов, сообщенных СМИ, а ненависть, враждебное отношение к русским усиливается в текстах трэш-экспрессией (эстетикой безобразного), например: *Глядя на две эти новости прям даже и не знаю, что предположить – то ли волгоградская кацапка оказалась какой-то жилобанлеровской русофобкой, которая явно бесясь с жиру решила повеситься исключительно для того, чтобы бросить пятно на светлый лик Русского Мира, то ли путинский пудель Андрей Макаров все таки нагло и цинично п...т?! Впрочем, какие бы ни были мои предположения, они все равно никак не повлияют на уверен-*

ность жалкого племени казламордых недоумков в том, что их убогая недострана является сверхдержавой, а весь мир им завидует – одним словом, неизлечимые дебилы, б...ь (с), которым запросто можно ссать в уши не только о чем угодно, но и сколь угодно долго, главное чтоб моча была с привкусом имперства и достаточно горячей для того, чтоб в ней можно было заварить пачку заплесневелого “доширака”!; 4) высокий градус враждебности дискурса выступает обоснованием для поддержки и оправдания в массовом сознании украинцев провокационных действий властей этой страны против России.

Наличие в текстах перечисленных выше примет дает основание положительно ответить на вопрос о наличии в тексте признаков пропаганды национальной вражды к русским.

Выводы. Итак, на вопросы «Имеются ли в представленных текстах признаки возбуждения розни (вражды, ненависти) в отношении группы лиц по признаку пола, расы, национальности, отношения к религии, принадлежности к социальной группе?» и «Содержатся ли в представленных на исследование информационных материалах признаки пропаганды превосходства, исключительности либо неполноценности какой-либо расовой, национальной, религиозной или социальной группы?» эксперт дал положительные ответы.

Пример второй

Для анализа дан информационный материал, размещенный в сети Интернет.

Эксперту предложено ответить на **вопрос**: содержатся ли в представленном информационном материале сведения о том, что лицо, о котором идет речь, призывает к враждебным (насильственным) действиям над физическими лицами или группами лиц, призывает к уничтожению материальных объектов, призывает к организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в ней?

Чтобы ответить на такой вопрос, необходимо проанализировать текст, ответив на ряд дополнительных вопросов: названо ли в тексте именами собственными конкретное

лицо как субъект ряда действий? являются ли приписываемые этому субъекту действия призывом к враждебным (насильственным) действиям над физическими лицами или группами лиц, к уничтожению материальных объектов или к организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в такой акции? Иными словами, необходимо выяснить, содержится ли в высказывании утверждение о причастности определенного лица к призывам к террористическим действиям.

В ходе анализа текст был поделен на три части. Первая представляет собой разоблачение, вторая – обвинение, а третья – призыв. Продемонстрируем это.

В первой части в разоблачительном нарративе о некоей организации идет речь о том, что она маскирует разрушительные цели под видом религиозных:

(1) Мы видим как на наших глазах формируется под видом религиозной новая **террористическая** организация. Не имеющая отношения ни к российским традициям, ни к истинному православию. Их интересует лишь **дестабилизация** (так в источнике. – Л. Д.) **в обществе, насилии, войне.**

Выделенные лексемы указывают на преступные цели организации. Дана обобщающая характеристика этих целей в лексеме **террористическая**, подчеркивающей преступность организации. Мысль о том, что, действуя *под видом религиозной*, организация скрывает истинные цели, акцентируется отрицательной конструкцией с двойным отрицанием *не имеющая отношения ни к российским традициям, ни к истинному православию*, подчеркивается усилительной частицей *лишь*, использованием рядов однородных членов предложения с повторяющимся союзом. Употребленные в тексте лексемы **террористическая**, **дестабилизация** (как нарушение равновесия), **насилие**, **война** называют отрицательно оцениваемые процессы, которые могут включать «враждебные (насильственные) действия над физическими лицами или группами лиц», «уничтожение материальных объектов», «организацию преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в такой акции» [Методические рекомендации...], но могут и не включать. Ср. с теми

значениями указанных слов, в которых они выступают в следующих контекстах: *холодная война, информационная война, телефонный террор, коммуникативный террор*. Таким образом, утверждение автора анализируемого высказывания о том, что у некоей организации он обнаруживает устремленность к дестабилизации, войне, террору, не означает, что эта организация «призывает к враждебным (насильственным) действиям над физическими лицами или группами лиц, призывает к уничтожению материальных объектов, призывает к организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в такой акции» [Методические рекомендации...].

Во второй части предложенного текста вполне определенно назван объект обличения, указывается его должность и фамилия: *депутат Поклонская*. Высказывается мысль о ее связи с организацией, деятельность которой направлена на социально осуждаемые цели, утверждается, что депутат Поклонская эту организацию поддерживает:

(2) Мы знаем имена тех, кто стоит за ними. *Депутат Поклонская даже не скрывает, что поддерживает данные организации и обеспечивает им прикрытие*. «Матильда» – лишь повод для того, чтоб они заявили о себе и меня ужасает, что никто не пытается их остановить. Мы видим и их *идеологов, и организаторов, боевиков*. Они не скрываются.

Поклонской приписываются два действия – *поддерживает организации* и *обеспечивает им прикрытие*. По всей видимости, глагол *поддерживать* употреблен здесь в значении ‘оказывать помощь, содействие в чем-л.’ (ССРЛЯ, с. 335), а сочетание *обеспечивать прикрытие* = *прикрывать* – в значении ‘скрыть, не дать обнаружить’ какие-то преступные действия (БТСРЯ). Осуждение этих действий подчеркнуто с помощью союза *даже*, субъективно-оценочного *меня ужасает*, конструкции с двойным отрицанием *никто не пытается*. Однако отметим, что в тексте с Поклонской не связываются такие действия, как «призыв к враждебным (насиль-

ственным) действиям над физическими лицами или группами лиц, к уничтожению материальных объектов, к организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в такой акции» [Методические рекомендации...].

Третья часть анализируемого текста представляет собой призыв к насильственному ограничению деструктивных действий, приписываемых представителям указанной в первом речевом действии организации:

(3) Мы видим, что они работают не против кино, *они работают против российского государства*. Пора уже их остановить!

Речевое действие призыва эксплицировано с помощью конструкции «модальное слово + инфинитив», усилено противительно-отрицательной конструкцией и повтором: *работают не против кино, они работают против российского государства*, но это не призыв депутата Поклонской к «организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в ней».

Выводы. Анализируемый текст, обращенный к массовой аудитории, содержит номинацию конкретного лица – депутата Поклонской. Автор анализируемого высказывания утверждает, что это лицо поддерживает и покрывает организации, которым приписывается ряд осуждаемых обществом действий, но в тексте не идет речь о том, что действия, совершаемые самой Поклонской, представляют собой призыв:

- к враждебным (насильственным) действиям над физическими лицами или группами лиц;
- уничтожению материальных объектов;
- организации преступного сообщества для совершения террористической акции или участия в такой акции по признаку пола, расы, национальности, отношения к религии либо принадлежности к социальной группе.

Таким образом, на вопрос «Содержатся ли в представленном информационном материале сведения о том, что лицо, о котором идет речь, призывает к враждебным (насильственным) действиям над физическими лицами или группами лиц, призывает к уничтожению материальных объектов, призывает к организации преступного сообщества для совершения

террористической акции или участия в ней?» экспертом дан отрицательный ответ.

Заключение

Опыт проведения лингвистических экспертиз показывает, что дискурсивный метод результативен в случае необходимости диагностировать языковые корреляты социальной деятельности, имеющей враждебную коммуникативную направленность. Метод используется на первом этапе судебной экспертизы в качестве диагностирующего конфликтогенность. Однако в случае диагностического экспертного анализа медиатекстов на предмет их экстремистской заряженности, задача которого лишь установить конфликтогенность или ее отсутствие в публикации, метод является основным, поскольку позволяет определить наличие / отсутствие в текстах возбуждения национальной, расовой или религиозной вражды, унижения национального достоинства, пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии или расовой принадлежности. Дискурсивный метод при этом включает раскрытие экстремистской направленности в изложении нарративов о событиях, участники которых – представители двух национальных групп: одной приписываются черты исключительности, достоинство другой принижается; в обнаружении модуса презрения, издевки, сарказма с указанием представителя другой национальности, на который эти модусы направлены; в призывах к враждебным действиям против представителей другой национальности разной иллюкативной силы, в оправдании враждебных действий.

Лингвистическими признаками националистически-экстремистского дискурса в текстах модуса неприятия являются: грубая лексика, бранные окказионализмы, которые оскорбляют общественную мораль, нарушают нормы общественных приличий, нецензурные слова. Именно дискурсивный подход с его вниманием к социальным смыслам в высказывании позволяет обнаружить их влияние на денотативный и коннотативный компоненты значений языковых единиц и их недопустимость в конкретном тексте.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ «Создание корпуса официально-деловых текстов русского языка (ОДКРЯ)» (проект № 17-29-09158).

The reported study was funded by the RFBR grant “Creating the Russian Official-Legislative Texts Corpus” (project no. 17-29-09158).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 136–137.
- Демьянков В. З., 1982. Морфологическая интерпретация текста и структура словаря // Вопросы кибернетики : Общение с ЭВМ на естественном языке. М. : Науч. совет по комплекс. проблеме «Кибернетика». С. 75–91.
- Кибрик А. А., Плунгян В. А., 1997. Функционализм // Фундаментальные направления современной американской лингвистики / под ред. А. А. Кибрика, И. М. Кобозевой, И. А. Секериной. М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак. С. 276–339.
- Методические рекомендации Генеральной прокуратуры РФ «Об использовании специальных познаний по делам и материалам о возбуждении национальной, расовой или религиозной вражды». № 27-19-99 от 29.06.1999. URL: <http://www.migimo.ru/razdel/137/> (дата обращения: 25.09.2019).
- Мишланов В. А., Голованова А. В., Салимовский В. А., 2011. Основы прикладной лингвистики. Теория и практика судебной лингвистической экспертизы текста. Пермь : ПГНИУ. 367 с.
- Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации, 1997 / авт.-сост.: А. А. Леонтьев [и др.]; науч. ред. А. Р. Ратинов. М. : Права человека. 127 с.
- Степанов Ю. С., 1995. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века : сб. ст. М. : Рос. гос. гуманит. ун-т. С. 44–45.
- Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., 2000. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса. СПб. : Алетейя. 320 с.
- Фуко М., 1996. Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. : Магистериум – Касталь. 448 с.
- Чернышова Т. В., 2016. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной прак-

тике//ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 3. СПб.: Наука. С. 335–350.

СЛОВАРИ

БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. Публикуется в авт. ред. 2014 года. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 01.06.2019).

ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 11. М.; Л.: Наука, 1961. 1842 стб.

REFERENCES

Arutyunova N.D., 1990. Diskurs [Discourse]. Yartseva V.N., ed. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136-137.

Demyankov V.Z., 1982. Morfologicheskaya interpretatsiya teksta i struktura slovarya [Morphological Interpretation of the Text and Dictionary Structure]. *Voprosy kibernetiki: Obshchenie s EVM na estestvennom yazyke* [Cybernetics Issues: Communicating with Computers in Natural Language]. Moscow, Nauchnyy совет po kompleksnoy probleme “Kibernetika”, pp. 75-91.

Kibrik A.A., Plungyan V.A., 1997. Funktsionalizm [Functionalism]. Kibrik A.A., Kobozeva I.M., Sekerina I.A., eds. *Fundamentalnye napravleniya sovremennoy amerikanskoй lingvistiki* [Fundamental Directions of Modern American Linguistics]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy universitet im. M.V. Lomonosova, pp. 276-339.

Metodicheskie rekomendatsii Generalnoy prokuratury RF «Ob ispolzovanii spetsialnykh poznanii po delam i materialam o vzbuzhdenii natsionalnoy, rasovoy ili religioznoy vrazhdy». № 27-19-99 ot 29.06.1999 [Methodological Recommendations of the General Prosecutor’s Office of the Russian Federation “On the Use of Special Knowledge in Cases and Materials on the Initiation of National, Racial or Religious Hostility”. No. 27-19-99 of June 29, 1999]. <http://www.migimo.ru/razdel/137/> (accessed 25 September 2019).

Mishlanov V.A., Golovanova A.V., Salimovskiy V.A., 2011. *Osnovy prikladnoy lingvistiki. Teoriya*

i praktika sudebnoy lingvisticheskoy ekspertizy teksta [Fundamentals of Applied Linguistics. Theory and Practice of Forensic Linguistic Examination of the Text]. Perm, PGNIU. 367 p.

Leontyev A.A., ed., 1997. *Ponyatie chesti i dostoinstva, oskorbleniya i nenormativnosti v tekstakh prava i sredstv massovoy informatsii* [Concept of Honor and Dignity, Insults and Profanity in the Texts of Law and the Media]. Moscow, Prava cheloveka. 127 p.

Stepanov Yu.S., 1995. *Alternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsip Prichinnosti* [Alternative World, Discourse, Fact and the Principle of Causality]. *Yazyk i nauka kontsa XX veka: sb. st.* [Language and Science of the Late 20th Century. Collected Articles]. Moscow, Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, pp. 44-45.

Ushakova T.N., Pavlova N.D., 2000. *Slovo v deystvii. Intent-analiz politicheskogo diskursa* [Word in Action. Intent-Analysis of Political Discourse]. Saint Petersburg, Aleteyya Publ. 320 p.

Fuko M., 1996. *Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksualnosti* [Will to Truth. On the Other Side of Knowledge, Power and Sexuality]. Moscow, Magisterium-Kastal Publ. 448 p.

Chernyshova T.V., 2016. *Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost filologa i problema vybora metoda v sovremennoy lingvoekspertnoy praktike* [Analytical and Expert Activity of a Philologist and the Problem of Choosing a Method in Modern Linguo-Expert Practice]. *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN. T. XII. Ch. 3* [ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences. Vol. XII. Part 3]. Saint Petersburg, Nauka Publ., pp. 335-350.

DICTIONARIES

Kuznetsov S.A., ed. *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Great Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, 1998. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 1 June 2019).

Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t. T. 11 [The Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols. Vol. 11]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1961. 1842 cols.

Information About the Author

Liliia R. Duskaeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Medialinguistics, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034, Saint Petersburg, Russia, l.duskaeva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3854-2844>

Информация об авторе

Лилия Рашидовна Дускаева, доктор филологических наук, профессор кафедры медиалингвистики, Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., 7-9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, l.duskaeva@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3854-2844>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.6>

UDC 81'221.2
LBC 81.006.154

Submitted: 02.10.2019
Accepted: 27.12.2019

SPEECH AND GESTURE IN FORENSIC LINGUISTICS IN BRIBERY CASES: TOWARDS SEMANTICS AND PRAGMATICS OF “CLOSED” DISCOURSES

Anatoliy N. Baranov

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with analysis of verbal and nonverbal information in dialogues about bribes. The dialogue about bribes is one of the types of so called “closed” discourse in which explicit expression of communicative intention is forbidden or at any case legally restricted. Closed discourses are opposed to open ones, in which there are no significant prohibitions on the expression of certain meanings. The restriction on explicit verbalization of bribes leads to contradiction between the need for speakers to express their thoughts clearly, on one hand, and prohibitions of a legal nature – on another. One of the ways to solve this problem is to use non-verbal channels to transfer information – in particular gestures. In dialogues about bribes gesture often replaces and complements speech acts of participants. Examples of interaction between speech of participants of dialogues and their non-verbal behavior are considered. Linguistic semantics and linguistic pragmatics are shown as a metalanguage that allows to transfer sense at the non-verbal level of communication in dialogues about bribes. For this purpose, it is proposed to use metalanguages of non-verbal semiotics and the formal representation of the plot, based on the narrative grammars. The study and description of the interaction between the level of speech and the level of non-verbal communication (primary gestures) is necessary for forensic linguistics in bribery cases. The study of the rules of interaction between verbal and non-verbal is necessary not only for applied linguistics – in particular forensic linguistics, but also for linguistic theory.

Key words: forensic linguistics, dialogue, bribes, non-verbal communication, gesture, non-verbal semiotics, visual semiotics.

Citation. Baranov A.N. Speech and Gesture in Forensic Linguistics in Bribery Case: Towards Semantics and Pragmatics of “Closed” Discourses. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 64-76. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.6>

УДК 81'221.2
ББК 81.006.154

Дата поступления статьи: 02.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

СЛОВО И ЖЕСТ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТКАХ: К СЕМАНТИКЕ И ПРАГМАТИКЕ «ЗАКРЫТЫХ» ДИСКУРСОВ

Анатолий Николаевич Баранов

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы анализа вербальной и невербальной информации в диалогах о взятках, которые представляют собой один из видов «закрытых» дискурсов. В них запрещено явное выражение коммуникативного намерения, что приводит к противоречию между необходимостью ясно выражать свои мысли и запретами правового характера. Одна из возможностей преодоления этого противоречия состоит в использовании невербальных каналов сообщения информации, в частности жестов. В диалогах о взятках жест часто заменяет или дополняет речь участников. В статье описаны примеры взаимодействия между репликами участников диалогов и их речевым поведением. Показано, что лингвистическая семантика и лингвистическая прагматика обладают категориальным аппаратом, позволяющим досто-

верно описывать невербальный слой коммуникации в диалогах о взятках. Предложено использовать мета-языки невербальной семиотики и формального представления сюжета, основанные на грамматиках нарратива. Исследование и описание взаимодействия между вербальным и невербальным уровнями коммуникации (прежде всего жестами), выявление закономерностей такого взаимодействия необходимы не только для прикладной лингвистики, в частности для проведения судебной лингвистической экспертизы, но и для лингвистической теории.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, диалог, взятка, невербальная коммуникация, жест, невербальная семиотика, визуальная семиотика.

Цитирование. Баранов А. Н. Слово и жест в лингвистических экспертизах по делам о взятках: к семантике и прагматике «закрытых» дискурсов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 64–76. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.6>

Дискурс – открытый и закрытый

Дискурс в самом широком понимании задается совокупностью дискурсивных практик, идентифицирующих его участников и представляющих тематику коммуникации, характерную для этого дискурса. Под дискурсивной практикой понимается устойчивое воспроизведение близких по функции, альтернативных языковых средств выражения определенного смысла. Тенденции применения дискурсивных практик находят отражение в частоте употребления соответствующих феноменов фонетического, морфологического, синтаксического, семантического и даже сюжетного уровней [Баранов, 2012, с. 245–246]. К дискурсивным практикам часто относятся и элементы устного речевого и визуального оформления текста.

Использование формально или неформально установленных дискурсивных практик превращает простой обмен текстами (репликами) в часть соответствующего дискурса. Иными словами, дискурсивные практики институционализируют дискурс как таковой, делают его существующим формально и – что часто более существенно – неформально. Игнорирование дискурсивных практик приводит как минимум к коммуникативным неудачам. Так, в дискурсе языка математики в качестве дискурсивной практики лексического уровня бытует термин *доказательство теоремы*. Использование близких по семантике форм (*аргументация теоремы, демонстрация теоремы, верификация теоремы, приведение исчерпывающих логически непротиворечивых аргументов в пользу тезиса*) вряд ли будет признано участниками данного дискурса правомерным из-за уже существующей дискурсивной практики.

К дискурсивным практикам макроструктурного уровня относится, например, необходимость упоминания классиков марксизма-ленинизма в научных работах 40–50 гг. XX в. в СССР. Ср. характерную цитату из известной статьи А.С. Чикобавы «О некоторых вопросах советского языкознания» (1950), опубликованной в газете «Правда»:

(1) В самом деле, раз все развитие человеческого общества обусловлено развитием производственных отношений, и язык, это – «важнейшее средство общения» (*Ленин*), «орудие борьбы и развития» (*Сталин*), естественно, должен быть обусловлен в своем развитии теми же отношениями.

Указания на то, что язык является «важнейшим средством общения» и «орудием борьбы и развития» как минимум малоинформативны – это трюизмы, использованные в качестве дискурсивной практики, придающей дискурсу признаки научности (разумеется, научности в понимании той эпохи). Данная дискурсивная практика одновременно служит маркером, отделяющим своих (приверженцев марксизма-ленинизма) от чужих (буржуазных ученых).

Дискурсы весьма разнообразны по тематике, целевым и ценностным ориентациям, участникам и т. д. С точки зрения задач настоящей статьи, которые формулируются ниже в этом разделе, весьма существенно разграничение дискурсов открытых и закрытых. Назовем **«открытым дискурсом»** такой обмен репликами, в котором иллокутивные вынуждения реплик¹ успешно реализуются, участники последовательно соблюдают максимы Грайса, или постулаты речевого общения, стремясь представить свои коммуникативные намерения и пропозициональное со-

держание реплик ясно и непротиворечиво. Назовем *«закрытым дискурсом»* такой обмен репликами, в котором по экстралингвистическим основаниям налагаются ограничения на выражение коммуникативного намерения и/или на пропозициональное содержание. К закрытым дискурсам относятся, например, дискурс загадок, в котором запрещается прямое упоминание денотата загадки (того, что требуется отгадать), хотя какие-то существенные свойства этого денотата указываются или задаются по аналогии с помощью метафор, метонимии, аллитераций и пр. [Левин, 1978; Журинский, 1989]; экзаменационный дискурс, предполагающий наличие текстов заданий, решения которых должен предложить экзаменуемый; дискурс о смерти, в котором табуировано само упоминание объекта обсуждения; некоторые типы религиозного дискурса, в которых налагаются жесткие ограничения на прямое упоминание ряда феноменов и обсуждение религиозных постулатов, и многие другие типы (дискурс сексуальных отношений, судебный дискурс и т. д.). Классификация закрытых дискурсов еще ждет вдумчивого исследователя.

Некоторые из закрытых дискурсов *ограничены институционально*, то есть соответствующие запреты сформулированы в виде законов, а их нарушение влечет существенные санкции. К таким дискурсам относятся дискурсы угрозы, взятки, вымогательства; дискурс доведения до самоубийства, обсуждение противоправной деятельности (например, производство, пропаганда и сбыт наркотических веществ), экстремистский дискурс, а также вообще любое речевое сопровождение подготовки и реализации преступлений.

Понятно, что стратегии речевого поведения участников в открытом и закрытом дискурсах будут существенно различаться, поскольку в последнем случае потребуются корректировка выражения смысла для учета соответствующих ограничений.

В данной статье, написанной по материалам доклада, прочитанного автором на конференции по лингвистической экспертизе в Институте русского языка им. А.С. Пушкина «Современная теоретическая лингвистика и проблемы судебной экспертизы» (1–2 октября 2019 г.), рассматривается один из закры-

тых дискурсов – дискурс взятки – с точки зрения возможностей лингвистического анализа этого феномена.

Дискурс о взятках – вербальное и невербальное

Поскольку дискурс о взятках институционально ограничен, то участники коммуникации в этом случае оказываются в противоречивой ситуации: с одной стороны, говорящий должен понятным образом донести до адресата свое коммуникативное намерение, что предполагает следование постулату Способа («Выражайся ясно») [Грайс, 1985, с. 223], а с другой – не попасть под санкции, которые влечет соответствующая статья. Понятно, что одно противоречит другому: маскируя намерение дать взятку, дающий взятку рискует быть непонятым. *Vice versa* при вымогательстве взятки вымогающий также может недостаточно ясно дать понять собеседнику, что он имеет в виду. Один из способов решения этой проблемы состоит в использовании различных каналов передачи информации. Как известно, в диалоге используется не только вербальный канал общения, но невербальный. По нему может предаваться та информация, которая запрещена институционально при вербальном выражении, но кажется участникам плохо распознаваемой посторонними при невербальной передаче.

Отметим, что опора на невербальный канал или на комбинацию вербального и невербального каналов совсем не бессмысленна, поскольку невербальная часть коммуникации не является традиционным объектом лингвистики, что создает проблемы при лингвистическом анализе и, соответственно, в лингвистической экспертизе. Тем не менее какую-то часть содержания, передаваемого по невербальному каналу (часто весьма существенную), можно представить на семантическом языке и тем самым проанализировать ее вполне традиционными средствами лингвистической семантики. Расширение сферы компетенции лингвистов в связи с исследованием невербальной части коммуникации допустимо, правда, только применительно к семиотической составляющей соответствующих феноменов, то есть к знакам [Баранов, 2018].

В этом случае лингвист выступает как специалист по семиотике. Такое расширение вполне правомерно, хотя и предполагает некоторую экспансию сферы лингвистического знания: действительно, не все семиотические системы являются естественными языками. Из невербальных знаков чаще всего объектом исследования становятся конвенциональные жесты, то есть жесты с определенной семантикой. Некоторые из них подробно описаны в «Словаре языка русских жестов» [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001].

При взаимодействии вербального и невербального каналов коммуникации реализуются два основных логически возможных варианта:

(i) вербальный и невербальный каналы не связаны друг с другом;

(ii) вербальный и невербальный каналы связаны и дополняют друг друга.

Кроме того, знак невербального канала передачи информации может маскироваться.

Рассмотрим указанные возможности.

Искусство взятки – маскировка жеста

Использование маскировки – типичная дискурсивная практика закрытых дискурсов. Действительно, сокрытие коммуникации от внешнего наблюдателя позволяет уйти от санкции, какой бы она ни была – формальной и определяемой законом или неформальной, связанной с моральным осуждением. Например, в сленге потребителей наркотиков представлены многочисленные названия, которые используются в соответствующем дискурсе для именованья марихуаны: *башатумна, бошка, ганжа, гарик, жарех, канана, конопеть, маняга, план, пласт, пластина, табакерка, трава, шалой, шан, шишка, шмаль*. Некоторые из них – *дым, драч, марго, маруся, молоко, сам* – могут использоваться в целях маскировки содержания разговоров.

В дискурсе о взятках наиболее частая форма маскировки – модификация конвенционального жеста. Общая конвенциональность, общепринятость жеста обеспечивает его узнавание собеседником, а модификация дает возможность хотя бы в какой-то мере сокрыть содержание. В качестве при-

мера проанализируем фрагмент видеозаписи беседы чиновника с женщиной, представлявшей «решалой» и выполнявшей посреднические функции между чиновником и коммерсантом. Чиновник (участник К) в ответ на вопрос о необходимой сумме денег экспонирует² следующий жест: поднимает руку с вертикально вытянутым указательным пальцем, опирающимся на сжатую ладонь, на уровень глаз, отклоняет указательный палец назад в сторону правого плеча, затем совершает этим пальцем полукруг в сторону и лишь затем фиксирует палец перед собой на уровне глаз.

Общепринятый жест, обозначающий «один» (жест «Один»), не содержит дополнительных динамических невербальных компонентов. Он сводится к тому, что человек поднимает указательный палец руки, опирающийся на сжатую ладонь, на уровень глаз и фиксирует его на некоторое время. Следовательно, жест, экспонируемый чиновником, не является конвенциональным, то есть общепринятым, что затрудняет его распознавание. Однако в рассматриваемом случае этот прием маскировки не срабатывает, поскольку собеседница (участница Ю) переспрашивает его (участника К) и дожидается положительного ответа:

(2) Ю: И третий вопрос. По поводу РЖД. Значит Саркисян³. Я встречалась с Саркисяном, вот, как бы он спрашивает, можно ли сумму поменьше сделать.

[участник К экспонирует жест]

Ю: Это что это?

К: Ну да. Это так называется.

Ю: Понятно. Один миллион?

К: Да.

Участница диалога Ю все прекрасно поняла (*понятно*), но поскольку именно она скрыто вела видеозапись, то в соответствии с полученными ею инструкциями постаралась снять неясность реплик чиновника. Следовательно, ее подтверждающая реплика *Один миллион?* и согласие (*да*) участника К с высказанным предположением собеседницы дезавуировали попытку маскировки.

Отметим, что описание жеста «Один» отсутствует в упоминавшемся словаре жестов [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001].

**Взятка – отсутствие связи
между словом и жестом**

В ситуации, когда вербальный и невербальный каналы не связаны друг с другом (вариант i), взятка передается, но вербально это никак не отражается и не фиксируется в характерных жестах.

Рассмотрим типичный пример. Китайский коммерсант неправомерно использовал бренды известных товаропроизводителей. Будучи уличенным в продаже контрафактной продукции, он попытался дать взятку. Момент передачи взятки зафиксирован на видеозаписи (рис. 1).

Несмотря на очевидную жестикуляцию – оперативник (участник слева) протягивает руки в направлении китайского коммерсанта (участник справа) и разводит их в стороны, снова протягивает руки, а коммерсант передает ему пачку банкнот над столом, – речевое поведение никак не отражается в невербальном: в этот момент происходит изменение состава участников разговора (появляется племянник-шофер коммерсанта, помощница коммерсанта), что обсуждается участниками. Ни в одной из реплик участники не комментируют передачу денег. Лишь уже получив банкноты, участник слева произносит

фразу *Давайте, извините, я проверю*, после чего что-то делает с полученной пачкой банкнот (скорее всего, пересчитывает).

В проведенной официальной лингвистической экспертизе сделан следующий вывод: в разговоре не обсуждается передача денежных средств, хотя «картинка» недвусмысленно указывает на то, что коммерсант передает банкноты оперативнику. Вывод лингвистической экспертизы правомерен, но неполон. Действительно, хотя вербальное подтверждение передачи денег отсутствует, но невербальная часть коммуникации – видеоряд – содержит всю необходимую информацию. В этом случае требуется проанализировать объект исследования в терминах семиотики, рассмотрев видеоролик в динамике как разворачивающийся сюжет повествования: посещение ресторана, деловые переговоры и т. п. В ранее опубликованной статье автора [Баранов, 2018] для этого предлагается использовать категориальный аппарат (метаязык), основанный на грамматиках сюжетов (story grammars) (подробнее о них см.: [Arijon, 1991; Prince, 1973; Rumelhart, 1975]). Анализ сюжета динамического повествования проводится по следующим основным составляющим: экспозиция, событие, эпизод, сцена, резюме (завершение).

Рис. 1. Момент передачи денег на видеозаписи оперативно-разыскного мероприятия
Fig. 1. The situation of money handing over recorded while intelligence gathering

В *экспозиции* вводятся участники описываемых событий, устанавливается место и время действия. В рассматриваемом случае в видеоматериале экспозиция отсутствует. Сюжет реализуется в *событиях* – законченных ситуациях, являющихся результатом деятельности участников и действия неодоленных сил. События состоят из *эпизодов* – частей деятельности участников, которые выступают промежуточным этапом в переходе от старого состояния мира к новому и соответствуют одной теме. Эта деятельность участников и приводит к самому событию. Эпизоды включают последовательность *сцен* – таких частей эпизода, в которых сохраняется единство участников, места, времени, действия и ракурса изображения в процессе осуществления деятельности, приводящей к переходу от старого состояния мира к новому в контексте события.

В обсуждаемом случае необходимо проанализировать сцену непосредственной передачи денег – пачки банкнот. Как уже отмечалось, лингвистическому (точнее, семиотическому) анализу подлежат те компоненты сцены, в которых присутствуют конвенциональные знаки, и в частности жесты. На рисунке 1 представлены следующие жесты: 1) коммерсант через стол правой рукой передает банкноты оперативнику (участник слева) – жест «Передача», направленный конкретному лицу, экспонирование этого жеста предполагает движение руки дающего, держащей передаваемый объект, по направлению к адресату; 2) участник слева (оперативник) сводит (не до конца) обе руки впереди по направлению к коммерсанту, а затем разводит их в стороны, что представляет собой вежливый жест «Отказ» от передаваемого объекта⁴. Затем после неоднократного экспонирования жеста «Передача» коммерсантом принимает пачку банкнот. И жест «Передача», и жест «Отказ» конвенциональны и широко используются как невербальные сопроводители реплик в диалоге. Таким образом, анализ знаковой составляющей сцены позволил бы подтвердить очевидное – передачу денежных средств со стороны коммерсанта оперативнику.

Отметим, однако, что отсутствие сопряженности поведения участников с вербаль-

ной составляющей разговора оказывается значимым препятствием для лингвистической экспертизы.

Искусство взятки – словесные намеки и красноречивые жесты

Весьма часто вербальный и невербальный каналы дополняют друг друга (вариант ii). В таких ситуациях собственно вербальная часть коммуникации – реплики участников – так или иначе координируется с невербальной. Опытные манипуляторы сознательно связывают речевое и неречевое поведение, что позволяет донести свое коммуникативное намерение до адресата так, чтобы у того не осталось сомнений. Самородки достигают этого интуитивно. Действительно, взятка – это речевое искусство. Кто пренебрегает его законами, тот терпит коммуникативные неудачи или подвергается уголовному преследованию (часто реализуется и то и другое).

Разберем пример, хорошо иллюстрирующий заявленный тезис, хотя и несколько ущербный из-за того, что экспертизу проводил квалифицированный специалист, а это не позволило манипулятору полностью достичь своих целей.

Фабула дела такова. Некий коммерсант (так и будем его называть – «Коммерсант») получает различными способами кредиты от крупного банка на очень большую сумму, исчисляемую сотнями миллионов рублей, однако отдавать эти кредиты не спешит. Он выбирает стратегию дискредитации банка: обратившись в правоохранительные органы, сообщает, что у него вымогают взятку. По словам коммерсанта, один из представителей банка (назовем его «Коллектор» – доверенное лицо банка, которое было уполномочено урегулировать данную проблему) якобы хочет получить от него деньги за то, чтобы смягчить требования банка о возврате кредитов, то есть отсрочить, уменьшить сумму возврата и т. п. Коммерсанта снабжают замаскированной видеокамерой, и он отправляется на встречу с Коллектором.

В разговоре, состоявшемся в ресторане, Коммерсант и Коллектор обсуждают самые разнообразные темы – от женщин и бизнеса до международной политики. Однако самая существенная часть приходится на не-

большой фрагмент беседы, который воспроизводится ниже:

(3) **Коммерсант:** Давай строить реальные планы, я готов.

Коллектор: Готовы, и понятно, что с деньгами сейчас проблема у всех, ну реально у всех, с ликвидностью проблемы у всех.

Коммерсант: (жест рукой, пересчитывает деньги) Ууу...

Коллектор: (улыбается) Золотой вы человек!

Коммерсант: (жест рукой) Думай сам, делай предложения, мы готовы.

Коллектор: Хорошо, я наберу, встретимся еще.

Коммерсант: Не затягивай, мы готовы.

Из приведенного транскрипта следует, что Коммерсант после реплики Коллектора *Готовы, и понятно, что с деньгами сейчас проблема у всех, ну реально у всех, с ликвидностью проблемы у всех* экспонирует жест общей длительностью приблизительно в одну секунду, имитирующий счет денег – жест «Счет / Отсчет денег». Начальное положение рук Коммерсанта при экспонировании жеста – пальцы обеих рук согнуты в кулаки, кулаки сближены на небольшое расстояние, но не соприкасаются друг с другом. Большие пальцы кулаков находятся ближе всего друг к другу. Кистью правой руки Коммерсант делает движения сверху

вниз – наискось (вперед по направлению к собеседнику), как бы пересчитывая или отсчитывая банкноты. Ниже даны изображения этого жеста в динамике (см. рис. 2–4).

Хотя тема денег в репликах участников затрагивается лишь вскользь (Коллектор неопределенно говорит: *понятно, что с деньгами сейчас проблема у всех, ну реально у всех, с ликвидностью проблемы у всех*), жест Коммерсанта красноречив. Он указывает на то, что Коммерсант неспровоцированно выражает готовность передать собеседнику какую-то сумму денег наличными.

Ситуация довольно очевидная, однако она очевидна только с точки зрения академического обсуждения семантики диалога. Лингвистическая экспертиза как особый жанр требует развернутого доказательства, аргументации, которая убедит и суд, и стороны, участвующие в процессе, что провокация взятки со стороны Коммерсанта имела место. Иными словами, следует выявить и представить максимум аргументов в пользу доказываемого тезиса.

В рассматриваемом случае аргументы относятся как к семантике, так и к прагматике диалога. Кроме того, необходимо учесть семантику и прагматику жеста как части семиозиса диалога, включающего вербальные и невербальные знаки.

Рис. 2. Экспонирование жеста «Счет / Отсчет денег» – фаза 1

Fig. 2. Gesture “Counting money” display. Phase 1

Рис. 3. Экспонирование жеста «Счет / Отсчет денег» – фаза 2
Fig. 3. Gesture “Counting money” display. Phase 2

Рис. 4. Экспонирование жеста «Счет / Отсчет денег» – фаза 3
Fig. 4. Gesture “Counting money” display. Phase 3

Итак, во-первых, на выплату наличных указывает иконическая (образная) составляющая жеста, которая по существу является имитацией счета или отсчета банкнот. Во-вторых, на адресата жеста – получателя денежной суммы – указывает его направленность: жест пространственно направлен в сторону Коллектора. Виртуальные деньги отсчитываются в его сторону, причем провокатор взят-

ки – Коммерсант – не учел, что все его движения руками (в том числе жесты) фиксируются на его же видеокамеру. В-третьих, вербальное окружение жеста (реплики участников) тематически связаны с деньгами: Коллектор говорит о проблеме с деньгами, а Коммерсант выражает готовность помочь с этим: *Думай сам, делай предложения, мы готовы* (третья реплика Коммерсанта) и не заты-

живай, мы готовы (четвертая реплика Коммерсанта). В-четвертых, показательна речевая и мимическая реакция на жест Коммерсанта – Коллектор улыбается и произносит: *Золотой вы человек!* Такая реакция необъяснима, если принимать во внимание только речевую, вербальную часть разговора. Непонятна реакция Коллектора и в том случае, если предположить, что жест Коммерсанта имеет иную семантику. Если же жест Коммерсанта понимается именно в смысле предложения денег, то и реплика Коллектора и его улыбка вполне объяснимы, а разговор получает естественную интерпретацию. В-пятых, последующим приглашающим жестом Коммерсант побуждает Коллектора рассмотреть его предложение: (жест рукой) *Думай сам, делай предложения, мы готовы*. Этот жест заключается в том, что Коммерсант протягивает правую руку с открытой ладонью в сторону Коллектора (рис. 5).

Последовательность экспонирования жестов «Счет / Отсчет денег» и «Приглашение» в сочетании с речевыми репликами участников, которые анализировались выше, однозначно указывает на то, что Коммерсант предлагает Коллектору наличные деньги, хотя и делает это не прямо, а косвенно. Однако данное побуждение, хотя и является косвенным по форме, по семантике вполне эксплицитно – в том смысле, в котором косвенные речевые акты (*indirect speech acts*) представ-

ляют собой эксплицитную форму сообщения семантической информации. Действительно, за обеденным столом реплика участника *Не могли бы вы мне передать соль* является косвенным (и в силу этого вежливым), но эксплицитным способом побуждения адресата. Интерпретация адресатом этого речевого акта как вопроса в собственном смысле и ответ *Да* без последующих действий ведет к сбою в общении и коммуникативной неудаче. Аналогично этому и рассматриваемое сочетание речевого и жестового поведения участников, являющееся не чем иным, как предложением денег. В противном случае общение прерывается, а участники переходят к метаязыковому выяснению того, кто и что имел в виду.

В-шестых, еще один аргумент в пользу вывода о выплате денег обнаруживается в ответной реакции Коммерсанта на вопрос Коллектора, реализующейся в следующей последовательности реплик:

(4) **Коммерсант:** Билет покупает в Краснодар. Говорю, закажи, дура, гостиницу, мы улетаем в пять тридцать или двенадцать тридцать, гостиницу закажи. Она какую-то х...ню пишет мне. Я, на х...я эта х...ня двадцать минут от центра города. Она пишет лучшие гостиницы в Ярославле и Переславле.

Коллектор: Угу.

Коммерсант: Дура, мы же летим, в Краснодар, бл...дь.

Коллектор: Когда обратно?

Коммерсант: В субботу.

Рис. 5. Экспонирование жеста «Приглашение»

Fig. 5. Display of gesture "Invitation"

Коллектор: Ну, в понедельник.

Коммерсант: Да. Мы готовы строить реальные планы.

Коллектор: Расчет деньгами или недвижимостью?

Коммерсант: (делает жест пальцами правой руки, говорящий, что расчет деньгами).

Коллектор: Не вижу препятствий. До понедельника предложения будут.

Коммерсант: История всем понятна.

Коммерсант, отвечая на реплику Коллектора *Расчет деньгами или недвижимостью?*, делает жест пальцами правой руки, состоящий в многократном трении друг о друга подушечек большого и указательного пальцев в положении большого пальца сверху. Кисть руки Коммерсанта при этом направлена в сторону Коллектора (рис. 6). Назовем этот невербальный знак жестом «Тити-мити»⁵.

Данный жест, вероятно, в онтогенезе (этимологически) связан с пересчетом денег. В этом смысле он может рассматриваться как вариант жеста «Счет / Отсчет денег», который, правда, обычно экспонируется в более широком классе ситуаций – для выражения необходимости денег, для указания на недостаток денежных средств и т. п. В данном примере и в контексте разговора в целом данный жест передает семантику выплаты денежных средств.

Причем жестом «Счет / Отсчет денег» Коммерсант указывает именно на выплату наличными. Это подтверждается и другими фрагментами разговора: в случаях, когда возникает тема наличных денег, Коммерсант также экспонирует жест «Счет / Отсчет денег»:

(5) **Коммерсант:** А все банально. Эта п...да, Баська, ну Барселона Петровна, которая, возглавляет наш районный (неразборчиво). Она просто с базы, которая у нас завозит.

Коллектор: Угу.

Коммерсант: Захотела снять денег, своим строителям отдать, бригадиру, чтобы они там чего-то построили (жест рукой «Счет / Отсчет денег»).

Экспонирование Коммерсантом жеста «Счет / Отсчет денег» практически одновременно с репликой *Захотела снять денег, своим строителям отдать, бригадиру* (рис. 7), указывает на то, что и ранее проанализированный жест Коммерсанта (см. рис. 2–4) передает семантику выплаты наличных.

Жест «Счет / Отсчет денег» сопровождается и следующей репликой Коммерсанта:

(6) **Коммерсант:** Нет, такая хорошая. Была вообще свинья свиной, худая, злая какая-то как собака. А сейчас видимо бабкок заработала такая, тратит, одевается, долги отдала.

Рис. 6. Экспонирование жеста «Тити-мити»

Fig. 6. Display of gesture “Titi-mity”

Рис. 7. Экспонирование жеста «Счет / Отсчет денег» – начальная фаза
 Fig. 7. Display of gesture “Counting money” – the initial phase

Семантика фразы *тратит, одевается, долги отдала* предполагает, что оплата каких-то услуг или возврат долгов произведены наличными.

Проведенный анализ с определенностью указывает на то, что в исследованном фрагменте (3) Коммерсант предлагает Коллектору деньги, причем весьма вероятно, что речь идет о наличной выплате.

**Искусство
 лингвистической экспертизы
 против искусства взятки**

Талантливый коммуникатор в состоянии эффективно замаскировать в своем речевом поведении криминальный смысл. Действительно, в последнем рассмотренном примере речевая составляющая не дает оснований для вывода о денежных предложениях Коммерсанта. Однако, несмотря на явно недостаточное собственно научное описание жестовой составляющей коммуникации (ни один из рассмотренных жестов не описан в уже упоминавшемся словаре [Григорьева, Григорьев, Крейдлин, 2001]), эксперт-лингвист может достаточно точно проанализировать диалог, выявив необходимые связи между речевым и неречевым поведением его участников. Научные методы описания, разрабатываемые в лингвистической семантике, теории речевых

актов и теории диалога, дают возможность предложить адекватные семантические интерпретации жестов и других невербальных знаковых элементов ситуации общения, даже если они отсутствуют в справочных и словарных источниках. Более того, если существующие описания неудачны, эксперт-лингвист вправе предложить свое описание, обосновав его по тем критериям, которые приняты в современной лингвистической теории.

При этом очевидно, что далеко не все объекты исследования лингвистической экспертизы содержат всю необходимую информацию для однозначных выводов. Поскольку многие невербальные знаки коммуникации многозначны или обладают очень широкой семантикой (см., например: [Halliday, 1978; Fernande, 1990]), то выводы лингвистической экспертизы по такой сложной фактуре могут носить вероятностный характер, тем более что многие объекты экспертизы (в данном случае видеозаписи) получены в результате оперативно-разыскных мероприятий, проводящихся в далеко не идеальных условиях. Представляется, однако, что и вероятностные выводы по таким объектам исследования вполне допустимы и важны для принятия судебного решения. Как известно, никакое доказательство в процессе судебного следствия априори не имеет для суда заранее установленной силы (ст. 67 ГПК РФ, ст.17, 340 УПК РФ,

ст. 84 КАС РФ, ст. 71 АПК РФ). Тем самым значимость лингвистической экспертизы и ее доказательность устанавливаются в сопоставлении с другими доказательствами – важно, чтобы они были.

В рамках собственно лингвистики подобные исследования чрезвычайно важны в том отношении, что связь между вербальной и невербальной частями коммуникации оказывается решающей для правильной интерпретации как отдельных реплик диалога, так и его общей коммуникативной направленности. В этом смысле лингвистическая экспертиза как направление прикладной лингвистики стимулирует исследования в области лингвистической теории, на что неоднократно обращал внимание В.А. Звегинцев [Звегинцев, 1968]. Распространение сферы компетенции лингвистики на знаковую часть невербальной коммуникации позволяет надеяться на более тесное практическое взаимодействие двух важных дисциплин – лингвистики и семиотики, контакты между которыми к настоящему времени остаются на уровне общих пожеланий и теоретических построений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О категории иллокутивного вынуждения подробнее см.: [Баранов, Крейдлин, 1992].

² Здесь и далее для передачи смысла ‘совершение, производство жеста’ используется как термин глагол *экспонировать* (от лат. *exponere* ‘выставлять, показывать’).

³ Здесь и далее фамилии изменены. Орфографическое и пунктуационное оформление оригиналов (текстов протоколов осмотра доказательств) в большинстве случаев сохраняется.

⁴ Анализируемая здесь ситуация несколько сложнее, поскольку жест протягивания обеих рук в направлении к собеседнику сам по себе означает согласие и выражение благорасположения, однако прерванное экспонирование такого жеста передает противоположную семантику – отказ, несогласие.

⁵ *Тими-мити* – это жаргонное обозначение денег [Елистратов, 1994, с. 467].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Баранов А. Н., 2012. Введение в прикладную лингвистику. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : УРСС. 360 с.

- Баранов А. Н., 2018. Метаязыки описания невербальной составляющей комбинированных текстов для целей лингвистической экспертизы // *Коммуникативные исследования*. № 3. С. 9–36. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36.
- Баранов А. Н., Крейдлин Г. Е., 1992. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога // *Вопросы языкознания*. № 2. С. 84–99.
- Грайс Г. П., 1985. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика*. Вып. XVI. М. : Прогресс. С. 217–237.
- Григорьева С. А., Григорьев Н. В., Крейдлин Г. Е., 2001. *Словарь языка русских жестов*. М. : Яз. рус. культуры ; Вена : Вен. славист. альм. 256 с. (Язык. Семиотика. Культура).
- Елистратов В. В., 1994. *Словарь московского арго*. М. : Рус. слов. 700 с.
- Журинский А. Н., 1989. *Семантическая структура загадки: неметафорические преобразования смысла*. М. : Наука. 126 с.
- Звегинцев В. А., 1968. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. М. : Просвещение. 338 с.
- Левин Ю. И., 1978. *Семантическая структура загадки // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка (структура, смысл, текст)*. М. : Наука. С. 283–314.
- Arijon D., 1991. *Grammar of the Film Language*. Los Angeles : Silman-James Press. 624 p.
- Fernande S.-M., 1990. *Semiotics of Visual Language (Advances in Semiotics)*. [S. l.]: Indiana University Press. 276 p.
- Halliday M. A. K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. L. : Open University Press. 256 p.
- Prince G., 1973. *A Grammar for Stories*. The Hague ; Paris : Mouton Publ. 106 p.
- Rumelhart D. E., 1975. *Notes on a Schema for Stories // Representation and Understanding : Studies in Cognitive Science / ed. by D. G. Bobrow, A. Collins*. N. Y. : Academic Press, Inc. P. 211–236.

REFERENCES

- Baranov A.N., 2012. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, URSS. 360 p.
- Baranov A.N., 2018. *Metayazyki opisaniya neverbalnoy sostavlyayushchey kombinirovannykh tekstov dlya tseley lingvisticheskoy ekspertizy* [Metalanguages for Describing of Nonverbal Component of Combined Texts for Purposes of Forensic Linguistics]. *Kommunikativnye issledovaniya* [Communication Studies], no. 3, pp. 9-36. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.9-36.

- Baranov A.N., Kreydlin G.E., 1992. Illokutivnoe vynuzhdenie v strukture dialoga [Illocutionary Forcing in the Structure of Dialogue]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the Study of Language], no. 2, pp. 84-99.
- Grice H.P., 1985. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Lingvisticheskaya pragmatika. Вып. XVI* [New in Foreign Linguistics. Linguistic Pragmatics. Iss. XVI]. Moscow, Progress Publ., pp. 217-237.
- Grigoryeva S.A., Grigoryev N.V., Kreydlin G.E., 2001. *Slovar yazyka russkikh zhestov* [Dictionary of Russian Sign Language]. Moskva, Yazyki russkoy kultury Publ., Vienna, Venskiy slavisticheskiiy almanakh Publ. 256 p. (Yazyk. Semiotika. Kultura [Language. Semiotics. Culture]).
- Elistratov V.V., 1994. *Slovar moskovskogo argo* [Dictionary of Moscow Argot]. Moscow, Russkie slovari Publ. 700 p.
- Zhurinskiy A.N., 1989. *Semanticheskaya struktura zagadki: nemetaforicheskie preobrazovaniya smysla* [Semantic Structure of the Riddle: Non-Metaphorical Transformations of Meaning]. Moscow, Nauka Publ. 126 p.
- Zvegintsev V.A., 1968. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 338 p.
- Levin Yu.I., 1978. Semanticheskaya struktura zagadki [Semantic Structure of the Riddle]. *Paremiologicheskiiy sbornik. Poslovitsa. Zagadka (struktura, smysl, tekst)* [Papers in Paremiology. Proverb. Riddle (Structure, Meaning, Text)]. Moscow, Nauka Publ., pp. 283-314.
- Arijon D., 1991. *Grammar of the Film Language*. Los Angeles, Silman-James Press. 624 p.
- Fernande S.-M., 1990. *Semiotics of Visual Language (Advances in Semiotics)*. Indiana University Press. 276 p.
- Halliday M.A.K., 1978. *Language as Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. London, Open University Press. 256 p.
- Prince G. A., 1973. *Grammar for Stories*. The Hague, Paris, Mouton Publ. 106 p.
- Rumelhart D.E., 1975. Notes on a Schema for Stories. Bobrow D.G., Collins A., eds. *Representation and Understanding: Studies in Cognitive Science*. New York, Academic Press, Inc., pp. 211-236.

Information About the Author

Anatoliy N. Baranov, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Experimental Lexicography, V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Volkhonka St., 18/2, 119019 Moscow, Russia; Professor, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics, Staraya Basmannaya St., 21/4, 105066 Moscow, Russia, ruslang@ruslang.ru, <https://www.researcherid.com/rid/J-7113-2017>

Информация об авторе

Анатолий Николаевич Баранов, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом экспериментальной лексикографии, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, ул. Волхонка, 18/2, 119019 г. Москва, Россия; профессор факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Старая Басманная, 21/4, 105066 г. Москва, Россия, ruslang@ruslang.ru, <https://www.researcherid.com/rid/J-7113-2017>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>

UDC 81'322:340.6
LBC 81.11

Submitted: 03.10.2019
Accepted: 27.12.2019

CURRENT PROBLEMS OF FORENSIC AUTHORSHIP ANALYSIS AND THE POSSIBILITY OF THEIR SOLUTION WITH THE USE OF COMPUTER METHODS: PROBLEMS AND PROSPECTS¹

Tatyana A. Litvinova

Voronezh State Pedagogical University, Voronezh, Russia

Anastasiya V. Gromova

Forensic Centre of the the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Active development of Internet communication in recent years caused an increase in the number of forensic text examinations aimed at identifying and profiling (i.e. inferring gender, age, personality, etc. of the author from textual analysis) the author of written texts. Despite the availability of proven methodological recommendations for the production of such examinations, in this area there are many unresolved problems associated mainly with the emergence of new research objects. In addition, the existing expert practice does not fully utilize the achievements of corpus, computer, and quantitative linguistics. In this situation, there is a gap between the “qualitative” and “quantitative” methods of textual authorship analysis, which hinders further development of both theoretical research in the area of authorship attribution and profiling and an increase in the level of objectivity and reproducibility of forensic authorship analysis. The paper represents some typical tasks solved by a forensic expert; describes the characteristics of the objects of forensic authorship analysis, and determines the main difficulties forensic experts face in the course of this analysis. The possibilities of using existing computer methods to solve these tasks are analyzed. It is shown that not all the existing computer methods are useful for forensic authorship analysis. We also highlight the ways of development of forensic authorship analysis related to further theoretical research in the field of idiolect using corpus data and natural language processing techniques.

Key words: forensic authorship analysis, authorship attribution, authorship profiling, computational linguistics, text corpora, stylometry.

Citation. Litvinova T.A., Gromova A.V. Current Problems of Forensic Authorship Analysis and the Possibility of Their Solution with the Use of Computer Methods: Problems and Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 77-88. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>

УДК 81'322:340.6
ББК 81.11

Дата поступления статьи: 03.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДЕБНОЙ АВТОРОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ¹

Татьяна Александровна Литвинова

Воронежский государственный педагогический университет, г. Воронеж, Россия

Анастасия Викторовна Громова

Экспертно-криминалистический центр МВД России, г. Москва, Россия

Аннотация. В связи с активным развитием интернет-коммуникации в последние годы наблюдается рост количества назначаемых судебных автороведческих экспертиз, направленных на идентификацию и

диагностирование личности автора текста. Несмотря на наличие апробированных методических рекомендаций по производству таких экспертиз, в данной области существуют нерешенные задачи, связанные преимущественно с появлением новых объектов для изучения. В экспертной практике не в полной мере используются достижения корпусной, компьютерной и квантитативной лингвистики. Авторами констатируется наличие разрыва между «качественными» и «количественными» методами автороведческого анализа текста, который препятствует как дальнейшему развитию теоретических исследований в данной области, так и повышению уровня объективности и воспроизводимости экспертиз. В статье сформулированы типовые задачи, решаемые экспертом-автороведом, охарактеризованы объекты автороведческой экспертизы, определены основные трудности, с которыми сталкиваются эксперты-автороведы. Проанализированы возможности применения существующих компьютерных методов для решения указанных задач. Намечены пути развития методов судебной автороведческой экспертизы, связанные с дальнейшим теоретическим осмыслением идиолектов с использованием корпусных данных и технологий автоматической обработки текстов.

Ключевые слова: автороведческая экспертиза, идентификация автора текста, диагностика характеристик автора текста, компьютерная лингвистика, корпусы текстов, стилеметрия.

Цитирование. Литвинова Т. А., Громова А. В. Компьютерные технологии в судебной автороведческой экспертизе: проблемы и перспективы использования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 77–88. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.7>

Введение

Развитие виртуальной коммуникации неизбежно влечет за собой рост преступлений, совершаемых с использованием возможностей сети Интернет. Анонимность и дистанционный характер общения способствуют росту преступлений в отношении несовершеннолетних (развратные действия, склонение к самоубийству, шантаж), вовлечению граждан в экстремистские, террористические сообщества, осуществлению угроз жизни и здоровью, мошенничества. При расследовании таких преступлений у правоохранительных органов может возникать необходимость в установлении автора сообщений, имеющих криминалистическую значимость. Данная задача решается в рамках судебной автороведческой экспертизы (далее – САЭ), которая производится в экспертно-криминалистических подразделениях системы МВД России уже более 25 лет. Для ее решения разработаны и успешно используются методические рекомендации по идентификации [Методические рекомендации..., 2010] и диагностированию личности [Диагностика половозрастных..., 2014] автора нерукописного текста. Однако, как показывает практика, динамичное развитие функциональных возможностей создания и обработки текстов, связанное прежде всего с развитием технологий интернет-коммуникации, требует совершенствования инструментария автороведческих экспертиз на

постоянной основе (см. подробнее: [Назарова, Громова, 2016]).

Автороведческое исследование является продолжительным и трудоемким. Практически полное отсутствие в поступающих на экспертизу текстах рукописных элементов, а также возможность использования технологий синтеза речи (и, как следствие, невозможность идентификации говорящего по голосу и речи) приводят к тому, что анализ лингвистических признаков приобретает первостепенное значение для решения задачи идентификации и диагностирования личности автора текста. Разработка техник, позволяющих автоматизировать отдельные этапы автороведческого анализа, представляет собой актуальную задачу, поскольку подобные техники дадут возможность оптимизировать сроки производства экспертиз. Кроме того, ученые и практикующие эксперты все чаще говорят о необходимости использования статистических методов при производстве САЭ с целью увеличения объективности экспертных заключений (см. об этом: [Литвинова, 2019]).

На протяжении последних 15 лет специалисты в области информационных технологий (computer scientists) активно разрабатывают методы идентификации и диагностирования личности по тексту (преимущественно на материале английского языка). Ежегодно проводятся хакатоны PAN (<https://pan.webis.de>), направленные на выявление наиболее точных моделей идентификации и диагностирования

личности по тексту (как правило, исследователи ставят задачу диагностировать пол и возраст, реже – некоторые психологические характеристики автора), однако такие работы не направлены специально на решение задач экспертной практики.

В работах зарубежных специалистов идет активное обсуждение вопросов использования «компьютерных»² методов при производстве САЭ [Argamon, 2018; Chaski, 2013], и единых подходов к использованию количественных методов для решения задач САЭ до настоящего времени не выработано. Существующий разрыв между преимущественно качественными методами анализа текста, применяемыми в экспертной практике, и многочисленными наработками последних лет в области анализа текста с применением технологий интеллектуального анализа данных может быть сокращен, по нашему мнению, путем выделения основных задач, которые решаются экспертами при производстве САЭ, выявления особенностей современных объектов САЭ, а также обзора «компьютерных» работ в свете возможностей использования представленных в них методов для решения задач, стоящих перед экспертом-автороведом.

Результаты и обсуждение

Типовые задачи, стоящие перед экспертом-автороведом

Задачи, которые решает эксперт, можно разделить на две большие группы:

1) идентификационные задачи, связанные с определением автора текста путем проведения раздельного и сравнительного анализа признаков, проявившихся в спорном тексте и текстах – образцах письменной речи подозреваемого лица;

2) диагностические задачи, связанные с определением половозрастных, индивидуально-личностных характеристик, уровня коммуникативной компетенции, речевой культуры, сферы профессиональной деятельности автора текста (см. подробнее: [Назарова, Громова, 2016]).

Проблема идентификации автора текста может иметь разные аспекты, обусловленные

задачами, решение которых актуально в конкретной криминалистической ситуации:

1. Кто из замкнутого круга лиц (небольшого, как правило 2–3 человека) является автором криминалистически значимого текста (в зарубежной литературе – closed-set problem)?

2. Является ли данное лицо, сравнительные образцы текстов которого представлены эксперту, автором криминалистически значимого текста (verification problem)?

Практика производства автороведческих экспертиз в Экспертно-криминалистическом центре (ЭКЦ) МВД России свидетельствует о том, что идентификационные задачи ставятся чаще, чем диагностические. Решение диагностических задач наиболее актуально при необходимости сужения круга лиц и, как правило, значимо в рамках предварительных исследований, проводимых по заданиям сотрудников оперативных подразделений.

Когда круг сужен, у подозреваемых изымаются образцы письменной речи для проведения идентификационной автороведческой экспертизы, при этом в большинстве случаев эксперт решает вопрос о том, является ли данное лицо, сравнительные образцы текстов которого представлены эксперту, автором криминалистически значимого текста, то есть круг подозреваемых сужается до одного человека.

Характеристики объектов, направляемых для производства САЭ

Объект САЭ – текст, являющийся воплощением идиолекта автора. Под идиолектом мы понимаем воплощенную в каждом речевом произведении (тексте) любого носителя языка уникальную реализацию языковой системы, состоящую как из устойчивых (зона стабильности), так и переменных (зона вариативности) сознательных и бессознательных выборов, производимых продуцентом речи под влиянием совокупности факторов внутриидиолектного и междиолектного варьирования, обеспечивающих уникальность и в то же время возможность типизации каждого конкретного идиолекта [Литвинова, 2019]. С точки зрения криминалистики текст рассматривается как некий интеллектуальный

след, продукт целенаправленной деятельности, выступающий носителем информации, в том числе и о личности автора. Объекты, направляемые на автороведческую экспертизу, могут быть различными по форме и условиям речевого представления: письменные тексты (рукописные и электронные, в том числе созданные в условиях интернет-коммуникации); устные тексты, в том числе содержащие признаки использования программ для синтеза речи.

В условиях интернет-коммуникации основной формой взаимодействия и самопрезентации пользователей являются письменные или устные тексты, создаваемые в рамках личной или публичной коммуникации. Данные тексты условно можно разделить на монологические и диалогические. Монологические формы реализуются в виде публичных сообщений, размещаемых пользователями под своим ником (пост, статус, заметка, статья, открытое письмо и др.), или сообщений, направляемых в адрес какой-либо инстанции. Диалогические формы и их разновидности представлены в виде переписки с другими пользователями, которая может протекать как личная или публичная беседа, обмен сообщениями в микрогруппе.

Длительное время монологические тексты выступали основным объектом автороведческих исследований, однако развитие сетевой коммуникации привело к появлению большого числа диалогических текстов (переписка в мессенджерах, чаты, форумы), задача изучения которых все чаще ставится перед экспертом-автороведом [Назарова, Громова, 2016].

Основные трудности, с которыми сталкивается эксперт-авторовед

Среди таких трудностей выделяются две группы:

1) связанные с криминалистически значимым текстом:

– *малый объем текста и/или текстов автора*. Большинство текстов, по которым востребовано проведение автороведческого исследования, содержат менее 1 000 слов. Существующие экспертные методики позволяют работать с текстами длиной от 200 сло-

воупотреблений, однако в таком случае является критичной высокая степень сопоставимости анализируемого текста со сравнительными образцами;

– *возможность коллективного авторства*. Существуют различные варианты участия двух и более лиц в подготовке текста: фрагменты текста принадлежат разным авторам; текст написан одним автором, но редактируется другим; два (и более) автора принимали одинаковое участие в создании текста и т. д.

– *возможность имитации и маскировки признаков авторского текста*. Автор текста может имитировать социолект, характерный, по его мнению, для лиц той или иной группы (половой, возрастной, социальной), к которой он не принадлежит, либо же идиолект какого-либо конкретного лица. Кроме того, возможны случаи маскировки идиолекта без ориентации на какой-либо стандарт с целью сокрытия своей идентичности (например, путем снижения уровня грамотности). Сюда же входит проблема синтезированной письменной речи (боты), однако отметим, что в настоящее время уровень развития таких систем позволяет допустить возможность их использования для продуцирования лишь определенных текстов (например, диалогов в сфере обслуживания);

2) связанные со сравнительными образцами. Основная трудность заключается в получении и отборе сопоставимых с исследуемым криминалистически значимым текстом образцов письменной речи проверяемого лица. Значимыми характеристиками текстов являются: жанровая сопоставимость, адресат текстов, их тематика, объем, временной период создания (согласно сложившейся экспертной практике, разница между сравниваемыми текстами не должна превышать 5 лет).

Пути решения задач САЭ методами computer science

Зарубежные специалисты по судебной лингвистике (см., например: [Chaski, 2013]) выделяют две основные группы методов автороведческого исследования:

1) стилистические, то есть основанные на проводимом лингвистами анализе отдель-

ных, уникальных для каждого текста его элементов (forensic stylistics);

2) статистические, то есть основанные на использовании «компьютерных» методов, которые, как считают многие авторы (см. обзор: [Литвинова Т.А., Литвинова О.А., 2015]), являются более объективными, поскольку базируются не на интуиции эксперта, а результаты, полученные на их основе, – более воспроизводимыми.

В общем виде «компьютерный» подход к идентификации автора текста заключается в построении классификатора, на входе которого – численные значения различных квантифицируемых параметров текста, извлеченных, как правило, автоматически (униграммы и n -граммы, то есть последовательности из n элементов – символов (букв, знаков препинания, цифр и т. п.), слов, частей речи и т. д.); реже – синтаксические и семантические параметры; на выходе – класс объекта (текста), то есть принадлежность тому или иному автору.

В опубликованных исследованиях говорится о достижении точности свыше 80 % для текстов 100 авторов, свыше 30 % – для 10 000 авторов (см. подробнее: [Argamon, 2018]), однако проведенный нами критический анализ таких работ показал, что подавляющее большинство из них обладает рядом особенностей, делающих их результаты непригодными для использования в условиях автороведческого исследования в силу следующих обстоятельств:

– в таких работах исследуются далекие от задач автороведения проблемы, например задача идентификации автора из большого круга лиц (несколько сотен и даже тысяч);

– используются тексты большого объема (несколько тысяч и даже десятков тысяч слов), либо же анализируется большое число текстов от каждого автора;

– мало внимания уделяется собственно лингвистическим признакам и их различающей способности, поскольку ученые сфокусированы преимущественно на точности создаваемых ими моделей. Ряд методов, дающих наибольшую точность (например, методы глубокого обучения), крайне сложны для интерпретации, которая важна для решения задач судебного экспертного исследования.

Тем не менее в работах последних лет, выполненных, как правило, лингвистами, в том числе судебными, приводятся описания методов и результатов, которые могут быть использованы при проведении судебного автороведческого исследования и учитывают те трудности, с которыми сталкиваются эксперты:

– *малый объем текста и/или текстов, предоставляемых для производства СЭ*, не позволяет использовать методы машинного обучения, однако в таких условиях применимы методы, основанные на измерении расстояния между текстами (см. подробнее: [Argamon, 2018; Stamatatos, 2009]);

– *возможность коллективного авторства*. Задача исследования соавторства компьютерными методами в различных ее постановках начинает привлекать внимание ученых. Ей были специально посвящены хакатоны PAN, в том числе 2019 г. [Overview of PAN..., 2019]. Она является очень сложной для решения, в связи с чем в 2019 г. организаторами соревнований она была упрощена: участникам нужно было не выделить фрагменты текста, созданные разными авторами, а определить, сколько авторов участвовало в создании текста.

Одним из перспективных методов решения задачи определения наличия у текста нескольких авторов (шире – выявления случаев стилистической неоднородности) представляется метод, получивший название «скользящая стилеметрия» (rolling stylometry) [Rybicki, Eder, Hoover, 2016]. В указанной работе анализ одинаковых по длине последовательностей тех или иных языковых единиц (символов, самых частотных слов корпуса) с последующей визуализацией стилистических изменений был успешно применен для изучения литературных произведений с целью выявления фрагментов текста, созданных разными авторами, однако необходимы дальнейшие экспериментальные исследования с использованием данного подхода на материале текстов меньшей длины.

Другим методом, который может быть использован для определения наличия у текста нескольких авторов, является кластерный анализ. Он часто применяется в исследованиях авторства [Argamon, 2018; Panicheva, Litvinova O.,

Litvinova T., 2019]. Преимущество данной техники состоит в том, что она позволяет изучать группы схожих объектов (текстов) и визуализировать полученные результаты.

Следует отметить, что современные методы анализа предлагают множество возможностей для визуализации полученных результатов, которые используются в научных работах по исследованию авторства (метод главных компонент, многомерное шкалирование и т. д.), но, как справедливо указано в работе Ш. Аргамона, нужно понимать, что графики могут иметь разный вид и, соответственно, давать разные результаты для разных текстов и разных параметров, следовательно, нужно проводить несколько экспериментов и хорошо понимать особенности применяемых методов [Argamon, 2018]. То же относится и к кластеризации, однако роль визуализации в автороведческом анализе трудно переоценить;

– *возможность имитации и маскировки признаков*. Как показывают специальные исследования, имитация идиолекта существенно снижает точность классификационных моделей [The Case for Being Average..., 2017]. При этом очевидно, что первым этапом автороведческого анализа должно быть определение самого намерения исказить идиолект, но исследований, посвященных данной проблеме, крайне мало. В одной из немногочисленных работ по данной теме была показана принципиальная возможность такого анализа [Juola, 2012], однако не дано ответа на очень важный как для лингвиста-теоретика, так и для эксперта-автороведа вопрос: какие именно языковые элементы вносят наибольший вклад в разделение текстов по признаку наличия / отсутствия искажения идиолекта?

В работе [Afroz, Brennan, Greenstadt, 2012] был представлен классификатор, с точностью 96,6 % определяющий наличие в тексте признаков сокрытия / имитации идиолекта, при этом в указанном исследовании был проведен детальный анализ языковых признаков. Авторы рассматривали две ситуации: имитации идиостиля известного писателя людьми, профессионально владеющими языком, и маскировки идиолекта рядовыми носителями языка. Очевидно, для САЭ более актуальной является вторая задача, поэтому ос-

тановимся на ней подробнее. Авторы определили, что наиболее информативными параметрами, различающими две группы текстов (с искажением и без), оказались частоты строевых слов (function words). Так, в текстах с искажением употреблено больше наречий, частиц и личных местоимений, но меньше существительных. Отмечены попытки исказить свой идиолект путем использования более коротких предложений, простых слов с меньшим числом слогов – такие тексты в целом характеризовались более низкими показателями сложности. В целом в текстах с искажениями зафиксирована повышенная частотность строевых слов *I* «я», *my* «мой», *there* «здесь», *you* «ты», но реже встречались слова *as* «как», *his* «его», *her* «ее», предлог *by*, глагол-связка *to be* «быть». Авторы пришли к важному выводу о том, что обнаружение попытки искажения идиолекта в принципе возможно и важную роль в решении данной задачи играет частотный анализ строевых слов.

Как говорилось выше, важной проблемой современного автороведения, которая, по нашему мнению, будет все более острой по мере развития технологий синтезированной письменной речи, является проблема определения синтезированной речи. В настоящее время активно рассматривается проблема обнаружения ботов в социальных сетях, но для ее решения используются, как правило, неязыковые признаки [Badawy, Ferrara, Lerman, 2018] либо же применяются методы глубокого обучения [Kudugunta, Ferrara, 2018], не позволяющие проводить лингвистический анализ признаков. Безусловно, обнаружение бота в ситуации диалогической синхронной коммуникации является актуальной, однако пока мало исследованной проблемой классификации текста, как и проблема обнаружения намерения искажения идиолекта в целом.

Как уже было сказано, для повышения надежности результатов САЭ сравнительные образцы должны быть аналогичны криминалистически значимому тексту по целому ряду факторов. Однако такие тексты не всегда можно получить в силу объективных обстоятельств, как в случае с предсмертной запиской, а также в силу того, что подозреваемые вправе отказаться от написания текстов требуемых характеристик, и тогда в распоряже-

ние эксперта поступают те тексты, которые автор создавал ранее в различных ситуациях. Это могут быть тексты, кардинально отличающиеся от криминалистически значимого по жанру, теме и т. д. Таким образом, возникает проблема кросс-жанровой, кросс-топиковой и даже кросс-модальной (в случае с текстами устной и письменной речи) атрибуции. Данная задача все чаще привлекает внимание ученых в последние годы (см. подробнее: [Литвинова, 2019]), при этом абсолютное большинство исследователей отмечает резкое падение точности классификационных моделей в кросс-жанровом и/или кросс-топиковом сценарии в сравнении с одножанровым и/или однотопиковым сценарием (см. обзор новейших исследований и результатов хакатона: [Overview of PAN..., 2019]). Ведутся разработки, направленные на построение моделей, эффективных и в таком, крайне сложном для анализа, сценарии, при этом одними из эффективных оказываются слабо контролируемые автором параметры – последовательности символов, пунктуационные привычки и т. д. [Литвинова, 2019], однако очевидно, что для разработки методов САЭ в условиях недостаточной сопоставимости образцов должны быть проведены масштабные экспериментальные исследования на обширном языковом материале.

Заметим, что если проблема судебного автороведческого идентификационного исследования активно изучается, хотя в этой области, безусловно, очень много вопросов, на которые пока нет ответов, то проблема диагностирования автора криминалистически значимого текста остается малоразвитым направлением (схожее мнение высказано известным английским специалистом по судебной лингвистике Андреа Нини [Nini, 2018]). Несмотря на большое количество работ, посвященных диагностированию (преимущественно определению пола) автора текста, выполненных специалистами в области computer science, следует отметить, что большинство из них основано на анализе значительного по объему языкового материала, что релевантно для решения задач выявления трендов, актуальных, например, для анализа поведения покупателя и разработки таргетированной рекламы, но не подходит для целей САЭ.

Перспективы развития методического и технического обеспечения автороведческих экспертиз

Как показывает анализ имеющихся работ, задача идентификации и диагностирования автора текста привлекает все большее внимание специалистов по computer science. Однако, несмотря на интерес исследователей к данной теме, следует констатировать разрыв между задачами, которые ставятся исследователями, и реальными потребностями САЭ. Отметим также недостаточную разработанность ряда теоретических проблем языкознания, прежде всего отсутствие общей теории идиолекта, а также корпусной поддержки экспертиз и – шире – низкий уровень интеграции усилий лингвистов, автороведов, специалистов в области computer science в решении сложной междисциплинарной задачи идентификации и диагностирования автора криминалистически значимого текста.

Кратко сформулируем основные направления дальнейшей работы.

1. При постановке задачи исследования следует ориентироваться не на эффективность того или иного метода машинного обучения в обработке больших баз данных, а на задачи, наиболее часто встречающиеся в практике эксперта-автороведа. В качестве материала для анализа необходимо выбирать тексты, схожие по объему и характеристикам с объектами, которые имеют реальную криминалистическую значимость и наиболее часто направляются для производства автороведческих экспертиз. Кроме того, особое внимание нужно уделять интуитивно понятным интерпретируемым статистическим методам с обязательной визуализацией полученных результатов и анализу языковых признаков.

2. Необходимо помнить о том, что «экспертная деятельность не тождественна научной деятельности как процессу познания объективной действительности, а основывается на его достижениях – новых знаниях, полученных в результате всестороннего и достоверного изучения объектов, процессов или явлений при помощи имеющихся в науке принципов и методов познания» [Ионова, 2017, с. 29], в связи с чем считаем важным для совершенствования методик САЭ проводить

дальнейшие теоретические изыскания в области изучения идиолекта, выделять и исследовать факторы внутриидиолектного и междиолектного варьирования (рис. 1), оценивая их взаимосвязи, их влияние на те или иные параметры текста.

Подобные работы обязательно должны опираться на эмпирическую базу в виде специальным образом построенных корпусов текстов, в связи с чем нами было предложено исследовать идиолект в рамках отдельного направления – корпусной идиолектологии [Литвинова, 2019].

3. Необходимо создавать корпуса текстов как эмпирическую базу теоретических исследований идиолекта и САЭ. Нам представляется значимой работа по обеспечению корпусной поддержки автороведческих исследований как минимум в трех направлениях:

– корпуса как источник для изучения идиолекта. Специальным образом построенные корпуса, размеченные с точки зрения факторов идиолектного варьирования, позволят оценить роль тех или иных факторов в функционировании различных языковых единиц, выявить устойчивые к смене темы, жанра и т. д. языковые единицы, наиболее типичные языковые признаки текстов лиц с теми или иными характеристиками и т. д. Создание

таких корпусов является трудоемкой, но актуальной задачей современной корпусной лингвистики. В настоящее время в лаборатории корпусной идиолектологии ВГПУ ведется работа над расширением базы данных RusIdiolect (см. рис. 2), специально предназначенной для изучения влияния факторов идиолектного варьирования на параметры текста;

– корпуса как источник информации о частотности тех или иных языковых единиц в речи различных социальных, возрастных и других групп, в текстах тех или иных стилей и т. д. (base-rate knowledge). Имеющийся в настоящий момент самый крупный корпус текстов на русском языке НКРЯ на 40 % состоит из художественных текстов и поэтому не может служить надежной базой таких исследований, поскольку основной массив криминалистически значимых текстов – это тексты так называемой непрофессиональной письменной речи (термин О.В. Загоровской [Загоровская, 2019]);

– для совершенствования методов социопсихолингвистического моделирования автора текста необходимо создание закрытой базы данных криминалистически значимых текстов, авторство которых и, соответственно, характеристики автора установлены в ходе судебного исследования.

Рис. 1. Взаимодействие факторов внутриидиолектного и междиолектного варьирования

Fig. 1. Correlation of intra- and inter-dialect variability factors

Рис. 2. Возможности поиска по факторам идиолектного варьирования в БД RusIdiolect

Fig. 2. RusIdiolect database search capability with regard to idiolect variability factors

Выводы

Применение компьютерных методов при решении задач САЭ ориентировано на повышение объективности полученных результатов, однако полностью исключать элемент субъективности исследователя (эксперта) даже при использовании исключительно «компьютерных» методов невозможно. Выбор самого метода, языковых параметров (их количества и типа) остается на усмотрение эксперта, поэтому ни один метод не лишен субъективизма. Таким образом, компьютерные методы являются не панацеей, но дополнительным инструментом, расширяющим возможности эксперта. По нашему глубокому убеждению, не следует противопоставлять традиционные методы, основанные на анализе отдельных языковых элементов текста, и методы компьютерные. Для построения эффективных методик автороведческого анализа текста необходимо использовать преимущества каждого из них, а не выбирать какой-либо один. Лингвистический анализ текста, основанный на корпусных данных и дополненный анализом языковых параметров с обязательной визуализацией полученных результатов и статистическими методами, позволит, как нам представляется, значительно повысить точность полученных выво-

дов. При этом нельзя забывать, что в САЭ анализируются языковые признаки текста, а статистические методы являются вспомогательными. Очевидно, что развитие автороведческих методик невозможно без глубоких теоретических изысканий в области идиолекта с использованием достижений корпусной и компьютерной лингвистики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Т.А. Литвинова осуществила работу над статьей в рамках гранта РФФ № 18-78-10081 «Моделирование идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификации автора текста».

T.A. Litvinova carried out the work on the reported article in the framework of the Russian Science Foundation grant no. 18-78-10081 “Modeling the Modern Russian Speaker’s Idiolect in Forensic Authorship Analysis”.

² Мы условно называем техники лингвистического анализа и последующей категоризации текста, основанные на использовании различных статистических методов и методов интеллектуального анализа данных, «компьютерными».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Диагностика половозрастных и индивидуально-личностных характеристик автора нерукописного

- текста : метод. рекомендации, 2014 / Т. В. Назарова [и др.]. М. : ЭКЦ МВД России. 112 с.
- Загоровская О. В., 2019. Естественная (непрофессиональная) письменная речь как модус существования современного русского языка и «зеркало» идиолекта его носителя // Известия ВГПУ. Т. 283, № 2. С. 202–206.
- Ионова С. В., 2017. Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 28–38. DOI: 10.15688/jvolsu.2017.2.3.
- Литвинова Т. А., 2019. Пунктуационные выборы как составляющая ортологического параметра идиолекта носителя современного русского языка в аспекте идентификационной автороведческой экспертизы // Политическая лингвистика. № 1 (73). С. 114–121. DOI: 10.26170/pl19-01-13.
- Литвинова Т. А., Литвинова О. А., 2015. Идентификация и диагностирование автора письменного текста. Воронеж : Изд-во ВГПУ. 332 с.
- Методические рекомендации по производству судебной автороведческой экспертизы рукописных текстов, 2010. М. : ЭКЦ МВД России. 55 с.
- Назарова Т. В., Громова А. В., 2016. Объекты и задачи лингвистических и автороведческих экспертиз, проводимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации // Судебная экспертиза Беларуси. № 1 (2). С. 43–46.
- Afroz S., Brennan M., Greenstadt R., 2012. Detecting Hoaxes, Frauds, and Deception in Writing Style Online // 2012 IEEE Symposium on Security and Privacy. San Francisco : IEEE. P. 461–475. DOI: 10.1109/SP.2012.34.
- Argamon S., 2018. Computational Forensic Authorship Analysis Language and Law // Linguagem e Direito. Vol. 5 (2). P. 7–37.
- Badawy A., Ferrara E., Lerman K., 2018. Analyzing the Digital Traces of Political Manipulation : The 2016 Russian Interference Twitter Campaign // Proceedings of 2018 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM). IEEE. P. 258–265. DOI: 10.1109/ASONAM.2018.8508646.
- Chaski C. E., 2013. Best Practices and Admissibility of Forensic Author Identification // Journal of Law and Policy. Vol. 21 (2). P. 333–376.
- Juola P., 2012. Detecting Stylistic Deception // Proceeding EACL 2012 Workshop on Computational Approaches to Deception Detection. ACL. P. 91–96.
- Kudugunta S., Ferrara E., 2018. Deep Neural Networks for Bot Detection // Information Sciences. Vol. 467. P. 312–322. DOI: 10.1016/j.ins.2018.08.019.
- Nini A., 2018. Developing Forensic Authorship Profiling // Language and Law. Vol. 5 (2). P. 38–58.
- Overview of PAN 2019: Bots and Gender Profiling, Celebrity Profiling, Cross-Domain Authorship Attribution and Style Change Detection, 2019 / W. Daelemans [et al.] // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 11696. P. 402–416. DOI: 10.1007/978-3-030-28577-7_30.
- Panicheva P., Litvinova O., Litvinova T., 2019. Author Clustering with and Without Topical Features // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 11658. P. 348–358. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_36.
- Rybicki J., Eder M., Hoover D., 2016. Computational Stylistics and Text Analysis // Doing Digital Humanities / ed. by C. Crompton, R. L. Lane, R. Siemens. L. ; N. Y. : Routledge. P. 123–144. DOI: 10.4324/9781315707860-19.
- Stamatatos E., 2009. A Survey of Modern Authorship Attribution Methods // Journal of the American Society for Information Science and Technology. Vol. 60 (3). P. 538–556. DOI: 10.1002/asi.21001.
- The Case for Being Average: A Mediocrity Approach to Style Masking and Author Obfuscation, 2017 / G. Karadzhov [et al.] // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 10456. P. 173–185. DOI: 10.1007/978-3-319-65813-1_18.

REFERENCES

- Nazarova T.V. et al., 2014. *Diagnostika polovozrastnykh i individualno-lichnostnykh kharakteristik avtora nerukopisnogo teksta: metod. rekomendatsii* [Predicting Gender, Age and Personality Traits of the Author of the Printed Text: Guidelines]. Moscow, EKTs MVD Rossii. 112 p.
- Zagorovskaya O.V., 2019. Estestvennaya (neprofessionalnaya) pismennaya rech kak modus sushchestvovaniya sovremennogo russkogo yazyka i «zerkalo» idiolekta ego nositelya [Natural (Unprofessional) Written Speech as a Mode of the Modern Russian Language Existence and the Idiolect “Mirror” of Its Speaker]. *Izvestiya VGPU* [Izvestia VSPU], vol. 283, no. 2, pp. 202–206.
- Ionova S.V., 2017. Aspekty issledovaniya pismennogo teksta kak obyekt lingvisticheskoy ekspertizy [Aspects of Research Written Text as an Object of Forensic Linguistic Expertise]. *Vestnik Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of

- Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 28-38. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.3.
- Litvinova T.A., 2019. Puntuatsionnye vybory kak sostavlyayushchaya ortologicheskogo parametra idiolekta nositelya sovremennogo russkogo yazyka v aspekte identifikatsionnoy avtorovedcheskoy ekspertizy [Punctuation Choice as a Component of Orthological Parameter of the Modern Russian Speaker's Idiolect in Forensic Authorship Analysis]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 1 (73), pp. 114-121. DOI: 10.26170/pl19-01-13.
- Litvinova T.A., Litvinova O.A., 2015. *Identifikatsiya i diagnostirovanie avtora pismennogo teksta* [Authorship Identification and Profiling]. Voronezh, Izd-vo VGPU, 2015. 332 p.
- Metodicheskie rekomendatsii po proizvodstvu sudebnoy avtorovedcheskoy ekspertizy nerukopisnykh tekstov*, 2010 [Guidelines for the Production of Forensic Authorship Examination of Printed Texts]. Moscow, EK Ts MVD Rossii. 55 p.
- Nazarova T.V., Gromova A.V., 2016. Obyekty i zadachi lingvisticheskikh i avtorovedcheskikh ekspertiz, provodimykh v ekspertno-kriminalisticheskikh podrazdeleniyakh organov vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii [The Objects and the Tasks of Linguistic and Author's Right Examinations Conducted at Forensic Science Units in the System of the Ministry of the Interior of Russian Federation]. *Sudebnaya ekspertiza Belarusi* [Forensic Examination of Belarus], no. 1 (2), pp. 43-46.
- Afroz S., Brennan M., Greenstadt R., 2012. Detecting Hoaxes, Frauds, and Deception in Writing Style Online. *2012 IEEE Symposium on Security and Privacy*. San Francisco, IEEE, pp. 461-475. DOI: 10.1109/SP.2012.34.
- Argamon S., 2018. Computational Forensic Authorship Analysis Language and Law. *Linguagem e Direito*, vol. 5 (2), pp. 7-37.
- Badawy A., Ferrara E., Lerman K., 2018. Analyzing the Digital Traces of Political Manipulation: The 2016 Russian Interference Twitter Campaign. *Proceedings of 2018 IEEE/ACM International Conference on Advances in Social Networks Analysis and Mining (ASONAM)*. IEEE, pp. 258-265. DOI: 0.1109/ASONAM.2018.8508646.
- Chaski C.E., 2013. Best Practices and Admissibility of Forensic Author Identification. *Journal of Law and Policy*, vol. 21 (2), pp. 333-376.
- Juola P., 2012. Detecting Stylistic Deception. *Proc. EACL 2012 Workshop on Computational Approaches to Deception Detection*. ACL, pp. 91-96.
- Kudugunta S., Ferrara E., 2018. Deep Neural Networks for Bot Detection. *Information Sciences*, vol. 467, pp. 312-322. DOI: 10.1016/j.ins.2018.08.019.
- Nini A., 2018. Developing Forensic Authorship Profiling. *Language and Law*, vol. 5 (2), pp. 38-58.
- Daelemans W. et al., 2019. Overview of PAN 2019: Bots and Gender Profiling, Celebrity Profiling, Cross-Domain Authorship Attribution and Style Change Detection. *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 11696, pp. 402-416. DOI: 10.1007/978-3-030-28577-7_30.
- Panicheva P., Litvinova O., Litvinova T., 2019. Author Clustering with and Without Topical Features. *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 11658, pp. 348-358. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_36.
- Rybicki J., Eder M., Hoover D., 2016. Computational Stylistics and Text Analysis. Crompton C., Lane R.L., Siemens R., eds. *Doing Digital Humanities*. London, New York, Routledge, pp. 123-144. DOI: 10.4324/9781315707860-19.
- Stamatatos E., 2009. A Survey of Modern Authorship Attribution Methods. *Journal of the American Society for Information Science and Technology*, vol. 60 (3), pp. 538-556. DOI: 10.1002/asi.21001.
- Karadzhev G. et al., 2017. The Case for Being Average: A Mediocrity Approach to Style Masking and Author Obfuscation. *Lecture Notes in Computer Science*, vol. 10456, pp. 173-185. DOI: 10.1007/978-3-319-65813-1_18.

Information About the Authors

Tatyana A. Litvinova, Candidate of Sciences (Philology), Head of the Research Laboratory of Corpus Idiolectology, Voronezh State Pedagogical University, Lenina St., 86, 394043 Voronezh, Russia, centr_rus_yaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6019-3700>

Anastasiya V. Gromova, Candidate of Sciences (Philology), Deputy Head of the Department of Forensic Linguistic and Authorship Examination of Spoken and Written Text, Head of the Subdepartment of Forensic Linguistic and Authorship Text Examination, Forensic Centre of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Aleksandra Kosmodemyanskikh St., 5, 125130 Moscow, Russia, Gromova_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-5680>

Информация об авторах

Татьяна Александровна Литвинова, кандидат филологических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией корпусной идиолектологии, Воронежский государственный педагогический университет, ул. Ленина, 86, 394043 г. Воронеж, Россия, centr_rus_yaz@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6019-3700>

Анастасия Викторовна Громова, кандидат филологических наук, заместитель начальника отдела фоноскопических, лингвистических и автороведческих экспертиз, начальник отделения лингвистических и автороведческих экспертиз, Экспертно-криминалистический центр МВД России, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 5, 125130 г. Москва, Россия, Gromova_85@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8255-5680>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.8>

UDC 81'342.1:340.6
LBC 81.055.52

Submitted: 01.10.2019
Accepted: 27.12.2019

LINGUISTIC PERSONOLOGY – POTENTIAL IN PHONOSCOPIC EXPERTISE

Dimitar D. Popov

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

Velka A. Popova

Konstantin Preslavsky University of Shumen, Shumen, Bulgaria

Abstract. The study attempts to justify the development of linguistic personology in Bulgaria as an interdisciplinary scientific paradigm, which comprises theoretical foundations of psycholinguistics, sociolinguistics, anthropological linguistics, linguistic pragmatics, semiotics and phonostylistics. The applied aspect of the approach consists in describing speaker's physiognomic expressions and speech markers, and their anthropological characteristics, which enable researchers to present a speech profile of the respective person through two parameters: their personal identity and personal voice with its unique inherent features. Linguistic personology through speech as an autonomous interdisciplinary research paradigm, serves in forensic (phonoscopic) expertise for the speakers' characteristics diagnostics, considering typical voice peculiarities. The approach studies speaker's verbal behaviour and distinctive features of his or her personal identity signaled by personal voice expression measured through linguistic (phonoscopic) expertise. Linguistic personology through speech is a unique method of personality typization as well as characterizing the speaker based on the analysis of his / her specific pronunciation and voice transformation, used in the field of forensic phonetics. It is proposed to supplement the expert assessment with the results of acoustic analysis of voice samples, as well as their perception, for more objective identification of matching linguistic data. The article represents speech excerpts, the acoustic images of which demonstrate audio-and-visual comprehension of gender differentiation of speakers, whose voices indicate that the recipients belong to the diagnosed group of men, women or transvestites.

Key words: linguopersonology, phonoscopic expertise, speaker profile, voice expression, identification of personality, identification of speaker, forensic phonetics.

Citation. Popov D.D., Popova V.A. Linguistic Personology – Potential in Phonoscopic Expertise. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 89-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.8>

УДК 81'342.1:340.6
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 01.10.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

ВОЗМОЖНОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПЕРСОНОЛОГИИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Димитр Димитров Попов

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Шумен, Болгария

Велка Александрова Попова

Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, г. Шумен, Болгария

Аннотация. В настоящем исследовании предпринята попытка обоснования развивающейся в Болгарии лингвистической персонологии как междисциплинарной научной парадигмы, объединяющей теоретические возможности психолингвистики, социолингвистики, антропологической лингвистики, лингвисти-

ческой прагматики, семиотики и фоностилистики. Прикладной аспект исследования выражается в описании физиономических признаков и маркеров речи и их антропологических показателей, которые дают возможность проектирования речевого профиля (портрета) той или иной личности на базе персонального голоса с его уникальными свойствами. В области судебной (фоноскопической) экспертизы лингвистическая персонология служит для диагностирования характеристик говорящих на основе типичных голосовых особенностей, в области лингвистической экспертизы позволяет устанавливать разновидности речевого поведения групп личности средствами персональной голосовой экспрессии и речевого портретирования. Это уникальный метод типизации личности на основе присущего ей специфического способа произнесения. Для более объективного выявления совпадающих лингвистических данных предлагается дополнить экспертную оценку результатами акустического анализа голосовых проб, а также их перцепции. В статье демонстрируются речевые эксерпты, акустические образы которых демонстрируют аудиовизуальное представление о гендерной дифференциации говорящих, голоса которых свидетельствуют о принадлежности реципиентов к диагностируемой группе мужчин, женщин или трансвеститов.

Ключевые слова: лингвоперсонология, фоноскопическая экспертиза, речевой портрет, экспрессия голоса, идентификация личности, идентификация личности по речи, судебная фонетика.

Цитирование. Попов Д. Д., Попова В. А. Возможности лингвистической персонологии в решении задач фоноскопической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 89–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.8>

Введение

В настоящее время идея об антропоцентричности языка имеет ключевое значение не только для теоретической, но и для прикладной лингвистики. В конце XX в. языковеды объединились вокруг мнения о том, что в лингвистической науке происходят коренные изменения, которые заключаются в переходе от рассмотрения языка как независимой от человека самостоятельной системы к его описанию как антропологического феномена [Кубрякова, 1995]. С этого времени осуществляется переориентация лингвистических исследований на основе новой антропоцентрической парадигмы. «В антропологической лингвистике сначала слышатся робкие, но постепенно все более уверенные мнения о том, что в поле зрения лингвистов центральное место должны занимать не структурные характеристики языковых формаций, а говорящая личность» [Димитрова, 2016, с. 13–14].

Таким образом, язык сегодня осознается как многомерный объект исследования, который эксплицирует индивида через его физическое Я, социальное Я, интеллектуальное Я, эмоциональное Я и речемыслительное Я, и каждый из этих аспектов может быть показательным для определения характерологии персонального речевого поведения того или иного человека.

Основные понятия и методы исследования

Интерес к человеческому фактору в языке и речи находит конкретное выражение в исследованиях прикладных наук: развивается судебная фонетика, юрислингвистика, расследовательская журналистика и др. Антропоцентрический подход для многоаспектного изучения речевого поведения личности применен одним из авторов настоящей статьи в монографии «Лингвистична персонология по говору. Превъплъщенията на гласа» («Лингвистическая персонология по речи. Перевоплощения голоса»), где предложена методология лингвистической синергетики, которая дает возможность определять ингерентные характеристики человеческого голоса и их вариативность в речи данной личности или группы в зависимости от временных, географических и других факторов [Попов, 2016, с. 12–15].

Лингвоперсонология является прикладной языковедческой дисциплиной, объектом исследования которой выступает языковая личность. Термин «лингвистическая персонология» введен впервые российским лингвистом В.П. Нерознаком для обозначения новой научной дисциплины [Нерознак, 1996]. Предмет изучения лингвоперсонологии составляют описание и идентификация языковой личности: качество голоса, вокальная вариативность, экспрессия, коннотация в речи и тек-

сте, специфическое фигуральное использование языка, типичные ошибки в устной и письменной речи, свидетельства речевой патологии и другие персональные особенности.

В содержании ключевого понятия личности / персоны (от лат. *persōna* – маска актера, роль, личность, характер, типаж) входят представления об индивиде – человеке, который выполняет различные социальные роли в жизни [Личева, Дачева, 2012; Goffman, 1990]; маске или лице, которые человек являет миру [Jung, 1971]; его альтер эго. Индивидуальность – это наша вторая сущность, вторая природа человека, вторая самоличность или персона, скрытая внутри личности [Handbook of Psychology, 2003].

Мысль о необходимости синтеза гуманитарных наук в рамках специальных дисциплин (как, например, персонологии) впервые высказана Н.С. Трубецким, по мнению которого под личностью понимается «не только отдельный человек, но и народ», «частные человеческие» проявления личности, а также «многоликие ее проявления», характеризующиеся определенными состояниями или «индивидуациями» [Трубецкой, 1927, с. 3–7]. Философский термин «индивидуация» означает нечто характерное для данного индивида (от лат. *individuum* – неделимый, *individuitātis* – неделимость). В.П. Нерознак считает, что в рамках общей персонологии в науке о языке можно выделить в самостоятельное направление лингвистическую персонологию, которая исследует как частную человеческую языковую личность (идиолект личности), так и многоликую (полилектную) языковую личность – народ. По его мнению, в антропоцентрической системе происходит последовательная смена индивидуаций каждой конкретной языковой личности.

В англоязычную лингвистику понятие лингвистической персонологии как новой науки проникает в наши дни под влиянием русской лингвистики, которая уже имеет известную историю и традиции. Российскими учеными разделяется мнение о том, что лингвоперсонология является наукой о «языковой личности». Этот термин использовался еще в начале XX в. Й.Л. Вайсгербером, однако не был им дефинирован [Вайсгербер, 2004]. Детально содержание этого термина было раскрыто позже в

целом ряде работ российских ученых (см., например: [Богин, 1984; Гак, 2000; Иванцова, 2010; Караулов, 1987; Китайгородская, Розанова, 1995; Нерознак, 1996; Шаховский, 2002; и др.]). Цель лингвоперсонологии – идентифицировать типологические языковые и культурные закономерности в коммуникативном поведении обобщенных персонажей, например таких, как «учитель в школе», «русский интеллигент», «китайский (традиционный) целитель», «американский адвокат», «английский сноб» и т. д. [Klyukanov, Leontovich, 2017].

Следует отметить, что существуют попытки свести концепцию лингвистической персонологии к системе конкретных, ингерентных и атитудальных характеристик речи, и Э. Сепир был одним из первых, кто попытался связать лингвистику с персонологией на базе собственных взглядов о речи. Он формулирует тезис о том, что «обычная речь проявляется в качестве своеобразного потенциального символа социальной солидарности всех говорящих на данном языке», при этом, по его словам, «по одному или другому сленгу определяется принадлежность говорящего к какой-либо неорганизованной, но при этом – не менее психологически реальной группе» [Сепир, 1993, с. 231–232]. Это дает ученому основание констатировать, что «между признанным диалектом или всем языком и индивидуализированной речью отдельного человека раскрывается некоторый тип языковой общности, которая редко является предметом внимания лингвистов, но крайне важна для социальной психологии» [Сепир, 1993, с. 231–232]. В качестве предмета для анализа Э. Сепир предлагает живую человеческую речь и декларирует идею о том, что речь (а точнее, речевое поведение) должна рассматриваться как личностная черта говорящего.

При таком подходе внимание американского лингвиста в большей степени направлено на вопросы вариативности таких элементов языковой формы, как голос, голосовая динамика, включающая интонацию, ритм, плавность речи, темп, силу звука: «Характерные качества голоса, фонетическая организация речи, скорость и относительная ясность (четкость) произношения, длина и построение выражений, характер и объем словарного запаса, использование специфической лексики, способность слов реагировать на потребнос-

ти социальной среды, и, в частности – ориентация речи на языковые навыки своих собеседников – все это является многочисленными комплексными показателями, характеризующими личность» [Сепир, 1993, с. 233]. Именно эти особенности речи, по мнению Э. Сепира, проявляются в речевом поведении как характерные черты данной личности. В программной статье «Речь как личностная черта», опубликованной еще в 1927 г., он приходит к выводу о том, что языковые навыки человека являются исключительно значимы как бессознательные индикаторы наиболее существенных черт его личности [Sapir, 1927].

Несмотря на то что сам автор определяет свой подход скорее как интуитивный, можно в полной мере признать проницательность профессионального наблюдателя и исследователя живой спонтанной речи. По его мнению, «в речевом поведении выделяются несколько различных уровней» [Сепир, 1993, с. 287], среди которых человеческий голос является «самым низким или самым базовым уровнем качества речи» (фонационное качество голоса – в современной научной терминологии). И поскольку голос представляет собой «сложную связку реакций», в самом общем смысле его можно рассматривать как «форму жеста» [Сепир, 1993, с. 287]. «Голос обычно считается чисто индивидуальной материей», но «наряду с индивидуальным, голос обладает также и некоторым социальным качеством» [Сепир, 1993, с. 288]. Если попытаться из общих характеристик голоса извлечь фундаментальные личностные черты, то встанет необходимость разграничения социального и личностного элементов речи, потому что голос в известном смысле является символическим показателем личности в целом. В качестве второго речевого уровня Э. Сепир выделяет голосовую динамику, иллюстрирующую представление о самом голосе и множестве вариаций поведения, которые переплетаются с голосом и придают ему динамическое качество. К аспектам голосовой динамики Э. Сепир относит интонацию, ритм, относительную плавность / гладкость и темп речи, представление о которых в настоящее время обобщается термином «речевая просодия». К третьему уровню автор причисляет произношение во всей его целостности и

обособляет индивидуальные нюансы произношения, которые маркированы специфической окраской, а именно тембр, демонстрирующий качественные характеристики голоса. Четвертый речевой уровень представлен лексикой и словарным запасом, а они, как известно, связаны с предпочтениями, психологическим настроением и склонностью человека использовать определенные речевые единицы. Таким образом, все названные лингвистические признаки в совокупности становятся отличительными признаками территориальной, статусной или профессиональной принадлежности индивида. В качестве пятого уровня Э. Сепир выделяет стиль. Он уточняет, что повседневная речь, характеризующая как социальную группу, так и индивида, в совокупности иллюстрируется через голос, голосовую динамику, произношение, лексику и стиль. На основании этих пяти речевых уровней формируются экспрессивные стереотипы речевого поведения человека.

В современной науке об интерпретации человека как личности в парадигме «индивид – личность – индивидуальность» человек рассматривается в трех проявлениях: биогенетическом (темперамент, возраст, пол), социогенетическом (социальные роли, установки и ценностные ориентации) и персоногенетическом (самосознание и творчество, половая идентичность, мотивы, смысл жизни) [Психологический словарь, 1997, с. 175].

Феномен языковой личности утверждается как «многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности для осуществления речевых действий с различной степенью сложности, поступков, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности, а с другой – по уровням языка, то есть фонетика, грамматика и лексика» [Потапова, Потапов, 2006, с. 29]. В последние десятилетия количество исследований, посвященных изучению языковой личности, резко увеличилось. Лингвисты предлагают различные толкования этого понятия и обсуждают различные аспекты структуры и свойств лингвистической персональности. В широком понимании лингвистическая персональность представляет собой абстрактную модель определенного количества носителей данного

языка, а в узком – систематизированную комбинацию языковых и речевых единиц, которые характерны для конкретного говорящего / пишущего. При этом необходимо отметить, что диапазон вариативности звукового плана выражения *homo loquens* (говорящего человека) несравнимо шире и богаче инвентаря графических средств и диакритики в письменной речи *homo scribens* (пишущего человека). Каждый индивид сам делает выбор звуковых средств, опираясь на свои собственные «вкусовые рецепторы», которые формируют его повседневное «речевое меню».

Таким образом, языковая личность проявляет стереотипные (дистинктивные) признаки своей социальной группы и осознает свою индивидуальную корпоративную принадлежность к ней. Детерминирующие признаки правильного диагностирования индивидуальной речи разделяются на два вида: собственно языковые и внешние.

Собственно языковые признаки описания личности базируются, с одной стороны, на анализе формальных (фонетических, лексических, грамматических, стилистических и текстовых / дискурсивных) характеристик, основанных на стиле (в англоязычной терминологии *style-based features*), а с другой – на исследовании неформальных (содержательных, смысловых, мотивационных и др.) характеристик, основанных на содержании (известных в англоязычной лингвистике как *content-based features*).

Внешние детерминирующие признаки не могут быть объяснены без привлечения экстралингвистических факторов, поскольку к ним относятся признаки, связанные с социальными характеристиками личности, особенностями ее психики, ее гендерной идентичности и др. Ментальные, языковые и поведенческие особенности личности, ее национальность, идентичность и индивидуальность становятся объектом внимания современных исследователей. Языковая личность и лингвистическая персональность ставятся в центр коммуникации и как отражение собственного языкового опыта данного индивида, и как отражение опыта всего человечества, выраженного посредством языка. Особое место в последнее время занимают работы, целью которых является изучение авторской индивидуальности в данном тек-

сте или дискурсе; анализ идиолекта данной личности; параметры и особенности ее речевого поведения; специфика речевого репертуара говорящего; построение его речевого портрета, то есть методика профилирования индивида по характерным для него языковым чертам. Совокупность всех этих признаков дает основание рассматривать индивидуальность речи как коннотативную знаковую систему (как коннотативную семиотику), при этом под коннотацией в данном случае необходимо иметь в виду сочетание эмоционально-оценочных компонентов, сопровождающих денотативное значение в реальном речевом акте и влияющих на смысл воспринимаемого высказывания [Потапова, Потапов, 2006, с. 94].

Факторы, на основании которых происходит построение речевого портрета определенной личности, имеют различную природу: биолектные (возраст и пол), социолектные (общественное положение, профессиональная принадлежность, образование, место рождения, образ жизни – городской или деревенский), символектные (отношение к языку через сигналы – просодия и эмоции), этнолектные (маркеры этнической идентичности), сексолектные (маркеры гендерной идентичности) и политиколектные (маркеры, свидетельствующие о языковом пристрастии и о персональных взглядах). Для проведения фоноскопической экспертизы и для создания речевого портрета, по словам Т.М. Николаевой, нужно охарактеризовать не все уровни и факты языковой системы, отмеченные в речи портретируемого, а только «яркие диагностические пятна» [Николаева, 1991, с. 73].

Вопросы лингвистической персонологии привлекают внимание ученых в связи с решением ими различных практических задач: идентифицирование говорящего лица по голосу и создание профиля его речевого поведения; диагностирование речевых нарушений, связанных с патологией речи, по данным голоса; определение навыков и стиля произношения по манере говорения в норме и патологии; определение социально-демографических признаков (образования, занятия, профессии, места проживания, пола и др.) данной личности и др.

Результаты и обсуждение

Языковая / речевая вариативность.

Как известно, современная лингвистика вариативности (от англ. *Variational Linguistics* и от нем. *Varietätenlinguistik*) как часть социолингвистики в рамках прикладной лингвистики занимается многообразием форм и вариативностью в целом в сфере данного естественного языка и, соответственно, в идиолектах, пытаясь связать проявления речевой вариативности с внеязыковыми факторами, такими как возраст, пол / гендер или социальная / региональная принадлежность, и наблюдает за индивидуальными специфическими стилистическими изменениями и характерными особенностями использования речи. Вариетет (от англ. *variety* – разновидность, разнообразие, многообразие) как форма экзистенции языка является обобщающим понятием, в которое вписываются все возможные различные субкоды; а термин «вариетет» становится общим для обозначения особенной когерентной языковой формы, при которой могут использоваться специфические экстралингвистические критерии для ее дефинирования как разновидности. Например, географически дефинированный вариетет известен как диалект; вариетет на социальной основе – как социолект; функциональный вариетет – как профессиональный язык, подъязык или жаргон; ситуационный вариетет – как регистр [Bußmann, 1990, S. 827]. По этой логике и половой / гендерный вариетет может быть назван сексолектом [Попов, 2004; 2007, с. 505; Потапова, 2001]. Следовательно, в духе вариативной лингвистики весь болгарский язык в целом может быть представлен обобщенно как некоторая абстракция в смысле *диасистемы*, построенной из вариететов, которые могут послужить для многоаспектного модельного описания языковой личности с целью ее лингвистического профилирования по речи. Таким образом, в науке формируется мнение о том, что исследования, посвященные вариативности, опираются на использование и функционирование «лектной» вариативности, на наличие диалектных, социолектных, региолектных и любого другого вида особенностей, конкретные проявления которых находят физиономическое выраже-

ние при характеристике речи данного говорящего или пишущего индивида и способствуют созданию определенного речевого профиля, то есть идентифицируется человеческий персональный лектостилистический репертуар как тип поведенческого речевого акта. В американской вариативной лингвистике, которая занимается вопросами структурной гетерогенности (*structured heterogeneity*) и внутренне присущей вариативности (*inherent variability*) естественного языка, центральное место занимает опорный термин «лект» (от гр. *λέγω, λεκτος, λεκτόν* – говорение, слово, выражение) в смысле любого вида различаемого вариетета в языке и речи (региональный, социальный, локальный и пр.). В сложных словах (например, *sociolect, dialect, idiolect*) данный термин существует как базовый элемент, в то время как первые части вышеуказанных слов индексируют конкретный тип вариетета.

Для целей лингвистической персонологии было бы целесообразным принять следующую, хотя, вероятно, не совсем исчерпывающую терминологическую таксономию в качестве подходящей для характеристики языковой личности с учетом вариетета с точки зрения имеющегося своеобразия языковых средств:

– *диалект* (локальный, диатопический вариетет) – идентификация элементов местного говора;

– *социолект* (функциональный, диатрагический вариетет) – идентификация элементов группового / корпоративного жаргона, сленга, профессионального говора; например, использование молодежного говора могло бы свидетельствовать о поколении носителей языка (возрастной параметр);

– *регистр* (стилистический, ситуационный, диафазический вариетет) – идентификация физиономических элементов в стилистическом регистре коммуниканта в конкретной ситуации общения;

– *региолект* (ареальный вариетет) – идентификация элементов, свидетельствующих о принадлежности лица к определенному географическому району, то есть наличие преобладающих элементов, например западно-болгарского / восточно-болгарского наречия;

– *идиолект* (индивидуальный вариетет) – идентификация элементов, свидетель-

ствующих об уникальной коммуникативной индивидуальности в манере высказывания языковой личности;

– *этнолект* (этнический вариант) – идентификация элементов в языке той или иной этнической группы;

– *сексолект* (гендерный и/или половой вариант) – идентификация языковых элементов, сигнализирующих о принадлежности к биологическому полу и/или гендерной ориентации языковой личности;

– *ксенолект* (иностранный вариант) – идентификация иностранных элементов в речи и иностранного «акцента» в языке, который не является родным для говорящего, но при этом является официальным для употребления в определенной стране (национально-языковая общность), то есть отклонение от стандартного языка;

– *политолект* (политический вариант) – идентификация элементов, которые могли бы быть связаны с отношением, персональными убеждениями, мировоззрением, пристрастием человека к определенному типу политического мышления;

– *диахронический вариант* (исторический, генерационный вариант) – идентификация архаичных элементов, которые могут сигнализировать о поколении автора речи (возрастная группа);

– *диамезический вариант* – идентификация типичных языковых элементов, определяемых каналом (медиумом) коммуникации – формы устной речи (например, разговоры по телефону) / формы письменной речи (тексты), чье авторство приписывается определенному лицу;

– *эндолект* / *экзолект* – идентификация языка (говора) как родного или, соответственно, как иностранного для данной личности;

– *орфологический вариант* (в области орфоэпии / орфографии) – идентификация нормативных (корректных, правильных) элементов и отклонений от нормы (неправильность, типичные речевые ошибки, проявления некорректности, гиперкорректность или типичные экспрессивные варианты в речи или в тексте определенного носителя языка (речи), свидетельствующие о его лингвистической компетентности и образовательном потенциале).

Приведенный выше список, позволяющий охарактеризовать вариант речевого репертуара личности, имеет скорее указательный характер и остается открытым.

Особенно важен вопрос о том, в каких языковых сферах наблюдаются формы варианта и каков режим их использования. В качестве подходящей иллюстрации таксономического представления и модели классификации вариативных явлений в персональной практике может быть применена многоступенчатая иерархическая модель болгарской речи, основанная на трихотомии «стандарт – субстандарт – нестандарт», представленная с учетом специфики варианта высказывания в современном болгарском произношении [Попов, 2007].

В персонологии при анализе звучащей речи такие величины, как голос и идентичность, обладают особой значимостью, потому что позволяют разработать новые мультимедийные приложения в сфере высоких технологий (в системе, служащей для распознавания речи, речевого синтеза, трансформации текста в речь и наоборот). Таким образом, на базе голосового интерфейса потребителям информации (людям) были предоставлены новые возможности для объективной идентификации голоса по речи: в судебной фонетике (*forensic phonetics*) при разработке так называемого голосового отпечатка (*voiceprint*) по аналогии с отпечатками пальцев (*fingerprint*) как надежными биометрическими доказательствами в криминалистике, а также в целом – для создания персональных речевых портретов (профили говорящих лиц).

Устная речь (дискурс) содержит богатую информацию о характере коммуникации, так как, с одной стороны, сигнализирует о дискретной последовательности «дигитальной» информации, а с другой стороны, вносит дополнительную информацию о говорящем лице, то есть предоставляет «аналоговую» информацию. Вот почему в повседневном общении в режиме реального продуцирования речи, а также независимо от ее формы (устная или письменная) фиксируются персональные следы различных участников коммуникации. В устном общении эти следы наблюдаются не только на лексическом или синтаксическом уровнях, но и на фонетическом уровне, например в просодии. Именно при использовании речи проявля-

ется принадлежность данного голоса к определенной группе говорящих, и одновременно с этим на фоне «общего хора» говорящих персон становятся очевидными его уникальность и индивидуальность. Для реципиента голос как выражение персональности является «визитной карточкой» говорящего [Eckert, Laver, 1994, p. 1], то есть это «голосовой отпечаток», симптом (признак) его идентификации, или, иначе, знак его идентичности. Голос сам по себе уникален. Характеризовать персональность голоса позволяет его тембр, который является психоакустическим признаком голоса (в фонетике эквивалент фонационному типу). По тембру можно судить и об эмоциональном состоянии говорящего.

Общая характеристика речевого репертуара говорящего индивида способствует формированию речевого портрета личности (ее социальной роли, отношения с другими, поведения). При этом стандартное использование языка является основным критерием, начальным уровнем (точкой отсчета), на базе которого измеряются все другие факты, относящиеся к регистру дифференциации личности.

Для целей одной фоноскопической экспертизы с учетом идентификации по голосу дискурс в качестве экспликации персонального коммуникативного поведения может быть представлен аудиально (акустично и транскрибирован) или аудиовизуально (как целое ситуативное коммуникативное событие, свидетельствующее о действиях и поступках говорящего лица в реальном времени с помощью специализированного мультимедийного софтвера).

Передающиеся через речевой сигнал специфические характеристики, присущие данной говорящей личности, могут информировать реципиента, дать ему возможность описать и классифицировать говорящих по возрасту, стилю произношения, языку, на котором разговаривают, а также раскрыть их эмоции и даже определить их состояние здоровья и пр. Именно по таким имеющимся признакам слушающий может распознать говорящего, или, другими словами, те или иные персональные характеристики одного лица могут оказаться достаточно физиономическими для того, чтобы была установлена и верифицирована его идентичность.

Речевое портретирование (*speaker profiling*) является уникальным исследованием для характеристики и типизации личности на основе присущего ей специфического способа произнесения.

Для целей речевого портретирования (профилирования) говорящего (англ. *Speaker profiling*, нем. *Sprechererkennung*) необходима речевая проба (аудиозапись) незнакомого говорящего лица, на основе которой будет создан его индивидуальный речевой портрет. Синонимичными для обозначения такого вида деятельности являются термины «голосовой анализ» (нем. *Stimmenanalyse*) и «голосовое профилирование» (нем. *Stimmenprofiling*).

Информация, необходимая для осуществления данных исследований, содержится в конкретных признаках речевого репертуара говорящего, которые свидетельствуют о его возрасте, поле, региональном происхождении, социальном статусе и следах иностранного акцента в произношении. Таким образом, профилирование как акт демаскирования идентичности говорящего включает концентрированную информацию о данном индивиде как анонимном деятеле, полученную из инкриминированного ему речевого материала и анализирующую о его гендерной ориентации, возрасте, диалекте, а также о признаках, связанных с его респираторными особенностями, его фонацией, артикуляцией, манерой ведения разговора и др. Наряду с этим, персональные акцентные признаки индивида зависят и от степени его образованности, от степени владения родным языком и даже от регионального языкового ареала, в котором он жил в течение последних нескольких лет. У лиц, которые выросли в условиях билингвизма, где один язык (неродной) является официальным, а другой язык (родной) используется преимущественно в домашних условиях, литературное официальное произношение в ряде случаев заметно нюансировано (более или менее) элементами неофициального для страны языка.

Акустический анализ речи в экспертизе. Экспертную оценку следовало бы делать на основании акустического и лингвистического анализа голосовых проб, а также их перцепции для того, чтобы осуществить объективное выявление совпадения данных. Сказанное

выше можно проиллюстрировать несколькими речевыми эксцерптами, акустические слуховые образы которых демонстрируют аудиовизуальное представление о гендерной дифференциации говорящих, голоса которых свидетельствуют о принадлежности реципиентов к мужчинам, женщинам или трансвеститам.

Например, контраст акустических параметров ясно прослеживается по спектрам двух звуковых вещаний в записи болгарской рекламы автомобилей (www.auto.bg) – через экспрессию мужского голоса (рис. 1: *Ау-ау, ауто бг*) и экспрессию женского голоса (рис. 2: *Ау-ау, ауто бг*). Что касается специфики женского голоса, в целом он воспринимается как более высокий, чем мужской. Это связано с тем, что мужские голосовые связки толще и длиннее женских, а длина вокального тракта у женщин меньше, чем у мужчин. Среднее значение частоты женского базального тона примерно в два раза выше, чем у мужчин. Женщины оказываются более щедрыми при выражении голосовой экспрессии, чем мужчины.

Характерной чертой мужского гендерного сексолекта (рис. 1) является вибрация голоса в диапазоне низкого регистра при медленном темпе и удлинении гласных как выражении высочайшего удовольствия, в то время как в женском гендерном сексолекте (рис. 2) наблюдается напряженное пискливое произношение в высоком тональном диапазоне и увеличение темпа – индикация оргазма.

Определение сексолекта говорящего с транссексуальной ориентацией как характеристикой речевого «портрета» до недавнего времени не был предметом внимания болгарской лингвистики. Первое описание этого специфического проявления в болгарском публичном речевом пространстве было сделано на базе наблюдений над болгарскими групповыми гендерными проявлениями, которые записаны, проанализированы и интерпретированы авторами настоящей статьи в Лаборатории по прикладной лингвистике при Шуменском университете.

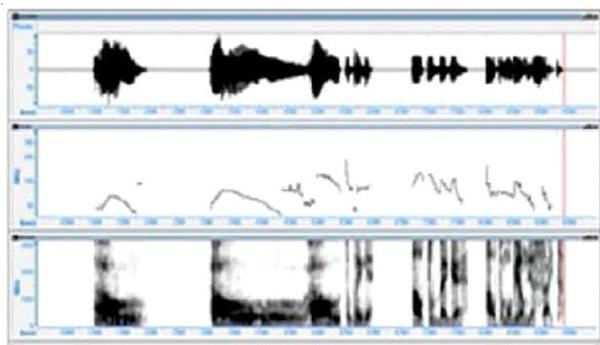

Рис. 1. Мужской голос
Fig. 1. Male voice

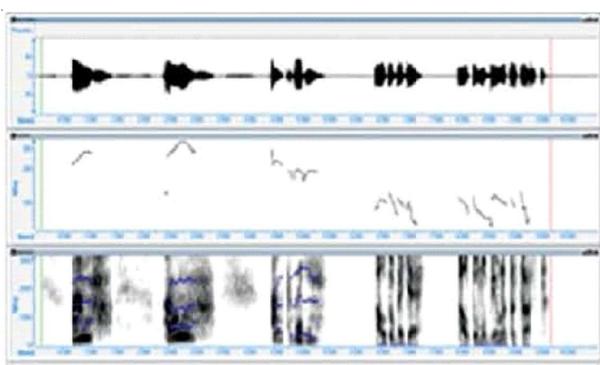

Рис. 2. Женский голос
Fig. 2. Female voice

На рисунке 3 представлен речевой «портрет» (акустический образ) голоса трансвестита – радиоведущего рекламной развлекательной передачи. Речевые пробы сегментированы и транскрибированы.

При гендерной идентификации трансвестита наблюдается комбинация фальцетной, придыхательной и шепотной фонации, которая ощущается как доверительная, исповедническая. В стилистическом плане общее впечатление от этого рекламного дискурса заключается в том, что придыхательная и шепотная фонации, как и расслабленный голос фальцета, имеют такую коннотацию, что реципиент чувствует внимание к себе, ласку, мягкое отношение.

Выводы

Необходимость изучения фонетических характеристик болгарской речи, выявленных в результате наблюдения над голосами людей различного пола и различной гендерной идентичности, в настоящее время мотивируется практическими потребностями современного общества, и прежде всего важностью разработки системы автоматического распознавания синтезированной звучащей речи. Человеческий голос формируется под влиянием физических и биологических факторов. Наряду с этим различия в функционировании голосовых связок у мужчин и женщин могут быть вызваны также и рядом социальных причин. Значение

голосового диапазона частоты основного тона у мужчин и у женщин в значительной степени совпадают. Это предоставляет индивиду разнообразные возможности с помощью голоса убеждать участников коммуникации в его принадлежности к определенной гендерной группе, используя различные вариации голоса, вплоть до создания речевой маски (например, трансвестита), в зависимости от условий общения, эмоционального состояния говорящего, его отношения и уверенности в принадлежности к конкретной гендерной группе. Половая стереотипизация поляризует голоса как мужские и женские в самом общем понимании, и это дает основание говорить о стереотипе доминирующей мужественности (физически развитая мускулатура, агрессивность, бесцеремонность) и стереотипе доминирующей женственности (женская мягкость, толерантность, дружелюбность). Наличие транссексуальных голосов с присущим им бесспорным богатством фонационных коннотаций и колоритностью разрушает статус-кво традиционной дихотомии и позволяет сделать вывод о том, что ощущение голосового стереотипа в гендерном пространстве скорее относительно, индивидуально, контекстуально зависимо и его определение до сих пор в некоторой степени размыто. Тем не менее произносительные особенности раскрывают реальное представление о богатой гамме возможных нюансов человеческого голоса, а голосовой отпечаток является биометрической визитной карточкой личности.

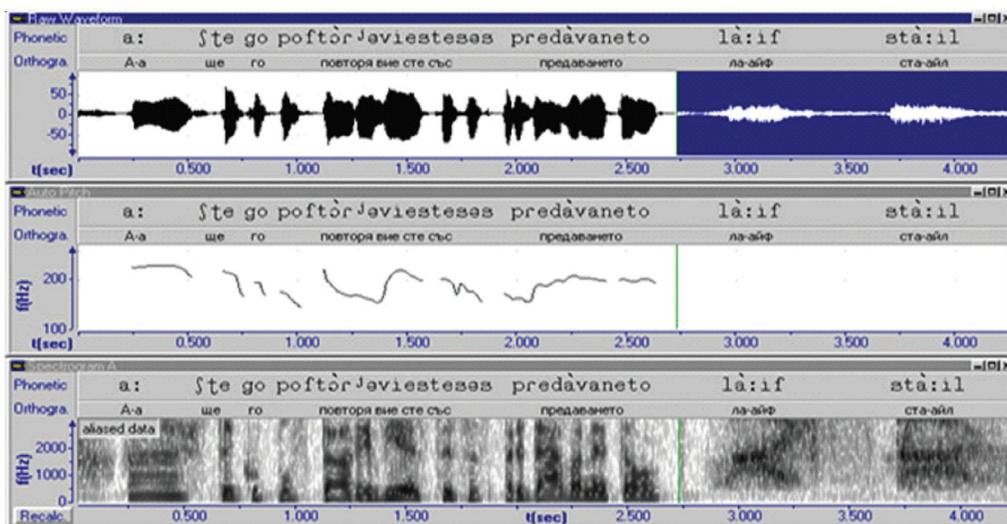

Рис. 3. Гендерный секселект трансвестита
Fig. 3. Gender sexolect of a transvestite

Заклучение

Распознавание голоса говорящего имеет большое значение не только в повседневной жизни, но и в работе официальных и государственных учреждений. Все это синхронизировано с задачами, которые ставит перед собой национальная служба безопасности каждой страны. Создание теории и методологии интегрированного многоаспектного исследования персональной человеческой речи должно стать новой специализированной прикладной наукой – лингвистической речевой персонологией, характеризующей человеческую персональность на основе разнообразных перевоплощений человеческого голоса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богин Г. И., 1984. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Л. 31 с.
- Вайсгербер Й. Л., 2004. Родной язык и формирование духа. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Едиториал УРСС. 232 с.
- Гак В. Г., 2000. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры. М. : Наука. С. 54–68.
- Димитрова С., 2016. По спиралата на лингвистичните идеи // Актуални проблеми на лингвистиката. По случай 80-годишнината на проф. Стефана Димитрова / под ред. на М. Стаменов, И. Панчев. София : Акад. Изд. «Марин Дринов». С. 13–25.
- Иванцова Е. В., 2010. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности. Томск : Изд-во Том. ун-та. 158 с.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 261 с.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 1995. Русский речевой портрет : фонохрестоматия. М. : Наука. 128 с.
- Кубрякова Е. С., 1995. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю. С. Степанова. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 144–238.
- Личева А., Дачева Г., 2012. Кратък речник на литературните и лингвистичните термини. София : Колибри. 316 с.
- Нерознак В. П., 1996. Лингвистическая персонология: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод : сб. науч. тр. М. : Моск. гос. лингв. ун-т. С. 112–116.
- Николаева Т. М., 1991. «Социолингвистический портрет» и методы его описания // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. В 2 ч. Ч. 2. : докл. / редкол. : О. Л. Дмитриева [и др.]. М. : ИРЯЗ. С. 73–75.
- Попов Д., 2004. Фоностилистика на дискурса. Шумен : УИ «Еп. К. Преславски». 204 с.
- Попов Д., 2007. Сексолектът като концепт на фонетичната гендерология (български речеви портрети) // Лингвистическая полифония : сб. в честь юбилея проф. Р.К. Потаповой / отв. ред. В. А. Виноградов. М. : Яз. слав. культур. С. 504–513.
- Попов Д., 2016. Лингвистична персонология по говора. Превъплъщенията на гласа. Шумен : УИ «Еп. К. Преславски». 300 с.
- Потапова Р. К., 2001. Сексолект как составляющая экспертной фоноскопии в криминалистике // Гендер: язык, культура, коммуникация : материалы Первой Междунар. конф. (Москва, 25–26 нояб. 1999 г.) / редкол. : И. И. Халева [и др.]. М. : [б. и.]. С. 81–82.
- Потапова Р. К., Потапов В. В., 2006. Язык, речь, личность. М. : Яз. слав. культуры. 496 с.
- Психологический словарь, 1997 / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М. : Педагогика-пресс. 440 с.
- Сепир Э., 1993. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс. 656 с.
- Трубецкой Н. С., 1927. К проблеме русского самопознания : собр. ст. Париж : Евраз. книгоиздательство. 94 с.
- Шаховский В. И., 2002. Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки. № 4. С. 59–67.
- Bußmann H., 1990. Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart : Kröner. 885 S.
- Eckert H., Laver J., 1994. Menschen und ihre Stimmen: Aspekte der vokalen Kommunikation. Weinheim : Beltz Psychologie Verlags Union. 204 p.
- Goffman E., 1990. Presentation of Self in Everyday Life. L. : Penguin. 173 p.
- Handbook of Psychology, 2003 / ed. by I. B. Weiner, D. K. Freedheim. Hoboken, New Jersey : John Wiley and Sons. 491 p.
- Jung C. G., 1971. Collected Works of C.G. Jung. In 20 Vols. Vol. 6. Psychological Types. Princeton, New Jersey : Princeton University Press. 651 p.
- Klyukanov I. E., Leontovich O. A., 2017. Russian Perspectives on Communication // The Handbook of Communication in Cross-cultural Perspective / ed. by D. Carbaugh. N. Y. : Routledge. P. 74–97.
- Sapir E., 1927. Speech as a Personality Trait // American Journal of Sociology. Vol. 32. P. 892–905.

REFERENCES

- Bogin G.I., 1984. *Model yazykovoy lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostyam tekstov: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [Model of Language Personality in Its Relation to the Varieties of Texts. Dr. philol. sci. abs. diss.] Leningrad. 31 p.
- Vaysgerber Y.L., 2004. *Rodnoy yazyk i formirovanie dukha* [Native Language and Spirit Formation]. Moscow, Editorial URSS Publ. 232 p.
- Gak V.G., 2000. Yazyk kak forma samovyrazheniya naroda [Language as a Form of Self-Expression of a Nation]. *Yazyk kak sredstvo translyatsii kultury* [Language as a Means of Transmitting Culture]. Moscow, Nauka Publ., pp. 54-68.
- Dimitrova S., 2016. Po spiralata na lingvistichnite idei [The Spiral of Linguistic Ideas]. Stamenov M., Panchev I., eds. *Aktualni problemi na lingvistikata. Po sluchay 80-godishninata na prof. Stefana Dimitrova* [Current Issues of Linguistics. On the Occasion of the 80th Anniversary of Professor Stefan Dimitrov]. Sofia, Akademicheskoe Izd-vo «Marin Drinov», pp. 13-25.
- Ivantsova E.V., 2010. *Lingvopersonologiya: osnovy teorii yazykovoy lichnosti* [Linguistic Personology: Fundamentals of the Theory of Linguistic Identity. Uchebnoe posobie. Tomsk, Izd-vo Tomskogo universiteta. 158 p.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 1995. *Russkiy rechevoy portret: fonokhrestomatiya* [Russian Speech Portrait. Phonochrestomy]. Moscow, Nauka Publ. 128 p.
- Kubryakova E.S., 1995. Evolyutsiya lingvisticheskikh idey vo vtoroy polovine XX veka (opyt paradigmalnogo analiza) [Evolution of Linguistic Ideas in the Second Half of the 20th Century (Experience of Paradigm Analysis)]. Stepanov Yu.S., ed. *Yazyk i nauka kontsa XX veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, pp. 144-238.
- Licheva A., Dacheva G., 2012. *Kratk rechnik na literaturnite i lingvistichnite termini* [Concise Dictionary of Literary and Linguistic Terms]. Sofia, Kolibri Publ. 316 p.
- Neroznak V.P., 1996. Lingvisticheskaya personologiya: k opredeleniyu statusa distsipliny [Linguistic Personology: To Defining the Status of the Discipline]. *Yazyk. Poetika. Perevod: sb. nauch. tr.* [Language. Poetics. Translation. Collection of Scientific Works]. Moscow, Moskovskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet, pp. 112-116.
- Nikolaeva T.M., 1991. «Sotsiolingvisticheskiy portret» i metody ego opisaniya [“Sociolinguistic Portrait” and Methods of Its Description]. Dmitrieva O.L. et al., eds. *Russkiy yazyk i sovremennost. Problemy i perspektivy razvitiya rusistiki. V 2 ch. Ch. 2: dokl.* [Russian Language and Modernity. Problems and Prospects for the Development of Russian Studies. In 2 Parts. Part 2. Reports]. Moscow, IRYaZ, pp. 73-75.
- Popov D., 2004. *Fonostilistika na diskursa* [Phonostylistics on Discourse.]. Shumen, UI «Ep. K. Preslavski». 204 p.
- Popov D., 2007. Seksolekt kato kontsept na fonetichnata genderologiya (blgarski rechevi portreti) [Sexolect as a Notion of Phonetic Gender Study (Bulgarian Speech Portraits)]. Vinogradov V.A., ed. *Lingvisticheskaya polifoniya: sb. v chest yubileya prof. R.K. Potapovoy* [Linguistic Polyphony. Collection in Honor of the Anniversary of Professor R.K. Potapova]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., pp. 504-513.
- Popov D., 2016. *Lingvistichna personologiya po govora. Prevplshcheniyata na glasa* [Linguistic Speech Personology. Voice Reincarnation]. Shumen, UI «Ep. K. Preslavski». 300 p.
- Potapova R.K., 1999. Seksolekt kak sostavlyayushchaya ekspertnoy fonoskopii v kriminalistike [Sexolect as Part of the Expert Phonoscope in Criminology]. Khaleeva I.I., ed. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: materialy Pervoy Mezhdunar. konf. (Moskva, 25–26 noyab. 1999 g.)* [Gender: Language, Culture, Communication. Proceedings of the First International Conference (Moscow, November 25–26, 1999.)]. Moscow, pp. 81-82.
- Potapova P.K., Potapov B.B., 2006. *Yazyk, rech, lichnost* [Language, Speech, Personality]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 496 p.
- Zinchenko V.P., Meshcheryakov B.G., eds., 1997. *Psikhologicheskiy slovar* [Psychological Dictionary]. Moscow, Pedagogika-press Publ. 440 p.
- Sepir E., 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistic and Cultural Studies]. Moscow, Progress Publ. 656 p.
- Trubetskoy N.S., 1927. *K probleme russkogo samopoznaniya: sobr. st.* [To the Issue of Russian Self-Knowledge. Collected Articles]. Paris, Evraziyskoe knigoizdatelstvo. 94 p.
- Shakhovskiy V.I., 2002. Yazykovaya lichnost v emotsionalnoy kommunikativnoy situatsii [Language Personality in Emotional Communicative Situation]. *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 4, pp. 59-67.

- Bußmann H., 1990. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart, Kröner. 885 S.
- Eckert H., Laver J., 1994. *Menschen und ihre Stimmen: Aspekte der vokalen Kommunikation*. Weinheim, Beltz Psychologie Verlags Union. 204 p.
- Goffman E., 1990. *Presentation of Self in Everyday Life*. London, Penguin. 173 p.
- Weiner I.B., Freedheim D.K., eds., 2003. *Handbook of Psychology*. Hoboken, New Jersey, John Wiley and Sons. 491 p.
- Jung C.G., 1971. G. *Collected Works of C.G. Jung. In 20 Vols. Vol. 6. Psychological Types*. Princeton, New Jersey, Princeton University Press. 651 p.
- Klyukanov I.E., Leontovich O.A., 2017. A. Russian Perspectives on Communication. Carbaugh D., ed. *The Handbook of Communication in Cross-cultural Perspective*. New York, Routledge, pp. 74-97.
- Sapir, E., 1927. Speech as a Personality Trait. *American Journal of Sociology*, vol. 32, pp. 892-905.

Information About the Authors

Dimitar D. Popov, Doctor of Sciences, Professor, Department of Bulgarian Language, Konstantin Preslavsky University of Shumen, Universitetska St., 115, 9700 Shumen, Bulgaria, labling@shu.bg, d.popov@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-5998-6263>

Velka A. Popova, Doctor of Sciences, Professor, Department of Bulgarian Language, Konstantin Preslavsky University of Shumen, Universitetska St., 115, 9700 Shumen, Bulgaria, labling@shu.bg, v.popova@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-6222-2416>

Информация об авторах

Димитр Димитров Попов, доктор наук, профессор кафедры болгарского языка, Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, ул. Университетска, 115, 9700 г. Шумен, Болгария, labling@shu.bg, d.popov@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-5998-6263>

Велка Александрова Попова, доктор наук, профессор кафедры болгарского языка, Шуменский университет им. Епископа Константина Преславского, ул. Университетска, 115, 9700 г. Шумен, Болгария, labling@shu.bg, v.popova@shu.bg, <https://orcid.org/0000-0001-6222-2416>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>

UDC 81'42:340.6
LBC 81.055.1

Submitted: 28.08.2019
Accepted: 27.12.2019

ON FORENSIC LINGUISTS AND NON-EXPERTS INTERPRETATION OF MULTIMODAL TEXTS¹

Aleksandra V. Gorbacheva

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana V. Nesterova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Mikhail A. Osadchiy

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article presents intermediate results of an experimental research into psycholinguistic characteristics of understanding multimodal texts with extremist content. Forensic linguists specializing in extremism, well-informed and poorly informed in extremism discourse non-experts had to assess and comment upon multimodal texts. The peculiarities of interpretations have been established. The comprehension of sense in a multimodal text is constructed from established meanings of individual text components and detected semantic connections between them. Semantic and grammatical coordination of meanings of text components was the main mechanism of interpretation. The authors have performed the results of quantitative as well as qualitative analysis of experimental data using linguistic semantics methods. The indicators confirming the effectiveness of the expert assessment are given. The data presented confirm that forensic assessment of a multimodal text is influenced by presence or absence of both professional and general discourse knowledge. Both experts and non-experts have been proved to interpret multimodal texts using the semantic and grammatical coordination mechanisms. The correlation between these mechanisms and distorted text comprehension has been established. The factors of non-forced expert mistakes have been determined as excessive habit of interpretation, predominance of expert experience in assessment of materials of a particular discourse and priming effect. The results of the study can be used to develop science-based methods and recommendations on methodology of forensic analysis of extremist texts for experts.

Key words: forensic linguistics, extremism, multimodal text, interpretation, comprehension, text and image, semantic coordination, grammatical coordination.

Citation. Gorbacheva A.V., Nesterova T.N., Osadchiy M.A. On Forensic Linguists and Non-Experts Interpretation of Multimodal Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 102-114. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>

УДК 81'42:340.6
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 28.08.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

ОБ ЭКСПЕРТНОЙ И НЕЭКСПЕРТНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ¹

Александра Вячеславовна Горбачева

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Вячеславовна Нестерова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Михаил Андреевич Осадчий

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты промежуточного этапа экспериментального исследования психолингвистических особенностей понимания поликодовых текстов экстремистской направленности. Установлены особенности интерпретации текстов группами судебных экспертов-лингвистов и респондентов, хорошо или мало информированных о фактах экстремистского дискурса. Материал исследования включает оценки и комментарии контрольного и экспериментального стимульного материала. Представлены результаты анализа экспериментальных данных методами лингвистической семантики и количественного анализа. Приведены показатели, подтверждающие эффективность экспертной оценки. Выявлена значимость дискурсивных знаний для корректной интерпретации поликодового текста. Доказано, что эксперты и неэксперты интерпретируют тексты, используя механизмы семантического и грамматического согласования. Определена взаимосвязь между этими механизмами и возникновением искаженного понимания текста. Некорректные экспертные интерпретации экспериментального материала объясняются эффектом переобученности интерпретированию. Результаты представленного в работе исследования могут быть применены для разработки методических рекомендаций и научно обоснованной методики судебно-экспертного анализа поликодовых текстов.

Ключевые слова: судебная лингвистика, экстремизм, поликодовый текст, интерпретация, понимание, текст и изображение, семантическое согласование, грамматическое согласование.

Цитирование. Горбачева А. В., Нестерова Т. В., Осадчий М. А. Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 102–114. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>

Введение

Современная практика судебной лингвистической экспертизы показывает, что объектом исследования все чаще становится информация, представленная в семиотически сложных формах, таких как демотиваторы, мемы, страницы пользователей и сообществ в социальных сетях, песни, аудиокниги, подкасты, видеоклипы, фильмы, блоги и влоги. Интенсивная цифровизация всех режимов социального взаимодействия и рост доступности средств электронной коммуникации дает основания полагать, что в дальнейшем доля поликодовых текстов в объеме материалов, поступающих на судебную экспертизу, будет только увеличиваться, что обуславливает пристальное внимание к проблемам экспертной оценки таких объектов. В настоящий момент главная из них – это частотность расхождений в интерпретации смысла поликодовых текстов, факты которых регулярно фиксируются в рецензиях на экспертные заключения. Как представляется, указанная проблема связана с отсутствием единых научных подходов к методике анализа поликодовых текстов, учитывающих лингвистические, психолингвистические и психофизиологические закономерности их восприятия и понимания.

В данной статье описаны промежуточные результаты междисциплинарного экспериментального исследования, которое направлено на уточнение сведений о принципах интерпретации поликодовых текстов разными группами респондентов. Полученные данные могут быть применены для разработки научно обоснованной методики анализа текстов такого типа в экспертной деятельности лингвистов.

В отечественной традиции поликодовые тексты теоретически осмысляются начиная с середины 70-х годов [Ейгер, Юхт, 1974]. Российские исследователи концентрируют внимание на проблеме отношения вербальной и невербальной составляющих поликодовых текстов [Ариас, 2012; Вашунина, 2008], решают задачи по разработке алгоритмов интерпретации их отдельных жанров и дискурсов [Анисимова, 2003; Ариас, 2012; Ворошилова, 2013]. В последнее десятилетие изучение поликодовых текстов стало междисциплинарным направлением на стыке когнитивной психологии и лингвистики, вследствие чего на первый план вышли исследования закономерностей восприятия и понимания поликодовых текстов [Ворошилова, 2013; Злоказов, 2011; Сонин, 2006] и поиск методик анализа их содержания [Ворошилова, 2017].

В зарубежной традиции за три последние десятилетия, с начала интенсивной разработки этой темы в работах Г. Кресса и Т. ван Левена [Kress, Leeuwen, 1996], исследование поликодовых текстов (multimodal analysis) превратилось в развитое направление с устойчивым репертуаром научных подходов. Значимыми для судебно-экспертной практики могут считаться выросшие из системно-функциональной лингвистики М. Халлидея [Halliday, 1978] социо-семиотический [Kress, Leeuwen, 1996; 2001; Leeuwen, 2005] и системно-функциональный подходы к анализу поликодового дискурса (см., например: [Baldry, Thibault, 2006; O'Halloran, 2008]). В работах специалистов по социальной семиотике каталогизируются различные виды семиотических средств, принадлежащие к тому или иному дискурсу, а также разрабатывается грамматика образов, в том числе описываются значения, выражаемые физическими параметрами компонентов изображения (композиция, положение персонажей относительно адресата, направление их взглядов и др.). В рамках системно-функционального подхода поликодовый текст определяется как событие, результатом которого является отдельное специфическое значение, порождаемое во взаимодействии конкретных семиотических средств (semiotic resources). Исследование и описание взаимодействия семиотических средств для получения специфической единицы информации составляет методологическую основу системно-функционального анализа поликодовых текстов. Достижения этих двух направлений, при условии дополнения их некоторыми положениями функциональной грамматики и лингвистической семантики, могут быть положены в основу разработки эффективного инструментария для анализа поликодовых текстов в судебно-экспертных целях.

Методология и методика исследования

Цель исследования – проверка гипотез о психолингвистических особенностях понимания семиотически неоднородной информации, а также выявление особенностей экспертного и неэкспертного понимания поликодовых текстов экстремистской направленности [Горбачева, Варламов, 2018; Горбачева, Пучкова, Осадчий,

2018; Пучкова, 2018]. В исследовании использовано понятие когнитивного концепта как единицы знания [Болдырев, Магировская, 2009; Сонин, 2006; Barsalou, 1992; Fodor, 1998]). Опираясь на традиционные представления нейробиологов и когнитивных психологов о принципах возникновения и хранения в памяти индивидуальных человеческих знаний о мире (см. обзор работ в [Горбачева, Варламов, 2018]), а также на новые экспериментальные данные о наборах контекстов, достаточных для реконструирования предмета речи [Pilatova, 2019], мы определили единицу знания как набор признаков репрезентируемого элемента реальности, который состоит из его регулярных и нерегулярных характеристики отношений с другими элементами реальности.

Основу методологии исследования составляют концепция системно-функционального подхода и положения лингвистики и психолингвистики о механизмах понимания смыслового содержания текста. Эти положения начали разрабатываться в лингвистике более шестидесяти лет назад [Косериу, 1969] и в своем современном состоянии формулируются в виде закона и правил семантического согласования: «Основной закон семантического сочетания слов сводится к тому, что для того, чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак, 1998, с. 279]; эти общие семы «итеративны, то есть в данном сообщении они встречаются неоднократно (по меньшей мере дважды), благодаря чему и осуществляют связь наименований на расстоянии... В такой итеративной функции может оказаться любая сема; мы будем называть ее ... «связующий семантический компонент» [Гак, 1998, с. 280]. Ю.Д. Апресян, уточняя положение о повторяемости сем, подчеркивает, что к правильному пониманию текста приводит выбор такого осмысления, «при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [Апресян, 1995, с. 14].

В качестве материала исследования из российской судебно-экспертной практики были отобраны 30 текстов формата «статическое изображение + письменное высказывание», которые ранее были квалифицированы как содержащие лингвистические и психологи-

ческие признаки различных типов правонарушений экстремистского характера в соответствии с методикой РФЦСЭ при Минюсте России [Кукушкина, Сафонова, Секераж, 2014]. Из их числа исключены тексты, не прошедшие проверку методом сходимости экспертных оценок внутри коллектива лингвистов. К 21 экспериментальному тексту подобраны контрольные тексты, аналогичные по количеству и степени сложности изобразительных знаков, не содержащие признаков правонарушений согласно действующему законодательству Российской Федерации.

В описываемой серии эксперимента приняло участие 42 человека. До начала эксперимента все участники были письменно проинформированы о том, что с целью проведения научного исследования им будут предъявляться материалы различного, в том числе экстремистского, характера. В эксперименте приняли участие респонденты, отличающиеся по степени осведомленности о содержании экстремистского дискурса, – группа судебных экспертов-лингвистов с опытом проведения исследований по материалам дел о противодействии экстремизму (11 человек) и группа неэкспертов, хорошо и мало информированных о фактах экстремистского дискурса (15 и 16 человек соответственно). Степень информированности устанавливалась посредством анкетирования респондентов, отвечавших в том числе на вопросы о том, насколько часто в повседневной жизни они сталкиваются с поликодовыми текстами формата «статическое изображение + письменное высказывание» и текстами экстремистского содержания.

В первой части эксперимента участникам в случайном порядке демонстрировались отобранные поликодовые тексты. При помощи последовательной демонстрации стимулов со сходным содержанием моделировалось влияние предшествовавшего контента на восприятие и понимание последующих стимулов (эффект прайминга [Солсо, 2006]) как фактор риска экспертной ошибки. После предъявления стимула респондентам предлагали оценить посредством возможных ответов «да», «нет», «затрудняюсь», является ли текст экстремистским, а затем дать структурированный устный комментарий, содержащий описание того, что видит испытуемый, и объяс-

нение смысла увиденного. Респонденты не были ограничены во времени при просмотре стимула и обдумывании ответа. Объем комментария рекомендовалось ограничить тремя-пятью развернутыми высказываниями.

Во второй части эксперимента респондентам предлагалось найти и при помощи маркера обозначить в просмотренных текстах смысловые связи между изображением и письменным высказыванием, а также устно пояснить, в чем состоят взаимосвязи между элементами текста. Респонденты имели право сообщить, если обнаружить взаимосвязи не удавалось, и не комментировать текст. При разметке взаимосвязей ограничений во времени на обдумывание и в объеме комментария не устанавливалось. Запрет на выделение связей между элементами изображения также отсутствовал.

В ходе эксперимента комментарии респондентов фиксировались при помощи аудиозаписывающего устройства и в дальнейшем дословно расшифровывались. Впоследствии их содержание сопоставлялось и анализировалось с опорой на разметку взаимосвязей в стимулах методом компонентного анализа лексики комментариев. Если мнение респондента о смысле текста или отдельных его компонентов во второй части эксперимента изменялось, исследовался последний вариант интерпретации стимула.

Результаты и обсуждение

В таблице 1 представлены результаты оценки текстов, произведенной респондентами в первой части эксперимента.

Из приведенных данных видно, что при распределении оценок контрольных и экстремистских стимулов наблюдаются отличия как между различными группами респондентов, так и внутри групп. При оценке контрольных стимулов эксперты дали наибольшее количество верных ответов ($82,14 \pm 15,65$ % vs. $66,55 \pm 16,46$ % для хорошо информированных и $56,37 \pm 21,19$ % для мало информированных неэкспертов), допустили наименьшее ошибок ($11,51 \pm 11,06$ % vs. $19,80 \pm 11,29$ % и $15,92 \pm 10,85$ % соответственно), а также реже неэкспертов сомневались в оценке ($6,35 \pm 8,09$ % vs. $13,65 \pm 11,33$ % и $27,71 \pm 15,77$ % соответ-

Таблица 1. Оценка стимулов

Table 1. Stimuli assessment

Тип стимула	Группа респондентов	Кол-во верных оценок стимула, %	Кол-во неверных оценок стимула, %	Кол-во ответов «затрудняюсь оценить», %
Контрольные	Эксперты	82,14 ± 15,65	11,51 ± 11,06	6,35 ± 8,09
	Хорошо информированные	66,55 ± 16,46	19,80 ± 11,29	13,65 ± 11,33
	Малоинформированные	56,37 ± 21,19	15,92 ± 10,85	27,71 ± 15,77
Экстремистские	Эксперты	64,35 ± 26,45	19,57 ± 17,89	16,09 ± 10,10
	Хорошо информированные	63,00 ± 25,12	25,27 ± 17,15	11,72 ± 11,24
	Малоинформированные	61,59 ± 24,29	17,78 ± 13,70	20,63 ± 23,60

ственно). Такие результаты могут объясняться наличием у экспертов специальных знаний, позволяющих критериально оценить контрольные тексты как не имеющие набора необходимых и достаточных признаков сообщения экстремистского характера. Испытуемые, хорошо информированные о содержании экстремистского дискурса, по сравнению с экспертами дали меньшее количество верных ответов (66,55 ± 16,46 % для контрольных и 63,00 ± 25,12 % для экстремистских текстов), но ожидаемо опередили по этому показателю мало информированных респондентов (56,37 ± 21,19 % и 61,59 ± 24,29 % соответственно). Большое количество правильных ответов у хорошо информированных неэкспертов можно объяснить степенью их осведомленности о фактах рассматриваемого дискурса. Тем не менее сравнение их результатов с экспертными показывает, что эти знания не всегда позволяют отличить экстремистский текст от текста, который не содержит признаков правонарушения. Об этом свидетельствует количество неверных ответов, данных хорошо информированными испытуемыми: оно выше, чем у остальных групп, для обоих типов стимулов, при этом количество ошибочных оценок в полтора-два раза превышает число затруднений в оценке. Вероятно, для респондентов этой группы значения, которые встречаются в экстремистском дискурсе, по причине их повторяемости становятся тривиальными и входят в зону бытовой нормы. Одновременно хорошо информированные неэксперты не владеют знаниями, которые позволяют диагностировать, какие наборы значений в сообщении делают его экстремистским, а какие – нет. Это может объяснять, почему хорошо информированные неэксперты допускают большее количество ошибок при оценке как экстремистских, так и контрольных стимулов.

Обратная ситуация наблюдается у мало информированных респондентов: они чаще остальных сообщали, что не понимают смысла текста, и отказывались от попытки однозначно оценить характер стимула (27,71 ± 15,77 % для контрольных и 20,63 ± 23,60 % для экстремистских стимулов), за счет чего показатель ошибок в отношении экстремистских текстов у них даже ниже, чем у экспертов (17,78 ± 13,70 % vs. 19,57 ± 17,89), а в отношении контрольных стимулов он меньше, чем у хорошо информированных респондентов (15,92 ± 10,85 % vs. 19,80 ± 11,29 %).

Картина оценок экстремистских стимулов отличается от картины по контрольным текстам прежде всего незначимыми различиями в количестве правильных ответов всех трех групп респондентов. Это может происходить вследствие того, что большая часть отобранных текстов характеризуется эксплицитным выражением экстремистского сообщения при помощи общеупотребительных семиотических средств. В свою очередь такая ясность сообщений соответствует коммуникативным целям пропаганды, поскольку успешность распространения идеи напрямую зависит от того, понятна ли она потенциальному адресату. Кроме того, абсолютное большинство респондентов имели неполное или полное высшее образование, что позволяет говорить о наличии у них сформированного навыка анализировать разнородную информацию. Обращают на себя внимание результаты экспертной оценки экстремистских стимулов. Так, в отношении экстремистских текстов эксперты сомневались чаще, чем по поводу контрольных, что с опорой на комментарии респондентов объясняется недостатком дискурсивных знаний и невозможностью воспол-

нить его в условиях информационной изоляции в ходе эксперимента. Причиной сомнений также оказывалась совокупная недостаточность обнаруженных признаков для определения характера сообщения. В то же время возросло число ложноотрицательных оценок экстремистских стимулов, что может объясняться одновременным влиянием двух факторов – недостаточностью диагностированных компонентов смысла текста для положительного вывода и действием этической пресуппозиции эксперта, которая в профессиональном кругу формулируется как «лучше не найти, чем найти». В целом интерпретация данных дает основание полагать, что для определения характера текста может оказаться значимым симультанное наличие дискурсивных и специальных знаний. Об этом также свидетельствуют результаты, полученные по отдельным стимулам, о которых речь пойдет ниже.

Приведенные в таблице 1 показатели фиксируют значительное отклонение по ответам отдельных респондентов от усредненного показателя оценок внутри их групп. Действительно, некоторые стимулы респонденты различных групп понимали и оценивали с существенными отличиями от средних величин (табл. 2).

Для выявления причин снижения успешности оценки был произведен анализ комментариев, относящихся к пяти стимулам, оценки которых характеризуются наибольшим отклонением от среднего. Ниже представлены результаты анализа на примере одного из этих стимулов (рисунок в табл. 2).

Используемый в качестве примера текст содержит призыв придериваться граммати-

ческих норм в письменной речи. Отправитель призыва – русскоязычные представители международного движения граммар-наци, которые позиционируют себя как сторонников соблюдения норм литературного языка, радикальных борцов за чистоту речи и используют визуальные аналогии с национал-социализмом, в том числе стилизацию буквы G под нацистскую свастику. Это значение текста было принято нами в качестве инварианта эталонной интерпретации. Анализируя количественные показатели оценки данного контрольного стимула, мы обратили внимание на резко возросшее число затруднений при квалификации этого текста у хорошо информированных и мало информированных неэкспертов (50,00 % vs. 13,65 ± 11,33 % и 40,00 % vs. 27,71 ± 15,77 % соответственно). В то же время сомнения экспертов оказались близки к средним показателям для контрольных текстов (8,33 % vs. 6,35 ± 8,09 %), но значительно возросло число допущенных ими ошибок (25,00 % vs. 11,51 ± 11,06 %).

Сравнение результатов семантического анализа комментариев обеих частей эксперимента показало, что наряду с эталонной интерпретацией у респондентов возникло 7 повторяющихся неэталонных вариантов интерпретации этого стимула, которые представляют собой различные комбинации следующих четырех смыслов, присутствующих в ответах испытуемых всех групп: 1) пропаганда идеологии нацизма через визуальные отсылки к ней – цвета флага Третьего рейха, изображение нацистского офицера (присутствует в 33,3 % неэталонных интерпретаций); 2) побуждение верно изображать представленный ис-

Таблица 2. Пример стимула со значительным отклонением от среднего

Table 2. An example of stimuli with significant deviation from the mean value

Стимул	Группа респондентов	Кол-во верных оценок стимула, %	Кол-во неверных оценок стимула, %	Кол-во ответов «затрудняюсь оценить», %
 <p>Контрольный стимул</p>	Эксперты	66,67	25,00	8,33
	Хорошо информированные	35,71	14,29	50,00
	Малоинформированные	26,67	33,33	40,00

каженным символ нацизма – нацистскую свастику (присутствует в 65,2 % неэталонных интерпретаций); 3) пропаганда идеологии нацизма через указание на Гитлера посредством символа G как его инициала и изображения нацистского офицера (присутствует в 33,3 % неэталонных интерпретаций); 4) побуждение вести себя «верно», то есть в соответствии с идеологией нацизма (присутствует в 12,5 % неэталонных интерпретаций).

Компонентный анализ лексики комментариев с опорой на разметку взаимосвязей в стимуле продемонстрировал, что эталонные и неэталонные варианты интерпретации коррелируют с ограниченными наборами установленных респондентами смысловых взаимосвязей, пересекающимися по составу только частично.

При неэталонных интерпретациях и при отсутствии какой-либо интерпретации были обнаружены следующие взаимосвязи и соответствующие повторяющиеся в лексике комментариев семы, обуславливающие семантическое согласование: (1) изображение человека с атрибутами нацистского офицера / Гитлера – символ, сходный с нацистской свастикой (сема соотнесенности с нацизмом); (2) изображение человека с атрибутами нацистского офицера – использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии (сема соотнесенности с нацизмом); (3) изображение человека с атрибутами нацистского офицера – слово «ВЕРНО» (грамматическая сема образа действия + сема качества действия); (4) символ, сходный с нацистской свастикой – использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии (сема соотнесенности с нацизмом); (5) символ, сходный с нацистской свастикой – слово «ПИШИ» / надпись «ПИШИ ВЕРНО» (грамматическая сема объекта воздействия); (6) буква G, опознаваемая как инициал Гитлера – изображение человека с атрибутами нацистского офицера (грамматическая сема субъекта + сема имени субъекта); (7) неопознаваемый символ – слово «ПИШИ» / надпись «ПИШИ ВЕРНО» (грамматическая сема отношения).

Варианты эталонной интерпретации включали семантические признаки, характерные для эталонных и неэталонных интерпретаций, и коррелируют со следующим набором

взаимосвязей и общих сем: (2) изображение человека с атрибутами нацистского офицера – использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии (сема соотнесенности с нацизмом); (3) изображение человека с атрибутами нацистского офицера – слово «ВЕРНО» (грамматическая сема образа действия + сема качества действия); (7) неопознаваемый символ – слово «ПИШИ» / надпись «ПИШИ ВЕРНО» (грамматическая сема отношения); (8) символ граммар-наци – изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии (сема соотнесенности с нацизмом); (9) символ граммар-наци – использование цветов, форм и углов флага нацистской Германии (сема соотнесенности с нацизмом); (10) символ граммар-наци – слово «ПИШИ» / надпись «ПИШИ ВЕРНО» (сема группы лиц + сема объекта действия + сема образа действия); (11) надпись «ПИШИ ВЕРНО» – изображение человека с атрибутами нацистского офицера (сема отправителя сообщения); (12) надпись «ПИШИ ВЕРНО» – изображение человека с атрибутами офицера нацистской Германии (сема угрозы наказания).

При сравнении наборов взаимосвязей эталонных и неэталонных интерпретаций обнаруживается различие в определении значения одного и того же символа. Все респонденты, которые неэталонно интерпретировали стимул или сообщили о невозможности его интерпретировать, во время эксперимента указали, что не осведомлены о значении изображенного символа. В то же время 94,7 % респондентов с эталонной интерпретацией в комментариях информировали, что владеют информацией о движении граммар-наци. В таблице 3 показано распределение описанных смысловых взаимосвязей относительно эталонных (Э), неэталонных (НЭ) вариантов интерпретации и отсутствия интерпретации (0) с учетом фактора знания (+) / незнания (–) о движении граммар-наци.

Представленное распределение показывает, что варианты эталона обязательно включают взаимосвязь, построенную на знании характеристик движения граммар-наци и его соотношения с национал-социализмом. При этом неэталонные интерпретации складываются в результате комбинирования регуляр-

Таблица 3. Распределение смысловых взаимосвязей и фактор знания / незнания

Table 3. The distribution of meaning correlation and awareness / lack of awareness factor

№ участ-ника	Вариант интерпретации	Выделенные взаимосвязанные компоненты (компоненты с общей семой)											
		(1)	(2)	(3)	(4)	(5)	(6)	(7)	(8)	(9)	(10)	(11)	(12)
Эксперты													
06fe	НЭ	-			-								
07fe	НЭ				-								
08me	НЭ	-			-								
15fe	НЭ	-		-			-						
09fe	Э								+		+		
10fe	Э								+	+	+		
19fe	Э								+		+		
22me	Э								+		+	+	
23fe	Э										+		
24fe	Э			+					+		+		
25fe	Э										+		+
Хорошо информированные респонденты													
11fc	НЭ						-						
18fc	НЭ	-				-							
21mc	НЭ	-			-	-							
35fc	НЭ	-			-		-						
42fc	НЭ	+					+				+		
17mc	0	-						-					
20fc	0	-					-						
34fc	0	-											
4fc	Э			+									
12fc	Э								+		+		
13mc	Э			+				+			+		
32fc	Э										+		+
37mc	Э								+	+	+		
39fc	Э								+	+	+		
40mc	Э			+					+	+	+		
Мало информированные респонденты													
26fc	НЭ	-				-							
28fc	НЭ					-	-						
29fc	НЭ	-		-		-							
30fc	НЭ	-		-									
1mc	0	-											
2fc	0												
16fc	0							-					
27fc	0	-											
33fc	0												
36fc	0	-						-					
41fc	0							-					
3mc	Э		+						+		+	+	
5fc	Э								+	+	+		+
14fc	Э								+		+		
31fc	Э		+	+							+		
38mc	Э								+		+		

ных наборов взаимосвязей, в числе которых эта взаимосвязь отсутствует. Из этого следует, что понимание смысла поликодового текста является результатом верного или неверного установления выраженных значений и их взаимных отношений.

Неверное установление значения смыслообразующего компонента текста или невозможность его установить, как видно из таблицы 3, не влечет, однако, принципиальной невозможности выстроить взаимосвязи, необходимые для наполнения текста каким-либо

иным смыслом. Компонентный анализ лексики комментариев демонстрирует, что недостаток эталонных семантических связей при попытке понять текст компенсируется заполнением пустующих грамматических (синтаксических) валентностей и наложением на образующиеся грамматические связи случайных семантических повторов. Так, в ряде неэталонных интерпретаций «ПИШИ» с незаполненной объектной валентностью и неэталонно опознаваемый символ дают значение 'пиши символ'. С опорой на вновь возникшую синтаксическую конструкцию «ВЕРНО» (A+), семантически противоположное 'неверно, неправильно' (A-), по семе 'правильность' получает случайное семантическое согласование с символом G, который в действительности связан с нацистской свастикой только смысловыми отношениями отличности по форме, но по причине навязанного значения объекта воздействия оказывается семантической мишенью для слова «ВЕРНО» и одновременно приобретает комплект взаимосвязанных значений 'неправильность формы' и 'нацистская свастика'. В других вариантах интерпретации сирконстант «ВЕРНО» по повтору грамматической семы образа действия связывается с изображением нацистского офицера как с отсылкой к доктринам национал-социализма, и таким образом респонденты обнаруживают в стимуле положительную оценку идеологии нацизма. Это соотносится с закономерностью реализации грамматического согласования, отмеченной Ю.Д. Апресяном: «А, грамматически согласованное с В, заимствует у последнего определенные значения в данном тексте», в то время как «семантически согласованные друг с другом слова Л и В не приобретают общие смысловые элементы в тексте, а имеют их еще в словаре» [Апресян, 1995, с. 14].

Наш пример показывает, что существует возможность обнаружения грамматической взаимосвязи между семантически не связанными компонентами поликодового текста за счет приписывания одному из них «чужих» категориальных значений, что в дальнейшем может служить основой для наращивания изначально отсутствующей семантики. Таким образом, взаимодействие речевого и изобразительного компонентов

так или иначе построено на наличии повторяющейся семы, которая заполняет либо семантическую, либо грамматическую валентности.

В ходе исследования было выявлено, что заполнение грамматических валентностей и наращивание семантики характерно для неэталонных интерпретаций независимо от фактора принадлежности респондентов к какой-либо из групп. При этом ключевую роль в запуске этого механизма играет, судя по всему, фактор информационной недостаточности, который, однако, не гарантирует формирования законченного варианта интерпретации. В приведенной выборке содержатся ответы хорошо и мало информированных неэкспертов, которые испытали информационную недостаточность при интерпретации стимула, предприняли попытку установить взаимосвязи компенсаторным способом, но не сумели обнаружить достаточного количества смысловых повторов для построения результирующего концепта (число обнаруженных взаимосвязей в этих случаях не превышает двух, а если уже достигнуто, то семантический повтор обнаруживается вне найденной грамматической взаимосвязи). В нашем примере это может свидетельствовать о том, что неэксперты и эксперты отличаются друг от друга не только наличием / отсутствием специальных знаний, но и опытом выявления взаимосвязей для получения целостного понимания текста. Именно с этим может быть связана высокая степень уверенности в оценке текста экспертами. Механизм компенсации информационной недостаточности может оказаться одной из причин экспертных ошибок наряду с возможностью ошибки подтверждения – разновидности когнитивного искажения, обусловленной преобладанием экспертного опыта в конкретной области [Nickerson, 1998] и/или эффектом прайминга, смоделированного в рамках этого эксперимента.

Представляется, что дальнейшее изучение рассмотренных выше механизмов интерпретации и предполагаемых причин добросовестных экспертных заблуждений может способствовать повышению объективности экспертных оценок и сокращению числа невынужденных ошибок.

Выводы

Результаты представленного экспериментального исследования подтверждают и уточняют наши предположения о принципах и механизмах понимания поликодовых текстов: 1) понимаемый смысл поликодового текста – это значение, которое конструируется в результате установления значений отдельных компонентов текста (независимо от формы их выражения) и обнаружения смысловых взаимосвязей между ними; 2) такие взаимосвязи образуются при помощи повторения общих сем и являются реализацией грамматического и/или семантического согласования; 3) на возможность корректно интерпретировать поликодовый текст в рамках определенного дискурса влияет наличие / отсутствие дискурсивных знаний; на возможность дать специальную оценку этому тексту – одновременное наличие / отсутствие дискурсивных и специальных знаний; 4) эксперты и неэксперты интерпретируют поликодовые тексты, используя механизм семантического и грамматического согласования; в отличие от неэкспертов эксперты могут испытывать эффект переобученности интерпретированию, а также допускать ошибки в связи с преобладанием экспертного опыта в оценке материалов отдельного дискурса и/или в связи с эффектом прайминга.

Приведенные результаты при расширении выборки могут корректироваться. В настоящем виде они могут быть использованы при разработке методики анализа поликодовых текстов для судебных экспертов в целях предотвращения экспертных ошибок и оптимизации трудовых процессов при производстве судебных экспертиз.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

The Reported Study Was Funded by RFBR, Project no. 17-29-09170 “Psychophysical and Psycholinguistic Assessment of Perception and Decoding of Multimodal Texts of Extremist Nature”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимова Е. Е., 2003. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М. : Academia. 122 с.
- Апресян Ю. Д., 1995. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд., испр. и доп. М. : Яз. рус. культуры ; Восточ. лит. VIII, 472 с.
- Ариас А.-М., 2012. Взаимодействие вербального и невербального компонентов в карикатуре и коллаже (на материале немецкоязычных СМИ) : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 179 с.
- Болдырев Н. Н., Магировская О. В., 2009. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. № 2. С. 7–16.
- Вашунина И. В., 2008. Особенности оценки креолизованного текста в зависимости от параметров иллюстрации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4. С. 223–227.
- Ворошилова М. Б., 2013. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. 194 с.
- Ворошилова М. Б., 2017. Методология, методы и методики анализа креолизованного текста // Эволюция лингвистической экспертизы. Методы и приемы : монография. Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т. С. 125–199.
- Гак В. Г., 1998. Языковые преобразования. М. : Шк. «Яз. рус. культуры». 768 с.
- Горбачева А. В., Варламов А. А., 2018. О гипотетической модели восприятия и понимания поликодовых текстов // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. № 4. С. 66–73.
- Горбачева А. В., Пучкова А. Н., Осадчий М. А., 2018. О принципах понимания и семантических правилах интерпретации знаков в изобразительной части поликодовых текстов // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова». Т. 27. С. 53–57.
- Ейгер Г. В., Юхт В. Л., 1974. К построению типологии текстов // Лингвистика текста : материалы науч. конф. В 2 ч. Ч. 1. М. С. 103–110.
- Злоказов К. В., 2011. Анализ особенностей восприятия креолизованного текста деструктивно-экстремистской направленности // Политическая лингвистика. Т. 3, № 37. С. 210–216.
- Косериу Э., 1969. Лексические солидарности // Вопросы учебной лексикографии / под ред. П. Н. Денисова, Л. А. Новикова. М. : Изд-во МГУ. С. 93–104.

- Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н., 2014. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М. : Изд-во ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России. 98 с.
- Пучкова А. Н., 2018. Шаблоны восприятия цифровых поликодовых текстов экстремистской направленности и перспективы их экспериментального исследования // Международный аспирантский вестник. Русский язык за рубежом. № 4. С. 74–79.
- Солсо Р., 2006. Когнитивная психология. 6-е изд. СПб. : Питер. 589 с.
- Сонин А. Г., 2006. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : дис. ... д-ра филол. наук. М. 323 с.
- Baldry A., Thibault P. J., 2006. Multimodal Transcription and Text Analysis: A Multimedia Toolkit and Associated On-line Coursebook. L. ; Oakville : Equinox. 270 p.
- Barsalou L. W., 1992. Frames, Concepts, and Conceptual Fields // Frames, Fields, and Contrasts / ed by A. Lehrer, E. F. Kittay. Hillsdale, New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates. P. 21–74.
- Fodor J. A., 1998. Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong. Oxford : Oxford University Press. 174 p.
- Halliday M. A. K., 1978. Language As a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning. Baltimore : University Park Press. 256 p.
- Kress G., Leeuwen T. van, 1996. Reading Images: The Grammar of Visual Design. N. Y. : Routledge. 312 p.
- Kress G., Leeuwen T. van, 2001. Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication. L. : Edward Arnold. 152 p.
- Leeuwen T. van, 2005. Introducing Social Semiotics. N. Y. : Psychology Press. 320 p.
- Nickerson R. S., 1998. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises // Review of General Psychology. Vol. 2, iss. 2. P. 175–220. DOI: 10.1037/1089-2680.2.2.175.
- O'Halloran K., 2008. Systemic Functional-Multimodal Discourse Analysis (SF-MDA): Constructing Ideational Meaning Using Language and Visual Imagery // Visual Communication. Vol. 7, iss. 4. P. 443–475. DOI: 10.1177/1470357208096210.
- Pilatova O. I., 2019. Conventional Lexical Means for Representation of Semantics of Concepts (Evidence from Russian Language) // Neurobiology of Speech and Language. Proceedings of the 3rd International Conference «Neurobiology of Speech and Language». Saint Petersburg : Skifiya-print. P. 51–52.

REFERENCES

- Anisimova E.E., 2003. *Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov)* [Linguistics of the Text and Intercultural Communication (Based on Multimodal Texts)]. Moscow, Academia Publ. 122 p.
- Apresyan Yu.D., 1995. *Izbrannye trudy. V 2 t. T. 1. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected Works. In 2 Vols. Vol. 1. Lexical Semantics (Synonymous Means of Language)]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., Vostochnaya literature Publ., VIII. 472 p.
- Arias A.-M., 2012. *Vzaimodeystvie verbalnogo i neverbalnogo komponentov v karikature i kollazhe (na materiale nemetskoyazychnykh SMI): dis. ... kand. filol. nauk* [Interaction of Verbal and Nonverbal Components in Caricature and Collage (Based on German-Language Media). Cand. philol. sci. diss.]. Saint Petersburg. 179 p.
- Boldyrev N.N., Magirovskaya O.V., 2009. Yazykovaya reprezentatsiya osnovnykh urovney poznaniya [Language Representation of Main Cognitive Levels]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 2 (19), pp. 7-16.
- Vashunina I.V., 2008. Osobennosti otsenki kreolizovannogo teksta v zavisimosti ot parametrov illyustratsii [Peculiarities of Creolized Text Evaluation Depending on Illustration Parameters]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 4, pp. 223-227.
- Voroshilova M.B., 2013. *Politicheskiiy kreolizovannyi tekst: klyuchi k prochteniyu* [Political Creolized Text: Keys to Reading]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet. 194 p.
- Voroshilova M.B., 2017. Metodologiya, metody i metodiki analiza kreolizovannogo teksta [Methodology, Methods, and Methodics of Analysis of Creolized Texts]. *Evolutsiya lingvisticheskoy ekspertizy. Metody i priemy: monografiya* [Evolution of Linguistic Expertise. Methods and Techniques. Monograph]. Yekaterinburg, Uralskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet, pp. 125-199.
- Gak V.G., 1998. *Yazykovye preobrazovaniya* [Language Eransformations]. Moscow, Shkola «Yazyki russkoy kultury». 768 p.
- Gorbacheva A.V., Varlamov A.A., 2018. O gipoteticheskoy modeli vospriyatiya i ponimaniya polikodovykh tekstov [On the Hypothetical Model of Perception and Comprehension of Polycode Texts].

- Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 4, pp. 66-73.
- Gorbacheva A.V., Puchkova A.N., Osadchiy M.A., 2018. O printsipakh ponimaniya i semanticheskikh pravilakh interpretatsii znakov v izobrazitelnoy chasti polikodovykh tekstov [On Principals of Perception and Semantic Laws of Sign Interpretation in Descriptive Part of Polycode Texts]. *Uchenye zapiski UO "VGU im. P.M. Masherova"*, vol. 27, pp. 53-57.
- Eyger G.V., Yukht V.L., 1974. K postroeniyu tipologii tekstov [On the Construction of Text Typology]. *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf. V 2 ch. Ch. 1* [Text Linguistics. Proceedings of the Scientific Conference. In 2 Parts. Part 1]. Moscow, pp. 103-110.
- Zlokazov K.V., 2011. Analiz osobennostey vospriyatiya kreolizovannogo teksta destruktivno-ekstremistskoy napravlenosti [Analysis of Perception Peculiarities of a Creolized Text of a Destructive Extremist Trend]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], vol. 3, no. 37, pp. 210-216.
- Coseriu E., 1969. Leksicheskie solidarnosti [Lexical Solidarity]. Denisov P.N., Novikova L.A., eds. *Voprosy uchebnoy leksikografii* [Issues of Educational Lexicography]. Moscow, Izd-vo MGU, pp. 93-104.
- Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N., 2014. *Metodika provedeniya sudebnoy psikhologolingvisticheskoy ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeystviem ekstremizmu i terrorizmu* [Methods of Conducting Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials on Cases Related to Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, Izd-vo FBU RFTsSE pri Minyuste Rossii. 98 p.
- Puchkova A.N., 2018. Shablony vospriyatiya tsifrovyykh polikodovykh tekstov ekstremistskoy napravlenosti i perspektivy ikh eksperimentalnogo issledovaniya [Perception Patterns of Extremist Polycode Texts and The Perspectives of Their Experimental Research]. *Mezhdunarodnyy aspirantskiy vestnik. Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 4, pp. 74-79.
- Solso R., 2006. *Kognitivnaya psikhologiya* [Cognitive Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ. 589 p.
- Sonin A.G., 2006. *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov: dis. ... d-ra filol. nauk* [Modeling of Mechanisms for Understanding Multimodal Texts. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow. 323 p.
- Baldry A., Thibault P.J., 2006. *Multimodal Transcription and Text Analysis: A Multimedia Toolkit and Associated On-Line Coursebook*. London, Oakville, Equinox. 270 p.
- Barsalou L.W., 1992. Frames, Concepts, and Conceptual Fields. Lehrer A., Kittay E.F., eds. *Frames, Fields, and Contrasts*. Hillsdale, New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates, pp. 21-74.
- Fodor J.A., 1998. *Concepts: Where Cognitive Science Went Wrong*. Oxford, Oxford University Press. 174 p.
- Halliday M.A.K., 1978. *Language as a Social Semiotic: The Social Interpretation of Language and Meaning*. Baltimore, University Park Press. 256 p.
- Kress G., Leeuwen T. van, 1996. *Reading Images: The Grammar of Visual Design*. New York, Routledge. 312 p.
- Kress G., van Leeuwen T., 2001. *Multimodal Discourse: The Modes and Media of Contemporary Communication*. London, Edward Arnold. 152 p.
- Leeuwen T. van, 2005. *Introducing Social Semiotics*. New York, Psychology Press. 320 p.
- Nickerson R.S., 1998. Confirmation Bias: A Ubiquitous Phenomenon in Many Guises. *Review of General Psychology*, vol. 2, iss. 2, pp. 175-220. DOI:10.1037/1089-2680.2.2.175.
- O'Halloran K., 2008. Systemic Functional-Multimodal Discourse Analysis (SF-MDA): Constructing Ideational Meaning Using Language and Visual Imagery. *Visual Communication*, vol. 7, iss. 4, pp. 443-475. DOI: 10.1177/1470357208096210.
- Pilatova O.I., 2019. Conventional Lexical Means for Representation of Semantics of Concepts (Evidence from Russian Language). *Neurobiology of Speech and Language. Proceedings of the 3rd International Conference «Neurobiology of Speech and Language»*. Saint Petersburg, Skifiya-print, pp. 51-52.

Information about the Authors

Aleksandra V. Gorbacheva, Chief Expert, Center for Cognition and Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Tatiana V. Nesterova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, tvnesterova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-1799-1897>

Mikhail A. Osadchiy, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vice-Rector for Science, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, maosadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

Информация об авторах

Александра Вячеславовна Горбачева, главный эксперт научного центра нейрокоммуникативных исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, avgorbacheva@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-8906-3870>

Татьяна Вячеславовна Нестерова, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, tvnesterova@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0002-1799-1897>

Михаил Андреевич Осадчий, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, проректор по науке, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, maosadchiy@pushkin.institute, <https://orcid.org/0000-0001-7964-9029>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.10>

UDC 81'42:340.6
LBC 81.055.52

Submitted: 28.09.2019
Accepted: 27.12.2019

PERSONALITY SPEECH DIAGNOSTICS IN AUTHOR IDENTIFICATION BASED ON GENDER PARAMETER: QUANTITATIVE APPROACH

Svetlana V. Ionova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Moscow Research Center, Moscow, Russia

Igor V. Ogorelkov

Moscow Research Center, Moscow, Russia

Abstract. The article discusses the issues of conducting authorship diagnostic studies in order to identify the gender of the anonymous text author. The concept of gender is considered as a conventional social construct, comprising the ideas about culturally conditioned model of masculinity or femininity, which are currently accepted by Russian society. The corpus of more than 1 000 written texts of mainly political discourse, written by people with different gender affiliations, serves as the material that enables to justify the possibility of application quantitative analysis method, based on frequency characteristics of semantically independent words, belonging to lexical-and-grammatical classes of words: pronouns, particles, prepositions, conjunctions and parenthesis. The method under consideration is aimed at identification and analyzing univalent implied signs, which can't be revealed whilst superficial analysis. Frequent, persistent occurrence of these signs in the texts of political discourse enables to regard them as highly informative quantitative characteristics of written speech of the authors belonging to different gender groups. It is stated, the results of application the quantitative model of author's gender identification, represented in the paper, are more reliable if they are used in combination with traditional linguistic model, which presupposes the analysis of linguistic, speech, textual, semantic, psycholinguistic and social characteristics of texts. The article outlines the prospects of speech diagnostics of a person on the basis of gender for the development of author's forensic examination.

Key words: linguistics diagnostics, auto-analysis, speech skills, speech behavior, signs of written speech, quantitative model of gender, forensic examination.

Citation. Ionova S.V., Ogorelkov I.V. Personality Speech Diagnostics in Author Identification Based on Gender Parameter: Quantitative Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 115-127. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.10>

УДК 81'42:340.6
ББК 81.055.52

Дата поступления статьи: 28.09.2019
Дата принятия статьи: 27.12.2019

РЕЧЕВАЯ ДИАГНОСТИКА ЛИЧНОСТИ ПО ГЕНДЕРНОМУ ПРИЗНАКУ В АВТОРОВЕДЕНИИ: КВАНТИТАТИВНЫЙ ПОДХОД

Светлана Валентиновна Ионова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Московский исследовательский центр, г. Москва, Россия

Игорь Витальевич Огорелков

Московский исследовательский центр, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы проведения автороведческих диагностических исследований с целью выявления гендерной принадлежности автора анонимного текста. Гендер понимается как

социальный конструкт, в котором аккумулированы представления о культурно обусловленной модели мужественности или женственности в современном российском обществе. На материале корпуса письменных текстов политического дискурса (более 1 000 объектов), написанных лицами различной гендерной принадлежности, обосновывается возможность применения квантитативного метода анализа, основанного на частотных характеристиках семантически независимых слов лексико-грамматических классов местоимений, частиц, предлогов, союзов и вводных слов. Этот метод направлен на поиск и изучение неочевидных и скрытых от поверхностного наблюдения признаков, частотность, устойчивость и повторяемость которых в массиве текстов политического дискурса позволяет рассматривать их в качестве высокоинформативных квантитативных признаков письменной речи авторов, принадлежащих к разным гендерным группам. Повышение надежности результатов применения квантитативной модели гендера, выявленной в данном исследовании, предполагает ее сочетание с традиционной лингвистической моделью, включающей анализ языковых, речевых, текстовых, смысловых, психолингвистических и социальных характеристик текстов. В статье намечаются перспективы речевой диагностики личности по гендерному признаку в автороведческой экспертизе.

Ключевые слова: лингвистическая диагностика, автороведение, речемыслительный навык, речевое поведение, признаки письменной речи, квантитативная модель гендера, судебная экспертиза.

Цитирование. Ионова С. В., Огорелков И. В. Речевая диагностика личности по гендерному признаку в автороведении: квантитативный подход // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 115–127. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.10>

Введение

Гендерный дискурс составляет неотъемлемую часть глобального культурного дискурса. Он определяет грамматику и стилистику речи, тенденции словоупотребления и смысловую организацию текстов, с концептуальной точки зрения «акцентирует социально-культурную, а не природную доминанту пола» [Кирилина, 1999, с. 27]. Гендер является имманентным качеством языковой личности и может находить отражение в ее коммуникативном поведении и письменных речевых произведениях (А.В. Артемова, В.В. Ганина, М.Д. Городникова, Е.И. Горошко, А.А. Григорян, Е.С. Гриценко, Г.С. Двинянинова, И.В. Зыкова, Ф.И. Карташкова, А.В. Кирилина, Г.Е. Крейдлин, Д.Ч. Малишевская, Е.В. Милосердова, Л.В. Полубиченко, И.Г. Серова, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, С.К. Табурова, Ф.Ф. Фатыхова и др.). В связи с этим данный аспект языка в филологии становится предметом диагностических исследований, посвященных атрибуции текстов (см. словари писателей: [Словарь языка Достоевского, 2001; Словарь языка Пушкина, 2000], выявлению специфики идиостиля их авторов, способов речевой идентификации, а также симуляции и речевой имитации в художественных [Гречушникова, 2000; Иванченко, 2008] или криминальных целях [Ионова, 2014; Кузниченко, 2004; Потапова, 2001]).

С начальных этапов существования гендерная лингвистика имела ярко выраженную

практическую направленность. При этом значительное количество научных трудов было связано с потребностями криминалистической автороведческой экспертизы [Вул, Мартынюк, 1987; Гомон, 1990; Мартынюк, Землянский, 1994], ставящей своей целью выявление диагностических показателей гендерной принадлежности речевого произведения, оптимизации методики определения пола (гендера) автора анонимного (псевдонимного) текста.

Автороведческая диагностическая экспертиза считается одним из видов традиционных криминалистических экспертиз. Она опирается на систему знаний о закономерностях и условиях речевого поведения человека, проявления его речемыслительного навыка [Комплексная методика..., 2007]. Предмет изучения диагностической экспертизы составляют характер речи автора (индивидуальный или групповой), ее динамическая устойчивость и вариативность, методы установления авторства анонимного (псевдонимного) текста, возможности составления нескольких текстов (или их фрагментов) одним лицом, влияния третьих лиц на авторский стиль текста [Методические рекомендации..., 2015]. В качестве объектов исследования выступают письменные тексты, в которых устанавливаются диагностические признаки социально-биографических характеристик автора, в частности пол (гендер). Гендерные признаки автора выступают важным диагностическим показателем, позволяющим определять речевые произведения, типичные

для групп носителей языка, выделяемых по социально-половой принадлежности и представляющих собой совокупность языковых (формальных и смысловых), текстолингвистических, психолингвистических показателей в том или ином частотном выражении [Криминалистика..., 1987]. Диагностические показатели гендерных особенностей речи являются востребованными при решении задач имитации стиля и основываются на комплексе броских, часто встречающихся и легко поддающихся имитации классификационных признаков (идентификационных характеристик) женской и мужской речи [Гомон, 1990, с. 96].

Проблематика исследования

Гендер в лингвистике относится к числу наиболее дискуссионных категорий и трактуется как мыслительный конструкт, модель описания проблем пола и разграничения его биологических и социокультурных функций, а также социальный конструкт, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка [Григорян, 2004].

Значительное число научных исследований в отечественной и зарубежной лингвистике демонстрирует, что признаки социального пола маркируются индексально и облигаторно в морфологии многих языков [Сепир, 1993]; европейские языки в своей структуре андроцентричны и отражают мужскую картину мира [Lakoff, 1973], при этом женское предстает главным образом в виде признаков «чужого» или вообще игнорируется; пол носителей языка определенным образом влияет на языковую перформацию [Jespersen, 1998; Labov, 1971; Trudgill, 1972]; вербальное и невербальное коммуникативное поведение человека имеет гендерную специфику [Горошко, 1999; Горошко, Павлова, 2015; Крейдлин, 2003; Стернин, 2001; Табурова, 2000], гендерные стереотипы находят отражение в языковом сознании носителей языка [Кирилина, 1999; 2015; Ощепкова, 2003; Уфимцева, 2018]. Эти и другие выводы ученых позволяют заключить, что фемининность и маскулинность в лингвистическом представлении резко разграничены и противопоставлены друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценка) и количественном (доминирова-

ние мужского как общечеловеческого) отношении, что ведет к образованию гендерной асимметрии. С учетом данного тезиса возможность выделения набора дистинктивных признаков гендера в языке, обоснованная в трудах лингвистов, психолингвистов, социологов, лингвокультурологов и антропологов, становится объективной.

В то же время гендерные концепции в языкознании традиционно считаются наиболее уязвимыми в плане их практической верификации и теоретической двойственности, поскольку «непроходимых» границ между мужской и женской речью в русском языке не существует [Кирилина, 1999]. Е.И. Горошко в своем экспериментальном исследовании свободных ассоциаций показала, что гендерные различия во многом нейтрализуются в речи лиц, близких по социальному статусу (например, лиц с высшим образованием, занятых интеллектуальной деятельностью) [Горошко, 1998]. Установлено, что доминирующая мужественность и доминирующая женственность меняются от культуры к культуре и должны определяться как динамические, исторически изменчивые концепты [Connell, 1993; Pollack, 1995; Rogoff, Leer, 1993; Wann ist der Mann ein Mann..., 1997], своеобразный «семиотический коллаж», в котором обнаруживаются различные составляющие, относящиеся к той или иной культуре или историческому периоду [Степанов, 1997].

Современные исследования показывают, что актуальность выражаемых гендерных признаков в языке (см. их подробное описание в работе [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]), являющихся важнейшими для обоснования возможности дифференциации его социальных вариантов, усиливается или ослабевает в зависимости от меняющихся условий жизни, и поэтому они должны рассматриваться как тенденции употребления, симптомы первого и второго порядка [Земская, Китайгородская, Розанова, 1993]. Так, наряду с существовавшей издавна тенденцией к нейтрализации пола и игнорированию женскости в XXI в. в современном языке «обнаруживается своеобразный “грамматический вирус” женскости: публицистический дискурс предпочитает обозначать лиц женского пола по тому или иному виду деятельности с по-

мощью номинаций с суффиксами женскости, прежде всего с суффиксом -ш(а), например: банкирша, министерша, президентша и др.» [Вепрева, 2010, с. 74]. Стереотипное представление о речи мужчин (четкая логика, лаконичность изложения, последовательность, конкретность, предметность в изложении фактов, событий, аргументированность, обоснованность изложения [Жельвис 1997; Connell, 1993; Pollack, 1995]) и женщин (уменьшительные суффиксы, косвенные речевые акты, формы вежливости и смягчения, отсутствие черт доминантности, признаки кооперативной коммуникации [Мартынюк, Землянский, 1994]) в связи с появлением понятий не-бинарных личностей и концепции гендерной нейтрализации языка сегодня трансформируется и требует поиска новых лингвистических делимитаторов гендера. Последние должны способствовать также решению задачи разграничения индивидуальных (речь конкретного человека) и групповых (биологических, социальных) речевых черт [Сиротинина, 1996, с. 4], определения лингвистических маркеров, связанных с особенностями психического склада, характера, профессии человека, его роли в социуме и различием по полу [Земская, Китаргородская, Розанова, 1993, с. 132].

Дискуссионные вопросы гендерной лингвистики в отношении к письменным речевым произведениям показывают, что существующие лингвистические методы диагностирования гендера находятся в прямой зависимости от множества факторов, значимых для построения текстов их авторами: характера национальной культуры, социального статуса лица, его образования, уровня языковой, текстовой и коммуникативной компетенций, жанра и тематики создаваемого речевого произведения, индивидуального стиля и др. В связи с этим выдвинем в качестве гипотезы предположение о том, что дифференцирующие гендерные признаки автора текста возможно установить при выполнении следующих условий: 1) наличие единых дискурсивных условий и типов текстов, создаваемых авторами, в которых иные социокультурные факторы (кроме гендера) были бы максимально нейтрализованы; 2) рассмотрение способов языкового употребления в текстах представителей гендерных групп на уровне тематически независимых единиц.

Материал и методика исследования

В качестве материала исследования использованы письменные тексты политического дискурса, понимаемого как «совокупность тематически соотнесенных» [Чернявская, 2001, с. 14–16] текстов разных жанров, а также процесс создания, трансляции и оборота политической информации, участниками которого становятся все, кто с ее помощью выражают свое мнение и обсуждают «смысл и значение сообщений, касающихся проведения государственной политики» [Perloff, 1998, с. 8].

Письменный язык политики направлен на соблюдение и поддержание языковой нормативности, мотивированной различными социальными, политическими и коммерческими потребностями и ориентированной на поддержание представления о том, каким должно быть речевое поведение политического лица [Milroy, Milroy, 1985, с. 23]. Для овладения стандартным вариантом авторам текстов требуется наличие определенного коммуникативного бэкграунда, указывающего на принадлежность к определенному социальному классу [Ervin-Tripp, 1972; Fairclough, 2003; Ochs, 1979].

Выделяемые в судебном автороведении признаки мужской и женской речи [Гомон, 1990, с. 96], которые в бытовом дискурсе подчиняются принципу гендерного позиционирования, в письменном политическом дискурсе часто не имеют уверенной дифференциации, хотя стилевые различия между мужскими и женскими политическими текстами ощущаются читателями и исследователями политического языка [Куницына, 2011], несмотря на существующее стремление авторов к гендерной нейтрализации. Сравним тексты 1 и 2, приведенные ниже:

Текст 1.

Непонятно, кто с кем борется? Власть с оппозицией? Но в результате последние только набирают. Любой порядочный человек после таких наездов выйдет на улицу. Не сейчас – так позже. Получается, власть сама лодку и качает. Или внутри власти – конфликт кланов и одна из сторон использует грубую силу устрашения для укрепления своих позиций? Москва становится аренной все более скандальной борьбы каких сторон? (Хакамада И. Борьба за власть: кого с кем?// Эхо Москвы: блог 2012. 17 июня).

Текст 2.

Ну, так вот – никто из этих, крайне немногочисленных для огромной страны, людей не удосужился доказать «граду и миру», что обсуждаемый ими процесс действительно является кризисом. А если это не кризис, а коллапс? Или катастрофа? Серьезные люди вместо того, чтобы ввести понятие, сопоставить его с другими понятиями, доказать корректность применения определенного понятия к происходящему, – сходу пишут (в подавляющем большинстве случаев): «Поскольку мы имеем дело с кризисом, то...» (Кургинян С.И. Кризис и другие (О грозящей катастрофе) // Завтра. 2009. 11 февраля (№ 7)).

В рассматриваемых примерах видно, что политические тексты, написанные И. Хакамада и С. Кургиняном, не имеют явных гендерных различий, соответствующих стереотипным представлениям о речевом поведении мужчин и женщин [Гомон, 1990; Земская, Китайгородская, Розанова, 1993; Кирилина, Томская, 2005]. Однако неявно они воспринимаются как гендерно маркированные, что обосновывает важность поиска и изучения неочевидных и скрытых от поверхностного наблюдения признаков. В условиях медиатизации политического дискурса следует учитывать также факт возможного написания текста специалистами в сфере медиа и спичрайта от имени политика, который при этом «берет на себя ответственность за его содержание» [Чудинов, 2012, с. 54], в том числе соглашаясь с формой его гендерного позиционирования.

Материалом для создания методики в данном исследовании послужили письменные русскоязычные тексты политического дискурса (авторов мужчин и женщин), размещенные в открытом доступе на сайтах сети Интернет. Общий корпус анализируемых текстов составил 1 000 авторских текстов объемом более 8 000 словоупотреблений каждый (общий объем – 9 710 541 словоупотреблений); из них – корпуса 500 «мужских» и 500 «женских» текстов. В числе авторов имена известных участников политического дискурса: Ксения Собчак, Мария Захарова, Мария Гайдар, Ирина Хакамада, Лидия Графова, Георгий Сатаров, Илья Яшин, Константин Боровой, Гарри Каспаров, Сергей Митрохин, Александр Невзо-

ров, Алексей Венедиктов, Матвей Ганапольский и др.

На предварительном этапе исследования был проведен частотный анализ употребления слов изучаемых текстов, не зависящих семантически от его тематики и содержательных особенностей. Отбор таких слов позволил исключить из анализа знаменательные части речи с выраженным лексическим и грамматическим значением, а также слова с низкой частотностью употребления. В качестве выявленных единиц, отвечающих заданным критериям, в дальнейшей работе использовались частотные выражения и слова лексико-грамматических классов: *личные, притяжательные, указательные, отрицательные, неопределенные местоимения; сочинительные и подчинительные союзы; простые и производные предлоги; частицы; вводные слова*. Возможность использования в лингвистическом анализе данных классов слов без учета семантики слов и предложений основывается на возможности выделения разных лексико-грамматических классов слов с позиций наличия / отсутствия номинативности [Кубрякова, 1978, с. 114], а также положении о морфологической реализации на поверхностном уровне высказывания глубокой грамматики, передающей логику сообщения [Филлмор, 1981, с. 372–374].

Относительная частота употребления (соотношение количества слов и количества употреблений различных их форм) представленных лексико-грамматических классов слов в письменных русскоязычных текстах политического дискурса была установлена с помощью специализированного программного обеспечения TextAnalyst 2.0., позволяющего автоматизировать обработку большого массива данных. В результате анализа корпуса русскоязычных текстов политического дискурса был выявлен комплекс частотных лингвистических маркеров, с высокой степенью вероятности определяющих гендер авторов. Для каждого из маркеров был вычислен порог частотности, который рассчитывался по формуле: «число вхождений / объем корпуса (в словоформах)». Объем женского корпуса составил 4 551 389 словоупотреблений, мужского – 5 159 152 словоупотребления.

Результаты и обсуждение

На этапе первичной обработки текстового массива были определены частотные индексы использования различных лексико-грамматических классов слов (местоимений, частиц, предлогов, союзов и вводных слов) отдельно для «мужских» и «женских» корпусов письменных русскоязычных текстов политического дискурса (см. пример индексации в таблице).

Отраженный в таблице пример соотношения частотных индексов сочинительных союзов в «мужских» и «женских» текстах политического дискурса, а также комплекс показателей иных групп индексов позволили установить, что маркерами письменной речи мужчин в исследуемом текстовом массиве являются союзы *но, как, если, или, кто*, частицы *не, нет, уже*, местоимения *этот, такой*; женщин – союзы *тоже, также*; предлоги *в, из, к, по, о, с*; местоимения *я, он*. Вводные слова в числе различительных маркеров мужской и женской речи не используются. В отличие от лексико-семантических, смысловых, текстовых признаков указанные маркеры отражают скрытые и неочевидные закономерности употребления языка гендерными группами авторов. Они в минимальной степени могут рефлексироваться пишущим и подвергаться сознательным стилистическим и иным преобразованиям. Следовательно, в отличие от семантически нагруженных элемен-

тов высказываний выявленные маркеры способны отразить регулярные употребления единиц языка в текстах без учета предпочтений авторов в выборе. Частотность, устойчивость и повторяемость указанных маркеров в массиве текстов авторов, принадлежащих к разным гендерным группам, позволяет рассматривать их в качестве высокоинформативных количественных признаков письменной речи авторов политических текстов.

На рисунках разными цветами выделены количественные характеристики лингвистических признаков «мужских» и «женских» текстов, демонстрирующие наличие разных индексов частотности для групп анализируемых единиц: союза *но* (см. рис. 1) и предлога *из* (см. рис. 2).

Значительный массив исследованных текстов свидетельствует о том, что частотные показатели маркеров в них всегда имеют объемную зону совпадения и менее выраженную зону расхождений, соотношение которых подтверждает закономерность распределения универсальных (социокультурных параметров участников дискурса, универсальности норм письменной речи и текстопостроения) и дифференциальных признаков в текстах политической сферы. Величина зоны расхождения гендерных признаков различна для групп анализируемых единиц, однако является устойчивым и объективным показателем специфики «мужских» и «женских» текстов.

Индексы «мужских» и «женских» текстов на примере использования сочинительных союзов

“Male” and “female” text indices exemplified by the use of coordinative conjunctions

Слово	Число вхождений М	Индекс М	Число вхождений Ж	Индекс Ж
и	186 069	0.036065	164 417	0.036124
да	5 039	0.000976	3 799	0.000834
также	3 153	0.000611	3 979	0.000874
тоже	2 705	0.000524	3 122	0.000685
или	12 309	0.002385	8 638	0.001897
а	38 776	0.007515	33 992	0.007468
но	28 501	0.005524	22 167	0.004870
зато	1 435	0.000278	734	0.000161
однако	4 074	0.000789	3 811	0.000837
при том	144	0.000027	72	0.000015
при чем	1 649	0.000319	1 272	0.000279
то есть	2 896	0.000561	2 379	0.000522
либо	2 583	0.000500	1 917	0.000421

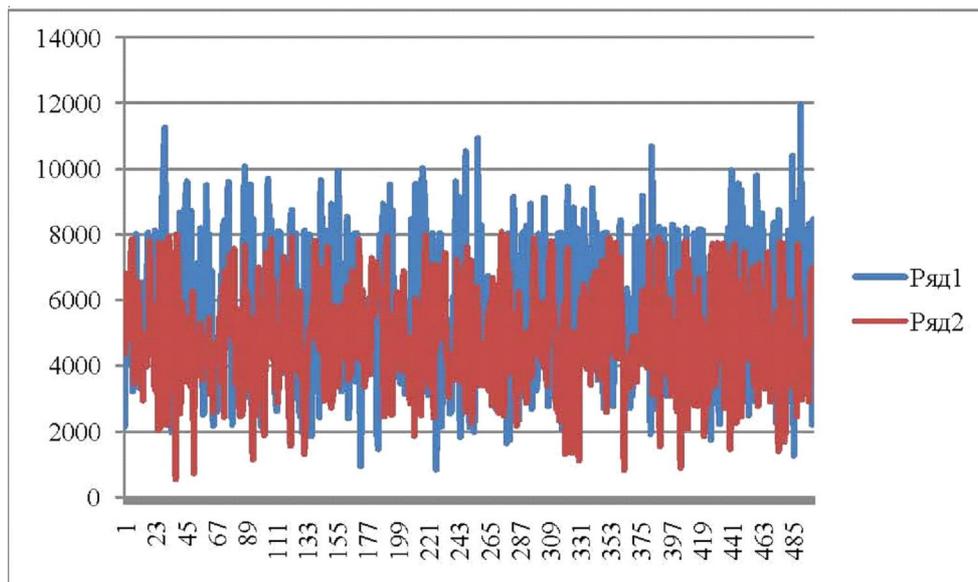

Рис. 1. Квантитативные характеристики союза *но*
 Fig. 1. Quantitative characteristic of conjunction "но"

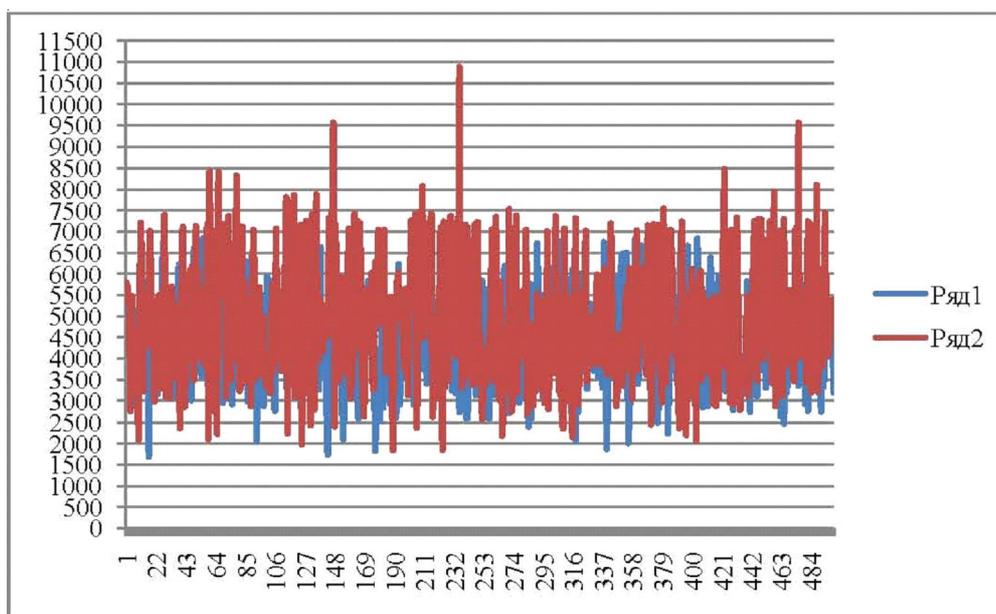

Рис. 2. Квантитативные характеристики предлога *из*
 Fig. 2. Quantitative characteristic of preposition "из"

При оценке пригодности объекта для проведения автороведческого исследования на основе предложенной методики следует учитывать ряд требований: а) текст документа должен быть представлен целиком (рассматриваться как цельный, завершенный); б) объем текста исследуемого документа должен составлять не менее 8 000 словоформ для его анализа по критериям устойчивости и полноты свойств речемыслительного навы-

ка; в) в тексте не должно быть элементов корректуры, редактуры, дописывания другим лицом (другими лицами); г) текст должен соответствовать стилю, жанру и тематике политического дискурса.

Повышение надежности результатов применения квантитативной модели гендера, выявленной в результате анализа частотности употребления определенных лексико-грамматических классов слов, предполагает ее со-

четание с традиционной лингвистической моделью, включающей анализ языковых, речевых, текстовых, смысловых, психолингвистических и социальных характеристик текстов [Рубцова, Ермолова, Огорелков, 2008].

Полученные результаты являются релевантными для текстов, написанных на русском языке с учетом особенностей русской политической и речевой культуры.

Выводы

Применение разработанного нами количественного анализа письменных политических текстов на основе семантически независимых единиц показал, что данный метод не противоречит существующим лингвистическим подходам к анализу гендерных признаков авторов текстов и при этом научно обосновывает возможность их диагностики с опорой на неявные лингвистические признаки, впервые введенные в научный оборот и ранее не использованные в гендерных исследованиях. Сочетание различных подходов к решению этой диагностической задачи (качественного и количественного анализа материала, применение исследования частотности изучаемых единиц, их синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей) должно значительно повысить верифицируемость полученных данных о гендерной принадлежности автора письменного русскоязычного текста политического дискурса в ходе проведения судебных автороведческих экспертиз.

Указанный подход не тождествен исследованиям в области изучения идиостилевых характеристик автора и идентификации индивидуальных параметров речи. При диагностировании следует говорить об устойчивых, регулярных, сверхличностных признаках, позволяющих выявлять черты неопределенной личности, относящейся к одному из типов языковых личностей. Перспективной задачей современной диагностической лингвистики должно стать выделение скрытой и неосознаваемой части речевой деятельности, автоматизированных навыков и стереотипных речевых проявлений, поиск и исследование новых единиц анализа, совершенствование методов их изучения.

Потребность лингвистической науки и практики в совершенствовании методов оп-

ределяет необходимость продолжения исследований гендерных параметров письменной речи, которые являются востребованными не только в криминалистике, но и иных сферах деятельности человека. Разыскания российских ученых должны изменить положение в области гендерной лингвистики, где исторически доминируют работы американских и западноевропейских исследователей, демонстрирующих особенности их языков и культур, манифестирующих свойственные им концепты мужественности и женственности.

Разработка новых и уточнение существующих методов диагностики речи, проведения автороведческих исследований имеет не только прикладное значение, но и обогащает лингвистическую теорию, стимулируя развитие всех ее направлений, расширение инструментария и объектов изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вепрева И. Т., 2010. «Грамматический вирус» женскости на фоне тенденции к аналитизму в современном русском языке // Русский язык и литература в международном образовательном пространстве: современное состояние и перспективы : Материалы II Междунар. конф. (г. Гранада, 8–10 сентября 2010 г.). Мадрид : Rubinos–1860. С. 74–78.
- Вул С. М., Мартынюк А. П., 1987. Теоретические предпосылки диагностирования половой принадлежности автора документа // Современное состояние и перспективы развития традиционных видов криминалистической экспертизы : сб. науч. тр. М. : Изд-во ВНИИСЭ. С. 105–112.
- Гомон Т. В., 1990. Исследование документов с деформированной внутренней структурой : дис. ... канд. юрид. наук. М. 183 с.
- Горошко Е. И., 1998. Специфика ассоциативного сознания некоторых групп русскоязычного населения Украины // Языковое сознание: формирование и функционирование / отв. ред. д-р филол. наук Н. В. Уфимцева. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 186–200.
- Горошко Е. И., 1999. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура / ред. : З. А. Хоткина, Н. Л. Пушкарева, Е. И. Трофимова. М. : Изд-во МЦГИ. С. 98–110.
- Горошко Е. И., Павлова Л. В., 2015. Лингвистика новых медиа как один из вызовов лингвистической традиции прошлого // Вопросы психолингвистики. № 24. С. 43–54.

- Гречушникова Т. В., 2000. Феминистская лингвистика и авторское словотворчество: в поисках языковой самореализации женщин // Женские и гендерные исследования в Тверском государственном университете. Тверь : Твер. гос. ун-т. С. 68–85.
- Григорян А. А., 2004. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на Западе в конце XX – начале XXI веков. Иваново : Иван. гос. ун-т. 290 с.
- Жельвис В. И., 1997. Поле брани: сквернословие как социальная проблема. М. : Ладомир. 328 с.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 1993. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М. : Наука. С. 90–136.
- Иванченко Г. В., 2008. Комплексная гуманитарная экспертиза: методология и смысл. М. : Смысл. 135 с.
- Ионова С. В., 2014. Деривация в сфере текстов: от комического до криминального // *Studia Linguistica*. № XXIII. С. 253–262.
- Кирилина А. В., 1999. Гендер: лингвистические аспекты. М. : Изд-во Ин-та социологии РАН. 189 с.
- Кирилина А. В., 2015. Гендерные репрезентации в России начала третьего тысячелетия // *Когнитивные исследования языка*. № 21. С. 570–574.
- Кирилина А. В., Томская М. В., 2005. Лингвистические гендерные исследования // *Отечественные записки*. № 2 (23). С. 22–43.
- Комплексная методика производства автороведческих экспертиз : метод. рек., 2007 / И. И. Рубцова, Е. И. Ермолова, А. И. Безрукова, И. В. Огорелков, М. П. Захаров. М. : ЭКЦ МВД России. 250 с.
- Крейдлин Г. Е., 2003. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации: культурно-универсальные и культурно-специфические особенности невербального коммуникативного поведения // *Гендер: язык, культура, коммуникация* : Материалы Третьей международной конф. (г. Москва, 27–28 ноября 2003 г.). М. : Изд-во МГЛУ. С. 67–68.
- Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы, 1987 / под ред. Р. С. Белкина. М. : Юрид. лит. 270 с.
- Кубрякова Е. С., 1978. Части речи в ономазиологическом освещении. М. : Наука. 115 с.
- Кузниченко Л. В., 2004. Экспертиза письменной речи: установление классификационных характеристик автора документа // *Криминалистика и судебная экспертиза* : сб. науч. работ. Киев. Вып. 52. С. 65–72.
- Куницына Е. В., 2011. Гендерная маркированность политического дискурса: языковой и речевой аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь. 249 с.
- Мартынюк А. П., Землянский П. Н., 1994. Речевое поведение мужчин и женщин в малых группах // *Язык. Сознание. Этнос. Культура*. М. : Ин-т языкознания РАН. С. 134–135.
- Методические рекомендации по проведению автороведческих экспертиз по материалам интернет-переписки, 2015 / Т. И. Голощапова, Е. А. Красовская, М. А. Девятова, И. В. Огорелков. М. : ЭКУ 9 Департамента ФСКН. 180 с.
- Ощепкова Е. С., 2003. Идентификация пола автора по письменному тексту: лексико-грамматический аспект : дис. ... канд. филол. наук. М. 154 с.
- Потапова Р. К., 2001. Сексолокт как объект исследования в криминалистике // *Гендер: Язык, Культура, Коммуникация* : докл. Перв. междунар. конф. (г. Москва, 25–26 ноября 1999 г.). М. : Изд-во МГЛУ. С. 302–313.
- Рубцова И. И., Ермолова Е. И., Огорелков И. В., 2008. Определение пола и возраста автора анонимного текста по письменной речи : метод. рек. М. : ЭКЦ МВД России. 220 с.
- Сепир Э., 1993. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс. 656 с.
- Сиротинина О. Б., 1996. Человек и его язык // *Вопросы стилистики*. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. Вып. 26. С. 3–8.
- Словарь языка Достоевского. Лексический строй идиолекта, 2001 / под ред. Ю. Н. Караулова. М. : Изд-во Ин-та рус. яз. им. В.В. Виноградова : Азбуковник. Вып. 1. 508 с.
- Словарь языка Пушкина : в 4 т., 2001 / под ред. В. В. Виноградова. М. : Азбуковник. Т. 1. 982 с.; Т. 2. 1088 с.; Т. 3. 1296 с.; Т. 4. 1232 с.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М. : Языки русской культуры. 824 с.
- Стернин И. А., 2001. Общение с мужчинами и женщинами. Воронеж : Истоки. 35 с.
- Табурова С. К., 2000. Эмоции в речи депутатов бундестага: мужские и женские предпочтения // *Гендер как интрига познания* : сб. ст. М. : Рудомино. С. 186–191.
- Уфимцева Н. В., 2018. Язык, глобализация и идентичность // *Русский язык в поликультурном мире* : сб. науч. ст. II Междунар. симпозиума (г. Ялта, 8–12 июня 2018 г.). Симферополь : Арал. С. 3–10.
- Филлмор Ч., 1981. Дело о падеже // *Новое в зарубежной лингвистике*. М. : Прогресс. Вып. 10. С. 369–496.
- Чернявская В. Е., 2001. Дискурс как объект лингвистических исследований // *Текст и дискурс*.

- Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. СПб. : Изд-во СПб ГУЭФ. С. 11–22.
- Чудинов А. П., 2012. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. № 2 (40). С. 53–59.
- Connell R. W., 1993. The Big Picture: Masculinities in Recent World History // *Theory and Society*. Vol. 22, no. 5. P. 597–623.
- Ervin-Tripp S. M., 1972. On Sociolinguistics Rules: Alternation and Concurrence // *Directions in Sociolinguistics* / ed by J. J. Gumperz, D. Hymes. N. Y. : Holt, Rinehart and Winston. P. 213–250.
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. L. ; N. Y. : Routledge. 270 p.
- Jespersen O., 1998. *The Woman // The Feminist Critique of Language: A Reader*. L. ; N. Y. : Routledge. P. 225–241.
- Labov W., 1971. *Variation in Language // The Learning of Language*. National Council of Teachers of English / ed by E. R. Carrol. N. Y. : Appleton-Century-Crofts. P. 187–221.
- Lakoff R., 1973. *Language and Women's Place // Language in Society*. № 2. P. 45–79.
- Milroy J., Milroy L., 1985. *Authority in Language. Investigating Language Prescription and Standardisation*. L. : Routledge & Kegan Paul. 189 p.
- Ochs E., 1979. *Planned and Unplanned Discourse // Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax* / ed by T. Givyn. N. Y. : Academic Press. P. 51–80.
- Perloff R. M., 1998. *Political Communication: Politics, Press and Public in America*. Mahwah, NJ : Lawrence Erlbaum Associates. 492 p.
- Pollack W. S., 1995. *Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development // Psychoanalysis and Psychotherapy*. № 12. P. 30–45.
- Rogoff I., Leer D. van, 1993. *Afterthoughts. A Dossier on Masculinities // Theory and Society*. Vol. 22, no. 5. P. 739–762.
- Trudgill P., 1972. *Sex, Covert Prestige, and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich // Language in Society*. Vol. 1, iss. 2. P. 179–195.
- Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit?, 1997 / hrgs. von W. Erhart, B. Hermann. Stuttgart-Weimar : Metzler. 398 p.
- the Trend Towards Analyticism in Mmodern Russian]. *Russkiy yazyk i literatura v mezhdunarodnom obrazovatelnom prostranstve: sovremennoe sostoyanie i perspektivy: Materialy II Mezhdunar. konf. (g. Granada, 8–10 sentyabrya 2010 g.)* [Russian Language and Literature in the International Educational Space: Current State and Prospects. Proceedings of the 2nd International Conference (Granada, September 8–10, 2010)]. Madrid, Rubinos–1860 Publ., pp. 74–78.
- Vul S.M., Martynyuk A.P., 1987. *Teoreticheskie predposylki diagnostirovaniya polovoy prinadlezhnosti avtora dokumenta* [Theoretical Prerequisites for Diagnosing the Gender of the Author of the Document]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya traditsionnykh vidov kriminalisticheskoy ekspertizy: sb. nauch. tr.* [Current State and Prospects of Development of Traditional Types of Forensic Examination]. Moscow, Izd-vo VNIISE, pp. 105–112.
- Gomon T.V., 1990. *Issledovanie dokumentov s deformirovannoy vnutrenney strukturoy: dis. ... kand. jurid. nauk* [Study of Documents with Deformed Internal Structure. Cand. jur. sci. diss]. Moscow. 183 p.
- Goroshko E.I., 1998. *Spetsifika assotsiativnogo soznaniya nekotorykh grupp russkoyazychnogo naseleniya Ukrainy* [Specificity of Associative Consciousness of Some Groups of the Russian-Speaking Population of Ukraine]. Ufimtseva N.V., ed. *Yazykovoe soznanie: formirovanie i funktsionirovanie* [Language Consciousness. Formation and Functioning]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN, pp. 186–200.
- Goroshko E.I., 1999. *Pol, gender, yazyk* [Sex, Gender, Language]. Khotkina Z.A., Pushkareva N.L., Trofimova E.I., eds. *Zhenshchina. Gender. Kultura* [Woman. Gender. Culture]. Moscow, Izd-vo MTsGI, pp. 98–110.
- Goroshko E.I., Pavlova L.V., 2015. *Lingvistika novykh media kak odin iz vyzovov lingvisticheskoy traditsii proshlogo* [Linguistics of New Media as a Challenge to Traditional Linguistics of the Past]. *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 24, pp. 43–54.
- Grechushnikova T.V., 2000. *Feministskaya lingvistika i avtorskoe slovotvorchestvo: v poiskakh yazykovoy samorealizatsii zhenshchin* [Feminist Linguistics and Author's Word Creation]. *Zhenskie i gendernye issledovaniya v Tverskom gosudarstvennom universitete* [Women's and Gender Studies at Tver State University]. Tver, Tverskoy gosudarstvennyy universitet, pp. 68–85.

REFERENCES

Vepreva I.T., 2010. «Grammaticheskiy virus» zhenskosti na fone tendentsii k analitizmu v sovremennom russkom yazyke [“Grammatical Virus” of Femininity Against the Background of

- Grigoryan A.A., 2004. *Sostoyanie i perspektivy gendernoy lingvistiki na Zapade v kontse XX – nachale XXI vekov* [State and Prospects of Gender Linguistics in the West in the Late 20th – Early 21st Centuries]. Ivanovo, Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet. 290 p.
- Zhelvis V.I., 1997. *Pole brani: skvernoslovie kak sotsialnaya problema* [Battlefield of Curses: Profanity as a Social Problem]. Moscow, Ladomir Publ. 328 p.
- Zemskaya E.A., Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 1993. Osobennosti muzhskoy i zhenskoy rechi [Features of Male and Female Speech]. Zemskaya E.A., Shmelev D.N., eds. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovaniy. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian Language in Its Functioning. Communicative and Pragmatic Aspect]. Moscow, Nauka Publ., pp. 90-136.
- Ivanchenko G.V., 2008. *Kompleksnaya gumanitarnaya ekspertiza: metodologiya i smysl* [Comprehensive Humanitarian Expertise: Methodology and Meaning]. Moscow, Smysl Publ. 135 p.
- Ionova S.V., 2014. Derivatsiya v sfere tekstov: ot komicheskogo do kriminalnogo [Derivation in the Sphere of Texts: From Comic to Criminal]. *Studia Linguistica*, no. XXIII, pp. 253-262.
- Kirilina A.V., 1999. *Gender: lingvisticheskie aspekty* [Gender: Linguistic Aspects]. Moscow, Izd-vo Instituta sotsiologii RAN. 189 p.
- Kirilina A.V., 2015. Gendernye reprezentatsii v Rossii nachala tretyego tysyacheletiya [Russian Gender Representations at the Beginning of the Third Millennium]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 21, pp. 570-574.
- Kirilina A.V., Tomskaya M.V., 2005. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya [Linguistic Gender Studies]. *Otechestvennye zapiski*, no. 2 (23), pp. 22-43.
- Rubcova I.I., Ermolova E.I., Bezrukova A.I., Ogorelkov I.V., Zakharov M.P., 2007. *Kompleksnaya metodika proizvodstva avtorovedcheskikh ekspertiz: metod. rek.* [Comprehensive Methodology for the Production of Automotive Expertise. Guidelines]. Moscow, EKTS MVD Rossii. 250 p.
- Kreydlin G.E., 2003. Muzhchiny i zhenshchiny v neverbalnoy kommunikatsii: kulturno-universalnye i kulturno-spetsificheskie osobennosti neverbalnogo kommunikativnogo povedeniya [Men and Women in Nonverbal Communication. Cultural-Universal and Cultural-Specific Features of Nonverbal Communicative Behavior]. *Gender: yazyk, kultura, kommunikatsiya: Materialy Tretyey mezhdunar. konf. (g. Moskva, 27–28 noyabrya 2003 g.)* [Gender: Language, Culture, Communication: Materials of the Third International Conference (Moscow, November 27–28, 2003)]. Moscow, Izd-vo MGLU, pp. 67-68.
- Belkin R.S., ed., 1987. *Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy* [Criminalistics: Problems, Trends, Prospects]. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ. 270 p.
- Kubryakova E.S., 1978. *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of Speech in Onomasiological Coverage]. Moscow, Nauka Publ. 115 p.
- Kuznichenko L.V., 2004. Ekspertiza pismennoy rechi: ustanovlenie klassifikatsionnykh kharakteristik avtora dokumenta [Examination of Written Speech: Establishing the Classification Characteristics of the Author of the Document]. *Kriminalistika i sudebnaya ekspertiza: sb. nauch. rabot* [Forensics and Forensic Analysis. Collection of Scientific Works]. Kiev, iss. 52, pp. 65-72.
- Kunitsyna E.V., 2011. *Gendernaya markirovannost politicheskogo diskursa: yazykovoy i rechevoy aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Gender Marking of Political Discourse: Language and Speech Aspects. Cand. philol. sci. diss.]. Stavropol. 249 p.
- Martynuk A.P., Zemlyanskiy P.N., 1994. Rechevoe povedenie muzhchin i zhenshchin v mal'nykh gruppakh [Speech Behavior of Men and Women in Small Groups]. *Yazyk. Soznanie. Etnos. Kultura* [Language. Consciousness. Ethnos. Culture]. Moscow, Institut yazykoznaneya RAN, pp. 134-135.
- Goloshchapova T.I., Krasovskaya E.A., Devyatova M.A., Ogorelkov I.V., 2015. *Metodicheskie rekomendatsii po provedeniyu avtorovedcheskikh ekspertiz po materialam internet-perepiski* [Guidelines for Conducting Expert Examinations Based on Internet Correspondence]. Moscow, EKV 9 Departamenta FSKN. 180 p.
- Oshchepkova E.S., 2003. *Identifikatsiya pola avtora po pismennomu tekstu: leksiko-grammaticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Identification of the Author's Gender by Written Text: Lexical and Grammatical Aspect. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 154 p.
- Potapova R.K., 2001. Sekslekt kak obyekt issledovaniya v kriminalistike [Sexlect as an Object of Study in Forensic Science]. *Gender: Yazyk, Kultura, Kommunikatsiya: Dokl. Perv. mezhdunar. konf. (g. Moskva, 25–26 noyabrya 1999 g.)* [Gender: Language, Culture, Communication. The Proceedings of the 1st International Conference (Moscow, November 25–26, 1999)]. Moscow, Izd-vo MGLU, pp. 302-313.

- Rubtsova I.I., Ermolova E.I., Ogorel'kov I.V., 2008. *Opređenje pola i vozrasta avtora anonimnogo teksta po pismennoj rechi: metod. rek.* [Determining the Gender and Age of the Author of an Anonymous Text in Writing: Guidelines]. Moscow, EKTs MVD Rossii. 220 p.
- Sepir E., 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Progress Publ. 656 p.
- Sirotinina O.B., 1996. Chelovek i ego yazyk [Man and His Language]. *Voprosy stilistiki* [Issues of Stylistics]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta. Iss. 26, pp. 3-8.
- Karaulov Yu.N., ed., 2001. *Slovar yazyka Dostoevskogo. Leksicheskiy stroj idiolekt* [Dictionary of the Language of Dostoyevsky. Lexical Structure of an Idiolect]. Moscow, Izd-vo Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, Azbukovnik Publ., iss. 1. 508 p.
- Vinogradov V.V., ed., 2000. *Slovar yazyka Pushkina: v 4 t* [Dictionary of Language of Pushkin]. Moscow, Azbukovnik Publ., vol. 1. 982 p.; vol. 2. 1088 p.; vol. 3. 1296 p.; vol. 4. 1232 p.
- Stepanov Yu.S., 1997. *Konstanty. Slovar russkoy kultury: Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian Culture: Research Experience]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 824 p.
- Sternin I.A., 2001. *Obshchenie s muzhchinami i zhenshchinami* [Communication with Men and Women]. Voronezh, Istoki Publ. 35 p.
- Taburova S.K., 2000. Emotsii v rechi deputatov bundestaga: muzhskie i zhenskie preferentsii [Emotions in the Speech of Bundestag Deputies: Male and Female Preferences]. *Gender kak intriga poznaniya: sb. st.* [Gender as Intrigue of Cognition. Collected Articles]. Moscow, Rudomino Publ., pp. 186-191.
- Ufimtseva N.V., 2018. Yazyk, globalizatsiya i identichnost [Language, Globalization and Identity]. *Russkiy yazyk v polikulturnom mire: sb. nauch. st. II Mezhdunar. simpoziuma (g. Yalta, 8–12 iyunya 2018 g.)* [Russian in a Multicultural World. Collection of Scientific Articles of the 2nd International Symposium (Yalta, June 8–12, 2018)]. Simferopol, Areal, pp. 3-10.
- Fillmor Ch., 1981. Delo o padezhe [Case of the Case]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, Progress Publ., iss. 10, pp. 369-496.
- Chernyavskaya V.E., 2001. Diskurs kak obyekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as an Object of Linguistic Research]. *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. st.* [Text and Discourse. Problems of Economic Discourse. Collection of Scientific Articles]. Saint Petersburg, Izd-vo SPb GUEF, pp. 11-22.
- Chudinov A.P., 2012. Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive Characteristics of Political Communication]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 2 (40), pp. 53-59.
- Connell R. W., 1993. The Big Picture: Masculinities in Recent World History. *Theory and Society*, vol. 22, no. 5, pp. 597–623.
- Ervin-Tripp S.M., 1972. On Sociolinguistics Rules: Alternation and Concurrence. Gumperz J.J., Hymes D., eds. *Directions in Sociolinguistics*. New York, Holt, Rinehart and Winston, pp. 213-250.
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London, New York, Routledge. 270 p.
- Jespersen O., 1998. The Woman. *The Feminist Critique of Language: A Reader*. London, New York, Routledge, pp. 225-241.
- Labov W., 1971. Variation in Language. Carrol E.R., ed. *The Learning of Language. National Council of Teachers of English*. New York, Appleton-Century-Crofts, pp. 187-221.
- Lakoff R., 1973. Language and Women's Place. *Language in Society*, no. 2, pp. 45-79.
- Milroy J., Milroy L., 1985. *Authority in Language. Investigating Language Prescription and Standardisation*. London, Routledge & Kegan Paul. 189 p.
- Ochs E., 1979. Planned and Unplanned Discourse. Givyn T., ed. *Syntax and Semantics 12: Discourse and Syntax*. New York, Academic Press, pp. 51-80.
- Perloff R.M., 1998. *Political Communication: Politics, Press and Public in America*. Mahwah, Lawrence Erlbaum Associates. 492 p.
- Pollack W.S., 1995. Deconstructing Dis-Identification: Returning Psychoanalytic Concepts of Male Development. *Psychoanalysis and Psychotherapy*, no. 12, pp. 30-45.
- Rogoff I., Leer D. van, 1993. Afterthoughts. A Dossier on Masculinities. *Theory and Society*, vol. 22, no. 5, pp. 739-762.
- Trudgill P., 1972. Sex, Covert Prestige, and Linguistic Change in the Urban British English of Norwich. *Language in Society*, vol. 1, iss. 2, pp. 179-195.
- Erhart W., Hermann B., Hrsg., 1997. *Wann ist der Mann ein Mann? Zur Geschichte der Männlichkeit?* Stuttgart-Weimar, Metzler. 398 p.

Information About the Authors

Svetlana V. Ionova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia; Chief Expert, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St., 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Igor' V. Ogorelkov, Head of the Department of Linguistic Expertise and Research, Moscow Research Center, Nizhnyaya Syromyatnicheskaya St., 5, Bld. 3, 105120 Moscow, Russia, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

Информация об авторах

Светлана Валентиновна Ионова, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; главный эксперт, Московский исследовательский центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, sionova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6361-741X>

Игорь Витальевич Огорелков, начальник отдела лингвистических экспертиз и исследований, Московский исследовательский центр, ул. Нижняя Сыромятническая, 5, стр. 3, 105120 г. Москва, Россия, ogorelkov.69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5116-3975>

www.volsu.ru

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.11>

UDC 811.161.1'373.611

LBC 81.411.2-20

Submitted: 06.05.2019

Accepted: 06.12.2019

RUSSIAN COMPOSITE WORDS WITH A BORROWED COMPONENT IN BUSINESS-COMMUNICATION

Yury A. Dubovsky

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Tatiana B. Zagrayevskaya

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Abstract. The article presents the results of the analysis of main processes and mechanisms of forming composite words with a borrowed component in modern Russian business communication. The linguistic interpretation of the observed phenomena is carried out with due regard to the following: the presence of original, assimilated or non-assimilated borrowed component in the structure of a composite word; the change of the composite structural status in the process of its constituent(s) borrowing; the modification of the composite semantics in the process of borrowing and in the usage afterwards, and the change of graphic and phonetic representation of the composite as well as the order of its components. The results of the research showed that composites in modern Russian business communication are mostly represented by the structures with original and borrowed assimilated components. The number of composites with a borrowed nonassimilated components is also considerable. The process of foreign composite units transition into Russian requires their structural status change. The adoption of composite borrowings into Russian is accompanied by modifications of their graphic, phonetic features as well as by the order of composite constituents.

Key words: business-communication, borrowing, composite, unit component, semantics, sociolect, donor language, recipient language.

Citation. Dubovsky Yu.A., Zagrayevskaya T.B. Russian Composite Words with a Borrowed Component in Business-Communication. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 128-139. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.11>

УДК 811.161.1'373.611

ББК 81.411.2-20

Дата поступления статьи: 06.05.2019

Дата принятия статьи: 06.12.2019

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ КОМПОЗИТНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ С ЗАИМСТВОВАННЫМ КОМПОНЕНТОМ В БИЗНЕС-КОММУНИКАЦИИ

Юрий Александрович Дубовский

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Татьяна Борисовна Заграевская

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Аннотация. В статье представлены результаты анализа основных процессов и механизмов формирования современных русскоязычных композитных образований с заимствованным компонентом, функционирующих в сфере бизнес-коммуникации. Базовыми критериями отбора рассматриваемых композитных образований послужили: наличие двух и более основ (одна из них производящая), грамматического, лексико-семантического и понятийного единства входящих компонентов; графическая цельнооформленность. Исследуемый корпус композитных образований систематизирован в диапазоне следующих факторов: состав композитных образований (наличие исконных, ассимилированных или неассимилированных заимствованных компонентов); изменение структурного статуса композитных образований при заимствовании его конституента / конституентов; модификация лексико-семантического наполнения композитных образований, изменение его графической и фонетической репрезентации и порядка следования компонентов. Установлено, что композитные образования в пространстве современного русскоязычного узуса представлены главным образом структурами, в которых исконный компонент сочетается с заимствованным ассимилированным. Доля композитных образований с заимствованным неассимилированным компонентом также значительна. Процесс перехода иноязычных композитных единиц на русскоязычную почву мотивирует изменения в их структурном статусе. Внедрение заимствований в современные русскоязычные композитные образования сопровождается модификацией графического соединения входящих компонентов, их фонетических характеристик, изменением порядка следования конституентов.

Ключевые слова: бизнес-коммуникация, заимствование, композитное образование, компонент, семантика, социолект, язык-донор, язык-реципиент.

Цитирование. Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б. Русскоязычные композитные образования с заимствованным компонентом в бизнес-коммуникации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 128–139. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.11>

Введение

Современная лингвистика все чаще обращается к проблеме возрастающего количества композитных образований (далее – КО) в профессиональных терминологических лексиконах и социолектных группах (см., например: [Габдреева, Агеева, Тимиргалеева, 2013; Дубовский, Заграевская, 2017; Ермакова, 2017; Заграевская, 2006; Клобуев, Гудилова, 2001]). Этот процесс находится в тесном взаимодействии с повышением роли межкультурной коммуникации в мировом сообществе и поиском адекватной, семантически емкой и лаконичной формы передачи номинативных средств, используемых в деловом общении.

В настоящее время в лингвистике сформировалось несколько подходов к изучению сложно-структурных композитных языковых единиц. Среди них особую значимость приобретают исследования своеобразия КО бизнес-коммуникации для раскрытия конкретно-языковой специфики их функционирования в контекстах разноформатной дискурсивной действительности в различных плоскостях языковой системы (фонетики, грамматики, лексики, семантики, когнитологии и др.) [Василевская, 1962; Кубрякова, 1982; Мешков, 1976; Русская грамматика, 1980]. В рамках данной

статьи русскоязычные КО в бизнес-коммуникации анализируются в аспекте возникновения в дискурсивной реальности с учетом влияния ассимилированных / неассимилированных заимствованных или исконных компонентов в их составе.

Определяющими факторами для включения единицы в состав эмпирического корпуса исследования выступили следующие: а) наличие объединения двух и более основ как способа образования композитной единицы, б) наличие по крайней мере одной производящей основы в составе композитной единицы, в) грамматическое, лексико-семантическое и понятийное единство входящих компонентов, г) графическая цельнооформленность (полуслитное либо слитное представление языковой единицы на письме). Заметим, что такой подход позволил включить в корпус эмпирического материала как собственно композиты, или сложные слова в их традиционном понимании (Ахманова, 2004, с. 202), так и квазикомпозиты, обладающие особенностями словообразовательной структуры, членения и производности основ (см.: [Клобуев, Гудилова, 2001]). В результате в языковой корпус КО, составленный в целях проведения анализа, вошло 480 русскоязычных номинаций, взятых из интернет-версий деловых и аналитических

изданий «Эксперт online» и «Коммерсантъ» за 2011–2019 годы.

КО с исконными, ассимилированными или неассимилированными заимствованными компонентами

Определенная часть отобранных КО бизнес-коммуникации сформировалась как результат процесса заимствования. Такие единицы обнаружили возможность включения одного заимствованного входящего компонента (при частичном заимствовании) или содержали два и более компонента, заимствованных из языка-донора (при полном заимствовании). В случае последнего варианта процесс заимствования распространяется на все компоненты, входящие в композитные лексические единицы, например: *евроклиринг*, *европатент*, *еврокредит* (*евро*, *клиринг*, *патент*, *кредит* являются компонентами, заимствованными из иноязычной среды). Другим вариантом переноса иноязычных элементов в язык-реципиент исследуемой группы КО оказалась возможность использования готовых словообразовательных моделей. На новой языковой почве заимствованные модели наполняются русскоязычными или ассимилированными компонентами, например, модели из английского языка: *business environment* → *бизнес-окружение* (*бизнес* – ассимилир. англ., *окружение* – исконно рус.), *cash memory* → *кэш-память* (*кэш* – ассимилир. англ., *память* – исконно рус.), *business idea* → *бизнес-идея* (*бизнес* – ассимилир. англ., *идея* – ассимилир. греч.), *euro card* → *еврокард*, *еврокарточка* (*евро* – ассимилир. греч., *кард*, *карточка* – ассимилир. греч.), *euro mark* → *евромарка* (*евро* – ассимилир. греч., *марка* – ассимилир. нем.).

Обращение к иноязычным языковым элементам, как известно, возможно в силу разных обстоятельств (см., например: [Габдреева, Агеева, Тимиргалева, 2013, с. 10]). В исследуемом нами корпусе КО подобное обращение было отмечено в следующих ситуациях: а) заполнение образовавшейся понятийной лакуны в бизнес-коммуникации, б) обозначение номинации новых явлений, предметов, свойств, характеристик бизнес-сферы, в) замена словосочетаний и распространенных пе-

рифрастических конструкций для оптимизации языковых усилий коммуникантов бизнес-сообщества, г) развитие внутренних гиперогипонимических языковых связей. Отметим, что функционирование значительного объема лексических единиц с заимствованными языковыми элементами в современном дискурсивном пространстве русскоязычного бизнес-сообщества обусловлено также всемирной тенденцией к глобализации экономических отношений, построению кросс-культурных бизнес-связей на основе международного английского языка. В связи с этим становится очевидным наличие в русскоязычных композитных единицах бизнес-коммуникации преимущественно англоязычных заимствованных элементов (реже франкоязычных, например *ва-банк*, итальяноязычных, например *автокаско*) и отсутствие русскоязычных заимствованных элементов в англоязычных КО при наличии других иноязычных компонентов (например, франкоязычных – *laisser-faire* и др.).

Учитывая эти замечания, мы выделили три группы номинаций:

1) языковые единицы, сформированные на основе исконных входящих компонентов (в нее также включены компоненты, исторически заимствованные, но ассимилированные в русском языке и воспринимаемые его носителями как исконные), например: *налогооблагаемый*, *долговременный*, *журнал-главный*, *административно-территориальный*, *топливно-энергетический*, *товарно-сырьевой*, *средне-срочный*;

2) языковые единицы, сформированные на основе сочетания исконных (или ассимилированных) и неассимилированных заимствованных компонентов (англоязычных, реже из французского, итальянского и других иностранных языков), например: *бюджетно-контрольный*, *самоликвидный*, *демо-счет*, *патентно-правовой*, *джей-кривая*, *товары-Actuals*, *форвард-курс*, *трейлинг-стоп*, *кросс-курсы*;

3) языковые единицы, сформированные на основе не полностью ассимилированных или неассимилированных заимствованных входящих компонентов, например: *кэш-менеджмент*, *макетмейкер*, *мани-менеджмент*, *еврокард*, *европатент*, *лог-файл сервер*, *лимит-ордер*, *карт-бланиш*.

Иными словами, русскоязычные КО экономической деятельности, бизнеса и коммерции делятся на группы в соответствии с этимологией образований, характером входящих компонентов в процессе заимствования и дальнейшей ассимиляции в языке-реципиенте (количественные данные представлены на рис. 1).

Доля русскоязычных КО в бизнес-коммуникации, сформированных на базе частичного (19 %) и полного участия заимствованных компонентов (28 %), имеет значительный показатель (совокупно 47 %). Данное обстоятельство свидетельствует об активном пополнении корпуса композитных единиц этой группы номинациями, являющимися результатом процесса заимствования и имеющими в составе один иноязычный компонент или более. Многие из них пребывают в состоянии неологизмов. Однако недостаточность ассимиляции некоторых композитных единиц, сформированных в процессе заимствования, не снижает интенсивность их проникновения в современное дискурсивное пространство бизнес-коммуникации. Полагаем, что данное обстоятельство объясняется спецификой КО социолекта бизнес-коммуникации профессионального сообщества, их номинативным и ком-

муникативным потенциалом, компрессированностью формы, ясностью семантики, точностью восприятия, четкостью эмоционально-экспрессивного содержания (см. также: [Янко-Триницкая, 2001, с. 259]).

Изменение структурного статуса КО в ходе заимствования

Переход языковых единиц из иноязычной среды в среду русского языка как языка-реципиента может сопровождаться появлением, сохранением либо утратой статуса КО (см. рис. 2). Так, новый статус КО отмечается у единиц, созданных в языке-реципиенте на основе иноязычных словосочетаний, не имеющих аналогичного статуса слов-композиций в системе языка-донора (всего 9 %), например: *money management* (ММ) → *мени-менеджмент*, *monetary* → *денежно-кредитный*, *stop order* → *стоп-ордер*, *trailing stop* → *трейлинг-стоп*, *heavy share* → *хэви-акция*. Помимо этого, КО в русском языке могут соответствовать некомпозитные англоязычные образования, не участвовавшие в процессе заимствования, например *wages* – *зарплата*.

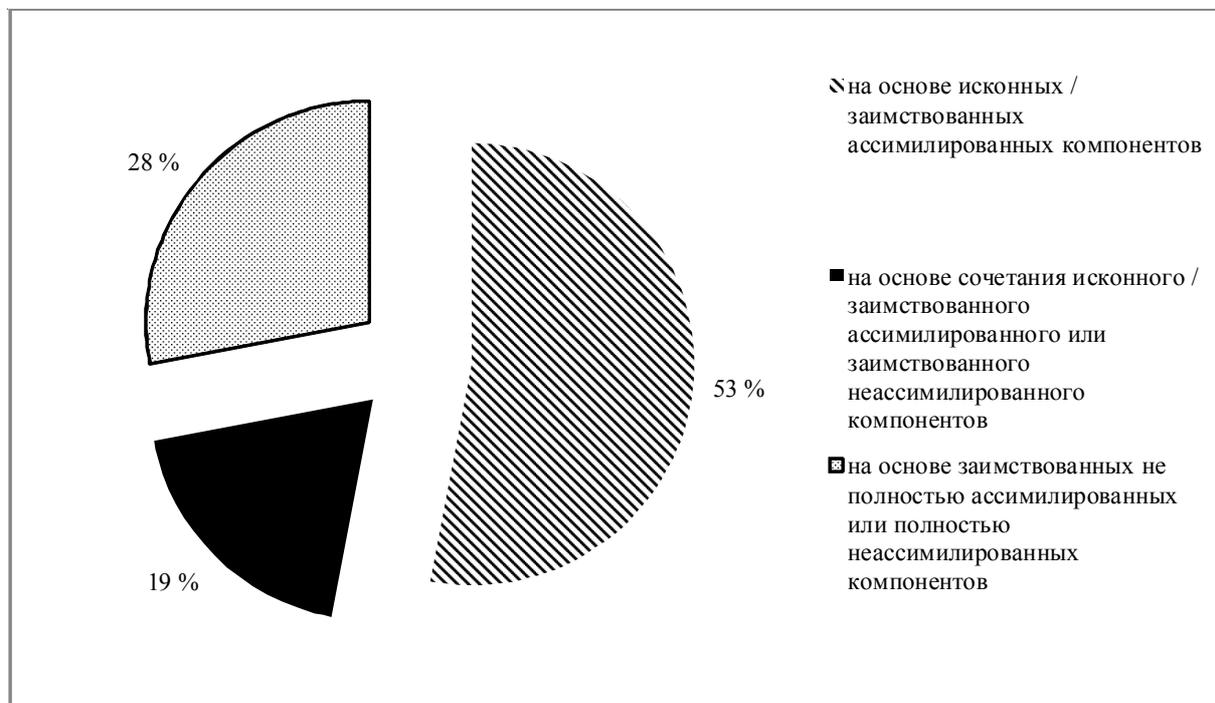

Рис. 1. Распределение русскоязычных композитных единиц на основе участия иноязычных компонентов

Fig. 1. Russian composite units distribution depending on inclusion of borrowed components

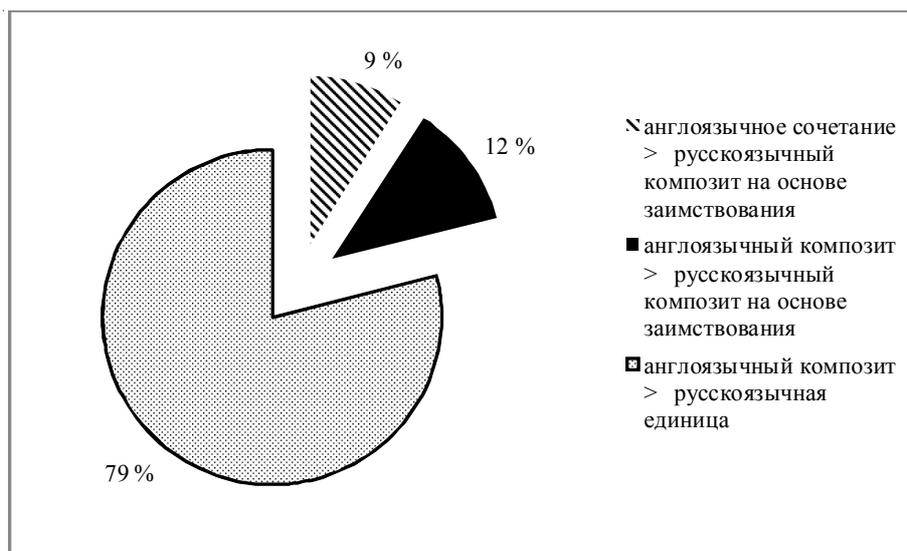

Рис. 2. Межъязыковое соответствие статуса композитных языковых единиц в процессе заимствования
 Fig. 2. Crosslinguistic correspondence of the status of composite linguistic units in the process of borrowing

Наряду с ними отмечены языковые единицы, сохранившие статус КО при переходе из иноязычной среды (всего 12 %): *eurodollar* → *евродоллар*, *euroyen* → *евроена*, *market-user* → *маркет-юзер*, *timeframe* → *тайм-фрейм*, *stop-out* → *стоп-аут*, *stoploss* → *стоп-лосс*, *log-file* → *лог-файл*, *stoplimit* → *стоп-лимит*, *welfare* → *благополучие*, *J-curve* → *джей-кривая*, *long-run* → *долгосрочный*, *Marshall-Lerner* → (условие) *Маршалла-Лернера*, *outward-oriented* → *внешне-ориентированный*, *self-correction* → *самокоррекция*, *short-run* → *краткосрочный*, *supermarket* → *супермаркет*, *energy-giving (qualities)* → *энергосберегающие (качества)*.

Третья группа КО представлена русскоязычными единицами, соотносимыми в бизнес-коммуникации с англоязычными аналогами в форме КО (79 %), например: *drawdown* = *продажа*, *income* = *прибыль*, *cutting-edge* = *передовой*, *современный*, *upbeat* = *улучшение*, *benchmark* = *мера*, *критерий*, *стандарт*, *household (goods)* = *бытовые, хозяйственные (товары)*, *overall* = *в целом*, *pre-tax (profits)* = *(прибыль) до налогообложения*.

Кроме того, при переходе в новую языковую среду КО могут преобразовываться в русскоязычные единицы или сочетания, не имеющие композитного статуса в языке-реципиенте. Подобные заимствования внедряются как интегральные цельнооформленные номинации с нерасчлененным понятийным

содержанием, например: *chargeback* → *чарджбэк*, *greenback* → *гринбэк*, *overside-delivery* → *оверсайд-доставка*, *oversold* → *оверсолд*, *rollover* → *роловер*, *buy-back* → *бай-бэк*. Перешедшие из языка-донора номинации утрачивают структуру КО. Они не включают ни одной из производящих основ русского языка. Это выступает чертой, дифференцирующей некомпозитные образования и композитные, включающие по меньшей мере одну производящую основу в русской языковой системе, ср.: *еврорынок* (*евро* + *рынок*), *европолис* (*евро* + *полис*), *еврооблигация* (*евро* + *облигация*), *европарламент* (*евро* + *парламент*) и *оверсайд-доставка* (*оверсайд* + *доставка*). Так, *евро*, *рынок*, *полис*, *кредит*, *облигация*, *парламент* – вполне самостоятельные номинации, способные стать производными основами для других номинаций в отличие от *оверсайд* и *доставка* в образовании *оверсайд-доставка*.

В большинстве случаев единицы, полученные из КО языка-донора, но не ставшие композитами в новых языковых условиях, транслитерируются с иностранного языка на русский посредством калькирования исходной фонетической оболочки и сохранения лексической семантики, например, *нэйроллс* (от *Nonfarm Payrolls* ‘макроэкономический показатель количества рабочих мест, созданных в США за предыдущий месяц’), *оффшор* (от *offshore* ‘страна или территория с особы-

ми условиями ведения бизнеса для иностранных компаний, среди которых – низкие или нулевые налоги, простые правила корпоративной отчетности и управления, возможность скрыть настоящих владельцев бизнеса’), *мартингейл* (от *martingale* ‘удваивание ставки при проигрыше’). Компоненты, входящие в их состав, чаще всего неассимилированы в русской бизнес-коммуникации и, как упоминалось выше, непроемчивы в языке, поэтому являются, в нашем понимании, скорее простыми лексическими заимствованиями, нежели КО. Они могут входить в состав других лексических единиц, также как и КО, но мотивированность их компонентов ограничена или отсутствует в языке-реципиенте, ср. композитные единицы *имидж-центр*, *имидж-консультант*, *бизнес-план*, *бизнес-карта*, *кэш-менеджмент* и заимствования *марджин-колл*, *гриншу* (мотивированность *марджин-колл*, *грин*, *шу* не ясна).

В то же время связь заимствованных лексических единиц с исходным КО в языке-доноре может быть достаточно прочной, а концептуально-семантическое содержание подобных единиц – трансформироваться параллельно исходным композитам. Например, номинация *марджин-колл* соотносится с ситуацией, известной в социолекте трейдеров как «моржовый Коля» (от англ. *margin-call*). Первоначально это обращение означало требование о марже. Оно использовалось для уведомления брокером клиента по телефону о том, что убыток достигает критического значения и для поддержания позиций открытыми необходимо внести дополнительные средства на счет, в противном случае сделка (или сделки) будут закрыты по *stop-out* (Глоссарий Форекс). Впоследствии содержание термина было модифицировано в обеих лингвокультурах. Развитие информационных технологий и средств связи привело к слишком быстрому росту котировок валют, что означало невозможность для брокера уведомить клиента о приближении *маржин-колла*, а для клиента – невозможность быстро пополнить счет. Следовательно, под *маржин-колл* стали подразумевать принудительное закрытие брокером сделки при достижении определенной просадки по ней. Смещение содержания произошло в рамках существующего термина, а семан-

тика термина, перешедшего в русскоязычную область бизнес-коммуникации из английского языка, модифицировалась параллельно с изменениями понятийного содержания англоязычного композита.

К группе некомпозитных образований русскоязычной бизнес-коммуникации, сформированных на основе иноязычных композитных единиц, мы отнесли также номинации, имеющие исконно-русские слова в качестве аналогов, например, *whistleblower* (от *whistle* ‘свистеть’, *blower* ‘тот, кто дует’) – *информатор, осведомитель*. К этой группе примыкают сочетания некомпозитных русскоязычных лексических единиц, используемых для описания значения иноязычного КО. Например: *deadweight debt* (от *dead* ‘мертвый’, *weight* ‘вес’) → *мертвый долг* (‘долг, полученный для покрытия текущих потребностей и не используемый для создания активов будущих периодов’, например, личный долг для финансирования потребления, долг фирмы для покрытия текущих убытков, государственный долг для финансирования военных расходов или пособий по безработице), *open-high-low-close chart / OHLC* (от *open* ‘цена открытия интервала’, *high* ‘максимум цены интервала’, *low* ‘минимум цены интервала’, *close* ‘цена закрытия интервала’) – столбиковый график, на котором каждый интервал времени представлен ценами внутри этого временного интервала.

Модификация лексического наполнения русскоязычных КО в ходе заимствования

Согласно полученным данным композитные единицы бизнес-коммуникации русскоязычного профессионального сообщества, сформированные в ходе заимствования, подразделяются на мотивированные языковые единицы с входящими компонентами, сохранившими исходную семантику (*профит-фактор*, *кэш-флоу*, *каталог-маркетинг*), и немотивированные с более или менее стертой семантикой (*стоп-лосс*, *стоп-аут*, *таймфрейм*).

Часть КО анализируемой группы можно квалифицировать как результат лексикализа-

ции словосочетания или рассматривать как отфраземные единицы, отфразеологические номинации, продукты семантического сжатия, например, *сыр-бор* от фразеологизма *сыр-бор разгорелся* ‘завязалась перебранка, склока’, *ва-банк* от устойчивого сочетания *идти во весь банк* ‘действовать, рискуя всем, подвергать себя опасности, играть с огнем, рисковать, искушать судьбу, ходить по острию ножа, играть жизнью’ (см. об этом: [Алексеев, Белосова, Литвиненко, 2003; Ермакова, 2017]). В ходе отфразеологической деривации фразеологизм сокращается до единичного слова-композиата и выступает как своеобразный «фразеологический осколок» [Ермакова, Козлова, 2012, с. 178]. Композитный дериват, полученный в результате, является более экономным выражением понятия, он утрачивает фразеологическое значение, но приобретает новое комплексное семантическое наполнение [Василевская, 1968], например: *очковтирательство* – процесс (от *втирать очки* – действие, из жаргона картежников) – ‘намеренное сокрытие недостатков, обман’; *шапкозакидательство* – процесс, *шапкозакидательное* (настроение) – качество (от *закидать шапками* – действие, разг., ирон.) – ‘хвастливые и легкомысленные уверения в возможности легкой победы’. Такие КО обладают значительной экспрессивностью, образностью и оценочностью, сохраненной от исходного фразеологизма или лексического сочетания: *головотяп*, *лизоблюд*, *верховод*, *горлодер*, *лежебока*.

Согласно установленным критериям в исследуемый корпус вошли композитные единицы, в образовании которых принимает участие по крайней мере одна производящая основа. При этом обе основы обладают самостоятельным семантическим потенциалом. Следовательно, с позиции лексической семантики в таких КО происходит не только механическое сцепление входящих компонентов на уровне графем, фонем, морфем, акцентом, но и семантическое, зарождающее появление или перенос иноязычного фрагмента действительности в профессиональную область бизнес-коммуникации языка-реципиента. В результате полностью или частично заимствованные русскоязычные композитные единицы анализируемой группы приобретают лаконичность

и семантическую емкость, что является существенным фактором для экономии речевых усилий в коммуникативном пространстве профессионального и делового общения в целом.

В то же время КО, перешедшие из среды языка-донора в язык-реципиент, проходят этап ассимиляции с позиции лексико-семантического наполнения, как и с точки зрения грамматики, когда сложно-структурная номинация приобретает морфологические формы словоизменения языка-реципиента, например: *помни о дедлайне*, *организация тимбилдинга*, *оффшорные зоны*, *в оффлайне*, *ауттрейдинговый подход*, *аутсайдерская позиция*.

Полагаем, что с позиции лексической семантики результатом ассимиляции становится отсутствие полного семантического тождества между англоязычными КО и их русскоязычными аналогами, представленными в виде композитов, отдельных единиц или сочетаний. Это наиболее показательно в отношении русскоязычных сочетаний с расширенным количественным составом языковых единиц, необходимых в языке-реципиенте для передачи понятийного содержания заимствуемой композитной номинации, например: *shortlist* – *провести предварительный отбор* (заметим, что при существовании в русском социолекте бизнес-коммуникации производного существительного *шортлист*, производного глагола не зафиксировано; ср. англ.: *short-list* or *shortlist* ... verb [t] to put someone or something on a short list. *This story was short-listed for the Pulitzer Prize* (Macmillan English Dictionary for Advanced Learners, 2009)), *underemployment* – *неполная занятость*, *eye-catching* – *привлекающий внимание*, *life-changing* – *изменяющий образ жизни*, *martingale* – *удваивание ставки при проигрыше*, *sticky-wages* – *стабильная зарплата*, *point-and-figure (chart)* – *диаграмма, в которой используются только движения цены, без учета величин промежутков времени*; *off-market* – *нерыночная котировка*, *cost-push* – *инфляция, обусловленная ростом издержек производства*, *upgraded* – *измененный в соответствии с более высокими или современными требованиями*, *end-of-year (bonus)* – *тринадцатая зарплата, премия по итогам года*, *point-of-sale* –

кассовый терминал, *billboard* – рекламный щит, доска для объявлений, *fast-tracking* – немедленное рассмотрение, ускоренное заключение, *whitewash* – восстановление банкрота в правах, *lawsuit* – судебный процесс, *spotlight* – сделать центром внимания, выдвинуть на передний план, *laissez-faire* – невмешательство правительства в дела частных лиц, в бизнес и торговлю.

Подобные русскоязычные единицы, семантически близкие к англоязычным КО, способны вносить дополнительные компоненты значения в свое содержание. Рассмотрим примеры. Существительное *output* в английском языке имеет следующие значения: 1. Economics. Production, the amount of goods and services, or waste products, that are produced by a particular economy, industry, company, or worker. *To become more effective, we need to focus more on outputs and revenues.* 2. IT. Information or images that are produced by a computer or printer. *Computer / print output.* 3. The amount of energy, for example, heat or electricity, that is produced by a piece of equipment. *A high power output of 2300W (230V) on each channel makes it possible to connect nearly any device.* 4. IT. The part of electrical equipment where power, energy, or sound leaves it. *Linking your sound card to the speaker outputs on your receiver may cause damage to the card when you turn the volume up* (Cambridge Dictionary). При переходе из английского в русский язык заимствуются следующие значения существительного *output*: 1. Продукция; выпуск изделий. 2. Информ. а) вывод; б) выход (гнездо, разъем, розетка). 3. Тех. Производительность; мощность, отдача; пропускная способность; емкость. 4. Горн. Добыча. 5. Мат. Итог, результат (Abby Lingvo Live). Уже на этом этапе становится очевидным, что *output* на русскоязычной почве соотносится с некоторыми дополнительными значениями: ‘производительность’; ‘мощность, отдача’; ‘пропускная способность’; ‘емкость’; ‘добыча’; ‘итог, результат’. В социолекте бизнес-коммуникации в свою очередь *output* максимально близко примыкает к русским номинациям *выпуск*, *продукция*, расширяя свое первоначальное значение за счет уточнения периода времени и формы выражения номинации, ср.: *output*. The fruit of economic activity: whatever is

produced by using the factors of production (Economics A-Z Terms); *выпуск*. 1) Изготовление и введение в обращение денег и ценных бумаг. 2) Количество готовой продукции, произведенной в течение определенного времени; *продукция*. Продукт производства в вещественной или информационной форме, чаще всего в предметном виде, количественно измеряемый в натуральном и денежном выражении (Словарь терминов).

Композит *shut-down* является дериватом фразового глагола *to shut (smth) down*. Исходный фразовый глагол обладает в деловом английском языке следующими значениями: 1. If a business or a large piece of equipment shuts down or someone shuts it down, it stops operation: *The company plans to shut down four factories and cut 10,000 jobs.* 2. IT. Production. If a computer or other machine shuts down or someone shuts it down, it stops operating: *The unit, which can process 70,000 barrels per day of crude oil, was shut down for 21 days.* 3. It. Production. Commerce. If someone shuts a process down, they stop it: *British authorities finally shut down production at the Liverpool plant of the vaccine maker.* 4. Production. Commerce. If a business or organization shuts down or someone shuts it down, it stops operating either temporarily or permanently: *But now, we must consolidate and shut down plants.* Производный композит как существительное в свою очередь имеет значение: An occasion when a business or a large piece of equipment stops operating, usually for a temporary period: *It's just a regular maintenance shutdown.* (Cambridge Dictionary). При переходе в область социолекта бизнес-коммуникации *shut-down* обнаруживает семантическую связь – в глубинной структуре – с номинациями *price*, *rule*: *Shut-down price*. If the price of a good falls below a firm's minimum average variable cost, there is no way the firm can hope to cover its labor costs in the short-run, thus the firm must shut down; *Shut-down rule*. If a firm experiences economic losses in the short-run which exceeds the firm's total fixed costs, then the firm can minimize its losses by shutting down (Welker). На русскоязычной почве значение *shut-down* несколько модифицируется. В частности, не всегда присутствует указание на временное приостановление работы бизнеса или

оборудования: 1. Отключить (электричество), остановить (станок, машину и т. п.). 2. Опускаться (о тумане и т. п.); 3. Закрывать (о предприятии) (Abby Lingvo Live). В социолекте бизнес-коммуникации максимальное сближение *shut-down* и русскоязычного эквивалента прослеживается в двух позициях – *закрытие* и *свертывание производства*. Однако полного семантического тождества между ними не наблюдается. При этом в русском социолекте на примере этих терминов очевидно некоторое обогащение *shut-down*:

– соотнесением с конкретными контекстуальными условиями: *закрытие*. 1) Цена заключительной операции по данному выпуску на фондовой бирже в конце операционного дня;

– включением участников бизнес-коммуникации: *закрытие*. 2) Заключительная встреча всех заинтересованных сторон в день поставки нового выпуска ценных бумаг;

– указанием на результат конкретных операций, решений: *закрытие*. 3) Подведение итогов бухгалтерского баланса;

– указанием на причины этого результата: *свертывание производства*. Сокращение или даже прекращение производства определенных видов продукции, товаров, услуг на предприятиях в связи со снижением спроса, отсутствием требуемых ресурсов, нерентабельностью производства (Словарь терминов).

Толкование некоторых терминов, соотносимых с англоязычным *shut-down*, отражает комплексное представление об условиях применяемого действия, объекта действия, причинах его совершения, основаниях: *закрытие счета*. 1. Совершение записи, после которой счет бухгалтерского учета не имеет сальдо. Счета могут закрываться в силу состояния объекта учета. Периодическое закрытие некоторых счетов предусматривается действующими положениями по учету. 2. Прекращение действия расчетного или текущего счета на основе заявления юридических и физических лиц, на имя которых открыты эти счета, либо по решению судебных органов или самих банков при наличии на то соответствующих оснований (Словарь экономических терминов).

Изменение графической, фонетической репрезентации КО и порядка следования компонентов в ходе заимствования

Графическая репрезентация КО, подвергнутых процессу заимствования, представляет собой отдельный аспект анализа. Особую категорию, на наш взгляд, составляют в нем языковые единицы бизнес-коммуникации, приобретающие в результате процесса заимствования полуслитную или слитную графическую репрезентацию в языке-реципиенте при отсутствии ее в исходном иноязычном словосочетании: *cross courses* – *кросс-курсы*, *forward quotation* – *форвард-курс*, *market maker* – *маркетмейкер*, *profit factor* – *профит-фактор*, *limit order* – *лимит-ордер*. При создании подобных номинаций не производится самостоятельного сложения основ средствами русского языка. Такие единицы, как *форвард-курс*, *маркетмейкер* формируются в языке-реципиенте на основе исходных англоязычных сочетаний, обладающих интегрированным значением в языке-доноре. Формально переход из одной языковой среды в другую сопровождается перенесением связанных номинаций с нерасчлененным понятийным содержанием. Попав в новые языковые условия, такие лексические сочетания приобретают графическую цельнооформленность и становятся КО. Они могут функционировать в языке-реципиенте наравне с существующими некомпозитными номинациями, не имеющими графической цельнооформленности, например: *panic buying* – *паник-бай* = *ажитаж*, *panic selling* – *паник-селл* = *паническая продажа*, *срочная продажа*, *паническая распродажа*.

Порядок следования входящих компонентов в композитных структурах бизнес-коммуникации при участии последних в процессе заимствования может быть сохранен, например *server log-file* → *лог-файл сервер*. Однако один и тот же входящий компонент может занимать в языке-доноре инициальное положение в одном композите и терминальное – в другом, ср.: *downtrend* vs. *drawdown*, *overbought*, *overnight* vs. *rollover*. Нами были отмечены случаи утраты аббревиатурной вариации КО при транспозиции их из иноязыч-

ной среды в ходе акцепции: *money management* (ММ) → *мани-менеджмент*, *nonfarm payrolls* (NFP) → *нонфарм пэйроллс*. Некоторые композитные структуры сохраняют символическое значение в транслитерированном виде как результат процесса заимствования, например, *J-curve* → *джей-кривая*. Отдельные включают имена собственные: *Marshall-Lerner (condition)* → *Маршалла-Лернера (условие)* (задействованы собственные имена экономистов Альфреда Маршалла и Аббы Лернера).

В связи с этим заслуживает внимания также фонетический аспект межъязыковых параллелей КО. Важной характеристикой, в частности, являются акцентные трансформации в русскоязычных КО на фоне оригинальных, в нашем случае английских: если в последних они реализуются с преимущественно одним словесным ударением (*'buy-back / 'buyback*, *'shutdown*, *'start-up*) или с главным и второстепенным ударениями с проминантностью первого компонента (*'cash.back*, *'shut.down*, *'forward.market*) и лишь значительно реже – наоборот (*.market 'price*), то русскоязычные КО предпочитают акцентный сдвиг в направлении терминального участка (*.кэш 'бэк*, *.шат 'даун*, *.старт-'ан/.старт 'ан*).

Выводы

Подводя итог рассмотрению особенностей русскоязычных КО с заимствованным компонентом в бизнес-коммуникации, представим основные выводы. В анализируемой дискурсивной области обнаружены подгруппы КО, дифференцируемые по критерию активизации в них исконных и заимствованных ассимилированных (53 %) и заимствованных неассимилированных компонентов (полностью – 28 %, частично – 19 %). Участие иноязычных компонентов в словообразовании русскоязычных композитных структур связано с их номинативным и коммуникативным потенциалом. Переход в русский язык единиц из других языков детерминировал изменения в их структурном статусе. В частности, утрата статуса КО (79 %) превалирует в бизнес-коммуникации над ситуацией приобретения этого статуса (12 %) или его сохранения из языка-донора (17 %).

Более того, в отношении русскоязычных КО исследуемого дискурсивного пространства установлено, что они могут как сохранять исходное качество в процессе заимствования, так и приобретать новое. Изменения затрагивают графическое и фонетическое оформление объединения входящих компонентов (в том числе их акцентную структуру), порядок следования морфем в составе русскоязычных композитных единиц, утрату аббревиатурной вариации исходных словосочетаний.

В то же время необходимо отметить, что в русском узусе на данном этапе международного сотрудничества и взаимодействия не возникает прямых межъязыковых корреляций в процессе заимствования (типа КО_{иностр.} → КО_{русск.}). Русский язык сохраняет свою самобытность даже в такой глобализированной деятельности, как бизнес-коммуникация.

Можно полагать, что рассмотренные процессы и механизмы формирования русскоязычных КО с заимствованным компонентом в данной сфере в своих основных чертах типичны и для других стилистически дифференцированных секторов русского узуса XXI в., но их конкретные характеристики заслуживают специального анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И., 2003. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М. : Азбуковник. 395 с.
- Василевская Е. А., 1962. Словообразование в русском языке. М. : Учпедгиз. 132 с.
- Василевская Е. А., 1968. О русском словообразовании (Словосочетание, словообразование, аффиксация). М. : Учпедгиз. 35 с.
- Габдреева Н. В., Агеева А. В., Тимиргалеева А. Р., 2013. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода. М. : Флинта : Наука. 328 с.
- Дубовский Ю. А., Заграевская Т. Б., 2017. Ассимиляция заимствованных англицизмов-неологизмов с компонентом *-exit* в русском политическом дискурсе // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. Т. 19, № 5. С. 54–61.
- Ермакова Е. Н., 2017. Отфразеологическая деривация как способ реализации потенциала словообразовательной системы русского языка // Слово и

- фразеологизм: взаимосвязь мышления, языка и культуры : сб. ст. к 90-летию проф. А.М. Чепасовой. Челябинск : Изд-во ЮУрГГПУ. С. 48–59.
- Ермакова Е. Н., Козлова М. С., 2012. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. № 12. С. 176–184.
- Заграевская Т. Б., 2006. Категория «оценка», ее статус и вербализация в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск. 19 с.
- Клобуев Е. В., Гудилова С. В., 2001. Языковая специфика непроемких сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация. М. : МАКС Пресс. Вып. 20. С. 12–25.
- Кубрякова Е. С., 1982. Коммуникативная лингвистика и новые задачи словообразования // Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Тореза. М. : МПГИЯ им. М. Тореза. Вып. 186. С. 118–127.
- Мешков О. Д., 1976. Словообразование современного английского языка. М. : Наука. 245 с.
- Русская грамматика. В 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология, 1980 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Наука. 789 с.
- Янко-Триницкая Н. А., 2001. Словообразование в современном русском языке. М. : Индик. 504 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стер. М. : Едиториал УРСС, 2004. 576 с.
- Глоссарий Форекс. Термины, определения, понятия. URL: <https://alpari.com/ru/beginner/glossary>.
- Коммерсантъ. URL: <https://kommersant.ru>.
- Словарь терминов. URL: <https://economicportal.ru/term-words>.
- Словарь экономических терминов. URL: <https://slovar.cc/ekon>.
- Эксперт online. URL: <https://expert.ru>.
- Abby Lingvo Live. URL: <https://lingvolive.com>.
- Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.
- Economics A-Z Terms. URL: <https://www.economist.com/economics-a-to-z/o>.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. 2nd ed. L. : Macmillan Publishers Limited, 2009. 1748 p.
- Welker J. Economics Classroom. URL: <https://econclassroom.com/glossary/shut-down-price>.

REFERENCES

- Alekseenko M.A., Belousova T.P., Litvinnikova O.I. *Slovar otfrazeologicheskoy leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological Vocabulary of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 395 p.
- Vasilevskaya E.A., 1962. *Slovoslozhenie v russkom yazyke* [Word-Composition in Russian]. Moscow, Uchpedgiz. 132 p.
- Vasilevskaya E.A., 1968. *O russkom slovoslozhenii (Slovochetanie, slovoslozhenie, affiksatsiya)* [On the Russian Word-Building (Word-Combination, Word-Composition, Affixation)]. Moscow, Uchpedgiz. 35 p.
- Gabdreeva N.V., Ageeva A.V., Timirgaleeva A.R., 2013. *Inoyazychnaya leksika v russkom yazyke noveyshego perioda* [Foreign Language Vocabulary in the Russian Language of the Recent Period]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 328 p.
- Dubovsky Yu.A., Zagraevskaya T.B., 2017. Assimilyatsiya zaimstvovannykh anglitsizmov-neologizmov s komponentom -exit v russkom politicheskom diskurse [Assimilation of Modern English Borrowings with the -exit Component in Russian Political Discourse]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. Sotsialnye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki* [Izvestiya of the Samara Russian Academy of Sciences Scientific Center. Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences], vol. 19, no. 5, pp. 54–61.
- Ermakova E.N., 2017. Otfrazeologicheskaya derivatsiya kak sposob realizatsii potentsiala slovoobrazovatelnoy sistemy russkogo yazyka [Phraseological Derivation as a Way to Implement the Potential of the Word-Formation System in the Russian Language]. *Slovo i frazeologizm: vzaimosvyaz myshleniya, yazyka i kultury: sb. st. k 90-letiyu prof. A.M. Chepasovoy* [Word and Phraseology: Correlation of Mentality, Language and Culture. Collection of Articles for the 90th Anniversary of Professor A.M. Chepasova]. Chelyabinsk, Izd-vo YuUrGGPU, pp. 48–59.
- Ermakova E.N., Kozlova M.S., 2012. Otfrazeologicheskoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke [Word Formation Derived from Phraseological Units in the Contemporary Russian Language: Reasons, Conditions, and Mechanisms]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin], no. 12, pp. 176–184.

- Zagrayevskaya T.B., 2006. *Kategoriya «otsenka», ee status i verbalizatsiya v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Category of Estimation, Its Status and Verbalization in Modern English. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Pyatigorsk. 19 p.
- Klobuev E.V., Gudilova S.V., 2001. Yazykovaya spetsifika neproizvodnykh slozhnykh slov (kvazikompozitov) [Specific Linguistic Features of Non-Derivative Compounds (Quasi-Compounds)]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Moscow, MAKS Press, iss. 20, pp. 12-25.
- Kubryakova E.S., 1982. Kommunikativnaya lingvistika i novye zadachi slovoobrazovaniya [Communicative Linguistics and New Problems of Word-Formation]. *Sbornik nauchnykh trudov Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov im. M. Toreza* [Collection of Scientific Papers of The Maurice Thorez Moscow State Institute of Foreign Languages]. Moscow, MPGIYa im. M. Toreza, iss. 186, pp. 118-127.
- Meshkov O.D., 1976. *Slovoobrazovanie sovremennogo angliyskogo yazyka* [Word-Formation in Modern English]. Moscow, Nauka Publ. 245 p.
- Shvedov N.Yu., ed., 1980. *Russkaya grammatika. V 2 t. T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian Grammar. In 2 Vols. Vol. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word-Formation. Morphology]. Moscow, Nauka Publ. 789 p.
- Yanko-Trinititskaya N.A., 2001. *Slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke* [Word-Formation in Modern Russian]. Moscow, Indrik Publ. 504 p.

SOURCES AND DICTIONARIES

- Akhmanova O.S. *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Legal Terms]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 576 p.
- Glossariy Foreks. Terminy, opredeleniya, ponyatiya* [Forex Glossary. Terms, Definitions, Concepts]. URL: <https://alpari.com/ru/beginner/glossary>.
- Kommersant*. URL: <https://kommersant.ru>.
- Slovar terminov* [Dictionary of Terms]. URL: <https://economicportal.ru/term-words/>.
- Slovar ekonomicheskikh terminov* [Dictionary of Economic Terms]. URL: <https://slovar.cc/ekon>.
- Ekspert online* [Online Expert]. URL: <https://expert.ru>.
- Abby Lingvo Live*. URL: <https://lingvolive.com>.
- Cambridge Dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.
- Economics A-Z Terms*. URL: <https://www.economist.com/economics-a-to-z/o>.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners*. London, Macmillan Publishers Limited, 2009. 1748 p.
- Welker J. *Economics Classroom*. URL: <https://econclassroom.com/glossary/shut-down-price>.

Information about the Authors

Yury A. Dubovsky, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Experimental Linguistics and Cross-Cultural Competence Department, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, dubovsky@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9037-6308>

Tatiana B. Zagrayevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Experimental Linguistics and Cross-Cultural Competence Department, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, zagrayevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

Информация об авторах

Юрий Александрович Дубовский, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, dubovsky@pgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9037-6308>

Татьяна Борисовна Заграевская, доктор филологических наук, профессор кафедры экспериментальной лингвистики и межкультурной компетенции, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, zagrayevskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4391-1966>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>

UDC 811.161.1:004.738.5
LBC 81.411.2-55

Submitted: 12.07.2019
Accepted: 06.12.2019

PRECEDENT PHENOMENA AS MEANS OF ESTABLISHING ATTRACTIVENESS IN POLYCODE INTERNET TEXT

Timur B. Radbil

N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Alexey I. Pomazov

N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The article deals with the problem of precedent phenomena use for realization of the attractiveness effect. The role of traditional and innovative precedent phenomena (memes) in polycode internet media-text aimed at attracting attention of the audience to educational sites is under analysis. The material of the research is the content of Russian universities' educational sites and their official pages in VKontakte. The method of discourse analysis of polycode internet media-text and the standard structural-and-semantic and functional-and-semantic method of transformed precedent text analysis are applied in the work. The findings are that creators use various models of semantic, lexical-and-semantic, structural and syntactic transformation of basic traditional precedent phenomena in polycode internet media texts including ironic reinterpretation, amphiboly and "literalization of initial content". Internet-memes as instruments of attractiveness effect use some other semiotic mechanisms for attraction of the audience attention such as illogisms and visual blendings as well as different types of intertextual interaction. The author comes to a conclusion that precedent phenomena are of great perlocutive potential which allows to correlate basic cultural information in an initial precedent phenomenon with an actual one, meant by creator sense in transformed component. The results can be applied in optimization of the university site content.

Key words: precedent phenomenon, attractiveness, polycode text, content, educational site, internet communication, Russian language.

Citation. Radbil T.B., Pomazov A.I. Precedent Phenomena as Means of Establishing Attractiveness in Polycode Internet Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 140-153. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>

УДК 811.161.1:004.738.5
ББК 81.411.2-55

Дата поступления статьи: 12.07.2019
Дата принятия статьи: 06.12.2019

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ АТТРАКТИВНОСТИ В ПОЛИКОДОВОМ ТЕКСТЕ ИНТЕРНЕТА

Тимур Беньюминович Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Алексей Игоревич Помазов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования прецедентных феноменов для достижения эффекта аттрактивности. Охарактеризованы прецедентные феномены традиционного и нового типов (мемы), которые включены в поликодовые медиатексты Интернета для привлечения внимания аудитории

образовательных сайтов. В результате исследования материала (контента официальных сайтов ряда российских вузов, участвующих в Программе повышения конкурентоспособности 5-100, и их официальных страниц в социальной сети «ВКонтакте») с применением методов дискурс-анализа, структурно-семантического и функционально-семантического анализа трансформированных прецедентных феноменов установлено, что в поликодовых медиатекстах используются разнообразные модели семантического, лексико-семантического, структурного и синтаксического преобразований исходных прецедентных феноменов традиционного типа, включая ироническое переосмысление, каламбур и «буквализацию исходного содержания». При обращении к интернет-мемам как инструментам создания аттрактивности актуализируются такие семиотические механизмы, как алогизм, визуальный блендинг, разные типы интертекстуального взаимодействия. Выявлен значительный воздействующий потенциал прецедентных феноменов, которые позволяют соотнести базовую культурную информацию с актуальным, нужным разработчикам содержанием, заложенным в преобразованном компоненте. Полученные результаты могут быть полезны в деятельности разработчиков вузовских сайтов по оптимизации контента.

Ключевые слова: прецедентный феномен, аттрактивность, поликодовый текст, контент, образовательный сайт, интернет-коммуникация, русский язык.

Цитирование. Радбиль Т. Б., Помазов А. И. Прецедентные феномены как средство создания аттрактивности в поликодовом тексте Интернета // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 140–153. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.12>

Введение

В современных лингвистических исследованиях язык и стиль Интернета давно уже стали полноправным объектом изучения. Начиная с одной из первых обобщающих монографий на эту тему [Трофимова, 2008], в них освещаются самые разнообразные аспекты функционирования языка в пространстве Интернета, в том числе коммуникативные [Сидорова, 2006], психолингвистические [Литневская, Бакланова, 2005], лингвокогнитивные и лингвокультурологические [Радбиль, 2019].

Сегодня Интернет выступает как инновационная среда для речевого взаимодействия людей, открывающая новые коммуникативные возможности и раздвигающая пространственные и временные границы общения. Новые возможности открываются и для собственно «языкового существования» (термин Б.М. Гаспарова) в коммуникативном пространстве Интернета. О диалектике взаимовлияния коммуникативной среды Интернета и обыденного языка пишет и Л. Воборил, отмечая, что «в данный момент многие языки мира, в том числе русский, функционируют в двух взаимообусловленных, связанных друг с другом сферах – в традиционной (реальной) действительности и в виртуальном пространстве Интернета. С одной стороны, язык и речь приспособляются к техническим возможностям, и с другой стороны, основным средством создания новой коммуникативной сре-

ды является живой язык» [Воборил, 2008, с. 23]. Неслучайно в этой связи в коллективной монографии «Новые тенденции в русском языке начала XXI века» инновационные явления в среде Интернета рассматриваются в более широком контексте активных процессов в русском языке XXI в. на разных уровнях языковой системы и ее речевой реализации [Новые тенденции..., 2014], а многие ученые справедливо отмечают, что сегодня именно коммуникативная среда Интернета становится наиболее динамичной, развивающейся сферой речевого взаимодействия, своего рода лабораторией языковых инноваций (см., например: [Радбиль, 2019, с. 320]).

Коммуникативное пространство Интернета крайне разнородно и представляет собой арену конкуренции институциональных и неинституциональных дискурсов разного типа, понимаемых в духе работ В.И. Карасика (см., например: [Карасик, 2000]). Достаточно подробная классификация типов и жанров интернет-коммуникации приводится М.А. Ульяновой [2014]. В контексте нашего исследования важно отметить, что в числе специфических моделей речевых практик в Интернете выступает такой особый сегмент интернет-коммуникации, как **образовательные сайты вузов**, поскольку в них органично сочетаются элементы официализованного, институционализированного интернет-дискурса и явления неформального живого общения. С одной стороны, вузы всегда были и остаются храните-

лями традиций, в том числе языковых, а с другой – университеты вынуждены бороться за внимание абитуриентов, носителей неформального языка, перед которыми современные технологии ставят непростую задачу ориентации и выбора в огромных потоках информации. Как следствие, язык сайтов вузов весьма подвижен и склонен следовать за предпочтениями аудитории. Именно медиаресурсы становятся и основным источником информации для пользователей, и инструментом привлечения внимания целевой аудитории для университетов. Отсюда повышенную значимость в контенте указанных сайтов имеет категория *аттрактивности* [Максименко, Подрядова, 2013].

Все вышесказанное, на наш взгляд, обуславливает необходимость исследования языковых средств актуализации категории аттрактивности в контенте образовательных сайтов вузов на основе сформулированных в современной лингвистике принципов дискурсивного анализа поликодовых текстов.

Неформальный язык интернет-общения сам по себе выступает одним из средств выражения аттрактивности в текстах, особенно направленных на молодую аудиторию интернет-пользователей, однако в наших предыдущих работах были определены и некоторые конкретные языковые средства создания аттрактивности в контенте сайтов вузов: ключевые слова и фразы, оценочная лексика, элементы окказионального словообразования (в том числе графодеривации), средства экспрессивного синтаксиса, инфографика и пр. (см., например: [Помазов, 2018]). Эффективным средством реализации аттрактивности является использование аутентичных и/или трансформированных «прецедентных феноменов» (термин используется в трактовке, предложенной В.В. Красных: [Красных, 1997]).

Главная коммуникативно-прагматическая особенность «языка Интернета» заключается в его *интерактивном характере*, то есть в постоянном диалоге с адресатом в «реальном времени». Наличие возможности обратной связи в режиме реального времени порождает иллюзию сходства интернет-общения с общением реальным, максимально приближает первое ко второму. Именно свойство интерактивности эксплуатируется создателями

контента сайтов при использовании ими разнообразных языковых и коммуникативных механизмов создания *аттрактивности*. Применительно к тексту под аттрактивностью, вслед за О.И. Максименко и В.В. Подрядовой, понимается способность текста (его части) привлекать к себе повышенное внимание пользователя [Максименко, Подрядова, 2013].

Спецификой интернет-общения является также взаимодействие в коммуникативной среде Интернета вербальных текстов и мультимедийного компонента (визуального и/или акустического), что тоже усиливает аттрактивность контента и его перлокутивный (воздействующий) эффект. Это свойство «языка Интернета» принято именовать *поликодовостью*, а тексты, созданные посредством использования нескольких знаковых систем, – *поликодовыми, гибридными* или *креолизованными*. При этом вербальная составляющая поликодового медиатекста тяготеет к предельной краткости и экономности, она не перенасыщена информативностью.

Значительным потенциалом для создания аттрактивности обладают и прецедентные феномены как носители культурно значимой информации, апелляция к которым в дискурсе позволяет задействовать культурный фон аудитории, культурные знания адресата. В «Словаре лингвокультурологических терминов» прецедентный феномен определяется как *ментефакт*, хорошо известный большинству представителей национально-лингвокультурного сообщества, апелляция к которому регулярно возобновляется в их речи, актуальный в познавательном и/или эмоциональном планах (СЛТ, с. 116).

Исключительно сильным средством аттрактивности является трансформация прецедентного феномена, то есть его использование в дискурсе в преобразованном виде: в этом случае на культурную информацию, уже закрепленную за этим феноменом в языковом сознании носителей языка, наслаивается новая, актуальная уже для данного автора в данном конкретном медиатексте.

В работах [Радбиль, 1999а; 1999б] рассмотрены разнообразные модели трансформации прецедентных феноменов, которые автор называет моделями аномального ввода прецедентного текста в дискурс языковой лич-

ности, в том числе автора текста, среди которых выделяются аномалии структурные, семантические и прагматические.

Кроме прецедентных феноменов в традиционном понимании, в нашей работе исследуются новые типы прецедентности, порожденные технологическими особенностями коммуникативной среды Интернета и вне Интернета невозможные. Речь идет о *мемах*, которые с функциональной точки зрения схожи с обычными прецедентными текстами, но обладают иной структурой и характеризуются иным, специфическим бытованием в речевой практике пользователей Интернета.

Интернет-мем (мем) – это любой медиаобъект, созданный в среде электронных средств коммуникации, в том числе вербальный или поликодовый (смешные, интересные, креативные графические символы, образы, названия, фразы, картинки и пр.), который неожиданно появляется в медийном пространстве, «вирусно» (то есть спонтанно) набирает популярность посредством ретрансляции от пользователя к пользователю в контенте сайтов, социальных сетей, форумов, блогов, чатов, мессенджеров и даже официальных порталов [Помазов, 2019, с. 144].

Мем имеет все свойства прецедентных феноменов традиционного типа и может вводиться в дискурс в трансформированном виде, но в отличие от традиционного прецедентного феномена, как правило, имеет поликодовый характер. Специфика мемов обусловлена именно особенностями существования в среде интернет-коммуникации: большая скорость распространения, большое количество модификаций и быстрое появление новых мемов как следствие гигантского количества пользователей сети и креативности авторов. Особенности функционирования мемов в среде интернет-коммуникации объясняются также и тем, что общность людей, оперирующих тем или иным мемом, может ограничиваться отдельными сетевыми сообществами (хотя иногда мем выходит далеко за пределы сети, отражаясь в телевизионных новостях, рекламе, высказываниях различных деятелей). При этом мемы часто бывают специфицированы для той или иной тематической отрасли или группы людей по интересам, а главное – чаще всего имеют кратковременный характер. Мы

предлагаем назвать эти явления *кратковременными элементами культурного кода*, которые именно благодаря своей ориентации на культурный фон пользователей Интернета сближаются по своим функциональным свойствам с обычными прецедентными текстами.

Цель данного исследования – охарактеризовать прецедентные феномены традиционного и нового типов (мемы), которые используются в поликодовых медиатекстах Интернета для привлечения внимания аудитории образовательных сайтов.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются официальные сайты российских вузов – участников Программы повышения конкурентоспособности ведущих российских вузов среди ведущих мировых научно-образовательных центров 5-100: НИУ ВШЭ, ТГУ, НИТУ МИСиС, СПбГЭТУ «ЛЭТИ», Университет ИТМО, а также их официальные страницы в социальной сети «ВКонтакте». Объем обследованного материала – 112 репрезентативных контекстов, полученных методом сплошной выборки из указанных выше интернет-источников посредством интернет-мониторинга, выполненного авторами статьи.

В исследованиях подобной направленности всегда возникает проблема метода. Каким образом можно исследовать инновационный текстовый материал, характеризующийся гипертекстовой организацией и поликодовым характером? Думается, что современная парадигма изучения дискурса наработала определенный научный инструментарий для анализа дискурсов разного типа. Прежде всего следует назвать работы Т. ван Дейка, являющегося одним из основоположников дискурс-анализа [Дейк, 1989], и У. Чейфа, одним из первых исследовавшего проблемы, связанные с анализом информационного потока [Chafe, 1976]. В отечественной научной традиции идеи дискурс-анализа были восприняты во многом благодаря Н.Д. Арутюновой, обобщившей их в статье «Лингвистического энциклопедического словаря» [Арутюнова, 1990]. Для нашего исследования важно, что методы дискурсивного анализа обнаруживают свою научную валидность как в синхрони-

ческом (см., например: [Чернявская, 2006]), так и диахроническом аспектах [Горбань, Косова, Шептухина, 2018]. Последнее обстоятельство позволяет говорить о дискурс-анализе динамики языковых процессов, отраженных в речевой практике современного общества.

Таким образом, в статье использованы метод дискурс-анализа, адаптированный к анализу поликодовых медиатекстов Интернета, и метод стандартного структурно-семантического и функционально-семантического анализа устойчивых выражений (коллокаций, идиом, афоризмов, цитат, паремий и пр.).

Далее мы рассмотрим две группы примеров в соответствии с их принадлежностью либо к прецедентным феноменам традиционного типа, либо к мемам.

Результаты и обсуждение

Прецедентные феномены традиционного типа в контенте образовательных сайтов вузов

Прецедентные феномены традиционного типа, как они понимаются, например, Ю.Н. Карауловым [1987], в роли языковых средств создания аттрактивности в контенте образова-

тельных сайтов вузов, как правило, используются в трансформированном виде, что позволяет связать культурно значимую информацию исходного пратекста с актуальным, нужным авторам контента смыслом, заложенным в преобразованных элементах прецедентного текста.

Так, в заголовке статьи на официальном сайте НИУ ВШЭ (рис. 1) *Жить стали здоровее* (с подзаголовком *Как чувствует себя население России*) используется трансформированный прецедентный феномен, отсылающий к пратексту – знаменитой фразе Сталина: *Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее. А когда веселее живется, работа спорится*, произнесенной им 17 ноября 1935 г. в выступлении на Первом Всесоюзном совещании рабочих и работниц – стхановцев. Здесь мы имеем дело с лексико-семантическим преобразованием (мена *веселее* на *здоровее*), формально-структурным преобразованием (*стали* вместо *стало*) и синтаксическим сокращением. Эффект аттрактивности усиливается посредством взаимодействия с невербальным компонентом – фоновым изображением фрески с богом врачевания Асклепием: к актуальной информации о современности в восприятии адресата под-

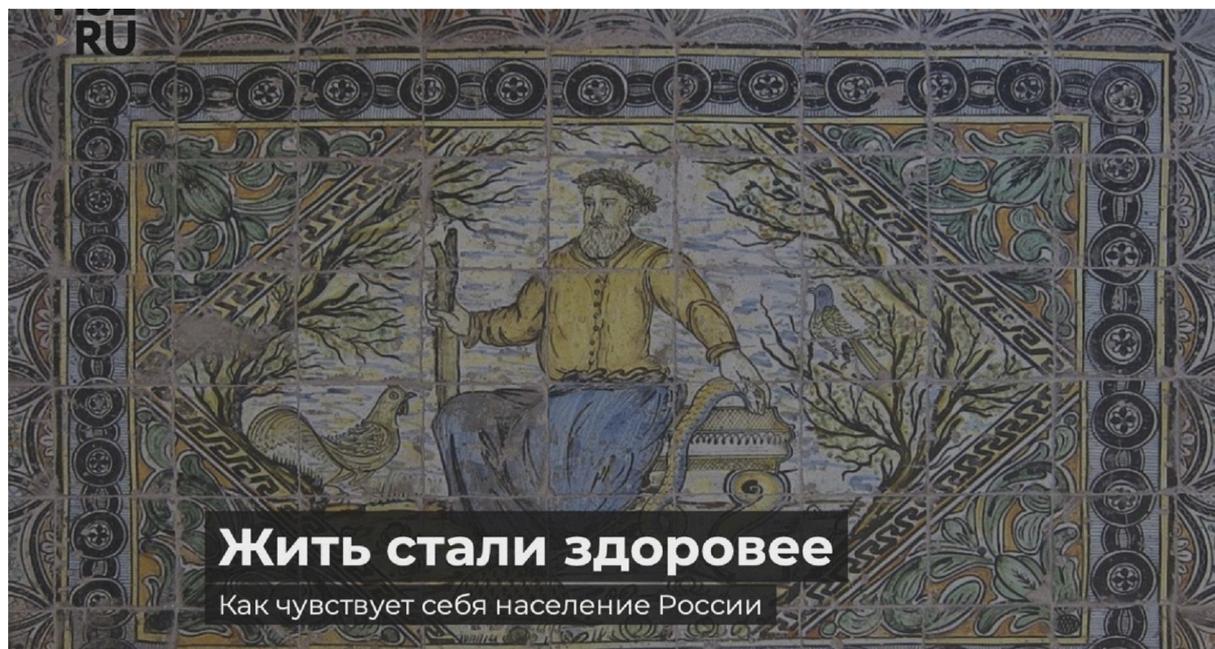

Рис. 1. Заголовок статьи на сайте НИУ ВШЭ «Жить стали здоровее»

Fig. 1. Life Has Become Healthier – an article headline on the website of Higher School of Economics, National Research University

ключается мощная культурная традиция, принадлежащая к совсем иному слою культуры – античности, и информация становится объемной и многомерной.

На официальном сайте Университета ИТМО в заглавии цикла статей про блокировку IP-адресов мессенджера «Телеграмм» *Они сражались за Родину. Диалоги* эксплуатируется отсылка к названию известного романа М.А. Шолохова и одноименного кинофильма по этому произведению. Здесь задействован синтаксический тип преобразования – вставка компонента *Диалоги*, отсутствовавшего в пратексте. Можно предположить, что, используя знаковый для аудитории прецедентный текст для активизации фонового знания читателя, авторы хотели показать общественную важность данной темы и ее общенациональное значение. Аттрактивность усиливается за счет использования иронического подтекста у указанного прецедентного феномена, который реализован посредством столкновения буквального пафосного смысла выражения с текстом комментария, где написано, что «цикл статей называется так потому, что Родина у противоборствующих сторон (государства и научно-образовательного сообщества) одна, но способы обеспечения ее процветания разные».

На официальном сайте НИТУ «МИСиС» заголовок новостного материала *Углепластик и все-все-все* (с подзаголовком *в НИТУ «МИСиС» прошел девятый Science Slam*) апеллирует к названию известного мультфильма про Винни-Пуха и исходного произведения А. Милна. Как явствует из подзаголовка, текст посвящен итогам конкурса интеллектуалов, проведенного в университете. Здесь имеется лексико-семантическая трансформация исходной модели: имя собственное *Винни-Пух* меняется на лексему *углепластик* – ключевое слово, актуализующее сферу деятельности победителя – студента кафедры физической химии и сотрудника Центра композиционных материалов. Эффект аттрактивности достигается за счет того, что в вузах пока еще учится и работает то поколение, которое любит и хорошо знает мультфильм и книгу, и ассоциация с ними вызывает доброе и веселое отношение к изображаемому: это позволяет авторам контента задействовать

апелляцию к культурному фону аудитории и тем самым вовлечь ее в ситуацию неформального, доверительного общения.

Заголовок новостного материала о выпуске моряков военной кафедры университета на официальном сайте СПбГЭТУ «ЛЭТИ» *У матросов нет вопросов* (с подзаголовком *третий выпуск матросов запаса на Военной кафедре в ЛЭТИ*) отсылает к знаменитой фразе из песни и соответствующему названию известного советского фильма, которые уже давно вошли в общий культурный фон носителей языка, не всегда осознающих источник возникновения прецедентного феномена. Анализ более глубокого культурного слоя позволяет выявить первоначальный источник прецедентного феномена – неписаный «морской закон», согласно которому приказы капитана судна матросами не обсуждаются. Здесь мы встречаемся с интересным семантическим эффектом *буквализации прецедентного текста* [Радбиль, 1999б], когда устойчивое выражение, давно уже употребляющееся в переносном значении в контексте актуализирует свое буквальное значение и изначальную референциальную область (действительно, речь идет о матросах). Именно этот семантический эффект выступает основой для создания эффекта аттрактивности. Кроме того, возможно, данный прием обращения к общим культурным знаниям авторов и аудитории обыгрывает и культурную оппозицию «свои – чужие», то есть мы, матросы, и все остальные, что также способствует ценностному вовлечению аудитории в ситуацию общения.

Ряд прецедентных феноменов реализует обращение создателей контента сайта сразу к нескольким культурным слоям. Так, на официальном сайте Университета ИТМО раздел, посвященный обсуждению тенденций современного кинематографа, называется *Коламбия Пикчерз не представляет* (с подзаголовком *что могут рассказать данные IMDb*). Заголовок, с одной стороны, иронически обыгрывает первую фразу слогана голливудской кинокомпании, которая звучит в заставке перед началом всех произведенных ею фильмов: это подчеркивает видеоряд с логотипом компании (см. рис. 2); с другой стороны, это выражение было использовано музы-

ITMO.NEWS

Наука Образование Стартапы и бизнес Жизнь университета Медиа Блог

24 Января 2017, 19:01 UTC+3 3560

Коламбия Пикчерз не представляет: что могут рассказать данные IMDb

Студент кафедры вычислительной техники Юрий Волков рассказал в блоге на Хабрахабре, как анализировал датасет крупнейшего мирового хранилища информации о фильмах IMDb и к каким выводам пришел. Публикуем в блогах Университета ITMO пост о том, как фильм «Зеленый слоник» вдохновил студента на серьезное исследование кинематографа.

Проблематика

Фильмы — это круто, фильмы вдохновляют нас, наполняют уверенностью, в общем, дают нам многое. И поэтому в этой статье я бы хотел рассказать вам об исследовании тенденций современного кинематографа с помощью инструментов анализа данных, который уже был презентован в финале Science Slam ITMO University 2.0. Полный

Иллюстрация к статье на официальном сайте университета ITMO

Рис. 2. Иллюстрация к статье на официальном сайте университета ITMO
 Fig. 2. Illustration for an article on the official website of ITMO University

кальной группой «Банд’Эрос» в одной из песен в значении ‘трудно себе представить, что...’ (даже «Коламбия Пикчерз» не представляет). Здесь мы имеем дело с семантическим преобразованием каламбурного типа – обыгрыванием двух значений глагола *представлять* ‘демонстрировать’ и ‘осмыслять, воображать’, а также с антитетическим формально-грамматическим преобразованием – переходом от утвердительной к отрицательной конструкции. В результате создается эффект аттрактивности за счет игрового отталкивания от общеизвестного буквального содержания всемирно известного прецедентного феномена.

В целом мы можем заключить, что авторы контента сайтов для создания аттрактивности используют самые разнообразные модели семантического, лексико-семантического, структурного и синтаксического

преобразования исходных прецедентных феноменов традиционного типа, включая ироническое переосмысление, каламбур и «буквализацию исходного содержания». В случае с поликодовыми медиатекстами могут быть задействованы два способа взаимодействия вербального и невербального компонентов: 1) невербальный компонент в роли фона усиливает содержание словесного ряда; 2) вербальный компонент отталкивается от буквального содержания невербального ряда в целях его иронического переосмысления.

Интернет-мемы в контенте образовательных сайтов вузов

При использовании интернет-мемов на сайтах вузов задействуются иные семиотические механизмы для привлечения внимания

аудитории в сравнении с прецедентными феноменами традиционного типа, хотя некоторое сходство в самом характере обращения авторов с прецедентными феноменами старого и нового типов все же можно усмотреть.

Так, на официальной странице Университета ИТМО в социальной сети «ВКонтакте» задействован мем, который пришел в Интернет из области телевизионных шоу (приносимая Иваном Ургантом фраза *Работаем*, которая вошла в активный лексикон неформального общения интернет-пользователей, в том числе и в вузовский дискурс) и имеет значительный семантический, экспрессивный и воздейственный потенциал (рис. 3). На сайте смеховой ореол этой фразы доносит до аудитории в шуточной форме серьезную информацию: *«ВКонтакте» 12 лет и 100 млн пользователей. А у нас почти 40К подписчиков! Работаем.* В совокупности с забавными изображениями и веселыми эмодзи эффект аттрактивности от этой фразы усиливается. Здесь мы имеем дело с весьма редким примером интертекстуального взаимодействия между типологически разными медиасферами – телевидением и Интернетом.

Достаточно активно, ориентируясь на актуальные тренды, используют мемы авторы контента официальной страницы НИУ ВШЭ в социальной сети. Здесь в поликодовых медиа-

текстах применяется прием контраста между серьезной новостной информацией и шуточной формой ее подачи в невербальном компоненте (изображение или видео). Так, текст о том, что «вышка» заняла 94-е место в рейтинге ТНЕ по бизнесу и экономике, став лидером среди российских вузов по этому направлению, сопровождается картинкой с динозавром (см. рис. 4). Динозавр тематически не коррелирует с содержанием, но картинка между тем создает нужный авторам контенту эмоционально-экспрессивный фон и привлекает внимание аудитории. Кроме того, имитируется неформальное общение, что минимизирует дистанцию между автором и аудиторией (этой же цели служит неформальное наименование *вышка* вместо официального *НИУ ВШЭ*). В целом в подобных случаях мы можем говорить об использовании приема *алогизма* – совмещения явлений из несовместимых областей. В результате этого возникает стилистический эффект «нарушения читательского ожидания» (Р.О. Якобсон), который всегда имеет значительный воздействующий потенциал.

Схожие механизмы аттрактивности используются на официальной странице НИТУ МИСиС. Вполне серьезный научно-популярный материал о достижениях в области изучения крови сопровождается биологической схемой, совмещенной с известным мемом с

Рис. 3. Мем на официальной странице университета ИТМО в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 3. Internet meme on the official page of ITMO University in VKontakte social network

Рис. 4. Мем на официальной странице НИУ ВШЭ в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 4. Internet meme on the official page of Higher School of Economics, National Research University in VKontakte social network

И.В. Сталиным (см. рис. 5). Здесь Сталин улыбается успехам ученых так же, как он улыбался блондинке из первоначальной версии данного мема. Если в предыдущем примере алогизм задавался несовместимостью вербального и невербального рядов, то в данном случае в отношении логической несовместимости попадают только невербальные компоненты. Данный прием мы предлагаем именовать *визуальный блендинг* – смешение культурных смыслов из разных, концептуально несовместимых областей, который всегда обладает максимумом экспрессии и, как следствие, усиливает аттрактивность.

Прием визуального блендинга используют и авторы контента официальной страницы ТГУ в социальной сети «ВКонтакте». Здесь посредством мема в виде лица Фредерика Шопена, на которого надеты пиксельные (или восьмибитные) очки, привлекается внимание аудитории к весьма серьезной информации о конкурсе пианистов им. Фредерика Шопена (см. рис. 6). Данный мем пред-

ставляет собой трансформированную отсылку к исходному популярному мему – изображению пса в очках (после появления этого мема такие очки даже стали продаваться). Такое использование мема можно считать аналогом «семантического преобразования», правда, на уровне невербальной информации. В случаях с мемами, представленными на рисунках 5 и 6, также можно говорить о возникновении своеобразного интертекстуального взаимодействия, в которое вступают мемы в интернет-коммуникации.

Итак, при использовании мемов в контенте сайтов вузов в целях усиления аттрактивности применяются приемы алогизма и визуального блендинга, а также задействован потенциал интертекстуального взаимодействия как внутри пространства Интернета, так и между разными медиасферами – Интернетом и телевидением. Установка на экспрессивную и/или ироническую трансформацию исходного протекста характерна и для мемов, и для прецедентных текстов традиционного типа.

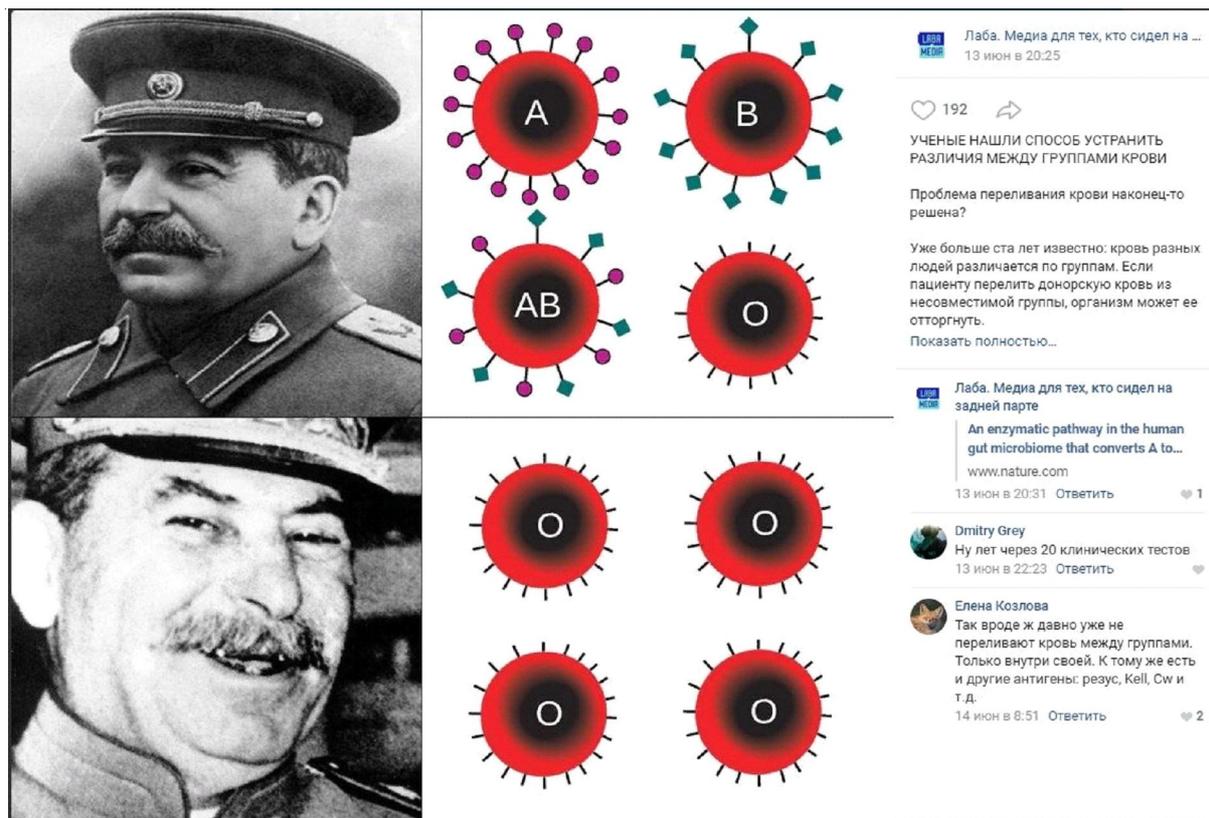

Рис. 5. Мем на официальной странице НИТУ МИСиС

Fig. 5. Internet meme on the official website of MISiS, National University of Science and Technology

Выводы

В целях привлечения внимания целевой аудитории авторы контента образовательных сайтов российских вузов часто прибегают к таким эффективным языковым средствам усиления аттрактивности поликодовых медиатекстов, как прецедентные феномены традиционного типа и интернет-мемы, которые выступают как носители культурно значимой информации и потому имеют значительный воз- действенный потенциал.

Прецедентные феномены традицион- ного типа подвергаются разного рода семан- тическим, лексическим, структурным и син- таксическим преобразованиям, актуализируя в языковом сознании аудитории разные куль- турные слои, нередко в модусе иронического отталкивания и игрового каламбурного пере- осмысления. Использование поликодовых прецедентных медиатекстов позволяет уси- ливать аттрактивность контента посред- ством разных типов взаимодействия вер- бальных и невербальных компонентов.

В поисках средств максимизации аттрак- тивности создатели контента сайтов нередко обращаются к такому новому виду прецедент- ных феноменов, как мемы. Мемы всегда име- ют поликодовый характер, будучи соотносены- ми с видоизмененным пратекстом, иногда – на фоне узнаваемости другого известного сете- вого мема. Как правило, они имеют двухкомпо- нентную структуру: одна часть активизирует фоновые знания, тем самым привлекая внима- ние пользователя к медиатексту, а вторая часть актуализует нужное авторам содержание, созда- вая корреляцию между прецедентным феноме- ном и темой сообщения. Таким образом ауди- тории навязывается нужное создателям контента направление в возможной интерпретации со- общения. Мемы всегда апеллируют к культур- ному фону аудитории, в том числе для созда- ния атмосферы неформального общения с пользователями. В целях усиления аттрактив- ности при использовании мемов также приме- няются приемы алогизма и визуального блен- динга и эксплуатируется экспрессивный потен- циал интертекстуального взаимодействия.

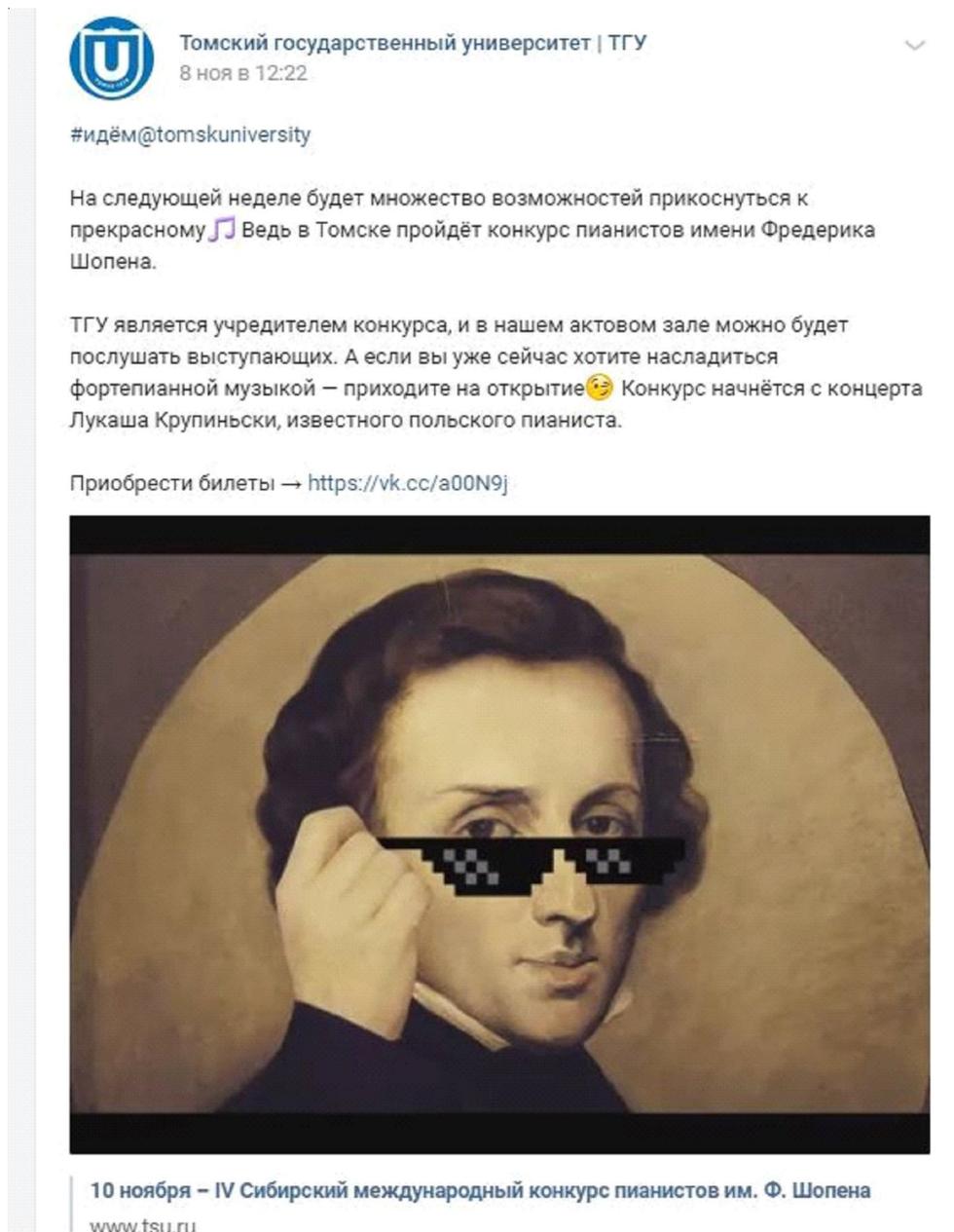

Рис. 6. Мем на официальной странице ТГУ в социальной сети «ВКонтакте»

Fig. 6. Internet meme on the official page of TSU in VKontakte social network

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1990. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Сов. энцикл. С. 136–137.
- Воборил Л., 2008. Русский язык – его развитие и функционирование – в коммуникативных условиях виртуального веб-пространства // ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II (XIX Оломоуцкие дни русистов 30.08–01.09. 2007) : сб. тр. Междунар. конф. Olomouc : Nakladatelství Univerzity Palackého. С. 23–37.

- Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М., 2018. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание Т. 17, № 4. С. 39–53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
- Дейк Т. А. ван, 1989. Язык. Познание. Коммуникация : сб. работ. М. : Прогресс. 308 с.
- Карасик В. И., 2000. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональ-

- ный дискурс : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 5–20.
- Караулов Ю. Н., 1987. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 261 с.
- Красных В. В., 1997. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 3. С. 62–75.
- Литневская Е. И., Бакланова А. П., 2005. Психолингвистические особенности Интернета и некоторые языковые особенности чата как исконно сетевого жанра // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 6. С. 46–61.
- Максименко О. И., Подрядова В. В., 2013. Аттрактивность в теории языка // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. № 1 (1). С. 66–73.
- Новые тенденции в русском языке начала XXI века, 2014 / Т. Б. Радбиль [и др.]. М. : Флинта : Наука. 304 с.
- Помазов А. И., 2018. Языковые средства структурной организации и контента образовательного сайта: к постановке проблемы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 3. С. 216–223.
- Помазов А. И., 2019. Языковые и коммуникативные средства выражения категории аттрактивности в медиатекстах российских вузов // Национальные коды в языке и литературе. Современные языки в новых условиях коммуникации : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. (г. Нижний Новгород, 12–13 марта 2019 г.). Н. Новгород : Изд-во Нижегород. госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. С. 137–146.
- Радбиль Т. Б., 1999а. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. № 3–4. С. 66–83.
- Радбиль Т. Б., 1999б. Прецедентные тексты в языковой картине мира // Языковая картина мира в синхронии и диахронии : сб. науч. тр. Н. Новгород : Изд-во НГПУ. С. 34–41.
- Радбиль Т. Б., 2019. Когнитивная интерпретация лексико-словообразовательных инноваций в Рунете // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXVI. Понимание. Интерпретация. Когнитивное моделирование. М. ; Тамбов : Державинский. С. 320–326.
- Сидорова М. Ю., 2006. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение. М. : «1989.ру». 193 с.
- Трофимова Г. Н., 2008. Языковой вкус интернет-эпохи в России (функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты). М. : Изд-во РУДН. 300 с.
- Ульянова М. А., 2014. Классификация жанров интернет-дискурса // *Lingua mobilis*. № 3 (49). С. 102–110.
- Чернявская В. Е., 2006. Дискурс власти и власть дискурса : Проблемы речевого воздействия. М. : Флинта : Наука. 136 с.
- Chafe W. L., 1976. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View // *Subject and Topic* / ed. by C. N. Li. N. Y. : Acad. Press. P. 25–55.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- СЛТ – Словарь лингвокультурологических терминов / авт.-сост. М. Л. Ковшова, Д. Б. Гудков ; отв. ред. М. Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2017. 192 с.
- НИТУ «МИСиС» : [официальный сайт]. URL: <https://misis.ru> (дата обращения: 02.09.2019).
- НИТУ МИСиС : [официальная страница в соц. сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/nust_misis (дата обращения: 19.08.2019).
- НИУ ВШЭ : [официальный сайт]. URL: <https://www.hse.ru> (дата обращения: 12.08.2019).
- НИУ ВШЭ : [официальная страница в соц. сети «ВКонтакте»]. URL: https://vk.com/hse_university (дата обращения: 11.11.2019).
- СПбГЭТУ «ЛЭТИ» : [официальный сайт]. URL: <https://etu.ru> (дата обращения: 18.08.2019).
- ТГУ : [официальная страница в соц. сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/club10540> (дата обращения: 19.11.2019).
- Университет ИТМО : [официальный сайт]. URL: <http://www.ifmo.ru/ru> (дата обращения: 14.08.2019).
- Университет ИТМО : [официальная страница в соц. сети «ВКонтакте»]. URL: <https://vk.com/itmoru> (дата обращения: 11.09.2019).

REFERENCES

- Arutyunova N.D. Diskurs [Discourse]. Yartseva V.N., ed., 1990. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopaedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., pp. 136-137.
- Voboril L., 2008. Russkiy yazyk – ego razvitie i funktsionirovanie – v kommunikativnykh usloviyakh virtualnogo web-prostranstva [Russian Language, Its Evolution and Functioning in Communicative Conditions of the Virtual Web-Space]. *ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II (XIX Olomoutskie dni rusistov 30.08–01.09. 2007): sb. tr. Mezhdunar. konf.* [ROSSICA OLOMUCENSIA XLVI-II (19th Olomouc Days of

- Rusists). Proceedings of the International Conference]. Olomouc, Nakladatelstv Univerzity Palackyho, pp. 23-37.
- Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2018. Chernovoy tekst kak osnova rekonstruktsii rechemyslitelnoy deyatel'nosti (na materiale regionalnykh dokumentov XVIII v.) [Draft Text as a Basis for Reconstructing Mental and Speech Activity (Exemplified with Regional Documents of the 18th Cen.)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 17, no. 4, pp. 39-53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>.
- Deik T.A. van., 1989. *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya: sb. rabot* [Language. Cognition. Communication. Collection of Works]. Moscow, Progress Publ. 308 p.
- Karasik V.I., 2000. O tipakh diskursa [On Discourse Types]. *Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr.* [Language Personality: Institutional and Personal Discourse. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-20.
- Karaulov Yu.N., 1987. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 261 p.
- Krasnykh V.V., 1997. Kognitivnaya baza i pretsedentnyye fenomeny v sisteme drugikh edinits i v kommunikatsii [Cognitive Base and Precedent Phenomena in a System of Other Units and in Communication]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [The Moscow University Herald, Series 9. Philology], no. 3, pp. 62-75.
- Litnevskaya E.I. Baklanova A.P., 2005. Psikholingvisticheskie osobennosti Interneta i nekotorye yazykovye osobennosti chata kak iskonno setevogo zhanra [Psycholinguistic Features of the Internet and Some Language Features of a Chat as Primordially Web Genre]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya* [The Moscow University Herald, Series 9. Philology], no. 6, pp. 46-61.
- Maksimenko O.I., Podryadova V.V., 2013. Attraktivnost v teorii yazyka [Attractiveness in the Theory of a Language]. *Uchenye zapiski Natsionalnogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, no. 1 (1), pp. 66-73.
- Radbil T.B. et al., eds., 2014. *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New Tendencies in the Russian Language in the Early 21st Century]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 304 p.
- Pomazov A.I., 2018. Yazykovye sredstva strukturnoy organizatsii i kontenta obrazovatel'nogo sayta: k postanovke problemy [Linguistic Tools for Structural Organization and Content of an Educational Website: Stating the Problem]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 3, pp. 216-223.
- Pomazov A.I., 2019. Yazykovye i kommunikativnye sredstva vyrazheniya kategorii attraktivnosti v mediatekstakh rossiyskikh vuzov [Language and Communicative Means of Representation of the Attractiveness Category in the Russian Universities' Media-Texts]. *Natsionalnye kody v yazyke i literature. Sovremennyye yazyki v novykh usloviyakh kommunikatsii: sb. st. po materialam Mezhdunar. nauch. konf. (Nizhniy Novgorod, 12–13 marta 2019 g.)* [National Codes in Language and Literature. Modern Languages in the New Conditions of Communication. Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific Conference (Nizhny Novgorod, March 12–13, 2019)]. Nizhny Novgorod, Izd-vo Nizhegorodskogo gosuniversiteta im. N.I. Lobachevskogo, pp. 137-146.
- Radbil T.B., 1999a. Geroy Andrey Platonova kak yazykovaya lichnost (obraz Fomy Pukhova v «Sokrovennom cheloveke») [Andrey Platonov's Hero as a Language Personality (Foma Pukhov Image in "Sokrovennyy Chelovek")]. *Rusistika segodnya*, no. 3-4, pp. 66-83.
- Radbil T.B., 1999b. Pretsedentnyye teksty v yazykovoi kartine mira [Precedent Texts in the Language Picture of the World]. *Yazykovaya kartina mira v sinkhronii i diakhronii: sb. nauch. tr.* [Language Picture of the World in Synchrony and Diachrony. Collection of Scientific Works]. Nizhny Novgorod, Izd-vo NGPU, pp. 34-41.
- Radbil T.B., 2019. Kognitivnaya interpretatsiya leksiko-slovoobrazovatelnykh innovatsiy v Runete [Cognitive Interpretation of Lexical-Derivative Innovations in the Runet]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. XXXVI. Ponimanie. Interpretatsiya. Kognitivnoe modelirovanie* [Cognitive Studies of Language. Iss. XXXVI. Understanding. Interpretation. Cognitive Modeling]. Moscow, Tambov, Derzhavinskiy Publ., pp. 320-326.
- Sidorova M.Yu., 2006. *Internet-lingvistika: russkii yazyk. Mezhlichnostnoe obshchenie* [Internet-Linguistics: Russian Language. Interpersonal Communication]. Moscow, 1989.ru Publ. 193 p.
- Trofimova G.N., 2008. *Yazykovoy vkus internet-epokhi v Rossii (funktsionirovanie russkogo yazyka v Internete: kontseptualno-sushchnostnyye dominanty)* [Language Taste of the Internet-Epoch in Russia (Functioning of the Russian Language in the Internet: Conceptual-

- Substantial Dominants)]. Moscow, Izd-vo RUDN. 300 p.
- Ulyanova M.A., 2014. Klassifikatsiya zhanrov internet-diskursa [The Classification of the Internet-Discourse Genres]. *Lingua mobilis*, no. 3 (49), pp. 102-110.
- Chernyavskaya V.E., 2006. *Diskurs vlasti i vlast diskursa: Problemy rechevogo vozdeystviya* [Discourse of the Power or Power of the Discourse. Problems of Speech Influence]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 136 p.
- Chafe W.L., 1976. Givenness, Contrastiveness, Definiteness, Subjects, Topics, and Point of View. Li C.N, ed. *Subject and Topic*. New York, Acad.Press, pp. 25-55.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Kovshova M.L., Gudkov D.B. *Slovar lingvokulturologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic and Cultural Terms]. Moscow, Gnozis Publ., 2017. 192 p.
- NITU «MISiS»: [ofits. sayt] [NUST MISIS. Official Website]. URL: <https://misis.ru> (accessed 2 September 2019).
- NITU MISiS: [ofits. stranitsa v sots. seti «VKontakte»] [Nust MISIS. Official Page in Vkontakte Social Network]. URL: https://vk.com/nust_misis (accessed 19 August 2019).
- NIU VShE: [ofits. sayt] [HSE. Official Website]. URL: <https://www.hse.ru> (accessed 12 August 2019).
- NIU VShE: [ofits. stranitsa v sots. seti «VKontakte»] [HSE. Official Page in Vkontakte Social Network]. URL: https://vk.com/hse_university (accessed 11 November 2019).
- SPbGETU «LETI»: [ofits. sayt] [ETU “LETT”. Official Website]. URL: <https://etu.ru> (accessed 18 August 2019).
- TGU: [ofits. stranitsa v sots. seti «VKontakte»] [TSU. Official Page in Vkontakte Social Network]. URL: <https://vk.com/club10540> (accessed 19 November 2019).
- Universitet ITMO: [ofits. sayt] [ITMO University. Official Website]. URL: <http://www.ifmo.ru/ru> (accessed 14 August 2019).
- Universitet ITMO: [ofits. stranitsa v sots. seti «VKontakte»] [ITMO University. Official Page in Vkontakte Social Network]. URL: <https://vk.com/itmoru> (accessed 11 September 2019).

Information About the Authors

Timur B. Radbil, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Alexey I. Pomazov, Postgraduate Student, Assistant Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Director, Fundamental Library, N.I. Lobachevsky National Research State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, pomazov@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1744-1825>

Информация об авторах

Тимур Беньюминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Алексей Игоревич Помазов, аспирант, ассистент кафедры теоретической и прикладной лингвистики, директор Фундаментальной библиотеки, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, pomazov@unn.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1744-1825>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.13>

UDC 81'366.582
LBC 81.052.1

Submitted: 09.07.2019
Accepted: 06.12.2019

THE SYNTAX AND SEMANTICS OF THE PERFECT STRUCTURE: A COMPARATIVE APPROACH

Jacqueline Guéron

New Sorbonne University, Paris, France

Abstract. The article covers some issues that concern the syntax and semantics of the present perfect construction in English and other languages. It states that all Present Perfects may be associated with what is considered the canonical construal in which an assertion is located at the present time but reports the existence of a past situation. However, some Present Perfects may, in addition, have a simple past aorist meaning. The author focuses on pluractional and evidential construals of the Present Perfect in some languages, argue that the Passé Composé construal and the Aorist construal of the perfect construction belong to two different modes of discourse, *discours* and *récit*, underlines their variability associated with a complex syntactic structure (an auxiliary verb and a verbal participle for Present Perfect, while the Aorist construal is associated with a simple verbal structure). According to the author, the Perfect has both syntactic and analytical ways of realization, thus the analytical syntactic structure of the Perfect is in English, French and German, with both a tensed auxiliary verb and a past participle, whereas it is synthetic in Latin, Russian and Arabic as is presented in the past participle alone; in languages with overt aspectual marking, aspect may vary on either the auxiliary, if it exists, or on the participle.

Key words: syntax, Present Perfect, Aorist, semantic meaning, time reference, pluractional construal, evidential construal.

Citation. Guéron J. The Syntax and Semantics of the Perfect Structure: A Comparative Approach. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 154-166. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.13>

УДК 81'366.582
ББК 81.052.1

Дата поступления статьи: 09.07.2019
Дата принятия статьи: 06.12.2019

СИНТАКСИС И СЕМАНТИКА СТРУКТУРЫ ПЕРФЕКТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Жаклин Герон

Университет Новая Сорбонна, г. Париж, Франция

Аннотация. Статья посвящена описанию синтаксических и семантических особенностей перфектной модели в разных языках. Показано, что любая форма Present Perfect может быть рассмотрена как утверждение в момент речи о событии, которое имело место в прошлом, однако в некоторых контекстах выявляются

случаи передачи аористического значения – законченного действия, совершенного в прошлом. Автор указывает на возможность реализации в некоторых языках с помощью этой формы значений *повторяющееся событие* и *событийность*; доказывает, что формы *Passé Composé* и *Aorist* функционально относятся к двум разным типам дискурса. В исследовании установлено, что вариативность значений этой формы ассоциируется со сложноорганизованной синтаксической моделью (вспомогательный глагол и причастие основного глагола для *Present Perfect*, простая глагольная форма для *Aorist*). Перфект в разных языках может иметь аналитическую реализацию, когда вспомогательный глагол и причастия эксплицируют временную и аспектуальную отнесенность (английский, французский, немецкий языки), синтетическую реализацию – в синтетической форме глагола (латынь, русский, арабский языки), в языках с открытым аспектуальным выражением – в форме вспомогательного глагола или причастия.

Ключевые слова: синтаксис, настоящий перфект, аорист, семантическое значение, временная отнесенность, повторяющееся событие, результативность.

Цитирование. Герон Ж. Синтаксис и семантика структуры перфекта: сравнительный анализ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 154–166. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.13>

1. Introduction

The perfect structure, in particular the present perfect structure, has been the object of much study for English and other languages (cf.: [Kiparsky, 2002; Klein, 1992; McCawley, 1981; McCoard, 1978; Michaelis, 1994; Mittwoch, 1988; Alexiadou, Rathert, Stechow, 2012; Portner, 2003; et al.]). Yet questions remain concerning every aspect of this structure. Some of them are listed below¹.

1.1. The acceptability of punctual temporal adverbs. In English punctual temporal adverbs are ungrammatical in the present perfect but acceptable in the past, future, and non-finite perfects.

- (1) a. I have seen John recently/*yesterday/*at 3 p.m.
- b. I had seen John yesterday.
- c. I will have seen John today at 3 p.m.
- d. I had hoped to have seen John yesterday.

In French or (South-)German, however, such adverbs are acceptable in the present perfect as well.

- (2) a. Jean a parlé à Marie récemment/ hier/ à 3 heures.
- b. Der Student hat gearbeitet (gestern).

1.2. Syntactic structure.

(i) In English, French, and German, the perfect structure is analytical: it contains a finite auxiliary plus a non-finite past participle. This structure may have either the canonical Past-in-Present interpretation, as in English (1a) (which for simplicity we will call the PC, or *Passé Composé*, interpretation), or the simple past interpretation as in French (2a) or German (2b) with adverb *hier* or *gestern*.

(ii) In Latin, Russian, and Arabic, however, the present perfect is synthetic: there is no finite auxiliary, only a participle². Yet the structure is still ambiguous, as in French or German, between the PC and the simple past interpretation³.

- (3) amavi (I loved/have loved) (Latin)
- (4) a. Sobaka (uže) vychodila. (Russian)
       dog (already) go_out.PAST.IPFV
       - Imperfective Past
       OR
       - Existential Present Perfect
- b. Sobaka vyšla.
       dog go_out.PAST.PFV
       - Aorist Past
       OR
       - Result Perfect

- (5) jaraa (he ran/has run) (Standard Arabic) ⁴
run.PFV.3.SGM

1.3. Aspectual marking. In languages with overt morphological aspect, the aspectual marking of the auxiliary and/or the participle may vary.

- (i) In Spanish or French the auxiliary may be IPVF or PFV, but in Portuguese it must be IPFV.
(ii) The participle may vary for aspect, as in Russian (4a-b) or Bulgarian.

1.4. Construal. The most widespread construal of the perfect, which I will consider canonical, is the Existential construal in (6a-b), with its variants, the Resultative construal (6c) or the Hot News construal (6d). Under the Existential construal, as described in Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski [2001], the auxiliary verb defines a Perfect Time Span (PTS), a temporal interval which, starting from the Reference Time – the Utterance Time (UT) in the Present Perfect – stretches backwards to some defined or undefined point of time prior to the Reference or Utterance Time. The situation which the participial Verb Phrase (VP) describes is inserted on one or more points of the Perfect Time Span (PTS) located prior to the Reference or Utterance Time. The point of insertion may be remote from the UT, as in (6b), or so close to the Utterance time that one can speak of a result state pertaining to the UT, as in (6c) and (6d).

- (6) a. John has visited London once/ three times this year. (Exist. Perf.)
b. The earth has been hit by meteors before (and may be again) (Exist. Perf.)
c. I have broken my glasses. (Result Perf.)
d. The Orioles have won! (Hot News Perf.)

Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski [2001] propose that the UT sets the right boundary of the PTS in the present perfect while an adverb may set the left boundary. Note, however, that the right boundary is only a pragmatic boundary. The UT is never associated with the actual boundary of an eventuality, event or state. (7a) shows, as discussed in Giorgi, Pianesi [1997], that an event may not be bounded at the UT. Only a state, which lacks boundaries, may be predicated at the UT, as shown in (7b). In (7c), *maintenant/now* coincides with the post-state of the event rather than with its end point.

- (7) a. *Je trouve la pièce maintenant.
(I find the coin now)
b. J'aime Jean maintenant.
(I love Jean now)
c. J'ai maintenant trouvé la pièce/*aimé Jean.
(I have now found the coin/*loved Jean.)

When the participle denotes a state rather than an event, a Universal construal is available which implies that the state is still ongoing at the UT. This construal requires not only a stative participle, but also an adverbial which marks the left boundary of the Perfect Time Span, as in (8b). Otherwise the sentence receives the unmarked Existential construal in which the situation the participle denotes does not continue at the UT, as in (8a).

- (8) a. John has been sick this week (but fortunately he is better now).
b. John has been sick since this morning (# but fortunately he is better now).

1.5. Pluractionality. The canonical present perfect denotes either a one-time- or an iterated event and accepts cardinal modifiers as in (6a). But in both European and Brazilian Portuguese, the present perfect, unlike the past or future perfect, and unlike the English or French present perfect, can only denote an iterated event (or a durative state). It is incompatible with cardinal modifiers (cf.: [Baptista, Guéron, 2014; Ilari, 2001; Laca, Cabredo-Hofherr, Carvalho, 2010])⁵.

- (9) a. Ele tem saido com os amigos (varias vezes *uma vez). \\
Lit: he has gone_out with the friends (several times/*one time)
b. cf. Eng: He has gone out with friends (three times once).

1.6. Evidentiality. The perfect may function as an evidential expression. According to Izvorski [1997], in Bulgarian (and in, e.g., Norwegian), the present perfect structure is ambiguous between the canonical PC construal (10a) and an evidential construal (10b).

(10) Az sam doshal.

I be.1.SG.PRES come.PART

a. I have come. (PC = Passé Composé)

b. I apparently came. (PE = Perfect of Evidentiality)

Under the PC construal (10a), the structure rejects a punctual past adverbial, just like English (1a) (cf.: (11a)). I take this incompatibility to be the defining diagnostic of a canonical PC. In the evidential construal (10b), however, a past punctual adverb is fine (cf.: (11b)). Note that the perfect structure is not ambiguous in the third person: the auxiliary is maintained in the PC construal (11a), but absent from the evidential construal (11b).

(11) a. Te sa doshli (?? vchera).

they are come.PART yesterday

(They have come (?? yesterday).)

b. Te doshli vchera.

they come.PE yesterday

(They apparently came yesterday.)

Izvorski's [1997] account of this phenomenon is inspired by Iatridou's [2000] analysis of the past tense. Iatridou argues that in English and other languages, past tense can place the event vP denotes either in the past time of the current world, as in (12a), or in a counterfactual world, as in (12b)⁶.

(12) a. John *went* to Paris yesterday/*tomorrow.

b. If John *went* to Paris tomorrow, he could visit Mary.

Iatridou [2000] proposes that past tense defines an EXCLUSION relation between either times or worlds. In (12a), the Topic Time (TT) (or Reference Time) excludes the Utterance Time (UT). In (12b), the Topic world (TW) (or Reference world) excludes the Utterance world (UW). This is schematized in (12'a-b).

(12') a. $TT \not\supseteq UT$ (Topic Time excludes Utterance Time)

b. $TW \not\supseteq UW$ (Topic World excludes Utterance World)

Izvorski [1997] proposes that a temporal category may denote either tense or modality. The present perfect would assert, in its temporal PC construal, that the core eventuality does not hold at the Utterance Time, and in its modal Perfect of Evidentiality (PE) construal, that while the speaker has no direct evidence that the eventuality holds, she does have indirect evidence because traces of the past eventuality are visible at the UT. Izvorski considers that in the latter use, the present perfect functions as an *evidential epistemic modal*.

However, a contrast which Izvorski cites, and even her discussion as represented above, shows that evidentiality cannot be classified as a modality, unless the term 'modality' is enlarged to include not only situations which can or must be true at future time but those which overt signs suggest are already true at the utterance time. In Bulgarian, in the context (13), the epistemic modal in (13a) is acceptable, but the evidential perfect in (13b) is not.

(13) Knowing how much John likes wine....

a. toj trjabva da e izpil vsichkoto vino vchera. (Modality)

he must is drunk all-the wine yesterday

(He must have drunk all the wine yesterday.)

- b. # toj izpil vsichkoto vino vchera. (Evidential Perfect)
 he drunk.PE all-the wine yesterday
 (He apparently drank all the wine yesterday.)

The construal of the Bulgarian perfect as an indirect evidential requires that the context supply some observable result of the core eventuality, which in the context of (13) would be say, empty bottles or someone's account of the event.

The contrast in (13) suggests that the term “evidential modality” is an oxymoron, like “freeze in hell” or “a living death”. In a Kratzerian framework, modal verbs like *can* or *must* introduce necessary or possible worlds in which a described situation holds which does not hold in the actual world at the utterance time (cf.: [Kratzer, 2012]). Evidentials, on the contrary, provide direct or indirect evidence that a described situation does hold in the actual world at the utterance time.

It is true that epistemic modality and evidentiality are both speaker-oriented and both suppose the ability to gain knowledge of the world through direct and indirect perception. In fact, humans share this ability with higher animals. However, while evidentiality is backward looking, focusing on what evidence suggests is already present in the discourse world, modality is forward looking: it focuses on situations which, albeit desirable and possible or even necessary, are missing from the discourse world. This particular form of intentionality, which starts from what is known about the discourse world and looks forward toward a possible or necessary addition to that world is exclusive to human beings⁷.

Taking into account both Izvorski's [1997] description of the dual role of the perfect in Bulgarian and early work on the link between existential and possessive sentences by Lyons [1968] and others, I claim that the present perfect expresses direct evidentiality and that this construal is based on the existential content of its auxiliary verb.

2. The syntactic structure of the Perfect

2.1. The canonical PC sentence, represented by (1a) in English, contains two verbs each marked with a tense morpheme capable of positioning an event description on a time line [Guéron, 2004]. I assume that a finite tense morpheme (and in some languages a non-finite tense morpheme as well) merges a tense feature with an aspect feature either in the lexicon or in syntax. A grammar may also allow both lexical and syntactic merger of tense and aspect, as with the primary and secondary imperfective in Russian, for example.

In (1a), the present tense feature lexically merged with the imperfective aspect feature of English HAVE derives a *Present Time Interval* (PTI) which starts before and pragmatically ends at the Utterance Time⁸. The anterior tense – punctual aspect marker -ED – on the embedded verb places the situation the lexical vP describes at one point or multiple points within that present time interval. Since the PTI starts before the UT and stops at the UT and no part of an event can be placed on the UT itself, this point can only be prior to the UT.

If we assume that a verb has a single temporal-aspectual function, then a structure which involves two times must contain two verbs. It follows that the PC construal is universally associated with a structure containing both a finite auxiliary which denotes a time interval and a participle whose temporal-aspectual affix targets one or more points of that interval.

If the participle denotes an event, the event is over at the Utterance or Reference time even if it is non-telic. If the participle denotes a state, the state is also bounded in time in the unmarked case. But as a state has no internal temporal structure, it may persist throughout the PTI and receive a pragmatic temporal boundary which coincides with that of the UT, deriving the Universal Perfect construal. As we have seen in (7) above, only a state can be predicated of the UT. The boundedness of a state at a time previous to the UT is an implicature of the perfect which an appropriate time adverb can cancel, as in (15d).

- (15) a. John has written a letter/three letters. (Here it is/they are.)
 b. John has run this morning. (Now he is resting.)
 c. John has loved Mary (but no longer does).
 d. John has loved Mary since he was a child (*but no longer does).

When, on the contrary, a perfect structure is construed as an aorist tense, then there must be only one verb and one tense-aspect marker in post-syntactic Logical Form (LF) even if the surface syntax is more complex. Under the aorist construal of French (2a) or German (2b), the participle must therefore have raised to the finite Tense node, where merger of the anterior tense feature of the participle with the person and number agreement features of the auxiliary verb allows it to be construed as a simple past tense. The single structure in French (16) is thus associated on the level of LF with two syntactic structures, (17a) and (17b), in English. In French, the participle is generated low in the PC structure and raises to the main tense node under the aorist construal. As English verbs don't raise, the participle is first-merged either in the lower part of the structure where its -ED affix is construed as a punctual aspectual marker or in the higher part, where the same affix is construed as a past tense.

(16) Jean a marché toute la journée.

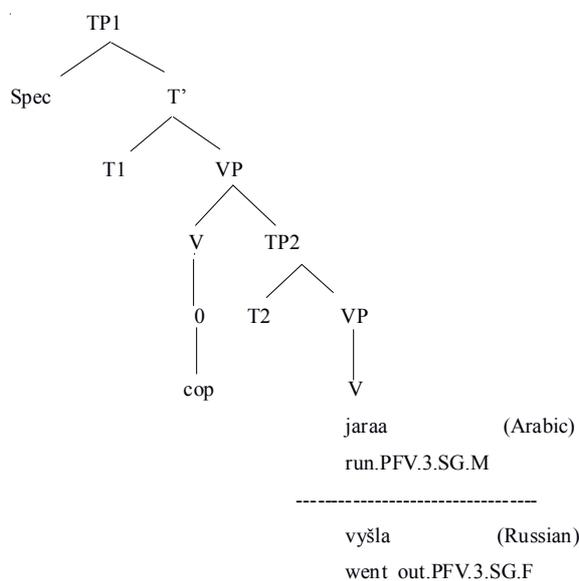
(17) a. John has walked all day.

b. John walked all day.

I propose, therefore, that in Russian, Arabic or Latin, the PC construal is based on a syntactic structure containing two verbs, the higher of which is a null copula. Note that these languages have independently been analyzed as containing null copula BE in present tense predications like “Maša krasivaya” for “Masha is beautiful”. Under the PC construal, the null copula defines the present time interval, while the core event is inserted by the aspectual marker of the participle at a temporal point prior to the utterance time. Since there is no overt auxiliary, there is no obstacle to raising the participle to the finite Tense position either in syntax or in LF.

The ambiguity PC/aorist tense is illustrated in (18) in Arabic and Russian. The PC interpretation is read off the full structure with a null auxiliary. The aorist interpretation is read off a structure in which the participle raises from T2 to T1, either in LF as in French or German, in syntax as in Latin, Arabic or Russian, or by first-merge as in English. This syntactic analysis is straightforward given by a grammar with a null copula, verb raising in syntax or LF, and perhaps crucially, some form of feature agreement between the finite verb and the participle⁹.

(18)

2.2. We may ask what allows a morpheme to function as an aspect in T2 and as a Tense in T1. That is like asking what allows a pronoun to be construed as deictic in TP1 and anaphoric in TP2. As discussed in Partee [1973], Tense, like pronouns, includes a [+/- referential] feature. This feature allows a non-referential (non-finite) tense to be calculated with respect to a structurally higher [+/- referential] tense¹⁰. Tense also has, or acquires in syntax, an aspectual feature which dictates its punctual or extended temporal dimension. Similarly, a pronoun includes a [+/- referential] feature which allows a non-referential

argument to be identified with a structurally higher referential argument. In lieu of aspect, the gender and number features of a pronoun dictate certain classificatory properties.

We consider that Aspect is not a viewpoint on a situation as for Comrie [1976] or Smith [1997]. Nor is it a syntactico-semantic structure, as in many semantic accounts of the perfect. It is a functional morpheme which predicates a verb, and the entire event description headed by the verb, with a point or interval within the reference time line. In Latin, Arabic, Russian or English, the same morpheme has a different function at a different syntactic level:

(i) as a temporal affix in TP1, it defines a temporal point or interval within the deictic discourse time line defined by an auxiliary verb;

(ii) as a participial affix in TP2 it predicates the situation that the lexical vP describes of that temporal point or interval.

Again, since the Utterance Time cannot coincide with the temporal boundary of an event, a participle raised from T2 to T1 projects an event on a boundary point within the discourse time line prior to the utterance time, necessarily construed as a point of past time.

A residual problem is how a past participle can raise from T2 to T1, defining an aorist tense, when, as in French or German, T1 already contains an overt auxiliary. I assume that in such cases, either the auxiliary is reduced to its agreement features of person and number, the participle already bearing a tense feature, or that the existential lexical content of the auxiliary has been raised to a higher node with a speaker-oriented function, construed as Evidential, as is plausibly the case in Bulgarian.

2.3. I reject all analyses which account for variation among languages in the structure and construal of the perfect by invoking selectional properties of present tense, as in Pancheva & von Stechow's [2004] account of the difference between the German and English perfects, or Schmitt's [2001] analysis of the difference between the Portuguese and English perfects. I assume, with Partee [1973], that Tense is a referential element, like a pronoun. Unlike a predicate, a referential element lacks the propositional content which licenses the selection of complements.

3. The grammatical function of the canonical present perfect

Why should a grammar which already contains a present tense and a past tense want to combine the two in a single structure? While the past perfect and the future perfect are necessary for temporal interpretation in that they order two events, as illustrated in (19a) and (19b), the present perfect does not order two events. It denotes, rather, the inclusion of a situation occurring at some point in the past within the larger present time interval. So while events occurring in the past and future perfect can be represented on one temporal line as in (19a-b), the present perfect needs a more complex representation as in (19c).

(19) a. John left (E2) after Mary had entered (E1).	ST1 ___ ET2 ___ ST
b. John will have left (E1) by the time you arrive (E2).	ST ___ ET1 ___ ET2
c. John has left.	PTI ___ ST
	ET

3.1. I suggest that the present perfect structure belongs to a mode of discourse distinct from that of the other perfects. Benveniste [1966] described two modes of discourse, *Récit* and *Discours*. *Discours* is speaker-centered and contains the deictic elements *I*, *you*, *now* and *here*. *Récit* is pure narration which does not contain the set of speaker-centered deictic elements. More precisely, even if a *Récit* does contain an *I*, as in, say, Gide's novels written in the *passé simple*, the *I* is a protagonist like any other; it is not associated with a *you*, a *now*, and a *here*.

The same tenses are construed differently in *Récit* and *Discours*. For example, present tense is unavailable with events in English in *Discours* in (20a), but it is fine in *Récit* in (20b-c).

- (20) a. *John walks into the house now.
 b. John walks into the house. He sees Mary. He sits down on a chair.
 c. Yesterday this guy comes up to me. He asks me where the Town Hall is. I tell him I don't know...

The imperfective tense in French can have a progressive or a habitual meaning in both *Discours* and *Récit*, but in *Récit*, it can also be construed as an aorist, as in (21b). Here, the tense and aspect features of the verb function independently. The imperfective aspectual feature of the verb projects a past time interval onto the narrative time line, while its anterior tense feature places the punctual event description onto one past point of that time line. In other words, the past imperfective functions, with a single verb, in a *Récit* the way the present perfect functions, with two independent verbs, in *Discours*: an aspectual feature defines a time span while a tense feature places an event description onto a point of time.

- (21) a. Jean mourait. (Progressive)
 (Jean was dying.)
 b. Dix jours après, Jean mourait. (Aorist)
 (Ten days later, Jean died.)

I propose that while past and future perfects belong to *Récit*, the present perfect is a deictic speaker-centered tense which belongs to *Discours* and whose semantic function is evidential. If so, then the Bulgarian present perfect is ambiguous not between a tense and a modal but rather between a direct and an indirect evidential. The present perfect in (10a) is a direct evidential: its existential auxiliary implies direct perceptual evidence of the truth of the underlying proposition *p*. The Perfect of Evidentiality (PE) in (10b) is an indirect evidential implying indirect evidence of the truth of *p* perceived in the post-state of a past event.

As for its syntax, which Izvorski [1997] does not discuss, I propose that the Bulgarian PE, which has an aorist reading in (10b), undergoes the same movement in syntax or LF as the aorist perfect in other languages, that is, raising of the verb from T2 to T1 in a complex syntactic structure. However, unlike the French or German structures, in which the copula, reduced to its person and number features, plays no further role in the aorist output, the Bulgarian copula continues to play a semantic role. Presumably it raises to a higher syntactic node in the speaker's CP domain, comparable to the node bearing evidential affixes in other languages, in which its existential content is construed as an evidential operator taking scope over the entire retrospective time span leading from present to past.

3.2. Just as evidentials are not limited to languages with evidential affixes, they are not limited to perfect structures. The French sentences of (22), discussed in Kayne [1975], show clear properties of direct evidentials: obligatory imperfective aspect or present tense and the presence of a perception verb or an explicit existential morpheme.

- (22) a. J'ai vu Marie qui sortait du cinéma.
 (I saw Marie who was coming out of the movie theater.)
 b. Voilà Marie qui pleure comme une Madeleine.
 (Here/there is Mary, crying like a Madeleine.)

The same perception verbs function as indirect evidentials when they take a propositional complement and as direct evidentials with a simple *vP* or small clause complement.

- (23) a. I heard Mary sing. (direct perception)
 b. I heard that Mary sang. (indirect evidence)
 (24) a. John seems sick. (direct perception)
 b. John seems to be sick. (indirect evidence)

That existential evidentials are not modals in the grammatical system is shown by the fact that existential terms can introduce simple NPs or Small Clauses as well as propositional content, but modals always introduce propositional content.

- (25) a. Look! There is a man at the door.
 b. I see John sleeping.
 c. Voilà Marie.

- (26) a. *A man must at the door.
 b. *John can sleeping.
 c. *Nécessaire Marie.

Evidentiality calls upon the speaker's ability to interpret sense perceptions as evidence of the *existence* of an entity or an eventuality. This property is shared by human beings and higher animals. Modality presupposes this ability and contributes, in addition, consciousness of the *absence* of a situation which does not currently exist in the discourse world yet is nevertheless both desirable and possible or even necessary. The consciousness of an absence and the intentionality which it implies to somehow contribute to the realization of the absent situation at a future time are exclusively human properties which (so far) have not been attributed to higher animals.

3.3. Existential terms as evidentials. The auxiliaries found over languages in the present perfect, *have* and *be*, function in those same languages in existential and possessive structures. Moreover, they maintain in their auxiliary use lexical and aspectual properties of their existential use.

Lyons [1968] argued that possessive structures have the properties of existential structures so that the two are substitutable, as in (27).

- (27) a. There is a book in John 's hand.
 b. John has a book.

Benveniste [1966] had already assimilated the present perfect with HAVE in (28a) to the simple possessive structure in (28b) in English and likewise for perfect and possessive structures with BE+Locative morpheme in Armenian (29).

- (28) a. John has written a book. (Perfect) (English)
 b. John has a book. (Possessive)
 (29) a. nora *teseal ē* (Perfect) (Armenian)
 (his is seen = he has seen)
 b. nora *tun ē* (Possessive)
 (his is house = he has a house)

Freeze [1992] claimed that HAVE is derived from BE + a LOC(ative) morpheme in syntax. Kayne [2000] and others developed this idea further¹¹. However, the different aspectual content of BE and HAVE, as shown for English in (30), seems sufficient to account for their construals in various syntactic contexts, without positing a syntactic transformation deriving the verb HAVE from an expression containing the verb BE.

- (30) a. John has a child.
 b. John is a child.

English BE is a punctual auxiliary which links two terms in a relation of partial or full identity. It requires the presence of both a locative morpheme and a locative PP in order to create a Figure-Ground existential construal in English or French. The same construal requires only a contextual PP when, as with Russian *est'* or Spanish *estar*, the finite verb is already lexically endowed with a locative feature.

English HAVE, on the contrary, not only contains a locative feature but is in addition temporally imperfective. In a transitive episodic sentence, its locative content creates an existential Figure-Ground configuration, while its temporal content selects an animate subject whose biography coincides with the present time span, as shown by the contrast in (31).

- (31) a. John has a book. (possessive)
 b. *The table has a book¹². (possessive)

In (32a), existential THERE plus a locative phrase entails the direct perception by the speaker of a Figure-Ground configuration at a specific location at the reference time. In (32b), where the temporal

content of HAVE selects an Experiencer subject, the speaker's evidence comes indirectly, from her personal acquaintance with the subject John at the UT. That is why the subject must be alive. A dead man can give no evidence of the truth of p at a point in time included in the PTI.

- (32) a. There is a book on the table.
 b. John has read this book.
 c. # Einstein has read this book¹³.

A transformation merging BE plus LOC to create HAVE cannot account for the temporal content which this verb manifests both in a possessive structure in vP and in a present perfect structure in TP¹⁴.

4. On the impossibility of a universal perfect reading of events

Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski [2001] claim that a PC denoting an event can have a universal reading if the participle has IMPERFECTIVE or NEUTRAL (in the sense of: [Smith, 1997; 2007]) aspect. (33) is a Bulgarian example.

- (33) Tja e pila vinoto [ot sutrinta nasam].
 she is drunk.NEUT wine-the [from this morning towards now]
 (She has been drinking the wine [since this morning].)

Note, however, that Russian (4a) above also has a PC with IPFV *l*-participle (and null auxiliary) but it derives an Existential reading, not a Universal one, so the claim does not make the correct prediction for Russian.

More importantly, the Bulgarian speaker I consulted¹⁵ does not accept (33). The reason is that the PC focuses on the result of a past event (cf.: [Tilkov, Stoyanov, Popov, 1983]), while the adverbial *ot sutrinta nasam* (that means “from morning *towards now*”) does not mark the endpoint of the event at the speaker's *now*. It indicates, rather, an action *intended* by the subject to last until the speaker's *now*. There is a confusion between the subject's and the speaker's temporal points of view. That is, the future time at which the subject intended to stop drinking not yet being realized, it cannot be the same moment as the speaker's deictic “now”.

Whenever the right boundary of an event *is* explicitly provided, as with the adverbial *do sega* (“until now” in Bulgarian), that boundary, as I have been emphasizing, cannot coincide with the utterance time, but must be placed before the UT time. This is the defining property of the Existential perfect.

To show this, take any universal expression as licensed by an adverbial setting a left boundary (LB) on the present time span, whether it be in the simple progressive present as in French (34a) or the progressive perfect in English (34b). Then, instead of an adverb which specifies solely the Left Boundary of the PTI, select an expression which specifies the coincidence of the Right Branch and the UT, as in (35).

- (34) a. Je travaille depuis ce matin (et je continue).
 b. I have been working since 8 a.m. (and I am still working).
 (35) a. *Je travaille (depuis ce matin jusqu'à maintenant).
 b. I have been working (from 8 a.m. until now).

The addition of an explicit right boundary makes the French sentence contradictory, since the imperfective present tense describes an event as ongoing, while a temporal boundary places the event in the past. In the English example, the right boundary triggers an Existential rather than a Universal reading. It is this reading that I associate with (33) in Bulgarian. As for *now*, it means “now at the point of UT” with states, not with events. (36a) refers to the subject's state of loving at the point of UT. (36b) refers to the post-state of an inchoative change of state (like turning on the lights in the room), equivalent to (37b) in English. (37a) is ruled out by the impossibility of predicating an event of the UT¹⁶.

- (36) a. Je t'aime maintenant.
 b. Je te vois maintenant.
- (37) a. *I see you now. (Unless performative)
 b. I can see you now. I have turned the lights on.

5. Conclusion

I propose that the present perfect, like the episodic simple present, is a deictic tense which belongs to *Discours*, not *Récit*. The deictic effect is triggered by the existential spatial content and imperfective temporal content of HAVE in English or by the temporally imperfective / spatially locative construal of some form of “augmented” BE in other languages. The episodic present tense has an evidential function. It implies that the speaker has direct or indirect evidence for the truth of the existence of p at the present time. Since this implication is licensed by the existential content of the auxiliary verb, it does not exist in a perfect with an aorist construal. Under the aorist construal, I proposed that the auxiliary has been reduced to its agreement features in say, French, or else raised to a speaker-oriented higher syntactic node, as, plausibly, in Bulgarian.

When the sentence lacks a subject, as in “It has been raining”, the discourse context provides direct evidence for the assertion based on the speaker’s perception. If the sentence has a subject, the assertion is based on indirect evidence represented by contact between the speaker and the subject at some point during the present time interval (PTI).

The referential subject of a perfect structure has two thematic functions. It is construed both as the Agent of the event described in TP2 and as the Experiencer of the evidential state described in TP1. In order for the same argument to function both as Agent of a past event and as Experiencer of a present information state, the subject must have a biography which spans the entire PTI. The speaker already has a biography, implied by her ability to place events in the past as well as in the present. So the speaker can learn what happened in the past either from evidence visible at present (“It has rained”) or via direct or indirect contact with the subject during the present time interval (“John has won the game”).

NOTES

¹ I am grateful to Svetlana Vogeleer and Vassil Mostrov for discussion of participles in Russian and Bulgarian, respectively.

² The term *participle* refers here to the Old Russian participle ending in -l, used in Modern Russian both as a finite past and with a perfect meaning, and not to the Modern Russian participle derived from a perfective infinitival with a short and a long (adjectival) form.

³ The abbreviations used in glosses are the following: PFV ‘perfective’, IPFV ‘imperfective’, PST ‘past tense’, PRES ‘present’, PART ‘participle’, M/F ‘masculine/feminine’, 1, 2, ... ‘1st, 2nd, ... person’, SG ‘singular’, PL ‘plural’.

⁴ Cf.: [Fassi Fehri, 2012].

⁵ Baptista & Guéron [2014] attribute this property of the Portuguese perfect to the lexical aspect of the auxiliary verb *tener*.

⁶ Generative Grammar distinguishes vP, which contains an overt subject argument, from the syntactically lower VP, which contains only the lexical verb and its internal argument(s). Since an embedded past participle lacks a subject, we analyze it as a TP which directly embeds a VP with no intervening vP. When the participial verb lexically selects a subject as in (1a), “I have *seen* John”, I propose, following Hoekstra [1984], that the overt subject of HAVE binds/identifies the covert selected subject of *see*.

⁷ The diachronic evolution of the English verb *need*, Italian *bisogna*, or French *falloir* or *manquer* illustrates the conceptual link between the absence of a desired physical object in the spatio-temporal domain (*il me manque dix euros / I need ten euros*), the absence of a desired human being in the psychological domain (*tu me manques / I need you*), and the absence of a desired situation in the temporal domain (*il a manqué de tomber / I need to leave now*).

⁸ The *Present Time Interval (PTI)* is more general than the Perfect Time Span (PTS) of Iatridou, Anagnostopoulou, Izvorski [2001], which it subsumes. English Present tense HAVE is imperfective in all its uses. Sentence (i) describes a Figure-Ground configuration in which the subject/Ground is distinct from and spatially and

temporally more extended than the object / Figure. BE, on the contrary, is punctual (in English). While HAVE includes one spatio-temporal entity in another in vP and one time inside another in TP, BE (unless merged with a locative feature) creates a dimensionless mental representation in which the Figure cannot be dissociated from the Ground, as shown in (iii) vs (iv).

- (i) John has a book.
- (ii) John has seen Mary.
- (iii) John is a doctor.
- (iv) *John is a book.

⁹ See Chomsky [1995] for more details concerning the syntactic structure of the sentence, raising operations and formal feature agreement between constituents.

¹⁰ On the composition of the sentential “Tense-Chain”, see Guéron & Hoekstra [1988].

¹¹ These authors apply to English and other languages a transformational version of Benveniste’s own cross-linguistic analysis: “Or, *avoir* n’est rien d’autre qu’un *être à inversé*: *mihi est pecunia* se retourne en *habeo pecuniam*.” (“Have is nothing more than an inverted *be+to*: inverted (Latin) *to me is money* becomes *I have money*’.) [Benveniste, 1966, p. 197].

¹² Possessive HAVE may not take an inanimate subject, as shown in (ii) vs (i). Note that (iii), with inanimate subject does not qualify as an assertion of episodic possession. Rather, it is construed as an individual-level part-whole predication.

- (i) John has a new book. (possessive)
- (ii) *Philadelphia has a new bench. (*possessive)
- (iii) This park has many benches. (part-whole predication)

¹³ A proposition situated in a mental world has access to metonymy and is not subject to the temporal constraints which make (32c) ungrammatical in the spatio-temporal world, as shown by the contrast between (32c) and (i), or between (ii-a) and (ii-b) below:

- (i) Einstein has influenced my physics teacher. (causal reasoning)
i.e. the works of Einstein have influenced the research/teaching of my physics teacher.
- (ii) a. *The war gave a book to Mailer. (spatio-temporal event at a point in time)
b. The war gave Mailer a book. (causal reasoning over a time span)

¹⁴ See Baptista & Guéron [2014] for more discussion of the differences between the auxiliaries HAVE and BE.

¹⁵ Vassil Mostrov.

¹⁶ Note that my Bulgarian informant, who rejects (33), would accept a resultative perfect like (i):

- (i) Tia e pila mnogo ot sutrinta *do sega* (I sega e piana).
she has drunk a lot since this morning *until now* (and now she is drunk)

For me, (ii) and even better (iii) are acceptable in English: the insertion of a quantity expression places the whole sentence in the point of view of the speaker, eliminating the contradictory points of view in (33).

- (ii) She has drunk a lot between this morning and now (and now she is drunk).
- (iii) She has drunk so much between this morning and now that now she is drunk.

REFERENCES

- Baptista M., Guéron J., 2014. Sobre tempo e aspecto em Português: comparando a PB ao PE. Moura D., Sibaldo M.A., eds. *Sintaxe comparativa entre o Português brasileiro e línguas crioulas de base lexical portuguesa*. Vol. III, Cap. 8. Maceió, Edufal.
- Benveniste E., 1966. *Problèmes de linguistique Générale*. T. 1. Paris, Gallimard. 286 p.
- Chomsky N., 1995. *The Minimalist Program*. Cambridge, MA, MIT Press. 420 p.
- Comrie B., 1976. *Tense*. Cambridge, Cambridge University Press. 142 p.
- Fassi Fehri A., 2012. Arabic Perfect and Temporal Adverbs. Alexiadou A., Rathert M., Stechow A. von, eds. *Perfect Explorations*. Berlin, De Gruyter, pp. 69-99
- Freeze R., 1992. Existentials and Other Locatives. *Language*, vol. 68, iss. 3, pp. 553-595.
- Giorgi A., Pianesi F., 1997. *Tense and Aspect. From Semantics to Morphosyntax*. New York, Oxford, Oxford University Press. 319 p.
- Guéron J., 2004. Tense Interpretation and the Argument Structure of Auxiliaries. Guéron J., Lecarme J., eds. *The Syntax of Time*. Cambridge, MA, MIT Press, pp. 299-328.
- Guéron J., Hoekstra T., 1988. T-Chains and the Constituent Structure of Auxiliaries. Cardinaletti A., Cinque G., Giusti G., eds. *Proceedings of the GLOW Conference in Venice 1987*. Dordrecht, Foris, pp. 35-99.
- Hoekstra T., 1984. *Transitivity: Grammatical Relations in Government-Binding Theory*. Dordrecht, Foris. 311 p.

- Iatridou S., 2000. The Grammatical Ingredients of Counterfactuality. *Linguistic Inquiry*, vol. 31, no. 2, pp. 231-270.
- Iatridou S., Anagnostopoulou E., Izvorski R., 2001. Some Observations About the Form and Meaning of the Perfect. Kenstowicz M., ed. *Ken Hale: A Life in Language*. Cambridge, MA, MIT Press, pp. 189-238.
- Ilari R., 2001. Notas sobre o passado composto em portugues. *Revista Letras*, num. 55, pp. 129-152.
- Izvorski R., 1997. The Present Perfect as an Epistemic Modal. Lawson A., Choe E., eds. *SALT7*, pp. 133-147. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d4e5/dac02b2361c186ede4bf89fbd1dca6019a48.pdf>.
- Kayne R., 1975. *French Syntax: The Transformational Cycle*. Cambridge, MA, MIT Press. 473 p.
- Kayne R., 2000. Toward a Modular Theory of Auxiliary Selection. *Parameters and Universals*. Oxford, Oxford University Press, pp. 107-130
- Kiparsky P., 2002. The Polysemy of the Perfect. Beaver D., Casillas Martinez L., Clarck B., Kaufmann S., eds. *The Construction of Meaning*. Stanford, CSLI Publications, pp. 113-135.
- Klein W., 1992. The Present Perfect Puzzle. *Language*, vol. 68, pp. 525-552.
- Kratzer A., 2012. *Modality and Conditionals*. Oxford, Oxford University Press. 203 p.
- Laca B., Cabredo-Hofherr P., Carvalho S. de, 2010. When Perfect Means Plural: The Present Perfect in Northeastern Brazilian Portuguese Varieties. Cabredo-Hofherr P., Laca B., eds. *Layers of Aspect*. Stanford, CSLI Publications, pp. 67-100.
- Lyons J., 1968. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge, Cambridge University Press. 519 p.
- McCawley J., 1981. Notes on the English Perfect. *Australian Journal of Linguistics*, vol. 1, pp. 81-90.
- McCoard R.W., 1978. *The English Perfect: Tense Choice and Pragmatic Inferences*. Amsterdam, North Holland Press. 279 p.
- Michaelis L., 1994. The Ambiguity of the English Present Perfect. *Journal of Linguistics*, vol. 30, pp. 111-157.
- Mittwoch A., 1988. Aspects of English Aspect: On the Interaction of Perfect, Progressive and Durational Phrases. *Linguistics and Philosophy*, vol. 11, pp. 203-225.
- Pancheva R., Stechow A. von, 2004. On the Present Perfect Puzzle. Moulton K., Wolf M., eds. *NELS 34*, pp. 469-484.
- Partee B., 1973. Some Structural Analogies Between Pronouns and Tenses in English. *Journal of Philosophy*, no. 70, pp. 601-609.
- Alexiadou A., Rathert M., Stechow A. von, eds., 2012. *Perfect Explorations*. Berlin, De Gruyter. 442 p.
- Portner P., 2003. The Temporal Semantics and Modal Pragmatics of the Perfect. *Linguistics and Philosophy*, no. 26, pp. 459-510.
- Schmitt C., 2001. Cross-Linguistic Variation and the Present Perfect: The Case of Portuguese. *Natural Language and Linguistic Theory*, no. 19, pp. 403-453.
- Smith C., 1997. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht, Kluwer. 469 p.
- Smith C., 2007. Tense and Temporal Interpretation. *Lingua*, vol. 117, iss. 2, pp. 419-436.
- Tilkov D., Stoyanov S., Popov K., 1983. *Gramatika na sŭvremennia bŭlgarski knižoven ezik*. Sofia, BAN. 511 p.

Information About the Author

Jacqueline Guéron, PhD, Professor Emeritus, English World Institute, New Sorbonne University, 5 rue de l'École de Médecine, 75006 Paris, France, jacqueline.gueron@sorbonne-nouvelle.fr, ScopusID: 15059215600

Информация об авторе

Жаклин Герон, PhD, почетный профессор, Институт по изучению англоязычных стран, Университет Новая Сорбонна, ул. Эколь дё Мэдсин, 5, 75006 г. Париж, Франция, jacqueline.gueron@sorbonne-nouvelle.fr, ScopusID: 15059215600

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.14>

UDC 81'25:339.138
LBC 81.18

Submitted: 18.04.2019
Accepted: 06.12.2019

TRANSLATION OF IT MARKETING TEXTS: LINGUISTIC AND PRAGMATIC FACTORS

Natalia V. Sokolova

Perm National Research Polytechnic University, Perm, Russia

Abstract. The paper focuses on translating specialised marketing texts of software vendors and draws upon lexical units thereof and translation tactics employed in the process. The research material is English marketing texts of SAP and their German and Russian translations. Our hypothesis is that the choice of translation tactics may be conditioned by intertwined linguistic and pragmatic factors. To achieve the goal – to identify factors influencing the translator’s tactic choice of rendering English lexical units of marketing texts into German and Russian – the following methods have been utilized: the continuous sampling, comparative, descriptive ones, and the lexico-semantic analysis. The findings demonstrate that the choice of translation tactics in this respect can be conditioned by the following linguistic and pragmatic factors: 1) translational information types, with all the four types being present in the material of study (cognitive, operative, emotive, and aesthetic); 2) target languages and cultures (German or Russian); 3) the lexico-semantic structure of the lexical units under study. With regard to cognitive information, the use of the precise information transfer tactic is relevant while correct information presentation can be avoided as some terms and abbreviations are left untranslated, with the latter tactic being prevailing in the German texts. As for emotive, aesthetic, and operative information, stylistic adaptation can be evident in the Russian target texts as opposed to the German ones.

Key words: translational information type, cognitive information, operative information, emotive information, aesthetic information, marketing text, target audience, translation tactic.

Citation. Sokolova N.V. Translation of IT Marketing Texts: Linguistic and Pragmatic Factors. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 167-177. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.14>

УДК 81'25:339.138
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 18.04.2019
Дата принятия статьи: 06.12.2019

ПЕРЕВОД МАРКЕТИНГОВЫХ ТЕКСТОВ СФЕРЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

Наталья Владимировна Соколова

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, г. Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблемам перевода специальных маркетинговых текстов производителей программного обеспечения. Объектом исследования избраны лексические единицы, функционирующие в таких текстах, а предметом – тактики их перевода. Материалом изучения послужили англоязычные маркетинговые тексты производителя программного обеспечения SAP и их переводы на немецкий и рус-

ский языки. Мы предполагаем, что переводческие решения по выбору тактик в этом случае могут быть обусловлены взаимосвязью собственно лингвистических и прагматических факторов. Для достижения поставленной цели – выявить факторы, определяющие выбор переводчиком тактик передачи рассматриваемых англоязычных лексических единиц на немецкий и русский языки, – применялись сопоставительный и описательный методы, а также метод лексико-семантического анализа. Установлено, что выбор переводчиком тактик перевода маркетинговых текстов обусловлен взаимосвязью следующих лингвистических и прагматических факторов: 1) транслатологические типы информации, которые были выявлены в рамках проведенного исследования: когнитивная, оперативная, эмотивная, эстетическая; 2) язык перевода (немецкий и русский); 3) лексико-семантический состав единиц. Применительно к когнитивной информации можно говорить о востребованности тактики точной передачи как на русский, так и на немецкий язык, а также тактики отказа от правильного представления информации (передача терминов и аббревиатур без перевода), причем вторая тактика типична для переводов на немецкий язык. В отношении оперативной, эмотивной, а также эстетической информации можно говорить о большей востребованности тактики стилистической адаптации при переводе на русский язык.

Ключевые слова: транслатологический тип информации, когнитивная информация, оперативная информация, эмотивная информация, эстетическая информация, маркетинговый текст, целевая аудитория, тактика перевода.

Цитирование. Соколова Н. В. Перевод маркетинговых текстов сферы информационных технологий: лингвопрагматические факторы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 167–177. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.14>

Introduction

Since the 1990s, the Internet has been an important channel of computer-mediated communication (CMC) – “the communication produced when human beings interact with one another by transmitting messages via networked computers” [Herring, 2001, p. 612].

The Internet is also a means via which specialized product information posted on websites, web pages, etc. can be made available to consumers bridging the gap between companies and prospective buyers based in various countries and on different continents of the world.

Such websites and web pages superseding textual products [Puschmann, 2010, p. 13] are text-based: messages are entered via an electronic device and can be read as texts on a screen, typically by a person or persons at different locations [Herring, 2001, p. 612]. Texts are understood in this case as concrete entities which unfold in sequences of communicative functions in such a way as to achieve an overall rhetorical purpose [Hatim, Mason, 1990, p. 73].

The purpose of a marketing text delivering product insights and posted on a website is to promote a company’s products and services throughout the world and across its multicultural nations. This is when marketing texts carefully elaborated by people of one nation are to be

translated in order to be perceived by another target audience, that is – people of some other nation.

It should be emphasized that translation in this respect involves both linguistic and cultural transfer; in other words, it is a culture transcending process [Vermeer, 1978] adapting the text as seen through the prism of a different culture [Shweitser, 1988].

A proper translation strategy and tactics thereof are instrumental in this process. The translation strategy can be defined as “a general program of the translator’s activity worked out on the basis of the general approach to translation... determined by... the translation goal and, in its turn, determining the character of the translator’s professional behavior” [Sdobnikov, 2012, p. 861].

Marketing texts are a sort of special texts servicing particular producing sectors which are normally translated within the framework of the communicatively equivalent translation strategy that “requires presentation of the information contained in a special text in the most correct way, i.e. in accordance with the rules of presenting certain types of data in a given language” [Sdobnikov, 2012, p. 865].

However, one cannot but think that the process of rendering such specialized marketing texts into the target language and – eventually – into the target culture may be closely intertwined with a number of linguistic and pragmatic factors making translators opt for this or that tactic within

the framework of the communicatively equivalent translation strategy such as: the tactic of precise and complete information transfer; tactic of explicating implied information; tactic of stylistic text adaptation; tactic of rendering stylistic peculiarities of the ST; tactic of correct presentation of information; tactic of pragmatic text adaptation [Sdobnikov, 2012, p. 867] all of which will be defined below in line with the adopted approaches [Sdobnikov, 2012].

Within the framework of the communicatively equivalent translation strategy, the amount of the communicatively relevant information in the target text must be the same as in the source one and – if the goal is achieved, the communicative effect produced by the target is equal to that of the source text [Sdobnikov, 2012, p. 862]. At the same time, the acceptability approach [Toury, 1995] provides for manipulating with some types of information perceived as acceptable or unacceptable from the target audience's perspective. The notion of acceptability should become of primary importance as “subscription to norms originating in the target culture determines its acceptability” [Toury, 1995, p. 57] in line with the pragmatic approach to translation. The translation goal defined by M. Larson [Larson, 1987] is as follows, “the goal of most translators is to produce translations which are acceptable for the audiences for whom the translations are produced” [Larson, 1987, p. 69]. This can be rightfully said about the translations of marketing texts aimed at prospective consumers of other nations.

Thus, our hypothesis is that a translator's choice of tactics for translating marketing texts may be influenced by a number of linguistic and pragmatic factors, that is: translational information types such as cognitive, operative, emotive, and aesthetic information [Alekseeva, 2008a, p. 50; Alekseeva, 2008b] and lexico-semantic specifics of words as well as the target language and culture.

Material and methodology

To test this hypothesis, a prolific material of research is required: that is, contemporary and up-to-date marketing texts are needed as well as their translations into at least two target languages.

Modern software vendors are the companies that make a rigorous use of CMC

communication reaching to customers of multiple nations via the World Wide Web within a single click of a mouse. The websites of such companies feature up-to-date web pages available first and foremost in English and translated into a variety of languages such as German, French, Russian, etc. what makes this material a proper choice to test our hypothesis.

Utilizing the continuous sampling method, the comparative and descriptive methods, as well as the lexico-semantic analysis, the paper draws on lexical units of the English marketing texts of SAP posted on the vendor's website and the German and Russian translations thereof in the amount of nearly 7,000 words.

The goal of this paper is to identify factors influencing a translator's choice of tactics employed to translate lexical units of the English marketing texts under study into German and Russian.

To achieve the goal specified, a number of important methodological objectives should be set as follows:

1. Defining relevant CMC parameters in order to carry out the pre-translation analysis of the linguistic content of the web page texts since it is translation that is in focus.

2. Identifying types of translational information [Alekseeva, 2008a, p. 50; Alekseeva, 2008b] and lexico-semantic means of their expression in the marketing texts under consideration – both in the source and target texts.

3. Analyzing such lexico-semantic means with regard to their macrocomponents such as denotative and connotative meanings; direct and figurative ones [Sternin, 1985, p. 43, 44, 55, 100; Sternin, 2013; Vinogradov, 1980, p. 248-249].

4. Investigating if there are differences in the choice of translation tactics with regard to rendering the translational information types [Alekseeva, 2008a, p. 50; Alekseeva, 2008b] of the English marketing texts into the German and Russian target texts aimed at recipients of the heterogeneous cultures.

5. Testing the hypothesis and identifying if there is a connection between the choice of tactics on the one hand and the information type and the target language on the other hand, that is defining a factor or factors influencing the translator's decision-making process.

Integrating the functional stylistic and pragmatic criteria, the comprehensive genre model

below proposed by W. Orlikowski and J. Yates [Orlikowski, Yates, 2002] is appropriate to carry out the pre-translation analysis of marketing texts within the framework of our research:

1. Purpose (why) – to deliver SAP value offerings to existing and potential customers in order to retain current customers and acquire new ones.

2. Content (what) – information (value offerings) about software products.

3. Form (how) – textual and multimedia features such as pictures, photos, infographics, and video.

4. Participants (who) – the source: SAP software vendor, its staff.

5. Participants (whom) – the target audience: existing or potential customers – English, German, and Russian users of SAP software.

6. Place (where) – a website, WWW.

Point two of the aforementioned classification – information – should be given a more detailed consideration from the perspective of translation studies. This paper draws upon the translation-orientated text typology elaborated by I.S. Alekseeva who differentiates between the following types of information: cognitive, operative, emotive, and aesthetic ones [Alekseeva, 2008a, p. 50; Alekseeva, 2008b] to be considered below. The study undertaken has demonstrated that all the four types of translational information find their manifestation in the specialized English marketing texts of SAP. The information types, the means of expression and translation thereof, and the tactics employed in the German and Russian translations of the English marketing texts will be put under scrutiny below.

Cognitive information

Cognitive type of translational information can be defined as objective and unbiased, impartial data about things under consideration according to I.S. Alekseeva [Alekseeva, 2008a, p. 50].

In special texts, such information finds its manifestation in terms – also in the form of abbreviations meeting the criteria of cognitive information such as objectiveness and compactness. The English marketing texts under study feature terms and abbreviations of the IT industry (*software, cloud, suite, etc.*) and economic sector (*ERP, a company, etc.*).

Normally, the tactic of precise and complete information transfer is used to translate terms into other languages “since the translator’s goal in dealing with a special text is to reproduce information of the source text in a target text” [Sdobnikov, 2012, p. 863] and to convey its denotative meaning fully.

However, the analysis of the German and Russian translations of the English marketing texts has demonstrated a new remarkable tendency to use some IT and economic terms and abbreviations without translating them, and such terms can be named within the context of this paper ‘*transplants*’ because they are literally transplanted into the German and Russian target texts.

This observation is true of the English terms and abbreviations such as *ERP, software, suite, cloud, in-memory* as demonstrated in the examples below:

(1) Choose your *SAP software* for *ERP* for midsize companies (ERPSBMC).

Wählen Sie Ihre *SAP-Software* für *ERP* in mittelständischen Unternehmen (CERPMB).

Выбор *ERP-решения SAP* для предприятий среднего бизнеса (ERPMS);

(2) ...Achieve rapid value with our *cloud-based ERP software suite* (ERPDC).

...Und erzielen Sie eine schnelle Wertschöpfung mit unserer *ERP-Suite in der Cloud* (ERPDK).

...И получайте быструю отдачу с помощью нашего *пакета облачных ERP-решений* (ERP);

(3) SAP HANA *in-memory* processing (SAPCERP).

Nutzt *In-Memory* Computing von SAP HANA (SAPCERP).

На базе SAP HANA – системы вычислений *in-memory* (SAPSC).

As it can be seen above, the German translations (1), (2), and (3) feature such transplants as compared to the Russian target texts where the transplants *in-memory* and *ERP* are used only.

The overall findings based on the entire material of the study demonstrate that the ratio of using such transplants to render the English terms in the German target texts is 54 % as compared to only 9 % in all the Russian target translations analyzed, with the rest of the percentage being term equivalents in the IT marketing context such as *solution – Lösung – решение, etc.*

The observations above make us come to the conclusion that in this case of IT terms in the German and Russian target texts there is some avoidance of the tactic of the correct information presentation that normally requires “accordance with the rules of presenting certain types of data in a given language” [Sdobnikov, 2012, p. 865]. Ignoring this tactic can “make it more difficult for the recipient to perceive the information as the way the information is presented is not what the recipient has got accustomed to” [Sdobnikov, 2012, p. 865].

The avoidance of the correct information presentation tactic in the examples above can be explained by the fact that translators considered it acceptable to use English borrowings in the target texts aimed at professionals familiar with the terms. Using more borrowings in the German texts makes us suppose that the German-speaking IT professionals may be more aware of the English-language terminology of the IT sector as viewed from the point of the translators.

The translator’s choice can also be influenced by somewhat different connotations of the words under study. The English examples (1) and (2) also feature the term *software* denoting computer programs and being transplanted into the German translation as *Software*. However, in the Russian translation we come across the translation *решение*, not *компьютерная программа* or *программное обеспечение*. While the denotative meaning is the same, the Russian translation of this term as *(программное) решение* in the marketing context may be regarded as conveying a connotative meaning of a positive solution addressing and meeting specific needs of a particular client what is the most appropriate choice of equivalents in the target translation.

One more illustrative example demonstrating how the translator’s choice of term equivalents can be influenced by assumptions of the meaning, target language and – respectively – audience is the English term *predictive analytics* where *predictive* means “the practice of extracting information from existing data sets in order to determine patterns and predict future outcomes and trends. Predictive analytics does not tell you what will happen in the future. Instead, it forecasts what might happen in the future with an acceptable level of reliability, and includes what-if scenarios and risk assessment” (Webopedia),

according to the Webopedia dictionary of IT terms. So the part *predictive* of the term under study has nothing to do with fortune-telling, it deals with forecasting instead. The examples below demonstrate the translations of the term into German and Russian:

(4) Machine learning and *predictive analytics* (ERPSBMC).

Maschinelles Lernen und *vorausschauende Analysen* (CERPMB).

Машинное обучение и *прогнозная аналитика* (ERPMC).

As it can be seen, in the Russian translation the choice was made in favor of the word *прогнозная* which corresponds to the meaning of the English term in this context as *forecasting*. Sometimes the term *predictive analytics* can be translated as *предсказательная аналитика* [Garda Technologii]. However, the word *предсказательная* may be misleading and sound inappropriate to prospective customers in this context as it might imply unreliability of forecasts made. Thus, the choice of the equivalent *прогнозная* in the marketing texts under study is conditioned by the purely linguistic (meaning) and pragmatic (target recipients) factors.

Within the framework of this study, no trace of using the tactic of explicating implied information [Sdobnikov, 2012, p. 863] was found what could be explained by the fact that both the source and target texts are aimed at professionals. This statement is also true of the so-called pragmatic adaptation tactic employed with respect to situations “when the things mentioned in the source are not known to the reader and, thus, are difficult to understand as explained by” [Sdobnikov, 2012, p. 863]. The fact that this tactic was not found during our study can also result from the fact that the target audience of the marketing texts is constituted by professionals fully aware of the terms and the industry’s state of the art.

Thus, the tactics of precise information transfer and correct information presentation are considered to be instrumental in rendering the cognitive information of terms [Sdobnikov, 2012, p. 863]. Rendered with the help of the precise information transfer tactic, the German and Russian translations of the English IT marketing texts aimed at professionals also demonstrate the use of the so-called ‘transplants’ – English terms

utilized in the target texts without any translations, with the German target texts featuring more of such transplants (*Software, Cloud, ERP*). The fact evidences the avoidance of the correct information presentation tactic in the target texts aimed at IT pros.

The results also demonstrate that the terms under consideration are rendered using those equivalents that deliver more positive connotations (*software – Software – решение* instead of *программное обеспечение*) and less negative ones (*predictive analytics – vorausschauende Analysen – прогнозная аналитика* instead of *предсказательная аналитика*) to the target recipients of the marketing texts when it comes to this or that language under investigation. So the pragmatic factors of the target language also play a crucial role in making decisions how to render the cognitive information of terms in the marketing texts which may be intertwined with positive or negative connotations.

Emotive information

Emotive information – as opposed to cognitive information – conveys emotions which may be partial, biased, and subjective [Alekseeva, 2008a, p. 53].

Despite being specialized ones – the English marketing texts under study feature an extensive array of adjectives and adverbs going ‘hand in hand’ with means of cognitive information (terms) in order to showcase the advantages of the IT solutions what makes such means of emotive information positively charged in this context. Among them are lexical units describing the benefits of performance efficiency (*productive, enhanced, accurate*); performance speed (*accelerated, instant, rapid, faster, growing, easily, quickly*); the demonstrated track record of using these solutions (*proven*) and their integrated and all-encompassing nature (*comprehensive, continuous*).

Normally, such lexical units are rendered using the respective equivalents in line with the precise information transfer tactic as can be seen in the examples below *rapid – schnelle – быстро; enhanced – besser – эффективный; comprehensive – umfassend – комплексного*:

(5) ...And achieve **rapid** value with our cloud-based ERP software suite (ERPDC).

...Und erzielen Sie eine **schnelle** Wertschöpfung mit unserer ERP-Suite in der Cloud (CERPMB).

...И получайте **быструю** отдачу с помощью нашего пакета облачных ERP-решений (ERPMC);

(6) **Enhanced** project profitability tracking

See how Dickinson + Associates improves business visibility and tracks project profitability with our **comprehensive** ERP cloud solution for professional services (ERPDC).

Die Rentabilität von Projekten **besser** erkennen

Dickinson + Associates gewinnt mit einer **umfassenden** ERP-Cloud-Lösung Geschäftstransparenz und kann die Rentabilität seiner Projekte nachverfolgen (CERPMB).

Эффективный контроль рентабельности проектов

Узнайте, как компании Dickinson + Associates удается повысить прозрачность операций и эффективно отслеживать рентабельность проектов с помощью **комплексного** облачного решения (ERPMC).

Nevertheless, when comparing the German and Russian translations with the English originals, one cannot but notice that such positively charged – qualitative – adjectives and adverbs are omitted in some Russian translations while they are rendered in the German ones as demonstrated in (7) where *accelerated* and *productive* are translated into German as *schnelle* and *productive* and omitted in the Russian target text:

(7) From designing and value discovery to **accelerated** innovation to **productive** usage for tangible business results, you can evolve your business by breaking new ground with a trusted adviser that knows SAP software best (ERPDC).

Begleitet von einem vertrauenswürdigen Berater mit exzellenter Kenntnis der SAP-Software können Sie Ihr Unternehmen weiterentwickeln, indem Sie neue Wege gehen – von der Konzeption und Ermittlung des Nutzens über **schnelle** Innovationsprozesse hin zu messbaren Ergebnissen, die **produktiv** genutzt werden können (ERPDK).

От проекта и анализа до внедрения инноваций и получения ощутимых бизнес-результатов – ваша компания будет развиваться и завоевывать все новые территории при поддержке надежного консультанта, знающего решения SAP лучше всех (ERPMC).

In the example (8) the adverb *easily* is rendered into German as *flexibel* and omitted in the Russian target text:

(8) Extend *easily* with native integration to other SAP solutions and open interfaces (SAPCERP).

Native Integration mit anderen SAP-Lösungen und offene Schnittstellen für *flexible* Erweiterung (SAPCERPG).

Возможности расширения благодаря нативной интеграции с другими решениями SAP и открытым интерфейсам (SAPSC).

The excerpt (9) once again demonstrates the omission of such words because *continuous* in the collocation *to deliver continuous innovation* is not rendered in the Russian translation:

(9) Take *instant* advantage of a cloud-based ERP solution that combines real-time context, intelligent technology, and an intuitive user experience – managed as a service to deliver *continuous* innovation... (ESAPCERP).

Nutzen Sie die Vorteile einer cloudbasierten ERP-Suite, die Echtzeit-Kontext, intelligente Technologien & intuitive Nutzung kombiniert. Sie beziehen die Suite als Cloud-Service inkl. aller **kontinuierlichen** Innovationen... (SAPCERPG).

Воспользуйтесь преимуществами облачного ERP-решения, сочетающего контекст реального времени, интеллектуальные технологии и интуитивно понятный интерфейс, управляемый как услуга для внедрения инноваций... (SAPSC).

It should be noted that in the example above the word *instant* is omitted not only in the Russian, but also in the German target text.

One more English example (10) contains two lexical units describing the speed of the solutions – *quickly* and *rapid* rendered into German as *beschleunigen* and *schnelle*, with only one out of the two lexical units being left in the Russian translation – *быструю (отдачу)*:

(10) Run in real time, innovate *quickly*, and achieve *rapid* value with our cloud-based ERP software suite (ERPDC).

Agieren Sie in Echtzeit, *beschleunigen* Sie Innovationen und erzielen Sie eine *schnelle* Wertschöpfung mit unserer ERP-Suite in der Cloud (ERPDK).

Управляйте бизнесом в реальном времени, внедряйте инновации и *получайте быструю* отдачу с помощью нашего пакета облачных ERP-решений (ERP).

So the precise information transfer tactic is not the only one employed for conveying emotive

information; and this choice of tactics may also be made taking into account the target recipients. As shown in examples (7), (8), (9), (10), the Russian translations of the English marketing texts make a use of the stylistic adaptation tactic with its practical operation of omitting some ‘abundant’ stylistic peculiarities [Sdobnikov, 2012, p. 864] – positively charged adjectives and adverbs – what is not typical of the German translations since only 6 % of them demonstrate this tendency as compared to 27 % of all the Russian target translations.

Thus, the English marketing texts feature means of emotive information such as qualitative adjectives and adverbs (*accurate, productive, comprehensive, enhanced, accelerated, quickly, faster, etc.*) showcasing multiple benefits of the proposed IT solutions in terms of performance, speed, integrity, etc. The precise information transfer tactic is utilized in this respect (*rapid – schnell – быстрый, etc.*). However, the abundance of such means conveying emotive information in the original as well as the assumptions of the target audience may lead to utilizing the stylistic adaptation tactic of omitting such means as demonstrated above in the Russian translations of the English marketing texts.

Aesthetic information

Aesthetic information is a sort of emotive information which conveys emotions arising from the means of conveying this aesthetic information [Alekseeva, 2008a, p. 55]. This translational type of information focuses not only on the means but also on how they are conveyed through the use of metaphors, puns, and many other stylistic devices. And the specialized English marketing texts under study do employ the expressive means reaching out to existing and potential customers in an attempt to appeal to them since their goal is not only to inform but also to persuade the recipients into making a product purchase.

The metaphors used in the marketing texts result from figurative meanings [Vinogradov, 1980, p. 248-249] of the constituent words as can be evident from examples of collocations such as *break new ground; no matter where you are on your journey; close the gap between; and provide a launch pad for business* in the

particular contexts (11), (12), (13), and (14) to be analyzed below.

This is when different figurative meanings can be employed in the target languages as it is the case with the metaphor *break new ground*:

(11) From designing and value discovery to accelerated innovation to productive usage for tangible business results, you can evolve your business by ***breaking new ground*** with a trusted adviser that knows SAP software best (ERPDC).

Begleitet von einem vertrauenswürdigen Berater mit exzellenter Kenntnis der SAP-Software können Sie Ihr Unternehmen weiterentwickeln, indem ***Sie neue Wege gehen*** – von der Konzeption und Ermittlung des Nutzens über schnelle Innovationsprozesse hin zu messbaren Ergebnissen, die produktiv genutzt werden können (ERPDK).

От проекта и анализа до внедрения инноваций и получения осязаемых бизнес-результатов – ваша компания будет развиваться и ***завоевывать все новые территории*** при поддержке надежного консультанта, знающего решения SAP лучше всех (ERP).

The metaphor *break new ground* is rendered into German as *neue Wege gehen* and into Russian – as *завоевывать новые территории*. As it can be seen in (11), the tactic of rendering stylistic peculiarities is implemented with regard to the metaphor “through the use of interlingual (lexical, syntactical and semantic) correspondences (when they are available) and transformations of the text necessary to secure the same effect that is produced by stylistic devices in the source text (when correspondences are not available)” [Sdobnikov, 2012, p. 865].

However, rendering stylistic peculiarities is not always the case with the metaphors in the texts under study. The following excerpt features the metaphor *no matter where you are on your journey* which is rendered as *an jedem Punkt der digitalen Reise* in the German target text, with the word *digitalen* being added – evidently to make the metaphor more obvious to the German target audience – and absolutely omitted in Russian:

(12) ...Drive ROI by collaborating with industry experts, consultants, and support engineers to receive guidance, prescriptive best practices, and expertise – ***no matter where you are on your journey*** (ERPDC).

...Erhöhen Sie den ROI, indem Sie von Empfehlungen, Best Practices und Kenntnissen der

Branchenexperten, Berater und Servicetechniker profitieren – ***an jedem Punkt der digitalen Reise*** (ERPDK).

...Возвращайте инвестиции благодаря сотрудничеству с экспертами, консультантами и специалистами. Пользуйтесь советами, практиками и опытом экспертов (ERP).

Omitting the metaphor in the Russian translation looks like an inappropriate translator’s decision as the Russian language provides a wide array of lexical means to choose a proper metaphor.

In the next example (13) the English metaphor *close the gap between* is translated as *schließen damit die Lücke zwischen* into German while the Russian target text features a collocation devoid of figurative meanings *ускоряя процесс реализации*:

(13) SAP Digital Business Services connects business and IT to help you ***close the gap between*** your digital transformation strategy and execution (ERPDC).

SAP Digital Business Services verbinden Business mit IT und ***schließen damit die Lücke zwischen*** Strategie und Durchsetzung der digitalen Transformation (ERPDK).

SAP Digital Business Services объединяет подразделения и ИТ-структуры, ***ускоряя процесс реализации*** цифровой трансформации (ERP).

The Russian translation in (13) demonstrates the use of modulation *ускоряя процесс реализации* devoid of the figurative meaning as a result of abstaining from using any metaphors such as *сокращая / преодолевая разрыв между*, etc.

The example (14) shows a quite different situation when the metaphor *provide a launch pad* is rendered in Russian; however, a neutral collocation is used in the German target text:

(14) ***Provide a launch pad*** for business growth (ERPDC).

Womit Ihr Unternehmen ***schnell und nachhaltig wachsen*** kann (CERPMB).

Стартовая площадка для роста вашего бизнеса (ERPMS).

The metaphor used in the Russian translation conveys the figurative meaning. As for the German translation, it seems not adequate in this case as there is a verb *launchen* (Duden) in the German language that could have been used figuratively. So the examples (12), (13), and (14)

above evidence the use of the stylistic adaptation tactic employed in order to omit or convey only denotative meanings of the aesthetic means.

The specialized English marketing texts do feature expressive means of aesthetic information such as metaphors, and this fact poses specific challenges to translators who are supposed to convey but sometimes fail to render the figurative meanings. Two tactics can be employed in this case: the one of rendering the stylistic peculiarities (and figurative meanings of metaphors) and that of stylistic adaptation. Stylistic adaptation was carried out by translators both in the German and Russian texts by rendering direct meanings only (12 and 35 % of the overall German and Russian translations respectively). The tactic of stylistic adaptation cannot be regarded as appropriate in this respect as some part of the aesthetic information initially intended to appeal to the target audience is not rendered in this case and – eventually – turns out to be lost upon the recipient.

Operative information

Marketing texts reach out to would-be buyers and consumers of products what makes a use of operative information in such texts quite inevitable as operative information is a call to carry out some actions [Alekseeva, 2008a, p. 53].

Imperatives are used in the English marketing texts under consideration both in headings, subheadings, and in texts themselves encouraging consumers to leverage the benefits of the IT solutions showcased on the SAP web pages.

The excerpts (15) and (16) below are English headings and subheadings of the SAP web pages and the German and Russian translations thereof:

(15) **Solve** the ERP needs of your fast-growing business (ERPSBMC).

So **erfüllen Sie** Ihre speziellen und unternehmenstypischen Anforderungen an ERP (CERPMB).

ERP-**решения** для предприятий среднего бизнеса с учетом вашей специфики (ERPMC);

(16) **Simplify** complex operations with enterprise ERP for global corporations (ERPDC).

Komplexe Vorgänge mit einem ERP-System für globale Unternehmen **vereinfachen** (ERPDK).

ERP-система для большой компании **упрощает** сложные операции (ERP).

In (15), the imperative mood is used in the German translation, however, in the Russian one a noun is utilized in a nominative sentence. In (16), the Russian translation features the indicative mood.

The indicative mood may be also used in the Russian translation of the marketing texts per se as demonstrated in (17) and (18) whereas the mood of the German translation is imperative:

(17) **Create** a flow of real-time information across **your** international organization – and **adopt** new technologies such as the Internet of Things (IoT) and AI – with enterprise resource planning (ERP) systems for over 500 users (ERPDC).

Bewirken Sie einen Informationsfluss in Echtzeit und **führen** Sie neue Technologien **ein**, wie das Internet der Dinge und künstliche Intelligenz – mit ERP-Systemen (Enterprise Resource Planning) für mehr als 500 Anwender (CERPMB).

Корпоративная система планирования ресурсов предприятия (ERP) для 500+ пользователей **позволяет обмениваться** информацией в режиме реального времени в масштабе крупной международной компании и успешно **применять** такие новые технологии, как Интернет вещей и искусственный интеллект (ERP).

It should be emphasized here that the Russian target texts also feature the imperative mood as in the example below:

(18) **Run** all aspects of **your** small or medium business (SMB) with enterprise resource planning (ERP) software packages and tools that help **you** streamline and grow (ERPSBMC).

Steuern Sie alle Bereiche Ihres mittelständischen Unternehmens mit einer ERP-Anwendung, die **Ihnen** eine klare Ausrichtung auf Ihre Kernkompetenzen ermöglicht (CERPMB).

Управляйте всеми аспектами деятельности **своей** компании среднего бизнеса при помощи локальной или облачной системы планирования ресурсов предприятия (ERPMC).

What is important in this respect is that the indicative mood is used in the Russian target texts (15), (16), (17) as a result of applying the stylistic adaptation tactic in the Russian translations what is not true of the German target texts analyzed where the imperative mood is rendered.

The findings demonstrate that the operative information of the English marketing texts in the form of the imperative mood is translated into Russian using the stylistic adaptation tactic what might be the result of trying to make the Russian translations sound less categorical to the Russian recipients, with the ratio of all the imperative sentences analyzed in the SAP context and rendered in the indicative mood being 21 and 7 % in the Russian and German target texts respectively.

Conclusion

Specialized IT marketing texts of today posted on company websites play an instrumental role in reaching out to customers of different nations across the globe.

Such texts pose a number of challenges when it comes to their translation into the languages of other target recipients; and the translator's decision-making and choice of tactics might be conditioned both by linguistic and pragmatic factors.

Although specialized texts are normally considered to be devoid of emotive and aesthetic means, this study of the English marketing texts of the IT sector has revealed the presence of all the four types of translational information including cognitive, emotive, aesthetic, and operative ones and the means thereof such as terms, positively charged lexical units, metaphors, imperative verbs, etc.

The hypothesis outlined in the introduction has been tested and the findings demonstrate that the choice of marketing translation tactics can be determined by interconnections of the linguistic and pragmatic factors such as the abovementioned translational information types, their lexico-semantic specifics and connotations, as well as the acceptability of the translation results from the perspective of the target culture, such as the German or Russian one in our case.

When it comes to rendering cognitive information of terms both into German and Russian, the precise information transfer tactic is relevant. However, the fact that the target audience is professional makes it possible to avoid the tactic of correct information presentation leaving some terms and abbreviations untranslated, with the tactic prevailing when translating into German.

As for emotive, aesthetic, and operative information types and the stylistic means thereof, these peculiarities are normally rendered. However, the adaptation tactic prevails when it comes to the Russian target texts as compared to the German ones. This observation may be explained by the fact that such means might be perceived untypical to and unacceptable of specialized texts in the target Russian culture.

The findings of the study may be utilized as guidelines for dealing with the linguistic and pragmatic challenges of translating English marketing texts of the IT sector into German and Russian.

REFERENCES

- Alekseeva I.S., 2008a. *Tekst i perevod. Voprosy teorii* [Text and Translation. Theoretical Issues]. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ. 184p.
- Alekseeva I.S., 2008b. Translatologicheskie tipy teksta. Opyt klassifikatsii. Ch. II [Translatological Text Types. A Classification (Part II)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9], iss. 3, pp. 32-40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/translatologicheskie-tipy-teksta-opyt-klassifikatsii-ch-ii> (accessed 22 June 2018).
- Garda Technologii* [Garda Technologies]. URL: <https://www.gardatech.ru/baza-znaniy/meropriyatiya/predskazatel'naya-analitika-br-v-informatsionnoy-bezopasnosti/> (accessed 16 March 2019).
- Hatim B., Mason I., 1990. *Discourse and the Translator. Language in Social Life Series*. London, New York, Longman. 258 p.
- Herring S.C., 2001. Computer-Mediated Discourse. Tannen D., Schiffrin D., Hamilton H., eds. *The Handbook of Discourse Analysis*. Oxford, Blackwell, pp. 612-634.
- Larson M., 1987. Establishing Project-Specific Criteria for Acceptability of Translations. Rose M.G., ed. *Translation Excellence: Assessment, Achievement, Maintenance*. Binghamton, New York, University Center, State University of New York, pp. 69-76.
- Orlikowski W., Yates J., 2002. Genre Systems: Structuring Interaction Through Communicative Norms. *Journal of Business Communication*, vol. 39, iss. 1, pp. 13-35.
- Puschmann C., 2010. *The Corporate Blog as an Emerging Genre of Computer-Mediated Communication: Features, Constraints, Discourse Situation*. Goettingen, Universitaet Verlag Goettingen. 142 p.

- Sdobnikov V.V., 2012. Strategy and Tactics of Translating Special Texts. *Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences], vol. 5, no. 6, pp. 861-867.
- Shweitzer A.D., 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory. Status, Issues, Aspects]. Moscow, Nauka Publ. 216 p.
- Sternin I.A., 1985. *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical Meaning of the Word in Speech]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo universiteta. 138 p.
- Sternin I.A., 2013. *Metody issledovaniya semantiki slova* [Methods of Semantic Research]. Yaroslavl, Istoki Publ. 34 p.
- Toury G., 1995. *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam, Philadelphia, Benjamins. 311 p. URL: <http://en.bookfi.net/book/1442560>.
- Vermeer H.J., 1978. Ein Rahmen fuer eine allgemeine Translationstheorie. *Lebende Sprachen*, 23/3, Berlin, Tübingen, de Gruyter, S. 99-102.
- Vinogradov V.V., 1980. O teorii literaturnykh stiley [On the Theory of Literature Styles]. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoy prozy* [Selected Works. On the Language of Fiction]. Moscow, Nauka Publ., pp. 240-249.
- Duden*. URL <https://www.duden.de/suchen/dudenonline/launchen> (accessed 22 March 2018).
- ERP*. URL: <https://www.sap.com/cis/products/erp/s4hana-erp.html> (accessed 22 March 2018).
- ERP and Digital Core*. URL: <https://www.sap.com/products/erp/s4hana-erp.html> (accessed 22 March 2018).
- ERP und Digitaler Kern*. URL: <https://www.sap.com/swiss/products/erp.html> (accessed 22 March 2018).
- ERP for Midsize Companies*. URL: <https://www.sap.com/cis/products/erp/midsize-companies.html> (accessed 22 March 2018).
- ERP for Small Businesses and Midsize Companies*. URL: <https://www.sap.com/products/erp/midsize-companies.html> (accessed 22 March 2018).
- SAP Cloud ERP*. URL: https://www.sap.com/products/erp/erp-cloud-exp-sme.html?adobe_mc_ref=https%3A%2F%2Fwww.sap.com%2Fproducts.html&adobe_mc_sdId=SDID%3D1D590DDC3432804C-0C41165030F3D466%7CMCORGID%3D227AC2D754DCAB340A4C98C6%2540AdobeOrg%7CTS%3D1531387021 (accessed 18 March 2019).
- SAP Cloud ERP Germany*. URL: https://www.sap.com/germany/products/erp/erp-cloud.html?url_id=ctabutton-de-homepage-row2-featSOLCloudERP-07022018 (accessed 18 March 2019).
- SAP S/4HANA Cloud*. URL: https://www.sap.com/cis/products/s4hana-erp-cloud.html?url_id=ctabutton-cis-icon-s4hana-cloud (accessed 18 March 2019).
- Webopedia*. URL: https://www.webopedia.com/TERM/P/predictive_analytics.html (accessed 16 March 2019).

SOURCES AND DICTIONARIES

Cloud ERP fuer den Mittelbestand. URL: <https://www.sap.com/germany/products/erp/midsize-companies.html> (accessed 22 March 2018).

Information About the Author

Natalia V. Sokolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Linguistics and Translation, Perm National Research Polytechnic University, Prosp. Komsomolskiy, 29, 614990 Perm, Russia, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

Информация об авторе

Наталья Владимировна Соколова, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, просп. Комсомольский, 29, 614990 г. Пермь, Россия, ntlk0@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0550-2272>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.15>

UDC 811.161.1'37
LBC 81.411.2-002

Submitted: 02.07.2019
Accepted: 06.12.2019

**PSYCHOSEMANTIC EXPERIMENT AS A TOOL FOR OBJECTIFICATION
OF THE DATA FOR THE WAYS OF REPRESENTING SYNONYMY
IN A MODERN RUSSIAN LANGUAGE ¹**

Irina V. Erofeeva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery D. Solovyev

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Venera R. Bajrasheva

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Abstract. The recently created RuWordNet thesaurus reflects hierarchical, primarily synonymous, relations in the vocabulary so that it is built from a set of synsets. In this paper, we applied the method of a comparative analysis: we compared the data of classical dictionaries of Russian language synonyms, RuWordNet thesaurus and the results of a students' poll. The students represent two areas of specialization: linguistic and nonlinguistic. As a result of the psychosemantic experiment, we specified the criteria for the distribution of lexical units among synsets. We referred to them cognitive, semantic, stylistic and quantitative criteria. The quantitative method made it possible to determine the fixation frequency of synonyms for the stimulus word in the respondents' minds. The results of the experiment showed that the most adequate principle, implemented in verbal and cogitative activity by the identifying of the synonymic chains, is a pragmatic one. It reveals itself in the possibility of the interchange of similar in meaning words in different contexts. The research results contain recommendations on the systematization of linguistic information in the RuWordNet thesaurus, aimed at improving the principles of synsets' building. The performed research is aimed at verifying the reflected in RuWordNet data from the point of view of their correspondence to the real idea of native speakers of the synonymic, hyponymic and other system-based relationship in the vocabulary.

Key words: RuWordNet, synonyms, synset, psychosemantic experiment, lexicography.

Citation. Erofeeva I.V., Solovyev V.D., Bajrasheva V.R. Psychosemantic Experiment as a Tool for Objectification of the Data for the Ways of Representing Synonymy in a Modern Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 1, pp. 178-194. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.15>

УДК 811.161.1'37
ББК 81.411.2-002

Дата поступления статьи: 02.07.2019
Дата принятия статьи: 06.12.2019

**ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ
КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЪЕКТИВАЦИИ ДАННЫХ О СИНОНИМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА) ¹**

Ирина Валерьевна Ерофеева

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Валерий Дмитриевич Соловьев

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Венера Рустамовна Байрашева

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аннотация. Объектом изучения стал недавно созданный тезаурус RuWordNet, который отражает иерархические отношения в лексике (прежде всего синонимические) и состоит из совокупности синсетов. Исследование нацелено на верификацию данных, зафиксированных в RuWordNet, с точки зрения их соответствия реальному представлению носителей языка о синонимических, гипонимических и прочих системных отношениях в лексике. В статье применен метод сопоставительного анализа: сравнению подверглись данные словарей синонимов русского языка, тезауруса RuWordNet и опроса студентов двух разных направлений специализации – филологического и нефилологического. В результате психосемантического эксперимента уточнены когнитивный, семантический, стилистический, количественный критерии распределения лексических единиц по синсетам. С помощью квантитативного метода определена частотность фиксации в сознании синонимов к слову-стимулу. Показано, что наиболее адекватный принцип, реализуемый в речемыслительной деятельности при выявлении синонимических рядов, – прагматический, предполагающий возможность взаимозамены близких по значению слов в различных контекстах. Даны рекомендации по систематизации лингвистической информации в тезаурусе RuWordNet, которые направлены на усовершенствование принципов построения синсетов.

Ключевые слова: RuWordNet, синоним, синсет, психосемантический эксперимент, лексикография.

Цитирование. Ерофеева И. В., Соловьев В. Д., Байрашева В. Р. Психосемантический эксперимент как инструмент объективации данных о синонимии (на материале русского языка) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 178–194. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.15>

Введение

В современном языкознании сохраняются сложности в установлении синонимичности слов. Поэтому, «принимая во внимание принципы господствующей ныне антропоцентрической парадигмы, в качестве такой системы отсчета целесообразно избрать речевую деятельность языковой личности» [Ольховская, 2017, с. 97]. В основе синонимии лежат принципы категоризации явлений внеязыковой действительности, их объединения в сознании носителей языка на основании общности денотата или сигнификата. Отличия в категоризации внеязыковой действительности наиболее отчетливо отражаются в лексико-семантической системе языка [Ерофеева, Gimatova, Sergeeva, 2018, с. 54]. При этом ученые говорят о возможности как коллективной категоризации, при которой выделяются более существенные и общие признаки того или иного понятия, так и индивидуальной категоризации, при которой выделяются признаки, объединенные в сознании отдельной личности [Лебедева, 2002, с. 18]. С этим связано несоответствие синонимических рядов в

словарях синонимов и сознании отдельных индивидов.

Наличие близкочастных слов является естественным фактом любого языка, и необходимость их лексикографической фиксации возникла давно в связи с причинами как теоретического, так и практического характера. С теоретических позиций взгляды на синонимии различаются, как и принципы представления синонимов в многочисленных словарях.

В качестве базы для исследования были использованы примеры из существующих на сегодняшний день словарей синонимов русского языка (см. список источников и словарей), данные недавно созданного тезауруса RuWordNet, отражающего системные отношения в лексике русского языка, и данные опроса студентов. Цель работы состояла в сопоставлении принципов кластеризации информации в классических словарях синонимов русского языка, тезаурусе RuWordNet и ментальном лексиконе студентов филологических и нефилологических специальностей. Среди респондентов нефилологических специальностей – студенты физики, математики, экономисты и экологи, для которых одним из базовых предметов как при

вступительных испытаниях, так и в обучении является математика.

Тезаурусы представляют собой разновидность словарей, в которых отражаются особые формы кластеризации лексики по семантическому признаку. В них лексемы зафиксированы в составе синонимических групп, получивших название *синсет* (англ. *synset*). В лингвистическом отношении такие группы состоят из квазисинонимов, связанных не только отношениями синонимии, но и паронимии, антонимии, гипонимии, гиперонимии и т. п. Проект WordNet впервые возник в США в 1980-е гг., и в нем отразились более сложные отношения между лексическими единицами языка, чем в словарях [Коптев, 2014; McEnery, Hardie, 2011].

Материал и методы исследования

В исследовании были использованы лингвистические и психолингвистические методы. Психосемантика, изучая формы существования значения в человеческом сознании, рассматривает картину мира как осознаваемые и неосознаваемые пласты ментальности [Петренко, 2009, с. 58]. При этом картина мира представляет собой структурированную совокупность отношений к воспринимаемым сознанием объектам [Артемьева, 1999, с. 21]. Использование сопоставительного метода позволило сравнить специфику систематизации лингвистической информации в RuWordNet и синонимических словарях русского языка, что дало возможность сравнить принципы построения словарных статей (синсетов) в них. В процессе исследования применялся психолингвистический эксперимент как важнейший способ верификации созданной лингвистами модели [Леонтьев, 1997, с. 129; Нистратов, Тарасов, 2017]. Поскольку эмпирическое исследование языка строится на анализе его живого функционирования и характера отражения в сознании индивида, данный эксперимент был нацелен на выявление синонимических отношений в языковом сознании с учетом степени близости лексем, их стилистической окраски, иерархических отношений. Семантико-когнитивный метод использовался для уточнения семантического содержания ряда лексических единиц с точ-

ки зрения отображения в них свойств реальной действительности.

Важным аспектом разграничения синонимов является их различие по денотату и сигнификату. В случае синонимии по сигнификату полностью или частично совпадают понятия, обозначаемые языковыми знаками. Следовательно, существенным оказывается учет дифференциальных признаков понятий, которые в зависимости от контекстуальных условий могут способствовать сближению соответствующих номинаций и их синонимизации [Гутнер]. Вопрос о принципах отнесенности слова к тому или иному синонимическому ряду остается открытым.

При этом синонимические ряды квалифицируются как полевая структура, ряды с нечеткими границами, отличающиеся неполнотой и незавершенностью [Дударева, 2011]. Это положение подтверждается данными словарей, ассоциативного эксперимента и материалами RuWordNet. Синонимы входят в ассоциативно-вербальную сеть носителей языка, в которой они находятся в различных отношениях как между собой, так и с другими элементами системы [Janda, Solovyev, 2009]. В этих отношениях участвуют гипонимы, гиперонимы, антонимы, омонимы, паронимы и т. д. Границы между ними не всегда четко определены.

Различие целей и источников выборки материала обуславливает и различие в способах систематизации изучаемых явлений. Так, «классические» словари синонимов русского языка ориентируются на литературные источники, художественные произведения. RuWordNet, состоящий из совокупности синсетов (набора синонимов), построен по иерархическому принципу и отражает прежде всего такие отношения, как гипоним – гипероним (родовидовые отношения), мероним – холоним (отношения часть – целое) и др. Тезаурус типа WordNet строился на базе РуТез путем деления единиц на группы синонимов по частям речи [Порождение тезауруса..., 2016, с. 93].

При попытках систематизировать данные явления неизбежен определенный субъективизм. Вопрос в том, какую цель преследует каждый из лингвистов, фиксирующих синонимические лексемы в словаре или тезаурусе.

В проведенном нами психолингвистическом эксперименте классифицируются те парадигматические связи, которые возникают в сознании участников в ответ на слово-стимул. В ходе эксперимента двум группам студентов – филологических и нефилологических специальностей (физикам, математикам, экономистам и экологам) было предложено подобрать синонимы к исходному слову без ограничения по количеству. В процессе его проведения возникли и некоторые погрешности, связанные с близостью психосемантического эксперимента к ассоциативному, поскольку опрашиваемые привели не только синонимы, но и ассоциации к представленному слову. Вербальные ассоциации, возникающие в сознании, тесно связаны со значениями, а совокупность множества ассоциативных реакций в эксперименте отражает множество стратегий вербального ассоциирования, которые имеют индивидуальные характер.

Если языковые единицы соотнесены с языковой системой и языковой нормой, то при проведении эксперимента мы имеем дело с психолингвистическими единицами, которые соотнесены с речевой деятельностью и отражают в сознании психофизиологическую речевую организацию личности.

Результаты эксперимента были сопоставлены с данными RuWordNet с целью уточнения объективности способов параметризации отдельных лексических единиц. В частности, для анализа выбраны лексемы, служащие для номинации чувств, мыслительной деятельности, взаимоотношений между людьми, то есть единицы, обладающие широким смысловым объемом и вступающие в большие синонимические ряды.

Поскольку синонимический ряд – это полевая структура, в ней выделяются ядро и периферия. При этом ядро, как правило, совпадает во всех трех множествах: словарях синонимов, RuWordNet и лексиконе студентов.

Результаты и обсуждение

Перейдем к сопоставительному рассмотрению представления синонимии в этих трех источниках.

1. К словам отвлеченной семантики, обозначающим умственную деятельность чело-

века, относится слово *мечта*. Данная лексема имеет в русском языке многокомпонентный синонимический ряд. Приведем примеры наиболее развернутых рядов синонимов к этой единице в словарях синонимов.

Так, среди рассмотренных лексикографических источников особо выделяется «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» Н. Абрамова, в котором дается наиболее полный синонимический ряд лексемы *мечта*, состоящий из 19 компонентов: **Мечта** – *мечтание, бредни, грёза, дума, видение, привидение, иллюзия, призрак, причуда, самообман, самообольщение, утопия, фантазия, химера, воздушный замок, игра воображения, сон, бред, несбыточное желание, идеал, надежда, цель* (Абрамов, с. 181).

В «Большом синонимическом словаре русского языка» А.Ю. Кожевникова синонимический ряд лексемы *мечта* состоит из 7 компонентов: **Мечта** – *грёза, мечтание, воздушные замки, химера* (книжн.), *цель, желание, идея* (Кожевников, т. 1, с. 345).

В других словарях количество синонимов к данной лексеме не превышает четырех единиц. Так, в «Словаре синонимов русского языка» под ред. Л.Г. Бабенко: **Мечта** – *грёза, иллюзия, мечтание, фантазия* (Словарь синонимов, с. 83).

В RuWordNet к синсету *мечта* относятся *грёза, мечтания, фантазия* (см. рис. 1). Сравнивая полученные данные, приходим к выводу, что выделенные как синонимы в этом тезаурусе слова отражаются в словарях синонимов по-разному: слово *грёза* отмечается в 6 из 9 рассмотренных словарей, *мечтания* – в 5, а *фантазия* – в 3. Более подробно картина распределения синонимических лексем к исходному *мечта*, как и другим проанализированным единицам, представлена в таблицах, размещенных на сайте <https://kpfu.ru/kompleksnyj-analiz-struktury-i-soderzhaniya-366287.html>.

Для уточнения и верификации представленных в двух сопоставляемых источниках данных был проведен психосемантический эксперимент, в котором участвовали 199 студентов (114 студентов филологических специальностей и 85 студентов нефилологических специальностей). Результа-

МЕЧТА существительное
Мечта <i>мечта</i>
Синсет
1 ГРЕЗА, МЕЧТА, МЕЧТАНИЕ, ФАНТАЗИЯ [Понятие Рунета: мечта]
однокоренные слова
1 МЕЧТАТЬСЯ, МЕЧТАНИЕ, МЕЧТАТЬ
гипероним
1 МЫСЛИШКА, МЫСЛЬ [Понятие Рунета: мысль (то, что явилось в результате размышления)]
2 ВЛЕЧЕНИЕ, ВНУТРЕННИЙ ЗОВ, ЖЕЛАНИЕ, ЗОВ ДУШИ, ЗОВ СЕРДЦА, НАСТРОЕННОСТЬ, ОХОТА, СТРЕМЛЕНИЕ, УСТРЕМЛЕННОСТЬ, ХОТЕНИЕ [Понятие Рунета: стремление, желание]
домен
1 ВНУТРЕННЕЕ ОЩУЩЕНИЕ, ДВИЖЕНИЕ ДУШИ, ДУШЕВНОЕ ПЕРЕЖИВАНИЕ, ОЩУЩЕНИЕ, ПЕРЕЖИВАНИЕ, ЧУВСТВО, ЭМОЦИЯ [Понятие Рунета: чувство, эмоция]
гипоним
1 НЕСБЫТОЧНАЯ МЕЧТА, НЕСБЫТОЧНАЯ УТОПИЯ, УТОПИЗМ, УТОПИЯ, ФАНТАСТИЧЕСКАЯ МЕЧТА [Понятие Рунета: утопия, несбыточная мечта]

Рис. 1. Синсет *мечта* в RuWordNetFig. 1. Synset *dream* in RuWordNet

ты эксперимента отражены в таблицах 1 и 2 соответственно.

Итак, *фантазия* находится на 3-м месте у филологов (23,7 %), на 4-м – нефилологов (11,8 %). Лексема *грёза(ы)* у студентов филологических специальностей отмечена на 4-й позиции (16,7 %), у нефилологов – на 6-й (8,2 %); *мечтание* – на 16-й у филологов (2,6 %) и у 12-й нефилологов (4,7 %).

На 1-м и 2-м местах у студентов обоих направлений оказались лексемы *желание* и *цель*. В RuWordNet лексема *желание* представлена среди гиперонимов, то есть слов, выражающих более общее значение, нежели *мечта* (наряду с *влечение*, *желание*, *хотение* и др.), а слово *цель* не зафиксировано.

Наиболее частотным из синонимов по данным психосемантического эксперимента (более 50 %) является слово *желание* – 50,9 % (58 филологов) и 55,3 % (47 нефилоло-

гов). Следующая по частотности лексема – *цель* – отмечена у 45,6 % (52 филолога) и 47 % (40 нефилологов). В словарях синонимов слово *цель* как синоним слова *мечта* отмечено лишь дважды.

При сопоставлении толкований слов *мечта*, *желание* и *цель* обнаруживается совпадение в сигнификативной сфере этих лексем. Например, *мечта*: 1. Нечто, созданное воображением, мысленно представляемое. 2. Предмет желаний, стремлений (Ожегов, Шведова); и одно значение слова *желание*: Влечение, стремление к осуществлению чего-н., обладанию чем-н. (Ожегов, Шведова). В отвлеченном втором значении *цель* означает «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» (Ожегов, Шведова). Следовательно, слова *желание* и *цель* являются синонимами слова *мечта* во втором значении с которым их объединяют такие компоненты,

Таблица 1. Результат психосемантического эксперимента со словом *мечта* среди филологовTable 1. The result of a psychosemantic experiment with the word *dream* among philologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Желание</i>	58	<i>Воображение</i>	8	<i>План</i>	4
<i>Цель</i>	52	<i>Иллюзия</i>	7	<i>Мираж</i>	4
<i>Фантазия</i>	27	<i>Идеал</i>	7	<i>Утопия</i>	3
<i>Грезы</i>	19	<i>Хотение</i>	5	<i>Мечтание</i>	3
<i>Стремление</i>	14	<i>Сон</i>	5	<i>Видение</i>	1
<i>Надежда</i>	11	<i>Идея</i>	5	<i>Дума</i>	1

Таблица 2. Результат психосемантического эксперимента со словом *мечта* среди нефилологовTable 2. The result of a psychosemantic experiment with the word *dream* among nephilologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Желание</i>	47	<i>Грезы</i>	7	<i>Видение</i>	4
<i>Цель</i>	40	<i>Воображение</i>	5	<i>Мечтание</i>	4
<i>Стремление</i>	10	<i>Дума</i>	5	<i>Вера</i>	3
<i>Фантазия</i>	10	<i>Сон</i>	5	<i>Утопия</i>	1
<i>Надежда</i>	8	<i>Иллюзия</i>	5	–	–

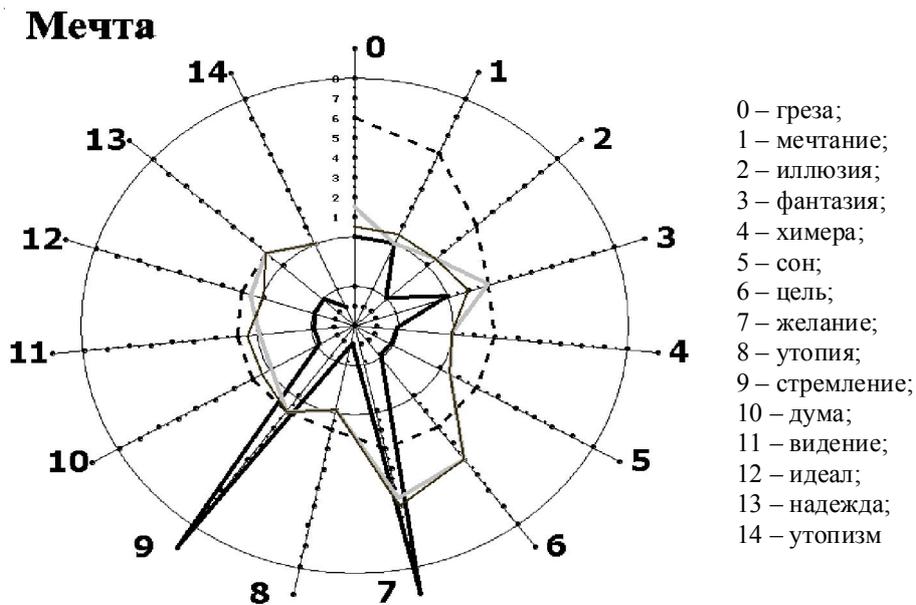
как ‘желательность’, ‘стремление’, ‘влечение’, отражающие направленность на достижение результата.

Некоторые социально-психологические особенности, обусловленные профессиональной ориентированностью получаемого образования участников эксперимента, отразились на количественных данных результатов эксперимента. Исследователи коммуникативной личности филолога отмечают такие ее черты, как выразительность, образность, эмоциональность. «Образность речи филолога в значительной степени является результатом работы с художественным текстом» [Лазуренко, Саломатина, Стернин, 2007, с. 30]. Так, у филологов на 3-м месте располагается лексема *фантазия*, а у нефилологов на этой позиции находится лексема *стремление*, и, наоборот, у филологов *стремление* – на 5-й, а у нефилологов *фантазия* – на 4-й. Более образное мышление филологов, чтение и изучение художественной литературы, формирующие их языковые личности, отражаются на результатах эксперимента: для них *мечта* ассоциируется с фантазией и грезами, то есть чем-то нереальным, эфемерным. Нефилологи более прагматичны, и у них 3-ю позицию занимает лексема *стремление*, в се-

мантике которой заложено представление о конкретных результатах. В RuWordNet слово *стремление* относится к гиперонимам лексемы *мечта*, как и слово *желание*. Меньшее упоминание студентами слов *грёза* и *мечтание* может быть связано с их книжной окраской и редким употреблением в повседневной речи.

Схематично соотношение полученных данных представлено на рисунке 2. Окружности на схеме обозначают следующее: внешняя – максимальное число упоминаний в словарях (8); внутренняя – минимальное число упоминаний в словарях и упоминание в RuWordNet; самая маленькая – отсутствие упоминания в RuWordNet. Вне самого большого круга – гиперонимы в RuWordNet. Внутри самого маленького круга – гипонимы в RuWordNet.

Как видно на рисунке 2, гипо-гиперонимические связи недостаточно четко отражаются в сознании носителей языка применительно к отвлеченным понятиям. Однако создатели тезауруса все же эти связи фиксируют и такие лексемы, как *стремление* и *желание*, попадают за границы круга, то есть являются словами с более широким значением, гиперонимами. При этом «авторы тезауруса подчер-

Рис. 2. Соотношение данных по слову *мечта*Fig. 2. Data ratio according to the word *dream*

Примечание. На рисунке использованы следующие графические обозначения, отражающие соотношения данных по каждой группе источников: пунктирная линия – словарные данные, черная толстая линия – RuWordNet, серая линия – результаты опроса студентов-филологов, черная тонкая линия – результаты опроса студентов-нефилологов.

квивают, что на практике различие между синонимией и гипонимией не всегда очевидно» [Лукашевич, 2011, с. 53].

Итак, в словарях и тезаурусе актуализируются такие синонимы рассматриваемого слова, которые указывают на несбыточность, эфемерность, иллюзорность, то есть коррелируют с первым значением слова *мечта* – «нечто, созданное воображением, мысленно представляемое», а результаты опроса студентов демонстрируют большую конкретность в восприятии данного понятия – то, что реально осуществимо (ср. со вторым значением слова *мечта* – «предмет желаний, стремлений»).

Одним из основных принципов объединения слов в синонимические ряды становится возможность взаимозамены в разных контекстах: «Понятие синонимии, используемое разработчиками WordNet, базируется на критерии, что два выражения являются синонимичными, если замена одного из них на другое в предложении не меняет значения истинности этого высказывания» [Лукашевич, 2011, с. 53]. Если учесть данный принцип выделения синонимов, провозглашаемый со-

ставителями ресурса, то в наиболее распространенных контекстах со словом *мечта* типа *У меня есть мечта купить машину* или *У меня есть мечта получить высшее образование* замена возможна именно на синонимы, предложенные студентами, то есть слова *желание* или *цель*.

Итак, оба значения лексемы *мечта* семантически связаны между собой, что отражается в их фиксации в одной словарной статье толковых словарей, однако синонимы к каждому из значений различны, что и определяет различия в словарях синонимов, RuWordNet и результатах эксперимента. В процессе коллективной категоризации на первый план выходят прагматические аспекты, так как именно они более актуальны в речевой деятельности. Разделение на два синсета, различающихся по идеографическому признаку, позволило бы уточнить приведенные в тезаурусе данные. В существующем синсете слова *фантазия*, *грёзы*, *мечтания*, входят в один ряд с ключевым словом *мечта*, а сочетания *несбыточная мечта* и *утопия* относятся к гипонимам, хотя семантически они очень близки.

2. Лексемой отвлеченной семантики, связанной с репрезентацией умственной деятельности человека, является *воображение*.

В RuWordNet это слово представлено двумя синсетам, хотя в словарях синонимов оно отмечается в одной словарной статье. В RuWordNet *Воображение 1* в значении «выдумка, вымысел» имеет развернутый синонимический ряд: *байка, басня, воображение, выдумка, вымысел, измышление, миф, небылица, придумка, рассказы, сказка, сочинительство, фантазия* (рис. 3). Второй синсет – *Воображение 2* в значении «ментальная способность» имеет один синоним *фантазия* (см. рис. 4). При сопоставлении данных из RuWordNet и словарей синонимов обнаруживается, что наиболее распространенным синонимом к слову *воображение* является лексема *фантазия*, которая отмечается в 5 из 8 словарей (слово *воображение* в них представлено как ключевое), менее

частотные синонимы – *домысел* (в 3 словарях) и *выдумка* (в 2 словарях).

В обоих синсетах синонимом к слову *воображение* выступает *фантазия*. Сопоставление словарных данных с результатами психосемантического эксперимента обнаруживает совпадение мнения разработчиков RuWordNet, составителей словарей и реальных психологических ассоциаций. При опросе слово *фантазия* было отмечено на первом месте с большим отрывом от других синонимов: 61 % – у филологов, 66 % – у нефилологов.

В толковых словарях выделяется два значения слова *воображение*: 1. Способность воображать, творчески мыслить, фантазировать; мысленное представление. 2. Домысел, плод фантазии (разг.) (Ожегов, Шведова). Семантически ассоциированы со вторым значением слова *воображение* такие лексемы, как *домысел* – «ничем не подтвержденная догад-

ВООБРАЖЕНИЕ существительное	
Найдено несколько значений: <i>Воображение 1 (выдумка, вымысел)</i> <i>Воображение 2 (воображение (ментальная способность))</i>	
Воображение 1 <i>выдумка, вымысел</i>	
Синсет	
1 БАЙКА, БАСНЯ, ВООБРАЖЕНИЕ , ВYДУМКА, ВYМЫСЕЛ, ИЗМЫШЛЕНИЕ, МИФ, НЕБЫЛИЦА, ПРИДУМКА, РОССКАЗНИ, СКАЗКА, СОЧИНИТЕЛЬСТВО, ФАНТАЗИЯ [Понятие РуТез: выдумка, вымысел]	
гипероним	
1 ВРАНЬЕ, ЛЖИВОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЛЖИВОСТЬ, ЛОЖНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЛОЖНОСТЬ, ЛОЖЬ, НЕПРАВДА, ОБМАНЧИВОСТЬ [Понятие РуТез: ложь, неправда]	
гипоним	
1 ДОМЫСЕЛ, ИНСИНУАЦИЯ [Понятие РуТез: домьсел]	
2 ЛЕГЕНДА, ЛЕГЕНДА РАЗВЕДЧИКА [Понятие РуТез: легенда разведчика]	
частеречная синонимия	
1 МИФИЧЕСКИЙ [Понятие РуТез: выдумка, вымысел]	

Рис. 3. Синсет *воображение 1* в RuWordNet

Fig. 3. Synset *imagination 1* in RuWordNet

Воображение 2 <small>воображение (ментальная способность)</small>
Синсет
1 ВООБРАЖЕНИЕ , ФАНТАЗИЯ [Понятие Рунета: воображение (ментальная способность)]
однокоренные слова
1 ВООБРАЖАТЬ, ВООБРАЖАТЬСЯ, ВООБРАЗИТЬ
гипероним
1 МЕНТАЛЬНАЯ СПОСОБНОСТЬ [Понятие Рунета: ментальная способность]
домен
1 БИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА , БИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БИОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФИЛЬ, БИОЛОГИЯ, ОБЩАЯ БИОЛОГИЯ [Понятие Рунета: биология]

Рис. 4. Синсет *воображение 2* в RuWordNetFig. 4. Synset *imagination 2* in RuWordNet

ка, предположение» (Ожегов, Шведова), *выдумка* – «ложь, то, что выдуманно» (Ожегов, Шведова), *вымысел* – «то, что создано воображением, фантазией» (Ожегов, Шведова).

В ответах филологов *домысел* отмечается в 4,4 % случаях, нефилологов – 2,4 %. В RuWordNet эта лексема представлена как гипоним слова *воображение*. Однокоренное слово *вымысел* приводят как синоним слова *воображение* 9,6 % филологов и 4,7 % нефилологов.

Наиболее развернутый синонимический ряд в лексикографических источниках представлен в «Словаре синонимов русского языка» под редакцией Л.Г. Бабенко, причем ключевой лексемой в нем является не *воображение*, а *выдумка*: **Выдумка** – *воображение, вымысел, домysel, измышление, легенда, небыль, фантазия, книжн. фантом, разг. басня, разг. небывальщина, разг. небылица, разг. придумка, разг. рассказы, разг. сказка, разг. фантасмагория* (Словарь синонимов, с. 165).

В других словарях приводятся единичные синонимы: **Воображение** – *фантазия* (Абрамов, с. 57).

В RuWordNet в синсете *Воображение 1* первую позицию занимает слово *байка*, отсутствующее в словарях синонимов и опросе нефилологов и лишь один раз отмечен-

ное у филологов. В соответствии с данными толковых словарей слово *байка* во втором (конкретном) значении имеет разговорную окраску: «Побасенка, выдумка, басня (разг.)» (Ожегов, Шведова). Вторым синонимом в рассматриваемом синсете является слово *басня*, первое значение которого – «стихотворный жанр», второе (конкретизированное, более широкое) – «вымысел, выдумка» (Ожегов, Шведова). В этом же синсете в качестве синонима представлено слово *сказка*, зафиксированное и в словаре под ред. Л.Г. Бабенко (Словарь синонимов). Первое его значение – «жанр народно-поэтического творчества», второе (более широкое, стилистически маркированное) – «выдумка, ложь (разг.)» (Ожегов, Шведова). В эксперименте слово *сказка* дважды фиксируется у нефилологов. К этой же группе примыкают и синонимы *рассказы, сочинительство, миф*, основное значение которых связано, скорее, с литературоведческой терминологией (ср. со словами *байка, басня, сказка* в первом значении), в то время как слово *воображение* имеет отвлеченную семантику и более широкий смысл. Поэтому в результатах эксперимента данные лексемы практически не получили отражения.

В синсете *Воображение 1* отмечается также синоним *измышление*, одно из его значений – «вымысел, выдумка» (Ожегов, Шве-

дова). Оно фиксируется только в словаре синонимов Л.Г. Бабенко (Словарь синонимов). Данная лексема относится к малоупотребительным, что подтверждается ее отсутствием в результатах опроса. В ответах филологов и нефилологов отмечается слово *мышление*, а приставочное образование *измышление* не фиксируется. Оно изначально обладало приметами высокого стиля – префиксом *из-* и суффиксом *-(е)ние* – и имело ограниченное употребление, поэтому включение его в ряд рассматриваемого синсета представляется неудачным.

На наш взгляд, не совсем удачно представлены и гиперонимы к слову *воображение* в синсете 1: *вранье, лживость, ложность, ложь, неправда, обманчивость* (рис. 5). Подобные эквиваленты в словарях синонимов не фиксируются. Основное значение слов данного ряда с ключевым *ложь* – «намеренное искажение истины, неправда, обман» (Ожегов, Шведова).

Синонимы к слову *воображение* лишены негативной коннотации, в них отражается представление о соотношении мысленного

образа с реальностью, в то время как ряд гиперонимов указывает на целенаправленное искажение истины, обман.

По результатам психосемантического эксперимента вторую позицию после синонима *фантазия* занимает синоним *представление*, отмеченный практически в одинаковом количестве случаев – 18,4 % у филологов и 17,6 % у нефилологов (в RuWordNet и словарях синонимов данное слово отсутствует), на 3-м месте находится слово *выдумка* – 9,6 % филологов и 14,1 % у нефилологов. В таком же количестве случаев филологи отметили и слово *вымысел*, у нефилологов оно находится на 5-м месте (4,7 %). Далее последовательность синонимов различается у двух групп опрашиваемых.

У представителей разных специальностей формируется так называемый «профессиональный образ мира», в котором по-особому структурируется семантическая информация, то есть социальные и профессиональные факторы накладывают отпечаток на восприятие и систематизацию представлений в сознании носителей языка. Поэтому у фило-

Рис. 5. Соотношение данных по слову *воображение*

Fig. 5. Data ratio according to the word *imagination*

Примечание. На рисунке использованы следующие графические обозначения, отражающие соотношения данных по каждой группе источников: пунктирная линия – словарные данные, черная толстая линия – RuWordNet, серая линия – результаты опроса студентов-филологов, черная тонкая линия – результаты опроса студентов-нефилологов.

логов с более развитым творческим воображением и креативностью мышления на 4-й и 5-й позициях оказались лексемы *вымысел* и *мечта*, на 6-й – *иллюзия*, на 7-й – *мысль*, далее – *видение*, *грёзы*, *творчество*, *мечтательность*, *креативность*, *причуда* и т. д. (табл. 3).

У нефилологов, имеющих, по-видимому, более развитое левое полушарие, отвечающее за аналитическое мышление, математические способности, на 4-й позиции – *видение*, на 5-й – *предположение*, на 6-й – *причуда*, далее – *небылица*, *грёзы*, *сказка*, *придумка*, *домысел*, *мечтательность*, *мышление* и т. д. (табл. 4).

На рисунке 5 наглядно представлено соотношение данных по лексеме *воображение*.

3. Слово *месть* характеризует взаимоотношения людей. В ее репрезентации в RuWordNet и словарях синонимов русского языка наблюдается совпадение: *месть* входит в один синсет с лексемами *мищение*, *отместка*, *отмищение* (см. рис. 6), как синонимы *месть* и *отмищение* фиксируются в 6 из 8 рассмотренных словарей, *отместка* – в 5 из 8 словарей. Такое распределение, связанное с близостью семантики данных единиц,

обуславливается в том числе тем, что они имеют общий корень.

Однако результаты психосемантического эксперимента при рассмотрении синонимов лексемы *месть* не совпадают с данными лексикографических источников: по итогам опроса у филологов синонимы *мищение* и *отместка* находятся на 11–12-й позициях, а *отмищение* – на 16-й; у нефилологов *отмищение* на 5-й, *отместка* – на 10-й, *мищение* – на 12-й позиции. Это свидетельствует о сохранении определенной стилистической маркированности лексем *мищение* и *отмищение*, обусловленной их словообразовательным показателем – суффиксом *-(е)ни(е)*, приметой высокого стиля. Слово *отместка*, напротив, является разговорным. Следовательно, в синсете представлены стилистически маркированные синонимы.

Студенты единодушно на первую позицию поставили слово *расплата* (26,3 % филологов, 31,8 % нефилологов). Данный синоним отмечается в единственном из рассмотренных словарей синонимов – словаре Н. Абрамова, впервые изданном еще в 1915 году. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (Ожегов, Шведова) значение «кара, возмез-

Таблица 3. Результат психосемантического эксперимента со словом *воображение* среди филологов

Table 3. The result of a psychosemantic experiment with the word *imagination* among philologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Фантазия</i>	70	<i>Домысел</i>	5	<i>Причуда</i>	2
<i>Представление</i>	21	<i>Видение</i>	5	<i>Находчивость</i>	2
<i>Выдумка</i>	11	<i>Предположение</i>	4	<i>Мечтание</i>	2
<i>Вымысел</i>	11	<i>Грёзы</i>	4	<i>Мечты</i>	2
<i>Мечта</i>	11	<i>Творчество</i>	3	<i>Мышление</i>	2
<i>Иллюзия</i>	9	<i>Мечтательность</i>	3	<i>Мыслительность</i>	1
<i>Мысль</i>	9	<i>Креативность</i>	3	<i>Замысел</i>	1

Таблица 4. Результат психосемантического эксперимента со словом *воображение* среди нефилологов

Table 4. The result of a psychosemantic experiment with the word *imagination* among nephilologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Фантазия</i>	56	<i>Причуда</i>	3	<i>Мечтательность</i>	2
<i>Представление</i>	15	<i>Небылица</i>	2	<i>Мышление</i>	2
<i>Выдумка</i>	12	<i>Грёза</i>	2	<i>Соображение</i>	1
<i>Видение</i>	7	<i>Сказка</i>	2	<i>Творчество</i>	1
<i>Предположение</i>	4	<i>Придумка</i>	2	<i>Описание</i>	1
<i>Вымысел</i>	4	<i>Домысел</i>	2	–	–

Месть <small>мстить</small>	
Синсет	
1	МЕСТЬ, МЩЕНИЕ, ОКО ЗА ОКО, ОТМЕСТКА, ОТМЩЕНИЕ [Понятие РуТез: мстить]
гипероним	
1	ВОЗДАЯНИЕ, ОТПЛАТА [Понятие РуТез: отплатить, воздать]
2	ВОЗМЕЗДИЕ, КАРА, КАРАЮЩИЙ МЕЧ, МЕЧ ВОЗМЕЗДИЯ [Понятие РуТез: возмездие]
гипоним	
1	МОЧИЛОВКА, РАСПРАВА [Понятие РуТез: расправа (насилие)]
2	ВЕНДЕТТА, КРОВНАЯ ВРАЖДА, КРОВНАЯ МЕСТЬ [Понятие РуТез: кровная месть]
частеречная синонимия	
1	МСТИТЬ, ОТОМСТИТЬ, ПОКВИТАТЬСЯ, РАСКВИТАТЬСЯ [Понятие РуТез: мстить]

Рис. 6. Синсет *мечь* в RuWordNetFig. 6. Synset *revenge* in RuWordNet

дие (высок.)» для слова *расплата* является переносным (Ожегов, Шведова). По данным эксперимента, на 2-й позиции находится *возмездие* (20,2 % филологов и 27,0 % нефилологов) (гипероним в RuWordNet), на 3-м месте – *наказание* (11,4 % филологов и 23,5 % нефилологов), на 4-м – *злость* (11,4 % филологов и 13 % нефилологов). *Расплата* и *наказание* в RuWordNet не отмечены.

Наиболее развернутый ряд синонимов в лексикографических источниках представлен в словаре Н. Абрамова, причем с отсылкой к слову *воздаяние*: **Мечь** – *вендетта*. См.: *воздаяние*: *Воздаяние, вознаграждение, возмещение, возмездие, кара, мечь, награда, отместка, мздовоздаяние, плата, отплата, расплата, отдача, удовлетворение* (Абрамов, с. 53).

В других словарях представлены следующие ряды: **Мечь** – *вендетта, мщение, отместка* (разг.), *отмщение* (книжн.), *отплата* (Кожевников, т. 1, с. 344).

Мечь – *вендетта, мщение, отплата, отмщение* (книжн.), *отместка* (разг.) (Словарь синонимов, с. 105).

Мечь – мщение, отмщение, отместка (Словарь синонимов русского языка, т. 1, с. 235).

Из примеров видно, что в большинстве словарей на 1-й позиции стоит слово *вендетта*, хотя оно является заимствованием из итальянского языка и обозначает «жестокая месть». В RuWordNet *вендетта, кровная вражда, кровная мечь* относятся к гипонимам лексемы *мечь*, что представляется оправданным.

В RuWordNet в качестве гипонима слова *мечь* отмечено также слово *расправа*, значение которого – «насилие над кем-н. с целью отомстить; жестокое наказание» (Ожегов, Шведова) – характеризуется большей акциональностью семантики, чем слово *расплата*.

Далее результаты эксперимента показывают различия синонимических рядов, построенных филологами и нефилологами: первые приводят слова *обида, отплата, ненависть, кара, реванш, злоба* (см. табл. 5), вторые – *гнев, обида, кара, реванш* и т. д. (см. табл. 6).

Рисунок 7 иллюстрирует соотношение данных по слову *мечь*.

Таблица 5. Результат психосемантического эксперимента со словом *месть* среди филологов

Table 5. The result of a psychosemantic experiment with the word *revenge* among nephilologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Расплата</i>	30	<i>Ревани</i>	8	<i>Гнев</i>	4
<i>Возмездие</i>	23	<i>Злоба</i>	6	<i>Зло</i>	4
<i>Наказание</i>	13	<i>Отместка</i>	5	<i>Пакость</i>	3
<i>Злость</i>	13	<i>Мщение</i>	5	<i>Вендетта</i>	3
<i>Обида</i>	13	<i>Отдача</i>	5	<i>Ярость</i>	3
<i>Отплата</i>	11	<i>Вражда</i>	5	<i>Злопамятство</i>	2
<i>Ненависть</i>	9	<i>Расправа</i>	4	<i>Издевательство</i>	2
<i>Кара</i>	8	<i>Отмщение</i>	4	–	–

Таблица 6. Результат психосемантического эксперимента со словом *месть* среди нефилологов

Table 6. The result of a psychosemantic experiment with the word *revenge* among nephilologists

Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний	Синоним	Количество упоминаний
<i>Расплата</i>	27	<i>Гнев</i>	7	<i>Расправа</i>	4
<i>Возмездие</i>	23	<i>Обида</i>	7	<i>Мщение</i>	2
<i>Наказание</i>	20	<i>Кара</i>	6	<i>Воздаяние</i>	2
<i>Злость</i>	11	<i>Ревани</i>	6	<i>Унижение</i>	2
<i>Отмщение</i>	9	<i>Отместка</i>	6	–	–

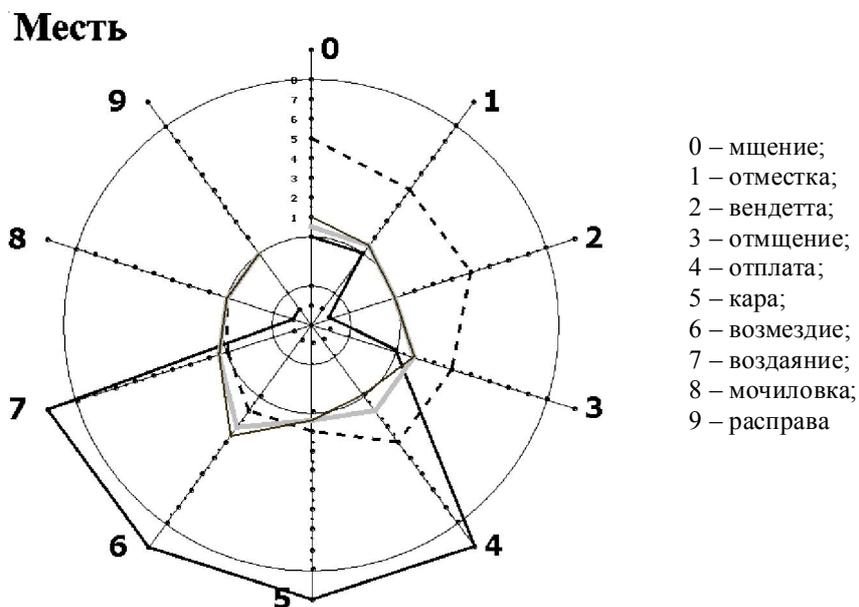

Рис. 7. Соотношение данных по слову *месть*

Fig. 7. Data ratio according to the word *revenge*

Примечание. На рисунке использованы следующие графические обозначения, отражающие соотношения данных по каждой группе источников: пунктирная линия – словарные данные, черная толстая линия – RuWordNet, серая линия – результаты опроса студентов-филологов, черная тонкая линия – результаты опроса студентов-нефилологов.

Заключение

Сопоставительный анализ трех источников (словарей синонимов русского языка, тезауруса RuWordNet и материала, полученного в ходе психосемантического эксперимента среди студентов) позволил выявить совпадения и отличия в рамках отдельных синонимических рядов. Результаты психосемантического эксперимента существенно уточняют характер синонимических отношений между языковыми единицами. Как известно, составители RuWordNet опирались в основном на тексты публицистического стиля, словарей – литературные источники, в то время как в ответах студентов отразилась реальная речевая стихия. В RuWordNet значительное количество представленных лексем носит выраженный разговорный характер, что соответствует общей тенденции стилистического снижения языковых единиц в средствах массовой информации, газетах и журналах. Сопоставление трех синсетов в RuWordNet с данными других лексикографических источников и результатами эксперимента позволило прийти к следующим выводам:

- 1) количественный и качественный состав синонимических рядов в этих источниках различен и обусловлен комплексом лингвистических и экстралингвистических факторов;
- 2) деление на синсеты не всегда объективно: так, в один синсет объединены два разных значения слова *мечта*, хотя целесообразнее было бы разделить их на два синсета; выделение двух синсетов для слова *воображение* не подтверждается данными эксперимента;
- 3) иерархическая организация – основной принцип построения корпуса RuWordNet – не всегда отражает реальную языковую ситуацию (например, *ложь* не является гиперонимом к слову *воображение*);
- 4) в синсетах не даются пометы стилистического характера, поэтому единицы рядов синонимов, гипонимов и гиперонимов могут восприниматься пользователями как стилистически однородные, однако это противоречит языковой реальности.

Предпринятое исследование имеет целью верификацию данных, отраженных в RuWordNet, с точки зрения их соответствия реальному представлению носителей языка о

синонимических, гипонимических и других системных отношениях в лексике. Тезаурусы, построенные по тематическому принципу, имеют задачу не только облегчения подбора синонимов, но и констатации иерархических отношений между группами синонимов – синсетами. Данные психосемантического эксперимента могут быть учтены при внесении поправок в создаваемые и существующие синсеты RuWordNet, так как эта система является открытой и может подвергаться корректировке.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (грант № 18-00-01238) и Правительственной программы повышения конкурентоспособности Казанского федерального университета (государственное задание № 2.8303.2017/8.9).

The reported study was funded by RFBR, grant no. 18-00-01238, and the Government program for improving the competitiveness of Kazan Federal University, state task no. 2.8303.2017/8.9.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьева Е. Ю., 1999. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. М. : Наука : Смысл. 349 с.
- Гутнер Г. Б. Синонимия // Гуманитарная энциклопедия: Концепты. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7061> (дата обращения: 29.05.2019).
- Дударева Я. А., 2011. Особенности семантической структуры слов с диффузным значением (на материале ассоциативного эксперимента со словами-синонимами русского языка) // Вестник Томского государственного университета. № 351. С. 19–21.
- Копотев М., 2014. Введение в корпусную лингвистику. Прага : Animedia Company. 230 с.
- Лазуренко Е. Ю., Саломатина М. С., Стернин И. А., 2007. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж : Истоки. 194 с.
- Лебедева С. В., 2002. Синонимы или проксонимы? Курск : Изд-во Кур. гос. пед. ун-та. 201 с.
- Леонтьев А. А., 1997. Основы психолингвистики. М. : Смысл. 287 с.
- Лукашевич Н. В., 2011. Тезаурусы в задачах информационного поиска. М. : Изд-во МГУ. 512 с.
- Нистратов А. А., Тарасов Е. Ф., 2017. Психосемантический эксперимент как инструмент анализа смысла и значения слова // Вопросы психолингвистики. № 2. С. 124–134.

- Ольховская А. И., 2017. Проблема синонимии в аспекте идеографического описания лексики // Русский язык в поликультурном мире: I Международный симпозиум (8–12 июня 2017 г., г. Ялта) : сб. науч. ст. : 2 т. / отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь : АРИАЛ. Т. 2. С. 96–102.
- Петренко В. Ф., 2009. Многомерное сознание – психосемантическая парадигма. М. : Новый хронограф. 440 с.
- Порождение тезауруса типа WordNet для русского языка, 2016 / Н. В. Лукашевич, Г. Лашевич, А. А. Герасимова, В. В. Иванов, Б. В. Добров // Пятнадцатая национальная конференция по искусственному интеллекту с международным участием КИИ-2016 (3–7 октября 2016 г., г. Смоленск) : тр. конф. : в 3 т. Смоленск : [б. и.]. Т. 2. С. 89–97.
- Erofeeva I. V., Gimatova L. I., Sergeeva E. V., 2018. Modeling of the Lexico-Semantic Field «Intellect» in the Russian Translation of Herman Hesse's Novel Steppenwolf // Modern Journal of Language Teaching Methods. Vol. 8, iss. 9. P. 54–59.
- Janda L. A., Solovyev V. D., 2009. What Constructional Profiles Reveal About Synonymy: A Case Study of Russian Words for SADNESS and HAPPINESS // Cognitive Linguistics. Vol. 20, iss. 2. P. 367–393.
- McEney T., Hardie A., 2011. Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice. Cambridge : Cambridge University Press. 292 p.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

- Абрамов – Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. М. : Русские словари, 1999. 433 с.
- Кожевников – Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка: речевые эквиваленты: практический справочник : в 2 т. СПб. : Нева, 2003. Т. 1. 437 с. ; Т. 2. 476 с.
- Ожегов, Шведова – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый онлайн-словарь русского языка. 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov> (дата обращения: 29.05.2019)
- Словарь синонимов – Словарь синонимов русского языка / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М. : Астрель : АСТ, 2011. 688 с.
- Словарь синонимов русского языка – Словарь синонимов русского языка / Л. П. Алекторова, Л. А. Введенская, В. И. Зимин, О. М. Ким, Н. П. Колесников, В. Н. Шанский. М. : Астрель, 2002. 336 с.
- Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка / под ред. Л. А. Чешко. М. : Сов. энцикл., 1969. 600 с.
- Горбачевич К. С. Краткий словарь синонимов русского языка. М. : Астрель, 2003. 605 с.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. ; Вена : Яз. слав. культуры, 2004. 1488 с.
- Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М. : Астрель, 2003. Т. 1. 680 с. ; Т. 2. 856 с.
- Тезаурус русского языка RuWordNet. URL: <https://ruwordnet.ru/tu> (дата обращения 27.06.2019)

REFERENCES

- Artemyeva E. Yu., 1999. *Osnovy psikhologii subyektivnoy semantiki* [Fundamentals of the Psychology of Subjective Semantics]. Moscow, Nauka Publ., Smysl Publ. 349 p.
- Gutner G.B. Sinonimiya [Synonymy]. *Gumanitarnaya entsiklopediya: Kontsepty* [Humanitarian Encyclopedia: Concepts]. URL: <https://gmarket.ru/concepts/7061> (accessed 29 May 2019).
- Dudareva Ya. A., 2011. Osobennosti semanticheskoy struktury slov s diffuznym znacheniem (na materiale assotsiativnogo eksperimenta so slovami-sinonimami russkogo yazyka) [Semantic Structure of Words with Diffusive Meanings (Based on an Associative Experiment with Synonyms of the Russian Language)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], no. 351, pp. 19–21.
- Kopotev M., 2014. *Vvedenie v korpusnuyu lingvistiku* [Introduction to Corpus Linguistics]. Praga, Animedia Company. 230 p.
- Lazurenko E. Yu., Salomatina M.S., Sternin I.A., 2007. *Professionalnaya kommunikativnaya lichnost* [Professional Communicative Personality]. Voronezh, Istoki Publ. 194 p.
- Lebedeva S.V., 2002. *Sinonimy ili proksonimy?* [Synonyms or Proxy Names?] Kursk, Izd-vo Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 201 p.
- Leontyev A.A., 1997. *Osnovy psikholingvistiki* [Fundamentals of Psycholinguistics]. Moscow, Smysl Publ. 287 p.
- Lukashevich N.V., 2011. *Tezaurusy v zadachakh informatsionnogo poiska* [Thesauruses in Information Retrieval Tasks]. Moscow, Izd-vo MGU. 512 p.
- Nistratov A.A., Tarasov E.F., 2017. Psikhosemanticheskiy eksperiment kak instrument analiza smysla i znacheniya slova [Psychosemantic Experiment as a Tool for Analyzing the Meaning and Meaning of a Word]. *Voprosy*

- psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 2, pp. 124-134.
- Olkhovskaya A.I., 2017. Problema sinonimii v aspekte ideograficheskogo opisaniya leksiki [The Problem of Synonymy in the Aspect of Ideographic Description of the Vocabulary]. Titarenko E.Ya., ed. *Russkiy yazyk v polikulturnom mire: I Mezhdunarodnyy simpozium (8–12 iyunya 2017 g., g. Yalta): sb. nauch. st.: v 2 t.* [Russian Language in the Multicultural World. 1st International Symposium (June 8–12, 2017, Yalta). Collection of Scientific Articles. In 2 Vols.]. Simferopol, ARIAL, vol. 2, pp. 96-102.
- Petrenko V.F., 2009. *Mnogomernoe soznanie – psikhosemanticheskaya paradigma* [Multidimensional Consciousness Psychosemantic Paradigm]. Moscow, Novyy khronograf Publ. 440 p.
- Lukashevich N.V., Lashevich G., Gerasimova A.A., Ivanov V.V., Dobrov B.V., 2016. Porozhdenie tezaurusa tipa WordNet dlya russkogo yazyka [Generating Russian WordNet]. *Pyatnadsataya natsionalnaya konferentsiya po iskusstvennomu intellektu s mezhdunarodnym uchastiem KII-2016 (3–7 oktyabrya 2016 g., g. Smolensk): trudy konferentsii: 3 t.* [Fifteenth National Conference on Artificial Intelligence with International Participation CAI-2016 (October 3–7, 2016, Smolensk, Russia). Proceedings of the Conference: 3 Vols.]. Smolensk, vol. 2, pp. 89-97.
- Erofeeva I.V., Gimatova L.I., Sergeeva E.V., 2018. Modeling of the Lexico-Semantic Field “Intellect” in the Russian Translation of Herman Hesse’s Novel *Steppenwolf*. *Modern Journal of Language Teaching Methods*, vol. 8, iss. 9, pp. 55-59.
- Janda L.A., Solovyev V.D., 2009. What Constructional Profiles Reveal About Synonymy: A Case Study of Russian Words for SADNESS and HAPPINESS. *Cognitive Linguistics*, vol. 20, iss. 2, pp. 367-393.
- McEnergy T., Hardie A., 2011. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge University Press. 292 p.
- SOURCES AND DICTIONARIES**
- Abramov N. *Slovar russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy* [Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1999. 433 p.
- Kozhevnikov A.Yu. *Bolshoy sinonimicheskii slovar russkogo yazyka: rechevye ekvivalenty: prakticheskiy spravochnik: v 2 t.* [Large Synonymic Dictionary of the Russian Language: Speech Equivalents. Practical Reference. In 2 Vols.] Saint Petersburg, Neva Publ., 2003, vol. 1. 437 p., vol. 2, 476 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. *Tolkovyy onlayn-slovar russkogo yazyka* [Explanatory Online Dictionary of the Russian Language], 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/> (accessed 29 May 2019).
- Babenco L.G., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2011. 688 p.
- Alektorova L.P., Vvedenskaya L.A., Zimin V.I., Kim O.M., Kolesnikov N.P., Shanskiy V.N., eds. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2002. 336 p.
- Aleksandrova Z.E. *Slovar sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 600 p.
- Gorbachevich K.S. *Kratkiy slovar sinonimov russkogo yazyka* [Brief Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. Moscow, Astrel Publ., 2003. 605 p.
- Apresyan Yu.D., ed. *Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka* [New Explanatory Dictionary of Russian Synonyms]. Moscow, Vena, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2004. 1488 p.
- Evgenyeva M., ed. *Slovar sinonimov russkogo yazyka: v 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. In 2 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., 2003, vol. 1, 680 p., vol. 2, 856 p.
- Thesaurus of Russian Language RuWordNet*. URL: <https://ruwordnet.ru/ru> (accessed 27 June 2019).

Information About the Authors

Irina V. Erofeeva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language and Methods of Teaching, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Valery D. Solovyev, Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Chief Researcher, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, maki.solovyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4692-2564>

Venera R. Bajrasheva, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Department of Theoretical Cybernetics, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, vbayrasheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1728-034X>

Информация об авторах

Ирина Валерьевна Ерофеева, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, erofeeva89@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6702-9129>

Валерий Дмитриевич Соловьев, доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, maki.solovyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4692-2564>

Венера Рустамовна Байрашева, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической кибернетики, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, vbayrasheva@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1728-034X>

Журнал «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научного сообщества с новыми исследованиями отечественных и зарубежных авторов, связанными с приоритетными лингвистическими направлениями, что способствует развитию современного гуманитарного знания и международного научного взаимодействия, а также созданию творческой дискуссионной площадки для реализации комплексного подхода в решении проблем языкознания на основе соединения традиций российской университетской и академической филологической науки с достижениями современной лингвистики.

Редакционная политика журнала направлена на распространение достижений российской и мировой лингвистики, опирающихся на современную научную методологию и широкий круг лингвистических источников, чему способствует:

– обеспечение доступности опубликованных статей независимо от географического положения и языковой принадлежности их авторов и читателей: развитие журнала по типу научного издания «открытого доступа» (Open Access), расширение присутствия журнала в международных базах данных и открытых электронных ресурсах, публикация статей на английском языке, увеличение объема аннотации (Abstract) и дублирование списка литературы в латинском алфавите (References);

– поддержание высоких стандартов публикаций благодаря их экспертной оценке и профессиональной редакционно-издательской обработке;

– публикация научно-теоретических, научно-практических и экспериментальных работ по актуальным проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительному изучению языков, теории языка, научных дискуссий по проблемам приоритетных направлений лингвистики, междисциплинарных исследований.

Уважаемые читатели!

Подписка на I полугодие 2020 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2020 года 934 руб. 94 коп.
Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics is published to introduce high priority linguistic topics and current innovative results of Russian and foreign researchers to scientific community, which contributes to developing humanitarian issues and international science communications, enhancing debates and discussions, offering solutions on linguistic issues based on Russian scholarly and academic traditions in Philology combined with modern advances in Linguistics.

Editorial policy of the journal is intended to promote Russian and world achievements in Linguistics that are gained with relevance to modern research methods and broad scale of linguistic sources.

It is facilitated with:

- ensuring accessibility to the published articles irrespective of the geographic location or language of authors and readers;
- introducing an open access journal policy;
- extending inclusion of the journal into international data bases and open digital resources;
- publishing articles in English and German, duplicating References in Latin, enlarging Abstracts;
- maintaining high publishing standards due to expertise, professional editorial and technological processes;
- publishing scholarly and theoretical, scholarly and practical works and experimental results in current issues on functional linguistics of the Russian and other languages, intercultural communication, comparative language studies, linguistic theory, handling scientific discussions on prioritized trends in linguistics, cross-disciplinary studies.

Dear readers!

Subscription for the 1st half of 2020 is carried out through
“The United Catalog. Russian Press. Newspapers and Journals”. Vol. 1.
The subscription index is 20986.

The cost of subscription for the 1st half of 2020 is 934.94 rubles.
Distribution of the journal is carried out through the address system.

**УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ
В ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВолГУ.
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцента оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS OF PUBLICATION
IN *SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY. LINGUISTICS*

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").
